

Въ бумагахъ О. М. Достоевскаго остался слѣдующій, въ высшей степени любопытный автографъ:

«*Академіческій моментъ, но безъ срока.*

-1) Напиши самъ русскимъ Кандидъ

-2) Напиши самъ книгу о Гоголѣ своимъ

-3) Напиши самъ свою воспоминаніе о

-4) Напиши самъ романъ «Братья Карамазовы».

Мы (мы это хотимъ посвятить вамъ) просимъ
и прошу писателя Просвѣти Федорова, такъ же какъ

на 10 саженъ отъ него же, «что можно будетъ

Какъ видно изъ этого «шемпенона на всю жизнь», О. М. Достоевскій предполагалъ 1) написать русского Кандида, 2) Написать книгу о Иисусѣ Христѣ, 3) Написать свой воспоминаніи, 4) Написать поэму Сороковны. Запись датирована 24-го декабря 1877 года. Судя по припискѣ, О. М. Достоевскій предполагалъ, что задуманной работы, кроме «послѣдняго романа» и издания дневника, хватитъ штотицъ на 10 лѣтъ дѣятельности, «а мнѣ теперь 56 лѣтъ», заканчиваетъ О. М. Достоевскій. Какъ известно, онъ скончался три года спустя (28-го января 1881 г.), не успѣвъ осуществить ни одного изъ своихъ замысловъ, но закончить однако «послѣдній романъ» — «Братья Карамазовы», въ который, можетъ быть, вошли нѣкоторыя мысли, долженствовавши составить основную идею намѣченной книги о Христѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

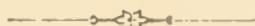
Θ. М. Достоевскаго.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Бѣсы.

Романъ въ трехъ частяхъ.

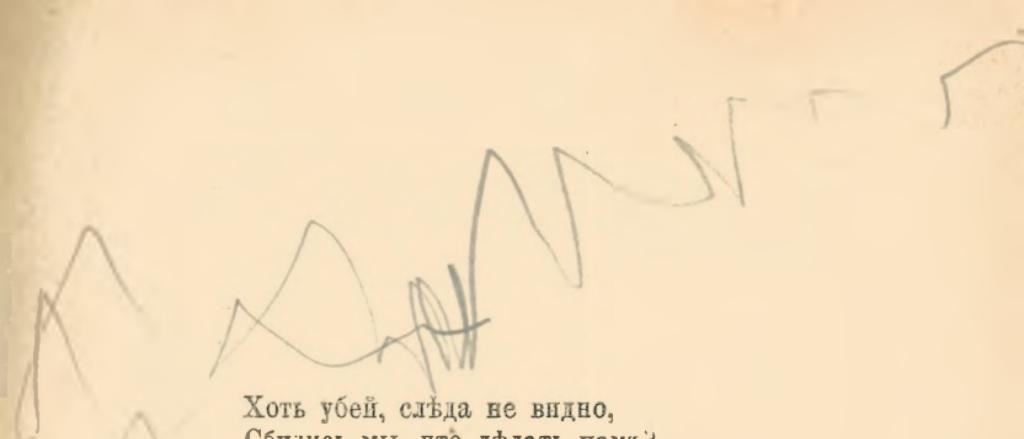
Бесплатное приложение къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

198278

Дозволено цензурою. СПБ. 29 ноября 1894 г.

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно
Да кружитъ по сторонамъ.

Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поютъ?
Домового-лихъ хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

А. Пушкинъ.

Тутъ ва горѣ паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и рассказали въ городѣ и по деревнямъ. И вышли жители смотрѣть случившееся; и пришедши къ Иисусу, нашли человѣка, изъ которого вышли бѣсы, сидѣщаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здравомъ умѣ; и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.

Евангеліе отъ Луки. Гл. VIII, 32—37.

БЪСЫ. *)

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробнѣстей изъ биографіи многочтимаго Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій, произошедшихъ въ нашемъ, доселъ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣлости моему, начать нѣсколько издалека, а именно пѣкоторыми биографическими подробнѣстями о талантливомъ и многочтимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробнѣсти послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія, которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между пами нѣкоторую особую и, такъ сказать, гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти, — такъ даже, что, миѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобы ужъ я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе, что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки или, лучше сказать, безпрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, напримѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе „гонимаго“ и, такъ сказать, „ссыльнаго“. Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классической блескъ, соблазнившій его разъ навсегда, и, возвышая его потомъ посте-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ журнале „Русскій Вѣстникъ“ 1871—1872 г.

пенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довелъ его, наконецъ, до нѣкотораго весьма высокаго и пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гулливеръ, возвратясь изъ страны лиллипутовъ, гдѣ люди были всего въ какіе-нибудь два вершка росту, до того пріучился считать себя между ними великаномъ, что и ходя по улицамъ Лондона невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ, чтобъ они предъ нимъ сворачивали и осторегались, чтобъ онъ какъ-нибудь ихъ не раздавилъ, воображая, что онъ все еще великантъ, а они маленькие. За это смѣялись надъ нимъ и брали его, а грубые ку-чера даже стегали великана кнутьями: но справедливо ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка? Привычка привела почти къ тому же и Степана Трофимовича, но еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, если можно такъ выразиться, потому что прекраснѣйший былъ человѣкъ.

Л даже такъ думаю, что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; по уже никакъ вѣдь нельзя сказать, что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно, что и онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія и, одно время, — впрочемъ, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду съ именами Чаадаева, Бѣлинскаго, Грановскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена. Но дѣятельность Степана Трофимовича окончилась почти въ ту же минуту какъ и началась, — такъ сказать, отъ „вихря“ сошедшихся „обстоятельствъ“. И чѣ же? Не только „вихрь“, но даже и „обстоятельствъ“ совсѣмъ потомъ не оказалось, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Я только теперь, на-дняхъ, узналъ, къ величайшему моему удивленію, по зато уже въ совершенной достовѣрности, что Степанъ Трофимовичъ проживалъ между нами, въ нашей губерніи, не только не въ ссылкѣ, какъ принято было у насъ думать, но даже и подъ присмотромъ никогда не находился. Какова же послѣ этого сила собственнаго воображенія! Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь, что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его безпрерывно известны и сочтены, и что каждый изъ трехъ смѣнившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, вѣзжая править губерніей, уже привозилъ съ собою нѣ-

которую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше и прежде всего, при сдачѣ губерніи. Увѣрь кто-нибудь тогда честнѣйшаго Степана Трофимовича неопровергими доказательствами, что ему вовсе нечего опасаться, и онъ бы непремѣнно обидѣлся. А между тѣмъ это былъ вѣдь человѣкъ умнѣйший и даровитѣйший, человѣкъ, такъ сказать, даже науки, хотя, впрочемъ, въ наукѣ... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и, кажется, совсѣмъ ничего. Но вѣдь съ людьми науки у насъ на Руси это сплошь да рядомъ случается.

Онъ воротился изъ-за границы и блеснулъ въ видѣ лектора на каѳедрѣ университета уже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Успѣль же прочесть всего только нѣсколько лекцій, и, кажется, объ аравитянахъ; успѣль тоже защитить блестящую диссертацию о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзейскомъ значеніи пѣмѣцкаго города Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особыхъ и неясныхъ причинахъ, почему значение это вовсе не состоялось. Диссертациѣ эта ловко и болѣво уколола тогдашнихъ славянофиловъ и разомъ доставила ему между ними многочисленныхъ и разъяренныхъ враговъ. Потомъ,— впрочемъ, уже послѣ потери каѳедры,—онъ успѣль напечатать (такъ сказать въ видѣ отмѣтки и чтобы указать кого они потеряли) въ ежемѣсячномъ и прогрессивномъ журнalu, переводившемъ изъ Диккенса и проповѣдывавшемъ Жоржъ-Занда, начало одного глубочайшаго изслѣдованія,— кажется, о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль. Говорили потомъ, что продолженіе изслѣдованія было поспѣшино запрещено и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину. Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе, что ничего не было и что авторъ самъ полѣнился докончить изслѣдованіе. Прекратилъ же онъ свои лекціи объ аравитянахъ потому, что перехвачено было какъ-то и кѣмъ-то (очевидно, изъ ретроградныхъ враговъ его) письмо къ кому-то съ изложеніемъ какихъ-то „обстоятельствъ“, вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій. Не знаю, вѣрно-ли, но утверждали еще, что въ Петербургѣ было отыскано въ то же самое

время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человѣкъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданіе. Говорили, что будто бы они собирались переводить самого Фурье. Какъ нарочно въ то же самое время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимовича, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ Берлинѣ, въ самой первой его молодости, и ходившая по рукамъ, въ спискахъ, между двумя любителями и у одного студента. Эта поэма лежитъ теперь и у меня въ столѣ; я получилъ ее не далѣе, какъ прошлаго года, въ собственноручномъ, весьма недавнемъ спискѣ, отъ самого Степана Трофимовича, съ его надписью и въ великолѣпномъ красномъ сафьянномъ переплѣтѣ. Впрочемъ, она не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта, странная, но тогда (то-есть вѣрище въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто писались. Рассказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо, по правдѣ, ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія, въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силъ, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чемъ-то очень неопределенномъ, большей частию о чьемъ-то проклятии, но съ оттѣнкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ перемѣняется и наступаетъ какой-то „Праздникъ жизни“, на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими сакраментальными словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чемъ-то одинъ минераль,—то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ безпрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопределенно бранятся, но опять-таки съ оттѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ, сцена опять перемѣняется и является дикое мѣсто, а между утесами бродить одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: зачѣмъ онъ сосетъ эти травы? отвѣтствуетъ, что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ, но что главное желаніе его — поскорѣе потерять умъ (желаніе, можетъ-быть, и излишнее). Затѣмъ вдругъ вѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и заnimъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ.

дуть. И, наконецъ, уже въ самой послѣдней спенѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее, наконецъ, достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ, хоть Олимпа, убѣгаеть въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ полнымъ проникновенiemъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я въ прошломъ году предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенною ея, въ наше время, певинностью, но опѣ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствиемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписываю тому некоторую холодность его со мной, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца. И что же? Вдругъ, и почти тогда же, какъ я предлагалъ напечатать поэму здѣсь,— печатаютъ нашу поэму тамъ, то-есть за границей, въ одномъ изъ революціонныхъ сборниковъ, и совершенно безъ вѣдома Степана Трофимовича. Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяцъ; но я убѣжденъ, что въ таинственныхъ изгибахъ своего сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленного ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хоть ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же онъ и со мной примирился, что и свидѣтельствуетъ о чрезвычайной добротѣ его тихаго и незлопамятнаго сердца.

II.

Я вѣдь не утверждаю, что онъ совсѣмъ никаколько не пострадалъ, я лишь убѣдился теперь вполнѣ, что онъ могъ бы продолжать о своихъ аравитянахъ сколько ему угодно, давъ только нужныя объясненія. Но онъ только съамбіціозничалъ и съ особеною поспѣшностью распорядилсяувѣрить себя разъ навсегда, что карьера его разбита на всю его жизнь „вихремъ обстоятельствъ“. А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемѣны карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся де-

ликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генераль-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственного сына, въ качествѣ высшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время, когда онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его была одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на которой онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей молодости и, кажется, вынесъ съ этой, привлекательною, впрочемъ, особой много горя, за недостаткомъ средствъ къ ея содержанію и, сверхъ того, по другимъ, отчасти уже деликатнымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ съ нимъ послѣдніе три года въ разлуцѣ и оставивъ ему пятилѣтняго сына, „плодъ первой, радостной и еще неомраченной любви“, какъ вырвалось разъ при мысль у грустившаго Степана Трофимовича. Штенца еще съ самаго начала переслали въ Россію, гдѣ онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-то отдаленныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глухи. Степанъ Трофимовичъ отклонилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны и быстро женился опять, даже раньше году, на одной неразговорчивой берлинской нѣмочкѣ и, главное, безъ всякой особенной надобности. Но кромѣ этой, оказались и другія причины отказа отъ мыста воспитателя: его облазняла гремѣвшая въ то время слава одного незабвенного профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на каѳедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи, которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоценностью, такъ сказать, классическою дружбою къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе „бросился въ объятія“, но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чѣмъ-нибудь лишнемъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая

связь соединила эти два столь замѣчательных существа навѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому, что и имѣннице, оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича,—очень маленькое, приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великоколѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогиныхъ въ нашей губерніи. Къ тому же всегда возможно было, въ тиши кабинета и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но зато оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ сказать, „воплощенной укоризной“ предъ отчизной, по выражению народнаго поэта:

Воплощенной укоризною

Ты стоялъ передъ отчизною,
Лiberаль-идеалистъ.

Но то лицо, о которомъ выразился народный поэтъ, можетъ-быть, и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, если бы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеніи,—надо отдать справедливость,—тѣмъ болѣе, что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садился за карты. Весь видъ его говорилъ: „Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто-жъ отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!“ и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за что, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе, что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь, что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (то-есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ-называемую между нами „гражданскую скорбь“, то-

есть просто въ хандру, но словечко это нравилось много-уважаемой Варварѣ Петровнѣ. Впослѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ тривіальныхъ наклонностей. Да онъ и нуждался въ нянѣкѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби онъ вдругъ зачиналь смѣяться самымъ простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты, что даже о самомъ себѣ начиналь выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна, какъ юмористического смысла. Это была женщина-классикъ, женщина-меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображеній. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо бы поговорить особенно, что я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя; оба друга одинъ другого почти съѣсть хотятъ, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ разстаться не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раскапризившійся и разорвавшій связь другъ первый же заболѣть и, пожалуй, умретъ, если это случится. Я положительно знаю, что Степанъ Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда послѣ самыхъ интимныхъ изліяній глазъ-на-глазъ съ Варварой Петровной, по уходѣ ея, вдругъ вскачивалъ съ дивана и начиналь колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже, что однажды отбилъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ-быть, спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!). Но вотъ что случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: назавтра онъ уже готовъ былъ распять самого себя за неблагодарность; поспѣшило призываю меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единственно, чтобы возвѣстить мнѣ, что Варвара Петровна „ангель чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное“. Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ, и

признавался ей, за своею полною подписью, что не далъе, какъ, напримѣръ, вчера, онъ разсказывалъ постороннему лицу, что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхѣ, чтобы онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи; что вслѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшился погибнуть насильственномъ смертью; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшить, и проч., и проч., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого, до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ таковыхъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполненню. Я ужаснулся и умолялъ не посыпать письма.

— Нельзя... честиѣ... долгъ... я умру, если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣталъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ-таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними, что Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, онъ писать любилъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ пею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное, что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и, прочитавъ, складывала въ особый ящичекъ, помѣченный и разсортированный; кромѣ того, слагала ихъ въ сердцѣ своемъ. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особенного не случилось. Мало-по-малу она такъ его вымуштровала, что онъ уже и самъ не смѣлъ напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужъ скоро и, ободренный ея же спокойствиемъ, нерѣдко въ тотъ же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ, должно-быть, ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ полгода, въ какую-нибудь особую минуту, печально вспомнивъ какое-нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всѣми обстоятельствами, онъ

вдругъ сгоралъ отъ стыда и до того, бывало, мучился, что заболѣвалъ своими припадками холерины. Эта особенные съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаихъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своемъ родѣ курьезъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его ненавидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самаго конца, того, что сталъ, наконецъ, для нея сыномъ, ея созданіемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держитъ и содержитъ его вовсе не изъ одной только „затѣсти къ его талантамъ“. И какъ, должно-быть, она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди безпрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать два года, не спала бы цѣлыхъ ночей отъ заботы, если бы дѣло коснулось до его репутаціи поэта, ученаго, гражданскаго дѣятеля. Она его выдумала, и въ свою же выдумку сама же первая и увѣровала. Онъ былъ нѣчто въ родѣ какой-то ея мечты... Но она требовала отъ него за это дѣйствительно многаго, иногда даже рабства. Злонамята же была до невѣроятности. Кстати ужъ разскажу два анекдота.

IV.

Однажды, еще при первыхъ слухахъ обѣ освобожденій крестьянъ, когда вся Россія вдругъ взликовала и готовилась вся возродиться, посѣтилъ Варвару Петровну одинъ проѣзжій петербургскій баронъ, человѣкъ съ самыми высокими связями и стоявшій весьма близко у дѣла. Варвара Петровна чрезвычайно цѣнила подобныя посѣщенія, потому что связи ея въ обществѣ высшемъ, по смерти ея супруга, все болѣе и болѣе ослабѣвали, подъ конецъ и совсѣмъ прекратились. Баронъ просидѣлъ у нея часъ и кушалъ чай. Никого другихъ не было, но Степана Трофимовича Варвара Петровна пригласила и выставила. Баронъ о немъ кое-что даже слышалъ и прежде, или сдѣлалъ видъ, что слышалъ, но за чаемъ мало къ нему обращался. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ въ грязь себя ударить не могъ, да и манеры его были самая изящная. Хотя происхожденія онъ былъ, кажется, не высокаго, но случилось такъ, что воспитанъ былъ съ самого малолѣт-

ства въ одномъ знатномъ домѣ въ Москвѣ и, стало-быть, прилично; по-французски говорилъ какъ парижанинъ. Такимъ образомъ, баронъ съ первого взгляда долженъ былъ понять, какими людьми Варвара Петровна окружаетъ себя, хотя бы и въ губернскомъ уединеніи. Вышло, однако, не такъ. Когда баронъ подтвердилъ положительно совершенную достовѣрность только что разнесшихся тогда первыхъ слуховъ о великой реформѣ, Степанъ Трофимовичъ вдругъ не вытерпѣлъ и крикнулъ *ура!* и даже сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ. Крикнулъ онъ не громко и даже изящно; даже, можетъ-быть, восторгъ былъ преднамѣренный, а жестъ нарочно заученъ предъ зеркаломъ, за полчаса предъ чаемъ; но, должно-быть, у него что-нибудь тутъ не вышло, такъ что баронъ позволилъ себѣ чуть-чуть улыбнуться, хотя тотчасъ же необыкновенно вѣжливо ввернуль фразу о всеобщемъ и надлежащемъ умиленіи всѣхъ русскихъ сердецъ въ виду великаго событія. Затѣмъ скоро уѣхалъ и, уѣзжая, не забылъ простились и Степану Трофимовичу два пальца. Возвратясь въ гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то какъ бы отыскивая на столѣ; но вдругъ обернулась къ Степану Трофимовичу, и, блѣдная, со сверкающими глазами, процѣдила шопотомъ:

— Я вамъ этого никогда не забуду!

На другой день она встрѣтилась со своимъ другомъ какъ ни въ чемъ не бывало, о случившемся никогда не поминала. Но триадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и такъ же точно поблѣднѣла, какъ и триадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала. Только два раза во всю свою жизнь сказала она ему: „я вамъ этого никогда не забуду!“ Случай съ барономъ былъ уже второй случай; но и первый случай, въ свою очередь, такъ характеренъ и, кажется, такъ много означалъ въ судьбѣ Степана Трофимовича, что я рѣшаюсь и о немъ упомянуть.

Это было въ пятьдесятъ пятомъ году, весной, въ маѣ мѣсяцѣ, именно послѣ того, какъ въ Скворешникахъ получилось извѣстіе о кончинѣ генерал-лейтенанта Ставрогина, старца легкомысленнаго, скончавшагося отъ разстройства въ желудкѣ, по дорогѣ въ Крымъ, куда онъ спѣшилъ по назначенію въ дѣйствующую армію. Варвара Петровна осталась вдовой и облеклась въ полный трауръ. Правда, не могла она горевать очень много; ибо въ по-

слѣдніе четыре года жила съ мужемъ въ совершенной разлукѣ, по несходству характеровъ, и производила ему пенсионъ. (У самого генераль-лейтенанта было всего только полтораста душъ и жалованье, кромѣ того, знатность и связи; а все богатство и Скворешники принадлежали Варварѣ Петровнѣ, единственной дочери одного очень богатаго откупщика). Тѣмъ не менѣе, она была потрясена неожиданностью извѣстія и удалилась въ полное уединеніе. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ находился при ней безотлучно.

Май былъ въполномъ расцвѣтѣ; вечера стояли удивительные. Зацвѣла черемуха. Оба друга сходились каждый вечеръ въ саду и просиживали до ночи въ бесѣдкѣ, изливая другъ предъ другомъ свои чувства и мысли. Минуты бывали поэтическія. Варвара Петровна подъ впечатлѣніемъ перемѣны въ судьбѣ своей говорила больше обыкновеннаго. Она какъ бы льнула къ сердцу своего друга, и такъ продолжалось иѣсколько вечеровъ. Одна странная мысль вдругъ остынила Степана Трофимовича: „не разсчитываетъ-ли неутѣшная вдова на него и не ждетъ-ли, въ концѣ траурнаго года, предложенія съ его стороны?“ Мысль циническая; но вѣдь возвышенность организаціи даже иногда способствуетъ наклонности къ циническимъ мыслямъ, уже по одной только многосторонности развитія. Онъ сталъ вникать и нашелъ, что походило на то. Онъ задумался: „Состояніе огромное, правда, но...“ Дѣйствительно, Варвара Петровна не совсѣмъ походила на красавицу: это была высокая, желтая, костлявая женщина, съ чрезмѣрно длиннымъ лицомъ, напоминавшимъ что-то лошадиное. Все болѣе и болѣе колебался Степанъ Трофимовичъ, мучился сомнѣніями, даже всплакнулъ раза два отъ нерѣшимости (плакалъ онъ довольно часто). По вечерамъ же, то-есть въ бесѣдкѣ, лицо его какъ-то невольно стало выражать нѣчто капризное и насмѣшилivoе, нѣчто кокетливое и въ то же время высокомѣрное. Это какъ-то нечаянно, невольно дѣлается, и даже чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ оно и замѣтнѣе. Богъ знаетъ, какъ тутъ судить, но вѣроятнѣе, что ничего и не начиналось въ сердцѣ Варвары Петровны такого, что могло бы оправдать вполнѣ подозрѣнія Степана Трофимовича. Да и не промѣняла бы она своего имени Ставрогиной на его имя, хотя бы и столь славное. Можеть-быть, была всего только одна лишь женственная игра съ ея стороны, проявленіе безсо-

знательной женской потребности, столь натуральной въ иныхъ чрезвычайныхъ женскихъ случаяхъ. Впрочемъ, не поручусь, неизслѣдима глубина женскаго сердца даже и до сегодня! Но продолжаю.

Надо думать, что она скоро про себя разгадала странное выраженіе лица своего друга; она была чутка и пріглядчива, онъ же слишкомъ иногда невиненъ. Но вечера шли попрежнему, и разговоры были такъ же поэтичны и интересны. И вотъ, однажды, съ наступленіемъ ночи, послѣ самаго оживленнаго и поэтическаго разговора, они дружески разстались, горячо пожавъ другъ другу руки у крыльца флигеля, въ которомъ квартировалъ Степанъ Трофимовичъ. Каждое лѣто онъ перебирался въ этотъ флигелекъ, стоявшій почти въ саду, изъ огромнаго барскаго дома Скворешниковъ. Только что онъ вошелъ къ себѣ и, въ хлопотливомъ раздумьи, взялъ сигару и еще не успѣвъ ее закурить, остановился, усталый, неподвижно предъ раскрытымъ окномъ, пріглядываясь къ легкимъ какъ пухъ бѣлымъ облачкамъ, скользившимъ вокругъ яснаго мѣсяца, какъ вдругъ легкій шорохъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Предъ нимъ опять стояла Варвара Петровна, которую онъ оставилъ всего только четыре минуты назадъ. Желтое лицо ея почти посинѣло, губы были скаты и вздрагивали по краямъ. Секундъ десять полныхъ смотрѣла она ему въ глаза молча, твердымъ, неумолимымъ взглядомъ, и вдругъ прошептала скороговоркой:

— Я никогда вамъ этого не забуду!

Когда Степанъ Трофимовичъ, уже десять лѣть спустя, передавалъ мнѣ эту грустную повѣсть, шепотомъ, зашивъ сначала двери, то клялся мнѣ, что онъ до того осталъ-бенѣль тогда на мѣстѣ, что не слышалъ и не видѣлъ, какъ Варвара Петровна исчезла. Такъ какъ она никогда ни разу потомъ не памекала ему на происшествіе, и все пошло какъ ни въ чемъ не бывало, то онъ всю жизнь наклоненъ былъ къ мысли, что все это была одна галлюцинація предъ болѣзнью, тѣмъ болѣе, что въ ту же ночь онъ и вправду заболѣлъ на дѣлыхъ двѣ недѣли, что, кстати, прекратило и свиданія въ бесѣдкѣ.

Но несмотря на мечту о галлюцинаціи, онъ каждый день, всю свою жизнь, какъ бы ждалъ продолженія и, такъ сказать, развязки этого событія. Онъ не вѣрилъ, что оно такъ и кончилось! А если такъ, то странно же онъ долженъ быть иногда поглядывать на своего друга.

V.

Она сама сочинила ему даже костюмъ, въ которомъ онъ и проходилъ всю свою жизнь. Костюмъ былъ изященъ и характеренъ: длиннополый, черный сюртукъ, почти до верху застегнутый, но щегольски сидѣвшій; мягкая шляпа (лѣтомъ соломенная) съ широкими полями; галстукъ бѣлый, батистовый, съ большимъ узломъ и висячими концами; трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, при этомъ волосы до плечъ. Онъ былъ темнорусъ, и волосы его только въ послѣднее время начали немного сѣсть. Усы и бороду онъ бриль. Говорятъ, въ молодости онъ былъ чрезвычайно красивъ собой. Но, по-моему, и въ старости былъ необыкновенно внушителенъ. Да и какая же старость въ пятьдесятъ три года? Но по нѣкоторому гражданскому кокетству, онъ не только не молодился, но какъ бы и щеголялъ солидностью лѣтъ своихъ, и въ костюмѣ своемъ, высокій, сухощавый, съ волосами до плечъ, походилъ какъ бы на патріарха или, еще вѣрнѣе, на портретъ поэта Кукольника, литографированный въ тридцатыхъ годахъ при какомъ-то изданіи, особенно когда сидѣлъ лѣтомъ въ саду, на лавкѣ, подъ кустомъ расцвѣтшей сирени, опервшись обѣими руками на трость, съ раскрытою книгой подлѣ и поэтически задумавшись падъ закатомъ солнца. Насчетъ книгъ замѣчу, что подъ конецъ онъ сталъ какъ-то удаляться отъ чтенія. Впрочемъ, это ужъ подъ самый конецъ. Газеты и журналы, выписываемые Варварой Петровной во множествѣ, онъ читалъ постоянно. Успѣхами русской литературы тоже постоянно интересовался, хотя и нисколько не терялъ своего достоинства. Увлекся было когда-то изученіемъ высшей современной политики нашихъ внутреннихъ и вѣнчанихъ дѣлъ, но вскорѣ, махнувъ рукой, оставилъ предпріятіе. Бывало и то: возьметъ съ собою въ садъ Токевиля, а въ кармашкѣ несетъ спрятанного Поль-де-Кока. Но, впрочемъ, это пустяки.

Замѣчу въ скобкахъ и о портретѣ Кукольника: попалась эта картинка Варварѣ Петровнѣ въ первый разъ, когда она находилась, еще дѣвочкой, въ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Она тотчасъ же влюбилась въ портретъ, по обыкновенію всѣхъ дѣвочекъ въ пансіонахъ, влюблывающихся во что ни попало, а вмѣстѣ и въ своихъ учителей, преимущественно чистописанія и рисованія. Но

любопытны въ этомъ не свойства дѣвочки, а то, что даже и въ пятьдесятъ лѣтъ Варвара Петровна сохраняла эту картинку въ числѣ самыхъ интимныхъ своихъ драгоцѣнностей, такъ что и Степану Трофимовичу, можетъ - быть, только поэтому сочинила нѣсколько похожій на изображенный на картинѣ костюмъ. Но и это, конечно, мелочь.

Въ первые годы или, точнѣе, въ первую половину пребыванія у Варвары Петровны, Степанъ Трофимовичъ все еще помышлялъ о какомъ-то сочиненіи и каждый день серьезно собирался его писать. Но во вторую половину онъ, должно-быть, и зады позабылъ. Все чаще и чаще онъ говоривалъ намъ: „Кажется, готовъ къ труду, материалы собраны, и вотъ не работается! Ничего не дѣлается!“ и опускалъ голову въ уныніи. Безъ сомнѣнія, это - то и должно было придать ему еще больше величія въ нашихъ глазахъ, какъ страдальцу науки; по самому ему хотѣлось чего-то другого. „Забыли меня, никому я не нуженъ!“ вырывалось у него не разъ. Эта усиленная хандра особенно овладѣла имъ въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ. Варвара Петровна поняла, наконецъ, что дѣло серьезное. Да и не могла она перенести мысли о томъ, что другъ ей забыть и ненуженъ. Чтобы развлечь его, а вмѣстѣ для подновленія славы, она свозила его тогда въ Москву, гдѣ у ней было нѣсколько изящныхъ литературныхъ и ученыхъ знакомствъ; но оказалось, что и Москва неудовлетворительна.

Тогда было время особенное; наступило что-то новое, очень ужъ непохожее на прежнюю тишину, и что-то очень ужъ странное, но вездѣ ощущаемое, даже въ Скворешникахъ. Доходили разные слухи. Факты были вообще известны болѣе или менѣе, но очевидно было, что кроме фактовъ явились и какія-то сопровождавшія ихъ идеи, и, главное, въ чрезмѣрномъ количествѣ. А это-то и смущало: никакъ невозможно было примѣниться и въ точности узнать, что именно означали эти идеи? Варвара Петровна, вслѣдствіе женского устройства натуры своей, непремѣнно хотѣла подразумѣвать въ нихъ секретъ. Она принялась было сама читать газеты и журналы, заграничныя запрещенные изданія и даже начавшіяся тогда прокламаціи (все это ей доставлялось); но у ней только голова закружилась. Принялась она писать письма; отвѣчали ей мало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ пепонятнѣе. Степанъ Трофимовичъ торжественно приглашенъ былъ объяснить ей „всѣ эти

идеи" разъ навсегда; но объясненіями его она осталась положительно недовольна. Взглядъ Степана Трофимовича на всеобщее движение былъ въ высшей степени высоко-мѣрный; у него все сводилось на то, что онъ самъ забыть и никому не нуженъ. Наконецъ, и о немъ вспомянули, сначала въ заграничныхъ изданіяхъ, какъ о ссылкѣ страдальцѣ, и потомъ тотчасъ же въ Петербургѣ, какъ о бывшой звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи; даже сравнивали его почему-то съ Радищевымъ. Затѣмъ кто-то напечаталъ, что онъ уже умеръ, и обѣщалъ его некрологъ. Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно прiosанился. Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта: примкнуть къ движению и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ же вновь и во все увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено былоѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, вникнуть лично и, если возможно, войти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ она объявила, что готова основать свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ, что дошло до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокомѣрнѣе, въ дорогѣ же началъ относиться къ Варварѣ Петровнѣ почти покровительственно, — что она тотчасъ же сложила въ сердцѣ свое. Впрочемъ, у ней была и другая весьма важная причина къ поѣздкѣ, именно возобновленіе высшихъ связей. Надо было, по возможности, напомнить о себѣ въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, попытаться. Гласнымъ же предлогомъ къ путешествію было свиданіе съ единственнымъ сыномъ, оканчивавшимъ тогда курсъ наукъ въ петербургскомъ лицѣ.

VI.

Они сѣѣздили и прожили въ Петербургѣ почти весь зимній сезонъ. Все, однако, къ Великому посту лопнуло, какъ радужный мыльный пузырь. Мечты разлетѣлись, а сумбуръ не только не выяснился, но сталъ еще отвратительнѣе. Во-первыхъ, высшая связь почти не удалось, развѣ въ самомъ микроскопическомъ видѣ и съ унизительными натяжками. Оскорблennая Варвара Петровна бросилась было всецѣло въ "новыя идеи" и открыла у себя вечера. Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже прихо-

дили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другого. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую красоту. Всѣ они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано, что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бравились, вмѣняясь себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители. Степанъ Трофимовичъ проникъ даже въ самый высшій ихъ кругъ, туда, откуда управляли движениемъ. До управляющихъ было до невѣроятности высоко, но его они встрѣтили радушно, хотя, конечно, никто изъ нихъ о немъ не зналъ и не слыхивалъ кромѣ того, что онъ „представляетъ идею“. Онъ до того маневрировалъ около нихъ, что и ихъ зазвалъ раза два въ салонъ Варвары Петровны, несмотря на все ихъ олимпійство. Эти были очень серьезны и очень вѣжливы; держали себя хорошо; остальные видимо ихъ боялись; но очевидно было, что имъ некогда. Явились и двѣ - три прежнія литературныя знаменитости, случившіяся тогда въ Петербургѣ и съ которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самыя изящныя отношенія. Но, къ удивленію ея, эти дѣйствительныя и уже несомнѣнныя знаменитости были тише воды, ниже травы, а ипама изъ нихъ просто льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали. Сначала Степану Трофимовичу повезло; за него ухватились и стали его выставлять на публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Когда онъ вышелъ въ первый разъ на эстраду, въ одномъ изъ публичныхъ литературныхъ чтеній, въ числѣ читавшихъ, раздались неистовыя рукоплесканія, не умолкавшія минутъ пять. Онъ со слезами вспоминалъ объ этомъ девять лѣтъ спустя, — впрочемъ, скорѣе по художественности своей натуры, чѣмъ изъ благодарности. „Клянусь же вамъ и пари держу“, говорилъ онъ мнѣ самъ (но только мнѣ и по секрету), „что никто-то изъ всей этой публики знать не зналъ о мнѣ ровнешенько ничего!“ Признаніе замѣчательное: стало быть, былъ же въ немъ острый умъ, если онъ тогда же, на эстрадѣ, могъ такъ ясно понять свое положеніе, не-

смотря на все свое учиненіе; и, стало-быть, не было въ чемъ острого ума, если онъ даже девять лѣтъ спустя не могъ вспомнить о томъ безъ ощущенія обиды. Его заставили подписатьсь подъ двумя или тремя коллективными протестами (противъ чего—онъ и самъ не зналъ); онъ подписался. Варвару Петровну тоже заставили подписатьсь подъ какимъ-то „безобразнымъ поступкомъ“, и та подписалась. Впрочемъ, большинство этихъ новыхъ людей хотѣли посѣщали Варвару Петровну, по считали себя почему-то обязанными смотрѣть на нее съ презрѣніемъ и съ нескрываемою насмѣшкой. Степанъ Трофимовичъ намекалъ мнѣ потомъ, въ горькія минуты, что она съ тѣхъ поръ ему и позавидовала. Она, конечно, понимала, что ей нельзя водиться съ этими людьми, но все-таки принимала ихъ съ жадностью, со всѣмъ женскимъ истерическимъ петербургскіемъ и, главное, все чего-то ждала. На вечерахъ она говорила мало, хотя и могла бы говорить; но она больше вслушивалась. Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы э, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ пасажѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною федративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпру, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженіи наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевскаго, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр., и пр. Ясно было, что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было, что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, несмотря на некоторые все-таки удивительные оттенки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было, кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше пароду, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія, что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности. Престарѣлый генералъ Иванъ Ивановичъ Дроздовъ, прежній другъ и сослуживецъ покойнаго генерала Ставрогина, человѣкъ достойнѣйший (но въ своемъ родѣ) и котораго всѣ мы здѣсь знаемъ, до крайности строптивый и раздражительный, ужасно много Ѳвшій и ужасно боявшійся атеизма, заспорилъ на одномъ изъ вечеровъ Вар-

вары Петровны съ однимъ знаменитымъ юношемъ. Тотъ ему первымъ словомъ: „Вы, стало-быть, генераль, если такъ говорите“, то-есть въ томъ смыслѣ, что уже хуже генерала онъ и брани не могъ найти. Иванъ Ивановичъ всыпилъ чрезвычайно: „Да, сударь, я генераль и генераль-лейтенантъ, и служилъ государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожникъ!“ Произошелъ скандалъ непозволительный. На другой день случай былъ обличенъ въ печати, и начала собираться коллективная подпись противъ „безобразного поступка“ Варвары Петровны, не захотѣвшей тотчасъ же прогнать генерала. Въ иллюстрированномъ журнале явилась карикатура, въ которой язвительно скопировали Варвару Петровну, генерала и Степана Трофимовича на одной картинкѣ въ видѣ трехъ ретроградныхъ друзей; къ картинкѣ приложены были и стихи, написанные народнымъ поэтомъ единственно для этого случая. Замѣчу отъ себя, что дѣйствительно у многихъ особъ въ генеральскихъ чинахъ есть привычка смѣшно говорить: „Я служилъ государю моему“... то-есть точно у нихъ не тотъ же государь, какъ и у насъ, простыхъ государевыхъ подданныхъ, а особенный, ихній.

Оставаться долѣе въ Петербургѣ было, разумѣется, невозможно, тѣмъ болѣе, что и Степана Трофимовича постигло окончательное fiasco. Онъ не выдержалъ и сталъ заявлять о правахъ искусства, а надъ нимъ стали еще громче смѣяться. На послѣднемъ чтеніи своеемъ онъ задумалъ подѣйствовать гражданскимъ краснорѣчіемъ, воображая тронуть сердца и разсчитывая на почтеніе къ своему „изгнанію“. Онъ безспорно согласился въ безполезности и комичности слова „отечество“, согласился и съ мыслю о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали, такъ что онъ тутъ же, публично, не сойдя съ эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живого. „On m'a traité comme un vieux bonnet de coton!“ лепеталъ онъ безмысленно. Она ходила за нимъ всю ночь, давала ему лавровицневыхъ капель и до разсвѣта повторяла ему: „Вы еще полезны; вы еще явитесь; васъ опѣнятъ... въ другомъ мѣстѣ“.

На другой же день, рано утромъ, явились къ Варварѣ Петровнѣ пять литераторовъ, изъ нихъ трое совсѣмъ незнакомыхъ, которыхъ она никогда и не видывала. Со строгимъ видомъ они объявили ей, что разсмотрѣли дѣло обѣ ея

журналъ и принесли по этому дѣлу рѣшеніе. Варвара Петровна рѣшительно никогда и никому не поручала рассматривать и решать что-нибудь обѣ ея журналъ. Рѣшеніе состояло въ томъ, чтобы она, основавъ журналъ, тотчасъ же передала его имъ вмѣстѣ съ капиталами, на правахъ свободной ассоціаціи; сама же чтобы уѣзжала въ Скворешники, не забывъ захватить съ собою Степана Трофимовича, „который устарѣлъ“. Изъ деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высыпать ей ежегодно одну шестую часть барыша. Всего трогательнѣе было то, что изъ этихъ пяти человѣкъ навѣрное четверо не имѣли при этомъ никакой стяжательной цѣли, а хлопотали только во имя „общаго дѣла“.

— Мы выѣхали какъ одурѣлые, рассказывалъ Степанъ Трофимовичъ,— я ничего не могъ сообразить и, помню, все лепеталъ подъ стукъ вагона:

„Вѣкъ и Вѣкъ, и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ, и Вѣкъ и Вѣкъ...“

и чортъ знаетъ что еще такое, вплоть до самой Москвы. Только въ Москвѣ опомнился—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь другое въ ней могъ найти? О, друзья мои! иногда восклицалъ онъ намъ во вдохновеніи,— вы представить не можете, какая грусть и злость охватываетъ всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватятъ неумѣлые и вытащатъ къ такимъ же дуракамъ, какъ и сами, на улицу, и вы вдругъ встрѣчаете ее уже на толкучемъ, неузнаваемую, въ грязи, поставленную нелѣпо, угломъ, безъ пропорціи, безъ гармоніи, игрушкой у глупыхъ ребята! Нѣть! Въ наше время было не такъ, и мы не къ тому стремились. Нѣть, нѣть, совсѣмъ не къ тому. Я не узнаю ничего... Наше время настанетъ опять и опять направить на твердый путь все шатающееся, теперешнее. Иначе что же будетъ?..

VII.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ Петербурга, Варвара Петровна отправила друга своего за границу: „отдохнуть“; да и надо было имъ разстаться на время, она это чувствовала. Степанъ Трофимовичъ побѣжалъ съ восторгомъ: „Тамъ я воскресну!“ восклицалъ онъ,— „тамъ, наконецъ, примусь за науку!“ Но съ первыхъ же писемъ изъ Берлина онъ затянулъ свою всегдашнюю поту: „Сердце раз-

бито", писалъ онъ Варварѣ Петровнѣ,— „не могу забыть ничего! Здѣсь, въ Берлинѣ, все напомнило мнѣ мое старое, прошлое, первые восторги и первыя муки. Гдѣ она? Гдѣ теперь онѣ обѣ? Гдѣ вы, два ангела, которыхъ я никогда не стоилъ? Гдѣ сынъ мой, возлюбленный сынъ мой? Гдѣ, наконецъ, я, я самъ, прежній я, стальной по силѣ и непоколебимый какъ утесъ, когда теперь какой-нибудь Andrejeff, un православный шутъ съ бородой, peut briser mon existence en deux" и т. д., и т. д. Что касается до сына Степана Трофимовича, то онъ видѣлъ его всего два раза въ своей жизни, въ первый разъ, когда тотъ родился, и во второй— недавно въ Петербургѣ, гдѣ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ. Всю же свою жизнь мальчикъ, какъ уже и сказано было, воспитывался у тетокъ въ О—ской губерніи (на иждивеніи Варвары Петровны) за семьсотъ верстъ отъ Скворешниковъ. Что же касается до Andrejeff, то-есть Андреева, то это былъ просто-за-просто нашъ здѣшній купецъ, лавочникъ, большой чудакъ, археологъ-самоучка, страстный собиратель русскихъ древностей, иногда пикнивавшійся со Степаномъ Трофимовичемъ познаніями, а, главное, въ направленіи. Этотъ почтенный купецъ, съ сѣдой бородой и въ большихъ серебряныхъ очкахъ, не доплатилъ Степану Трофимовичу четырехсотъ рублей за купленныя въ его имѣнья (рядомъ со Скворешниками) нѣсколько десятинъ лѣсу на срубъ. Хотя Варвара Петровна и роскошно наѣлила своего друга средствами, отправляя его въ Берлинъ, но на эти четыреста рублей Степанъ Трофимовичъ, предъ поѣздкой, особо разсчитывалъ, вѣроятно, на секретные свои расходы, и чуть не заплакалъ, когда Andrejeff попросилъ повременить одинъ мѣсяцъ, имѣя, впрочемъ, и право на такую отсрочку, ибо первые взносы денегъ произвелъ всѣ впередъ чуть неза полгода, по особенной тогдашней нуждѣ Степана Трофимовича. Варвара Петровна съ жадностью прочла это первое письмо и, подчеркнувъ карандашомъ восклицаніе: „гдѣ вы обѣ?" помѣтила числомъ и заперла въ шкатулку. Онъ, конечно, вспомнилъ о своихъ обѣихъ покойницахъ-женахъ. Во второмъ, полученнымъ изъ Берлина, письмѣ пѣсня варьировалась: „Работаю по двѣнадцати часовъ въ сутки (хоть бы по одиннадцати, проворчала Варвара Петровна), роюсь въ библиотекахъ, свѣряюсь, выписываю, бѣгаю; былъ у профессоровъ. Возобновилъ знакомство съ превосходнымъ семействомъ

Дундасовыхъ. Какая прелесть Надежда Николаевна даже до сихъ поръ! Вамъ кланяется. Молодой ея мужъ и все три племянника въ Берлинѣ. По вечерамъ съ молодежью бесѣдуемъ до разсвѣта и у насъ чуть не аѳинскіе вечера, но единственно по тонкости и изяществу; все благородное; много музыки, испанскіе мотивы, мечты всеселовѣческаго обновленія, идея вѣчной красоты, Сикстинская Мадонна, свѣтъ съ прорѣзами тьмы, но и въ солнцѣ пятна! О, другъ мой, благородный, вѣрный другъ! Я сердцемъ съ вами и вашъ; съ одной всегда *en tout pays*, и хотя бы даже *dans le pays de Makar et de ses veaux*, о кото-ромъ, помните, такъ часто мы, трепеща, говорили въ Петербургѣ передъ отѣзdomъ. Вспоминаю съ улыбкой. Переѣхавъ границу, ощутилъ себя безопаснымъ, ощущение странное, новое, впервые послѣ столь долгихъ лѣтъ... и т. д., и т. д.

— Ну, все вздоръ! рѣшила Варвара Петровна, складывая и это письмо,—коль до разсвѣта аѳинскіе вечера, такъ не сидитъ же по двѣнадцати часовъ за книгами. Спѣяну что-ль написалъ? Эта Дундасова какъ смѣеть мнѣ посыпать поклоны? Впрочемъ, пусть его погуляетъ...

Фраза „*dans le pays de Makar et de ses veaux*“ означала: „куда Макарь телять не гонялъ“. Степанъ Трофимовичъ нарочно глушѣйшимъ образомъ переводилъ иногда русскія пословицы и коренные поговорки на французскій языкъ, безъ сомнѣнія, умѣя и понять, и перевести лучше; но это онъ дѣлывалъ изъ особаго рода шику, и находилъ его остроумнымъ.

Но погулять онъ немнogo, четырехъ мѣсяцевъ не выдержалъ и примчался въ Скворешники. Послѣднія письма его состояли изъ однихъ лишь изліяній самой чувствительной любви къ своему отсутствующему другу и буквально были смочены слезами разлуки. Есть натуры, чрезвычайно приживающіяся къ дому, точно комнатныя собачки. Свиданіе друзей было восторженное. Черезъ два дня все пошло по-старому и даже скучнѣе стараго. „Другъ мой“, говорилъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ черезъ двѣ недѣли, подъ величайшимъ секретомъ,—„другъ мой, я открылъ ужасную для меня... новость: *Je suis un prostoï prijivальщикъ et rien de plus! Mais r-r-rien de plus!*“

VIII.

Затѣмъ у насъ наступило затишье и тянулось почти

сплошь все эти девять лѣтъ. Истерическіе взрывы и рыданія на моемъ плечѣ, продолжавшіеся регулярно, никакъ не мѣшили нашему благоденствію. Удивляюсь, какъ Степанъ Трофимовичъ не растолстѣлъ за это время. Покраснѣлъ лишь немного его носъ и прибавилось благодушія. Мало-по-малу около него утвердился кружокъ пріятелей, впрочемъ, постоянно небольшой. Варвара Петровна хоть и мало касалась кружка, но всѣ мы признавали ее нашу патронессой. Послѣ петербургскаго урока она поселилась въ нашемъ городѣ окончательно; зимой жила въ городскомъ своемъ домѣ, а лѣтомъ въ подгородномъ своемъ имѣніи. Никогда она не имѣла столько значенія и вліянія, какъ въ послѣднія семь лѣтъ, въ нашемъ губернскомъ обществѣ, то-есть вплоть до назначенія къ намъ нашего теперешняго губернатора. Прежній губернаторъ нашъ, незавѣнныи и мягкий Иванъ Осиповичъ, приходилъ ей близкимъ родственникомъ и былъ когда-то ею облагодѣтельствованъ. Супруга его трепетала при одной мысли не угодить Варварѣ Петровнѣ, а поклоненіе губернскаго общества дошло до того, что напоминало даже нечто грѣховное. Было, стало-быть, хорошо и Степану Трофимовичу. Онъ былъ членомъ клуба, осанисто проигрывалъ и заслужилъ почетъ, хотя многие смотрѣли на него только какъ на „ученаго“. Впослѣдствіи, когда Варвара Петровна позволила ему жить въ другомъ домѣ, намъ стало еще свободнѣе. Мы собирались у него раза по два въ недѣлю; бывало весело, особенно когда онъ не жалѣлъ шампанскаго. Вино забиралось въ лавкѣ того же Андреева. Расплачивалась по счету Варвара Петровна каждые полгода, и день расплаты почти всегда бывалъ днемъ холерины.

Стариннѣйшимъ членомъ кружка былъ Липутинъ, губернскій чиновникъ, человѣкъ уже не молодой, большой либералъ и въ городѣ слывший атеистомъ. Женатъ онъ былъ во второй разъ на молоденькой и хорошенькой, взялъ за ней приданое и кромѣ того имѣлъ трехъ подросшихъ дочерей. Всю семью держалъ въ страхѣ Божіемъ и заперти, былъ чрезмѣрно скൃпъ и службой скосилъ себѣ домикъ и капиталъ. Человѣкъ былъ беспокойный, притомъ въ маленькомъ чинѣ; въ городѣ его мало уважали, а въ высшемъ кругѣ не принимали. Къ тому же онъ былъ якнй и не разъ уже наказанный сплетникъ, и наказанный больно, разъ однимъ офицеромъ, а въ другой

разъ почтеннымъ отцомъ семейства, помѣщикомъ. Но мы любили его острый умъ, любознательность, его особенную злую веселость. Варвара Петровна не любила его, но онъ всегда какъ-то умѣлъ къ ней поддѣлаться.

Не любила она и Шатова, всего только въ послѣдній годъ ставшаго членомъ кружка. Шатовъ былъ прежде студентомъ и былъ исключенъ, послѣ одной студентской исторіи, изъ университета; въ дѣствѣ же былъ ученикомъ Степана Трофимовича, а родился крѣпостнымъ Варвары Петровны, отъ покойнаго камердинера ея Павла Федорова, и былъ ею облагодѣтельствованъ. Не любила она его за гордость и неблагодарность и никакъ не могла простить ему, что онъ, по изгнаніи изъ университета, не пріѣхалъ къ ней тотчасъ же; напротивъ, даже на тогдашнее нарочное письмо ея къ нему ничего не отвѣтилъ и предпочелъ закабалиться къ какому-то цивилизованному купцу учить дѣтей. Вмѣстѣ съ семьей этого купца онъ выѣхалъ за границу, скорѣе въ качествѣ дядьки, чѣмъ гувернера; но ужъ очень хотѣлось ему тогда за границу. При дѣтяхъ находилась еще и гувернантка, бойкая русская барышня, поступившая въ домъ тоже передъ самыми выѣздомъ и принятая болѣе за дешевизну. Мѣсяца черезъ два купецъ ее выгналъ „за вольные мысли“. Поллелся за нею и Шатовъ, и въ скорости обвищался съ нею въ Женевѣ. Прожили они вдвоемъ недѣли съ три, а потомъ разстались какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди, конечно, тоже и по бѣдности. Долго потомъ скитался онъ одинъ по Европѣ, жилъ Богъ знаетъ чѣмъ; говорять, чистилъ на улицахъ сапоги и въ какомъ-то портѣ былъ носильщикомъ. Наконецъ, съ годъ тому назадъ вернулся къ намъ въ родное гнѣздо и поселился со старухой-теткой, которую и скоронилъ черезъ мѣсяцъ. Съ сестрой своею Дашей, тоже воспитанницей Варвары Петровны, жившею у ней фавориткой на самой благородной ногѣ, онъ имѣлъ самыя рѣдкія и отдаленные спопенія. Между нами былъ постоянно угрюмъ и неразговорчивъ, но изрѣдка, когда затрогивали его убѣжденія, раздражался болѣзненно и былъ очень невоздерженъ на языкъ. „Шатова надо сначала связать, а потомъ ужъ съ нимъ разсуждать“, шутилъ иногда Степанъ Трофимовичъ; но онъ любилъ его. За границей Шатовъ радикально измѣнилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ соціалистическихъ своихъ убѣжденій и перескочилъ въ противоположную

крайность. Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, которыхъ вдругъ поразить какая-нибудь сильная идея и тутъ же разомъ точно придавитъ ихъ собою, иногда даже навѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣрюютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ какъ бы въ послѣднихъ корчахъ подъ свалившимся на нихъ и на головину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ камнемъ. Наружностью Шатовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своимъ убѣжденіямъ: онъ былъ неуклюжъ, бѣлокуръ, косматъ, низкаго роста, съ широкими плечами, толстыми губами, съ очень густыми, нависшими бѣлобрысыми бровями, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ непривѣтливымъ, упорно потупленнымъ и какъ бы чего-то стыдящимся взглядомъ. На волосахъ его вѣчно оставался одинъ такой вихорь, который ни за что не хотѣлъ пригладиться и стоялъ торчкомъ. Лѣтъ ему было двадцать семь или двадцать восемь. „Я не удивляюсь болѣе, что жена отъ него сбѣжалась“, отнеслась Варвара Петровна однажды, пристально къ нему приглядѣвшись. Старался онъ одѣваться чистенько, несмотря на чрезвычайную свою бѣдность. Къ Варварѣ Петровнѣ опять не обратился за помощью, а пробивался чѣмъ Богъ пошлетъ; занимался и у купцовъ. Разъ сидѣлъ въ лавкѣ, потомъ совсѣмъ было уѣхалъ на пароходѣ съ товаромъ, приказчикомъ помощникомъ, но заболѣлъ предъ самою отправкой. Трудно представить себѣ, какую нищету способенъ онъ былъ переносить, даже и не думая о ней вовсе. Варвара Петровна послѣ его болѣзни переслала ему секретно и анонимно сто рублей. Онъ разузналъ, однако же, секретъ, подумалъ, деньги принялъ и пришелъ къ Варварѣ Петровнѣ поблагодарить. Та съ жаромъ приняла его, по онъ и тутъ постыдно обманулъ ея ожиданія: просидѣлъ всего пять минутъ, молча, тупо уставившись въ землю и глухо улыбалось, и вдругъ, не дослушавъ ея и на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, всталъ, поклонился какъ-то бокомъ, косолапо, застыдился въ прахъ, кстати ужъ задѣлъ и грохнулъ обѣ полъ ея дорогой, наборный рабочій столикъ, разбилъ его и вышелъ едва живой отъ позора. Ли-путинъ очень укорялъ его потомъ за то, что онъ не отвергнулъ тогда съ презрѣніемъ эти сто рублей, какъ отъ бывшей его деспотки-помѣщицы, и не только принялъ, а еще благодарить потащился. Жаль онъ уединенно на краю города, и не любилъ, если кто-нибудь даже изъ насть за-

ходилъ къ нему. На вечера къ Степану Трофимовичу являлся постоянно и бралъ у него читать газеты и книги.

Являлся на вечера и еще одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Виргинскій, здѣшній чиновникъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ Шатовымъ, хотя, повидимому, и совершенно противоположный ему во всѣхъ отношеніяхъ; но это тоже былъ „семьянинъ“. Жалкій и чрезвычайно тихій молодой человѣкъ, впрочемъ, лѣтъ уже тридцати, съ значительнымъ образованіемъ, но больше самоучка. Онъ былъ бѣденъ, женатъ, служилъ и содержалъ тетку и сестру своей жены. Супруга его, да и всѣ дамы были самыхъ послѣднихъ убѣжденій, но все это выходило у нихъ нѣсколько грубовато, именно тутъ была „идел попавшая на улицу“, какъ выразился когда-то Степанъ Трофимовичъ по другому поводу. Онъ все брали изъ книжекъ, и по первому даже слуху изъ столичныхъ прогрессивныхъ уголковъ нашихъ готовы были выбросить за окно все, что угодно, лишь бы только совсѣмъ выбрасывать. М-ше Виргинская занималась у насъ въ городѣ повивальною профессіей; въ дѣвицахъ она долго жила въ Петербургѣ. Самъ Виргинскій былъ человѣкъ рѣдкой чистоты сердца, и рѣдко л встрѣчалъ болѣе честный душевный огонь. „Я никогда, никогда не отстану отъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ“, говорилъ онъ мнѣ съ сияющими глазами. О „свѣтлыхъ надеждахъ“ онъ говорилъ всегда тихо, съ сладостію, полушопотомъ, какъ бы секретно. Онъ былъ довольно высокаго роста, по чрезвычайно тонокъ и узокъ въ плечахъ, съ необыкновенно жилеными, рыжеватаго оттѣнка волосиками. Всѣ высокомѣрныя насмѣшки Степана Трофимовича надъ нѣкоторыми изъ его мнѣній онъ принималъ кротко, возражалъ же ему иногда очень серьезно и во многомъ ставилъ его втупикъ. Степанъ Трофимовичъ обращался съ нимъ ласково, да и вообще ю всѣмъ намъ относился отечески.

— Всѣ вы изъ „недосиженныхъ“, шутливо замѣчалъ онъ Виргинскому, — всѣ подобные вамъ, хотя въ васъ, Виргинскій, я и не замѣчалъ той огра-ни-чен-ности, какую встрѣчалъ въ Петербургѣ chez ces sÃ©minairistes, но, все-таки, вы „недосиженные“. Шатову очень хотѣлось бы высидѣться, но и онъ недосиженный.

— А я? спрашивалъ Липутинъ.

— А вы просто золотая середина, которая вездѣ уживается... по-своему.

Липутинъ обижался.

Рассказывали про Виргинского и, къ сожалѣнію, весьма достовѣрно, что супруга его, не пробывъ съ нимъ и году въ законномъ бракѣ, вдругъ объявила ему, что онъ отставленъ и что она предпочитаетъ Лебядкина. Этотъ Лебядкинъ, какой-то заѣзжій, оказался потомъ лицомъ весьма подозрительнымъ и вовсе даже не былъ отставнымъ штабс-капитаномъ, какъ самъ титуловалъ себя. Онъ только умѣлъ крутить усы, пить и болтать самый неловкій вздоръ, какой только можно вообразить себѣ. Этотъ человѣкъ пренеделикатно тотчасъ же къ нимъ перешхалъ, обрадовавшись чужому хлѣбу, щѣль и спалъ у нихъ, и сталъ, наконецъ, третировать хозяина свысока. Увѣяли, что Виргинскій, при объявлениіи ему женой отставки, сказалъ ей: „другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь уважаю“, но врядъ-ли въ самомъ дѣлѣ произнесено было такое древне-римское изреченіе; напротивъ, говорятъ, навзыдъ плакаль. Однажды, недѣли двѣ послѣ отставки, всѣ они, всѣмъ „семействомъ“, отправились за городъ, въ рощу кушать чай вмѣстѣ съ знакомыми. Виргинскій былъ какъ-то лихорадочно-весело настроенъ и участвовалъ въ танцахъ; но вдругъ, и безъ всякой предварительной ссоры, схватилъ гиганта Лебядкина, канканировавшаго соло, обѣими руками за волосы, нагнуль и началъ таскать его съ визгами, криками и слезами. Гигантъ до того струсилъ, что даже не защищался, и все время, какъ его таскали, почти не прерывалъ молчанія; но послѣ таски обидѣлся со всѣмъ пыломъ благороднаго человѣка. Виргинскій всю ночь на колѣняхъ умолялъ жену о прощеніи, но прощенія не вымолилъ, потому что, все-таки, не согласился пойти извиниться предъ Лебядкинымъ; кромѣ того былъ обличенъ въ скучности убѣженій и въ глупости; послѣднее потому, что, объясняясь съ женщиной, стоялъ на колѣняхъ. Штабс-капитанъ вскорѣ скрылся и явился опять въ нашемъ городѣ только въ самое послѣднее время, съ своею сестрой и съ новыми цѣлями; но о немъ впереди. Немудрено, что бѣдный „семьянинъ“ отводилъ у насъ душу и нуждался въ нашемъ обществѣ. О домашнихъ дѣлахъ своихъ онъ никогда, вирочемъ, у насъ не высказывался. Однажды только, возвращаясь со мною отъ Степана Трофимовича, заговорилъ было отдаленно о своемъ положеніи, но тутъ же, схвативъ меня за руку, пламенно воскликнулъ:

— Это ничего; это только частный случай; это нисколько, нисколько не помышаешь „общему дѣлу“!

Являлись къ намъ въ кружокъ и случайные гости; ходилъ жидокъ Ляминъ, ходилъ капитанъ Картузовъ. Бывалъ въкоторое время одинъ любознательный старичокъ, но померъ. Привелъ было Липутинъ ссыльного ксендза Слонъцевскаго, и въкоторое время его принимали по принципу, но потомъ и принимать не стали.

IX.

Одно время въ городѣ передавали о нась, что кружокъ нашъ—разсадникъ вольнодумства, разврата и безбожія; да и всегда крѣпился этотъ слухъ. А между тѣмъ у нась была одна самая невинная, милая, вполнѣ русская веселенькая либеральная болтовня. „Высшій либерализмъ“ и „высшій либералъ“, то-есть либералъ безъ всякой цѣли, возможны только въ одной Россіи. Степану Трофимовичу, какъ и всякому остроумному человѣку, необходимо было слушатель, и кромѣ того необходимо было сознаніе о томъ, что онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей. А, наконецъ, надобно же было съ кѣмъ-нибудь выпить шампанского и обмѣняться за виномъ извѣстнаго сорта веселенькими мыслями о Россіи и „русскомъ духѣ“, о Богѣ вообще и о „русскомъ Богѣ“ въ особенности; повторить въ сотый разъ всѣмъ извѣстные и всѣми натверженные русскіе скandalезные анекдоты. Не прочь мы были и отъ городскихъ сплетенъ, при чемъ доходили иногда до строгихъ высоконравственныхъ приговоровъ. Впадали и въ общечеловѣческое, строго разсуждали о будущей судьбѣ Европы и человѣчества; докторально предсказывали, что Франція послѣ цезаризма разомъ ниспадеть на степень второстепенного государства, и совершенно были увѣрены, что это ужасно скоро и легко можетъ сдѣлаться. Папѣ давнымъ-давно предсказывали мы роль простого митрополита въ объединенной Италіи, и были совершенно убѣждены, что весь этотъ тысячелѣтній вопросъ, въ нашъ вѣкъ гуманности, промышленности и желѣзныхъ дорогъ, одно только плевое дѣло. Но вѣдь „высшій русскій либерализмъ“ иначе и не относится къ дѣлу. Степанъ Трофимовичъ говоривъ иногда объ искусствѣ, и весьма хорошо, но нѣсколько отвлеченно. Вспоминалъ иногда о друзьяхъ своей молодости,—все о лицахъ, намѣченныхъ въ исторіи нашего развитія,—вспо-

миналъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, но нѣсколько какъ бы съ завистью. Если ужъ очень становилось скучно, то жидокъ Лямшинъ (маленький почтамтскій чиновникъ), мастеръ на фортепіано, садился играть, а въ антрактахъ представлялъ свинью, грозу, роды съ первымъ крикомъ ребенка, и пр., и пр.; для того только и приглашался. Если ужъ очень подпивали,—а это случалось, хотя и не часто,—то приходили въ восторгъ, и даже разъ хоромъ, подъ аккомпанементъ Лямшина, пропѣли *Марсельезу*, только не знаю, хорошо-ли вышло. Великій день девятнадцатаго февраля мы встрѣтили восторженно, и задолго еще начали осушать въ честь его тосты. Это было еще давно-давно; тогда еще не было ни Шатова, ни Виргинскаго, и Степанъ Трофимовичъ еще жилъ въ одномъ домѣ съ Варварой Петровной. За нѣсколько времени до великаго дня, Степанъ Трофимовичъ повадился было бормотать про себя извѣстные, хотя нѣсколько неестественные стихи, должно-быть, сочиненные какимъ-нибудь прежнимъ либеральнымъ помѣщикомъ:

„Идутъ мужики и несутъ топоры,
Что-то страшное будетъ“.

Кажется, что-то въ этомъ родѣ, буквально не помню. Варвара Петровна разъ подслушала и крикнула ему: „вздоръ, вздоръ!“ и вышла во гнѣвѣ. Липутинъ, при этомъ случившійся, язвительно замѣтилъ Степану Трофимовичу:

— А жаль, если господамъ помѣщикамъ бывшіе ихъ крѣпостные и въ самомъ дѣлѣ нанесутъ на радостяхъ нѣкоторую непріятность.

И онъ черкнулъ указательнымъ пальцемъ вокругъ своей шеи.

— Cher ami, благодушно замѣтилъ ему Степанъ Трофимовичъ,—повѣрьте, что это (онъ повторилъ жестъ вокругъ шеи) нисколько не принесетъ пользы ни нашимъ помѣщикамъ, ни всѣмъ намъ вообще. Мы и безъ головъ ничего не сумѣемъ устроить, несмотря на то, что наши головы всего болѣе и мѣшаютъ намъ понимать.

Замѣчу, что у насъ многіе полагали, что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное, въ такомъ родѣ, какъ предсказывалъ Липутинъ, и все вѣдь такъ-называемые знатоки народа и государства. Кажется, и Степанъ Трофимовичъ раздѣлялъ эти мысли, и до того даже, что почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься

у Варвары Петровны за границу; однимъ словомъ, сталь беспокоиться. Но прошелъ великий день, прошло и еще нѣкоторое время, и высокомѣрная улыбка появилась опять на устахъ Степана Трофимовича. Онъ высказалъ передъ нами нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о характерѣ русскаго человѣка вообще и русскаго мужичка въ особенности.

— Мы, какъ торопливые люди, слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками, заключилъ онъ свой рядъ замѣчательныхъ мыслей.— Мы ихъ ввели въ моду, и цѣлый отдѣлъ литературы, нѣсколько лѣтъ рядъ сряду, носился съ ними, какъ съ новооткрытою драгоценностью. Мы надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня, за всю тысячу лѣтъ, дала намъ лишь одного камаринскаго. Замѣчательный русскій поэтъ, не лишенный притомъ остроумія, увидѣвъ въ первый разъ на сценѣ великую Рашель, воскликнулъ въ восторгѣ: „не промѣняю Рашель на мужика!“ Я готовъ пойти дальше: я и всѣхъ русскихъ мужичковъ отдашь въ обмѣнъ за одну Рашель. Пора взглянуть трезвѣе и не смѣшивать нашего родного символапаго дегтя съ bouquet de l'impératrice.

Липутинъ тотчасъ же согласился, но замѣтилъ, что покривить душой и похвалить мужичковъ все-таки было тогда необходимо для направлениія; что даже дамы высшаго общества заливались слезами, читая Антона Гоголя, а нѣкоторыя изъ нихъ такъ даже изъ Парижа написали въ Россію своимъ управляющимъ, чтобы отъ сей поры обращаться съ крестьянами какъ можно гуманнѣе.

Случилось, и какъ нарочно сейчасъ послѣ слуховъ объ Антонѣ Петровичѣ, что и въ нашей губерніи, и всего-то въ пятнадцати верстахъ отъ Скворешниковъ, произошло нѣкоторое недоразумѣніе, такъ что сгоряча послали команду. Въ этотъ разъ Степанъ Трофимовичъ до того взмолновался, что даже и насъ напугалъ. Онъ кричалъ въ клубѣ, что войска надо больше, чтобы призвали изъ другого уѣзда по телеграфу; бѣгалъ къ губернатору иувѣряль его, что онъ тутъ ни при чемъ; просилъ, чтобы не замѣщали его какъ-нибудь, по старой памяти, въ дѣло и предлагалъ немедленно написать объ его заявлениіи въ Петербургъ, кому слѣдуетъ. Хорошо, что все это скоро прошло и разрѣшилось ничѣмъ; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича.

Года черезъ три, какъ известно, заговорили о націо-

нальности и зародилось „общественное мнѣніе“. Степанъ Трофимовичъ очень смѣялся.

— Друзья мои, училъ онъ насъ,—наша національность, если и въ самомъ дѣлѣ „зародилась“, какъ они тамъ теперь увѣряютъ въ газетахъ,— то сидитъ еще въ школѣ, въ нѣмецкой какой-нибудь петершулѣ, за нѣмецкою книжкой, и твердить свой вѣчный нѣмецкій урокъ, а нѣмецкій учитель ставить ее на колѣни, когда понадобится. За учителя-нѣмца хвалю; но вѣроятнѣе всего, что ничего не случилось и ничего такого не зародилось, а идетъ все какъ прежде шло, то-есть подъ покровительствомъ Божіимъ! По-моему, и довольно бы для Россіи, pour notre sainte Russie. Притомъ же всѣ эти всеславянства и національности—все это слишкомъ старо, чтобы быть новымъ. Национальность, если хотите, никогда и не являлась у насъ иначе какъ въ видѣ клубной барской затѣи, и вдобавокъ еще московской. Я, разумѣется, не про Игорево время говорю. И, наконецъ, все отъ праздности. У насъ все отъ праздности, и доброе и хорошее. Все отъ нашей барской, милой, образованной, прихотливой праздности! Я тридцать тысячъ лѣтъ про это твержу. Мы своимъ трудомъ жить не умѣемъ. И что они тамъ развозились теперь съ какимъ-то „зародившимся“ у насъ общественнымъ мнѣніемъ,— такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, съ неба соскочило? Неужто не попимаютъ, что для приобрѣтенія мнѣнія первѣе всего надобенъ трудъ, собственный трудъ, собственный починъ въ дѣлѣ, собственная практика! Даромъ никогда ничего не достанется. Будемъ трудиться, будемъ и свое мнѣніе имѣть. А такъ какъ мы никогда не будемъ трудиться, то и мнѣніе имѣть за насъ будуть тѣ, кто вмѣсто насъ до сихъ поръ работалъ, то-есть все та же Европа, все тѣ же нѣмцы, — двухсотлѣтніе учителя наши. Къ тому же, Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить, безъ нѣмцевъ и безъ труда. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ я бью въ набатъ и зову къ труду! Я отдалъ жизнь на этотъ призывъ и, безумецъ, вѣровалъ! Теперь уже не вѣрю, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку, пока не зазвонятъ къ моей панихидѣ!

Увы! мы только поддакивали. Мы аплодировали учителю нашему, да съ какимъ еще жаромъ! А что, господа, не раздается-ли и теперь подчасъ сплошь да рядомъ,

такого же „милаго“, „умнаго“, „либеральнаго“, старого русского вздора?

Въ Бога учитель нашъ вѣровалъ. „Не понимаю, почему меня всѣ здѣсь выставляютъ безбожникомъ?“ говоривъ онъ иногда.—Я въ Бога вѣрую, mais distinguons, я вѣрую какъ въ Существо Себя лишь во мнѣ сознающе. Не могу же я вѣровать, какъ моя Настасья (служанка), или какъ какой-нибудь баринъ, вѣрующій „на всякий случай“, —или какъ нашъ милый Шатовъ,—впрочемъ, нѣтъ, Шатовъ не въ счетъ. Шатовъ вѣруетъ насильно, какъ московскій славянофиль. Что же касается до христіанства, то при всемъ моемъ искреннемъ къ нему уваженіи, я не христіанинъ. Я скорѣе древній язычникъ, какъ великій Гёте, или какъ древній грекъ. И одно уже то, что христіанство не поняло женщину,—что такъ великколѣпно развила Жоржъ-Зандъ въ одномъ изъ своихъ геніальныхъ романовъ. Насчетъ же поклоненій, постовъ и всего прочаго, то, не понимаю, кому какое до меня дѣло? Какъ бы ни хлопотали здѣсь наши доносчики, а іезуитомъ я быть не желаю. Въ сорокъ седьмомъ году, Бѣлинскій, будучи за границей, послалъ къ Гоголю известное свое письмо, и въ немъ горячо укорялъ того, что тотъ вѣруетъ „въ какого-то Бога“. Entre nous soit dit, ничего не могу вообразить себѣ комичнѣе того мгновенія, когда Гоголь (тогдашній Гоголь!), прочелъ это выраженіе и... все письмо! Но, откинувъ смѣшное и такъ какъ я все-таки съ сущностью дѣла согласенъ, то скажу и укажу: вотъ были люди! Сумѣли же они любить свой народъ, сумѣли же пострадать за него, сумѣли же пожертвовать для него всѣмъ и сумѣли же въ то же время не сходиться съ нимъ когда надо, не потворствовать ему въ известныхъ понятияхъ. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій искать спасенія въ постномъ маслѣ или въ рѣдкѣ съ горохомъ!..

Но тутъ вступался Шатовъ.

— Никогда эти ваши люди не любили народа, не страдали за него и ничѣмъ для него не пожертвовали, какъ бы ни воображали это сами, себѣ въ угѣху! угрюмо проворчалъ онъ, потупившись и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ.

— Это они-то не любили народа! завошилъ Степанъ Трофимовичъ.—О, какъ они любили Россію!

— Ни Россію, ни народа! завопилъ и Шатовъ, сверкая глазами.—Нельзя любить то, чего не знаешь, а они ни-

чего въ русскомъ народѣ не смыслили! Всѣ они, и вы вмѣстѣ съ ними, просмотрѣли русскій народъ сквозь пальцы, а Бѣлинскій особенно; ужъ изъ того самаго письма его къ Гоголю это видно. Бѣлинскій, точь-въ-точь какъ Крылова *Любопытный*, не примѣтилъ слона въ кунсткамерѣ, а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ; такъ и покончилъ на нихъ. А вѣдь онъ еще, пожалуй, всѣхъ васъ умнѣе былъ! Вы мало того, что просмотрѣли народъ,—вы съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились, ужъ по тому одному, что подъ народомъ вы воображали себѣ одинъ только французскій народъ, да и то однихъ парижанъ, и стыдились, что русскій народъ не таковъ. И это голая правда! А у кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога! Знайте навѣрно, что всѣ тѣ, которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ же, по мѣрѣ того, теряютъ и вѣру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными. Вѣрно говорю! Это фактъ, который оправдывается. Вотъ почему и вы всѣ, и мы всѣ теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь и ничего больше! И вы тоже, Степанъ Трофимовичъ, я васъ нисколько не исключаю, даже на вашъ счетъ и говорилъ, знайте это!

Обыкновенно, проговоривъ подобный монологъ (а съ лимъ это часто случалось), Шатовъ схватывалъ свой картузъ и бросался къ дверямъ, въ полной увѣренности, что ужъ теперь все кончено и что онъ совершенно и навѣки порвалъ свои дружескія отношенія къ Степану Трофимовичу. Но тотъ всегда успѣвалъ остановить его во-время.

— А не помириться-ли намъ, Шатовъ, послѣ всѣхъ этихъ милыхъ словечекъ? говоривалъ онъ, благодушно протягивая ему съ креселъ руку.

Неуклюжій, но стыдливый Шатовъ нѣжностей не любилъ. Снаружи человѣкъ былъ грубый, но про себя, кажется, деликатнѣйшій. Хоть и терялъ часто мѣру, но первый страдалъ отъ того самъ. Проворчавъ что-нибудь подъ носъ на призывныя слова Степана Трофимовича и потоптавшись, какъ медведь, на мѣстѣ, онъ вдругъ неожиданно ухмылялся, откладывалъ свой картузъ и садился на прежній стулъ, упорно смотря въ землю. Разумѣется, приносилось вино, и Степанъ Трофимовичъ провозглашалъ какой-нибудь подходящій тостъ, напримѣръ, хоть въ память котораго-нибудь изъ прошедшихъ «Ѣятелей».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принцъ Гарри. Сватовство.

I.

На землѣ существовало еще одно лицо, къ которому Варвара Петровна была привязана не менѣе, какъ къ Степану Трофимовичу,—единственный сынъ ея, Николай Все-володовичъ Ставрогинъ. Для него-то и приглашенъ былъ Степанъ Трофимовичъ въ воспитатели. Мальчику было тогда лѣтъ восемь, а легкомысленный генераль Ставро-гинъ, отецъ его, жилъ въ то время уже въ разлукѣ съ его мамашей, такъ что ребенокъ возросъ подъ однимъ только ея попеченіемъ. Надо отдать справедливость Степану Трофимовичу, онъ умѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника. Весь секретъ его заключался въ томъ, что онъ и самъ былъ ребенокъ. Меня тогда еще не было, а въ истинномъ другъ онъ постоянно нуждался. Онъ не задумался сдѣлать своимъ другомъ такое маленькое существо, едва лишь оно капельку подросло. Какъ-то такъ естественно сошлося, что между ними не оказалось ни малѣйшаго разстоянія. Онъ не разъ пробуждалъ своего десяти или одиннадцатилѣтняго друга ночью, единственно чтобъ излить предъ нимъ въ слезахъ свои оскорбленныя чувства, или открыть ему какой-нибудь домашній секретъ, не замѣчая, что это совсѣмъ уже непозволительно. Они бросались другъ другу въ объятія и плакали. Мальчикъ зналъ про свою мать, что она его очень любить, но врядъ-ли очень любилъ ее самъ. Она мало съ нимъ говорила, рѣдко въ чемъ его очень стѣсняла, но пристально слѣдя-щій за нимъ ея взглядъ онъ всегда какъ-то болѣзнетъ опущалъ на себѣ. Впрочемъ, во всемъ дѣлѣ обученія и нравственнаго развитія мать вполнѣ довѣряла Степану Трофимовичу. Тогда еще она вполнѣ въ него вѣровала. Надо думать, что педагогъ нѣсколько разстроилъ нервы своего воспитанника. Когда его, по шестнадцатому году, повезли въ лицей, то онъ былъ тищедушенъ и блѣденъ, странно тихъ и задумчивъ. (Впослѣдствіи онъ отличался чрезвычайною физическою силой). Надо полагать тоже, что друзья плакали, бросаясь ночью взаимно въ объятія, не все объ однихъ какихъ-нибудь домашнихъ анекдотахъ. Степанъ Трофимовичъ сумѣлъ дотронуться въ сердце своего друга до глубочайшихъ струнъ и вызвать въ немъ

шервое, сще неопределъленное ощущеніе той вѣковѣчной священной тоски, которую иная избранная душа, разъ вкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе. (Есть и такие любители, которые тоской этой дорожатъ болѣе самого радикальнаго удовлетворенія, если-бъ даже таковое и было возможно). Но во вслкому случаѣ хорошо было, что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели въ разныя стороны.

Изъ лицея молодой человѣкъ въ первые два года пріѣзжалъ на вакацію. Во время поѣздки въ Петербургъ Варвары Петровны и Степана Трофимовича, онъ присутствовалъ иногда на литературныхъ вечерахъ, бывавшихъ у мамаши, слушалъ и наблюдалъ. Говорилъ мало и все попрежнему былъ тихъ и застѣнчивъ. Къ Степану Трофимовичу относился съ прежнимъ нѣжнымъ вниманіемъ, но уже какъ-то сдержаннѣе: о высокихъ предметахъ и о воспоминаніяхъ прошлаго видимо удалялся съ нимъ заговаривать. Кончивъ курсъ, онъ, по желанію мамаши, поступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ зачисленъ въ одинъ изъ самыхъ видныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Показаться мамашѣ въ мундирѣ онъ не пріѣхалъ и рѣдко сталъ писать изъ Петербурга. Денегъ Варвара Петровна посыпала ему не жалѣя, несмотря на то, что послѣ реформы доходъ съ ея имѣній упалъ до того, что въ первое время она и половины прежняго дохода не получала. У ней, впрочемъ, накопленъ былъ долгю экономіей нѣкоторый, пе совсѣмъ маленький капиталъ. Ее очень интересовали успѣхи сына въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Что не удалось ей, то удалось молодому офицеру, богатому и съ надеждами. Онъ возобновилъ такія знакомства, о которыхъ она и мечтать уже не могла, и вездѣ былъ принятъ съ большимъ удовольствиемъ. Но очень скоро начали доходить къ Варварѣ Петровнѣ довольно странные слухи: молодой человѣкъ какъ-то безумно и вдругъ закутиль. Не то чтобы онъ игралъ или очень пилъ; рассказывали о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысаками людяхъ, о зѣбрскомъ поступкѣ съ одною дамой хорошаго общества, съ которой онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее публично. Что-то даже слишкомъ ужъ откровенно грязное было въ этомъ дѣлѣ. Прибавляли, сверхъ того, что онъ какой-то бретерь, приязнывается и оскорбляетъ изъ удовольствія оскорбить. Варвара Петровна волновалась и тосковала. Степанъ Тро-

фимовичъ увѣрялъ ее, что это только первые, буйные порывы слишкомъ богатой организаціи, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившаго съ Фальстафомъ, Пойнсомъ и мистрисъ Квики, описанною у Шекспира. Варвара Петровна на этотъ разъ не крикнула: „вздоръ, вздоръ!“ какъ повадилась въ послѣднее время покрикивать очень часто на Степана Трофимовича, а, напротивъ, очень прислушалась, велѣла растолковать себѣ подробнѣе, сама взяла Шекспира и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прочла бессмертную хронику. Но хроника ее не успокоила, да и сходства она не такъ много нашла. Она лихорадочно ждала отвѣтовъ на нѣсколько своихъ писемъ. Отвѣты не замедлили; скоро было получено роковое извѣстіе, что принцъ Гарри имѣлъ почти разомъ двѣ дуэли, кругомъ былъ виноватъ въ обѣихъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ наповалъ, а другого искалѣчилъ и, вслѣдствіе таковыхъ дѣяній, былъ отданъ подъ судъ. Дѣло кончилось разжалованіемъ въ солдаты, съ лишеніемъ правъ и ссылкой на службу въ одинъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, да и то еще по особенной милости.

Въ шестьдесятъ третьемъ году ему какъ-то удалось отличиться; ему дали крестикъ и произвели въ унтер-офицеры, а затѣмъ какъ-то ужъ скоро и въ офицеры. Во все это время Варвара Петровна отправила, можетъ-быть, до сотни писемъ въ столицу съ просьбами и мольбами. Она позволила себѣ нѣсколько унизиться въ такомъ необычайномъ случаѣ. Послѣ производства молодой человѣкъ вдругъ вышелъ въ отставку, въ Скворешники опять не пріѣхалъ, а къ матери совсѣмъ уже пересталъ писать. Узнали, наконецъ, посторонними путями, что онъ опять въ Петербургѣ, но что въ прежнемъ обществѣ его уже не встрѣчали вовсе; онъ куда-то какъ бы спрятался. Доискались, что онъ живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то беззапожными чиновниками, отставными военными благородно-просящими милостыню, пьяницами, посещающими грязныя семейства, дни и ночи проводить въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закоулкахъ, опустился, оборвался и что, стало-быть, это ему нравится. Денегъ у матери онъ не просилъ; у него было свое имѣннинце, — бывшая деревенька генерала Ставрогина, которое хоть что-нибудь да давало же доходу и которое, по слу-

хамъ, онъ сдалъ въ аренду одному саксонскому нѣмцу Наконецъ, мать умолила его къ ней пріѣхать, и принг Гарри появился въ нашемъ городѣ. Тутъ - то я въ первый разъ и разглядѣлъ его, а дотолѣ никогда не видывалъ.

Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, и, признаюсь, поразилъ меня. Я ждалъ встрѣтить какого-нибудь грязного оборванца, испитого отъ разврата и отдающаго водкой. Напротивъ, это былъ самый изящный джентльменъ изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось видѣть, чрезвычайно хорошо одѣтый, державшій себя такъ, какъ могъ держать себя только господинъ, привыкшій къ самому утонченному благообразію. Не я одинъ былъ удивленъ: удивлялся и весь городъ, которому, конечно, была уже известна вся біографія господина Ставрогина и даже съ такими подробностями, что невозможно было представить, откуда онѣ могли получиться, и, что всего удивительнѣе, изъ которыхъ половина оказалась вѣрною. Всѣ наши дамы были безъ ума отъ новаго гостя. Онѣ рѣзко раздѣлились на двѣ стороны,— въ одной обожали его, а въ другой ненавидѣли до кровомщенія; но безъ ума были и тѣ и другія. Однѣхъ особенно прельщало, что на душѣ его есть, можетъ-быть, какая-нибудь роковая тайна; другимъ положительно нравилось, что онъ убийца. Оказалось тоже, что онъ былъ весьма порядочно образованъ; даже съ нѣкоторыми познаніями. Познаній, конечно, не много требовалось, чтобы насъ удивить; но онъ могъ судить и о насущныхъ, весьма интересныхъ темахъ и, что всего драгоцѣннѣе, съ замѣчательною разсудительностью. Упомяну, какъ странность: всѣ у насъ, чуть не съ первого дня, нашли его чрезвычайно разсудительнымъ человѣкомъ. Онъ былъ не очень разговорчивъ, изященъ безъ изысканности, удивительно скроменъ и въ то же время смѣлъ и самоувѣренъ, какъ у насъ никто. Наши франты смотрѣли на него съ завистью и совершенно предъ нимъ стушовывались. Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то ужъ очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужъ очень спокойны и ясны, двѣ лица что-то ужъ очень нѣженъ и бѣль, румянецъ что-то ужъ слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловыя,— казалось бы, писаный красавецъ, а въ то же время какъ будто и отвратителъ. Говорили, что лицо его напоминаетъ маску; впрочемъ,

многое говорили, между прочимъ, и о чрезвычайной тѣлесной его силѣ. Росту онъ былъ почти высокаго. Варвара Петровна смотрѣла на него съ гордостью, но постоянно съ беспокойствомъ. Онъ прожилъ у насъ съ полгода—вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся въ обществѣ и съ неуклоннымъ вниманіемъ исполнялъ весь нашъ губернскій этикетъ. Губернатору, по отцу, онъ былъ сродни и въ домѣ его принятъ былъ какъ близкій родственникъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ звѣрь показалъ свои когти.

Кстати, замѣчу въ скобкахъ, что милый, мягкий нашъ Иванъ Осиповичъ, бывшій нашъ губернаторъ, былъ нѣсколько похожъ на бабу, но хорошей фамиліи и со связями,—чѣмъ и объясняется то, что онъ просидѣлъ у насъ столько лѣтъ, постоянно отмахиваясь руками отъ всякаго дѣла. По хлѣбосольству его и гостепріимству, ему бы слѣдовало быть предводителемъ дворянства стараго доброго времени, а не губернаторомъ въ такое хлопотливое время, какъ наше. Въ городѣ постоянно говорили, что управляетъ губерніей не онъ, а Варвара Петровна. Конечно, это было щѣко сказано, но, однакоже,—рѣшительная ложь. Да и мало-ли было на этотъ счетъ потрачено у насъ остроумія. Напротивъ, Варвара Петровна, въ послѣдніе годы, особенно и сознательно устраивала себя отъ всякаго высшаго назначенія, несмотря на чрезвычайное уваженіе къ ней всего общества, и добровольно заключилась въ строгіе предѣлы, ею самою себѣ поставленные. Вместо высшихъ назначеній, она вдругъ начала заниматься хозяйствомъ, и въ два-три года подняла доходность своего имѣнія чуть не на прежнюю степень. Вместо прежнихъ поэтическихъ порывовъ (поѣздки въ Петербургъ, намѣренія издавать журналъ и проч.), она стала копить и скучиться. Даже Степана Трофимовича отдалила отъ себя, позволивъ ему нанимать квартиру въ другомъ домѣ (о чёмъ тотъ давно уже приставалъ къ ней самъ подъ разными предлогами). Мало-по-малу Степанъ Трофимовичъ сталъ называть ее прозаическою женщиной или еще шутливо: „своимъ прозаическимъ другомъ“. Разумѣется, эти шутки онъ позволялъ не иначе, какъ въ чрезвычайно почтительномъ видѣ и долго выбирая удобную минуту.

Всѣ мы, близкіе, понимали, — а Степанъ Трофимовичъ чувствительнѣе всѣхъ насъ,—что сынъ явился предъ ней теперь какъ бы въ видѣ новой надежды и даже въ видѣ

какой-то новой мечты. Страсть ея къ сыну началась со временем удачъ его въ петербургскомъ обществѣ и особенно усилилась съ той минуты, когда получено было извѣстіе о разжалованіи его въ солдаты. А между тѣмъ она очевидно боялась его и казалась предъ нимъ словно рабой. Замѣтно было, что она боялась чего-то неопределеннаго, таинственнаго, чего и сама не могла бы выскажать, и много разъ непримѣтно и пристально приглядывалась къ Nicolas, что-то соображая и разгадывая... и вотъ — звѣрь вдругъ выпустилъ свои когти.

II.

Нашъ принцъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлалъ двѣ-три невозможныя дерзости разнымъ лицамъ, то-есть главное именно въ томъ состояло, что дерзости эти совсѣмъ неслыханныя, совершенно ни на что не похожія, совсѣмъ не такія, какія въ обыкновенномъ употребленіи, совсѣмъ дрянныя и мальчишническія, и чортъ знаетъ для чего, совершенно безъ всякаго повода. Одинъ изъ почтенѣйшихъ старшинъ нашего клуба, Петръ Павловичъ Гагановъ, человѣкъ пожилой и даже заслуженный, взялъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: „Нѣть-съ, меня не проведутъ за носъ!“ Оно и пусть бы. Но однажды въ клубѣ, когда онъ, по какому-то горячему поводу, проговорилъ этотъ афоризмъ собравшейся около него кучкѣ клубныхъ посѣтителей (и все людей не послѣднихъ), Николай Всеволодовичъ, стоявшій въ сторонѣ одинъ и къ которому никто и не обращался, вдругъ подошелъ къ Петру Павловичу, неожиданно, но крѣпко ухватилъ его за носъ двумя пальцами и успѣлъ протянуть за собою по залѣ два-три шага. Злобы онъ не могъ имѣть никакой на господина Гаганова. Можно было подумать, что это чистое школьничество, разумѣется, непростительнейшее; и, однакоже, рассказывали потомъ, что онъ въ самое мгновеніе операдіи былъ почти задумчивъ, „точно какъ бы съ ума сошелъ“, но это уже долго спустя припомнили и сообразили. Сгоряча всѣ сначала запомнили только второе мгновеніе, когда онъ уже навѣрно все понималъ въ настоящемъ видѣ и не только не смущился, но, напротивъ, улыбался злобно и весело, „безъ малѣйшаго раскаянія“. Шумъ поднялся ужаснѣйший; его окружили. Николай Всеволодовичъ повертывался и посматривалъ кругомъ, не отвѣчая никому и съ любопытствомъ

приглядываясь къ восхищавшимъ лицамъ. Наконецъ, вдругъ какъ будто задумался опять, — такъ, по крайней мѣрѣ, передавали, — нахмурился, твердо подошелъ къ оскорбленному Петру Павловичу, и скороговоркой, съ видимою досадой, пробормоталъ:

— Вы, конечно, извините... Я, право, не знаю, какъ мнѣ вдругъ захотѣлось... глупость...

Небрежность извиненія равнялась новому оскорблению. Крикъ поднялся еще пуще. Николай Всеволодовичъ пожалъ плечами и вышелъ.

Все это было очень глупо, не говоря уже о безобразіи—безобразіи разсчитанномъ и умышленномъ, какъ казалось съ первого взгляда, а, стало-быть, составлявшемъ умышленное до послѣдней степени наглое оскорблениe всему нашему обществу. Такъ и было это всѣми понято. Начали съ того, что немедленно и единодушно исключили господина Ставрогина изъ числа членовъ клуба; затѣмъ порѣшили отъ лица всего клуба обратиться къ губернатору и просить его немедленно (не дожидаясь, пока дѣло начнется формально судомъ) обуздать вреднаго буяна, столичнаго „бретера, ввѣренною ему административною властью, и тѣмъ оградить спокойствіе всего порядочнаго круга нашего города отъ вредныхъ посягновеній“. Съ злобною невинностію прибавляли при этомъ, что, „можетъ-быть, и на господина Ставрогина найдется какой-нибудь законъ“. Именно эту фразу приготовляли губернатору, чтобы уколоть его за Варвару Петровну. Размазывали съ наслажденiemъ. Губернатора, какъ нарочно, не случилось тогда въ городѣ; онъ уѣхалъ неподалеку крестить ребенка у одной интересной и недавней вдовы, оставшейся послѣ мужа въ интересномъ положеніи; но знали, что онъ скоро воротится. Въ ожиданіи же устроили почтенному и обиженному Петру Павловичу цѣлую овацию: обнимали и цѣловали его; весь городъ перебывалъ у него съ визитомъ.. Проектировали даже въ честь его по подпискѣ обѣдъ, и только по усиленной его же просьбѣ оставили эту мысль,—можетъ-быть, смѣкнувъ, наконецъ, что человѣка все-таки протащили за носъ и что, стало-быть, очень-то ужъ торжествовать нечего.

И, однако, какъ же это случилось? Какъ могло это случиться? Замѣчательно именно то обстоятельство, что никто у насъ, въ цѣломъ городѣ, не приписалъ этого дикаго поступка сумасшествію. Значитъ, отъ Николая Всеволо-

довича, и отъ умнаго, наклонны были ожидать такихъ же поступковъ. Со своей стороны, я даже до сихъ поръ не знаю, какъ объяснить, несмотря даже на вскорѣ послѣдовавшее событіе, казалось бы все объяснившее и всѣхъ, навидимому, умиротворившее. Прибавлю тоже, что четыре года спустя, Николай Всеволодовичъ, на мой осторожный вопросъ насчетъ этого прошедшаго случая въ клубѣ, отвѣтилъ нахмурившись: „Да, я былъ тогда не совсѣмъ здоровъ“. Но забѣгать впередъ нечего.

Любопытенъ былъ для меня и тотъ взрывъ всеобщей ненависти, съ которой всѣ у насъ накинулись тогда на „буяна и столичнаго бретера“. Непремѣнно хотѣли видѣть наглый умыселъ и разсчитанное намѣреніе разомъ оскорбить все общество. Подлинно не угодилъ человѣкъ никому и, напротивъ, всѣхъ вооружилъ,—а чѣмъ бы, кажется? До послѣдняго случая онъ ни разу ни съ кѣмъ не поссорился и никого не оскорбилъ, а ужъ вѣжливъ былъ такъ, какъ кавалеръ съ модной картинки, если бы только тотъ могъ заговорить. Полагаю, что за гордость его ненавидѣли. Даже наши дамы, начавшія обожаніемъ, вонили теперь противъ него еще пуще мужчинъ.

Варвара Петровна была ужасно поражена. Она призналась потомъ Степану Трофимовичу, что все это она давно предугадывала, всѣ эти полгода каждый день, и даже именно въ „этомъ самомъ родѣ“, признаніе замѣчательное со стороны родной матери. — „Началось!“ подумала она, содрогаясь. На другое утро, послѣ рокового вечера въ клубѣ, она приступила, осторожно, но рѣшительно, къ объясненію съ сыномъ, а, между тѣмъ, вся такъ и трепетала, бѣдная, несмотря на рѣшимость. Она всю ночь не спала и даже ходила рано утромъ совѣщаться къ Степану Трофимовичу и у него заплакала, чего никогда еще съ нею при людяхъ не случалось. Ей хотѣлось, чтобы Nicolas, по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь ей сказалъ, хоть объясниться бы удостоилъ. Nicolas, всегда столь вѣжливый и почтительный съ матерью, слушалъ ее нѣкоторое время насупившись, но очень серьезно; вдругъ всталъ, не отвѣтивъ ни слова, поцѣловалъ у ней ручку и вышелъ. А въ тотъ же день, вечеромъ, какъ нарочно подоспѣлъ и другой скандалъ, хотя и гораздо послабѣе и пообыкновеннѣе первого, но тѣмъ не менѣе, благодаря всеобщему настроенію, весьма усилившій городскіе вопли.

Именно подвернулся напѣтъ пріятель Чипутинъ. Онъ

явился къ Николаю Всеволодовичу тотчасъ послѣ объясненія того съ мамашей и убѣдительно просилъ его сдѣлать честь пожаловать къ нему въ тотъ же день на вечеринку, по поводу дня рожденія его жены. Варвара Петровна уже давно съ содроганіемъ смотрѣла на такое низкое направлѣніе знакомствъ Николая Всеволодовича, но замѣтить ему ничего не смѣла на этотъ счетъ. Онъ уже и кромѣ того завелъ нѣсколько знакомствъ въ этомъ третьестепенномъ слоѣ нашего общества и даже еще ниже,—но ужъ такую имѣль паклонность. У Липутина же въ домѣ до сихъ поръ еще не былъ, хотя съ нимъ сались и встрѣчался. Онъ угадалъ, что Липутинъ зоветъ его теперь вслѣдствіе вчерашняго скандала въ клубѣ и что онъ, какъ мѣстный либералъ, отъ этого скандала въ восторгѣ, искренно думаетъ, что такъ и надо поступать съ клубными старшинами, и что это очень хорошо. Николай Всеволодовичъ разсмѣялся и обѣщалъ пріѣхать.

Гостей набралось множество; народъ былъ не казистый, но разбитной. Самолюбивый и завистливый Липутинъ всего только два раза въ годъ созывалъ гостей, но ужъ въ эти разы не скучился. Самый почтеннѣйшій гость, Степанъ Трофимовичъ, по болѣзни, не пріѣхалъ. Подавали чай, стояла обильная закуска и водка; играли на трехъ столахъ, а молодежь, въ ожиданіи ужина, затѣяла подъ фортепіано танцы. Николай Всеволодовичъ поднялъ мадамъ Липутину — чрезвычайно хорошенѣкую дамочку, ужасно предъ нимъ робѣвшую, — сдѣлалъ съ нею два тура, усѣлся подлѣ, разговорилъ, разсмѣшилъ ее. Замѣтивъ, наконецъ, какая она хорошенѣкая когда смѣется, онъ вдругъ, при всѣхъ гостяхъ, обхватилъ ее за талию и подѣловалъ въ губы, раза три сряду, въ полную сласть. Испуганная бѣдная женщина упала въ обморокъ. Николай Всеволодовичъ взялъ шляпу, подошелъ къ оторопѣвшему среди всеобщаго смятенія супругу, глядя на него сконфузился и самъ и, пробормотавъ ему наскоро: „не сердитесь“, вышелъ. Липутинъ побѣжалъ за нимъ въ переднюю, собственоручно подалъ ему шубу и съ поклонами проводилъ съ лѣстницы. Но завтра же, какъ разъ, подоспѣло довольно забавное прибавленіе къ этой въ сущности невинной исторіи, говоря сравнительно — прибавленіе, доставившее съ тѣхъ поръ Липутину нѣкоторый даже почетъ, которымъ онъ и сумѣлъ воспользоваться въ полную свою выгоду.

Часовъ въ десять утра, въ домѣ г-жи Ставрогиной явилась работница Липутина, Агаэя, развязная, бойкая и румяная бабенка, лѣтъ тридцати, посланная имъ съ поручениемъ къ Николаю Всеволодовичу и непремѣнно желавшая „повидать ихъ самихъ-съ“. У него очень болѣла голова, но онъ вышелъ. Варварѣ Петровнѣ удалось присутствовать при передачѣ порученія.

— Сергеѣй Васильичъ (то-есть Липутинъ), бойко затараторила Агаэя,— перво-нѣ-перво приказали вамъ очень кланяться и о здоровыи спросить-съ, какъ послѣ вчерашняго изволили почивать и какъ изволите теперь себя чувствовать, послѣ вчерашняго-съ?

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Кланяйся и благодари, да скажи ты своему барину, отъ меня, Агаэя, что онъ самый умный человѣкъ во всемъ городѣ.

— А они противъ этого приказали вамъ отвѣтить-съ, еще бойчѣе подхватила Агаэя,— что они и безъ васъproto знаютъ и вамъ того же желають.

— Вотъ! Да какъ могъ онъ узнать про то, что я тебѣ скажу?

— Ужъ не знаю, какимъ это манеромъ узнали-съ, а когда я вышла и ужъ весь проулокъ прошла, слышу, они меня догоняютъ, безъ картуза-съ: „Ты, говорятъ, Агаэюшка, если, по отчаяніи, прикажутъ тебѣ: „Скажи, дескать, своему барину, что онъ умнѣй во всемъ городѣ“, такъ ты имъ тотчасъ на то не забудь: „Сами очинно хорошо про то знаемъ-съ и вамъ того же самаго желаемъ-съ“...

III.

Наконецъ, произошло объясненіе и съ губернаторомъ. Милый, мягкий нашъ Иванъ Осиповичъ только что воротился и только что успѣлъ выслушать горячую клубную жалобу. Безъ сомнѣнія, надо было что-нибудь сдѣлать, но онъ смущился. Гостепріимный нашъ старичокъ тоже какъ будто побаивался своего молодого родственника. Онъ рѣшился, однако, склонить его извиниться предъ клубомъ и предъ обиженнымъ, но въ удовлетворительномъ видѣ и, если потребуется, то и письменно; а затѣмъ мягко уговорить его настѣ оставить, уѣхавъ, напримѣръ, для любознательности въ Италію, и вообще куда-нибудь за границу. Въ затѣ, куда вышелъ опять принять на этотъ разъ

Николая Всеволодовича (въ другіе разы прогуливавшагося, на правахъ родственника, по всему дому невозбранно), воспитанный Алеша Телятниковъ, чиновникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашній у губернатора человѣкъ, распечатывалъ въ углу у стола пакеты; а въ слѣдующей комнатѣ, у ближайшаго къ дверямъ залы окна, помѣстился одинъ заѣзжій, толстый и здоровый полковникъ, другъ и бывшій сослуживецъ Ивана Осиповича, и читалъ „Голосъ“, разумѣется, не обращая никакого вниманія на то, что происходило въ залѣ; даже и сидѣлъ спиной. Иванъ Осиповичъ заговорилъ отдаленно, почти шепотомъ, но все нѣсколько путался. Nicolas смотрѣлъ очень нелюбезно, совсѣмъ не по-родственному, былъ блѣденъ, сидѣлъ потупившись и слушалъ, сдвинувъ брови, какъ будто преодолѣвая сильную боль.

— Сердце у васъ доброе, Nicolas, и благородное, включилъ, между прочимъ, старичокъ, — человѣкъ вы образованнѣйший, вращались въ кругу высшемъ, да и здѣсь до селѣ держали себя образцомъ и тѣмъ успокоили сердце дорогой намъ всѣмъ матушки вашей... И вотъ теперь все опять является въ такомъ загадочномъ и опасномъ для всѣхъ колоритѣ! Говорю какъ другъ вашего дома, какъ искренно любящій васъ пожилой и вамъ родной человѣкъ, отъ котораго нельзя обижаться... Скажите, что побуждаетъ васъ къ такимъ необузданнымъ поступкамъ, вѣнѣ всякихъ принятыхъ условій и мѣръ? Что могутъ означать такія выходки, подобно какъ въ бреду.

Nicolas слушалъ съ досадой и съ нетерпѣніемъ. Вдругъ какъ бы что-то хитрое и насмѣшливое промелькнуло въ его взглѣдѣ.

— Я вамъ, пожалуй, скажу, что побуждаетъ, угрюмо проговорилъ онъ и, оглядѣвшись, наклонился къ уху Ивана Осиповича.

Воспитанный Алеша Телятниковъ отдалился еще шага на три къ окну, а полковникъ кашлянулъ за „Голосомъ“. Бѣдный Иванъ Осиповичъ поспѣшно и довѣрчиво протянулъ свое ухо; онъ до крайности былъ любопытенъ. И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто совершенно невозможное, а съ другой стороны и слишкомъ ясное въ одномъ отношеніи. Старичокъ вдругъ почувствовалъ, что Nicolas, вмѣсто того, чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секретъ, вдругъ прихватилъ зубами и довольно крѣпко стиснулъ въ нихъ верхнюю часть его уха. Онъ задрожалъ, и духъ его прервался.

— Nicolas, что за шутки! простонал онъ машинально, не своимъ голосомъ.

Алеша и полковникъ еще не успѣли ничего понять, да имъ и не видно было, и до конца казалось, что тѣ шепчутся; а между тѣмъ отчаянное лицо старика ихъ тревожило. Они смотрѣли выпуча глаза другъ на друга, не зная, броситься ли имъ на помощь, какъ было условлено, или еще подождать. Nicolas замѣтилъ, можетъ-быть, это и притиснулъ ухо побольнѣе.

— Nicolas, Nicolas! простонала опять жертва. — Ну... пошутилъ и довольно...

Еще мгновеніе и, конечно, бѣдный умеръ бы отъ испуга; но извергъ помиловалъ и выпустилъ ухо. Весь этотъ смертный страхъ продолжался съ полную минуту, и со старикомъ послѣ того приключился какой-то припадокъ. Но черезъ полчаса Nicolas былъ арестованъ и отведенъ, покамѣстъ, на гауптвахту, гдѣ и запертъ въ особую каморку, съ особымъ часовыемъ у дверей. Рѣшеніе было рѣзкое, но нашъ мягкий начальникъ до того разсердился, что рѣшился взять на себя отвѣтственность даже предъ самой Варварой Петровной. Ко всеобщему изумленію, этой дамѣ, поспѣшно и въ раздраженіи прибывшей къ губернатору для немедленныхъ объясненій, было отказано у крыльца въ приемѣ; съ тѣмъ она и отправилась, не выходя изъ кареты, обратно домой, не вѣря самой себѣ.

И наконецъ-то все объяснилось! Въ два часа пополудни, арестантъ, дотолѣ удивительно спокойный и даже заснувшій, вдругъ зашумѣлъ, сталъ неистово бить кулаками въ дверь, съ пеестественною силой оторвалъ отъ копца въ дверяхъ желѣзную рѣшетку, разбилъ стекло и изрѣзалъ себѣ руки. Когда караульный офицеръ прибѣжалъ съ командой и ключами и велѣлъ отпереть казематъ, чтобы броситься на взбѣсившагося и связать его, то оказалось, что тотъ былъ въ сильнѣйшей бѣлой горячкѣ; его перевезли домой къ мамашѣ. Все разомъ объяснилось. Всѣ три наши доктора дали мнѣніе, что и за три дня передъ симъ болезнью могъ уже быть какъ въ бреду, и хотя и владѣлъ, повидимому, сознаніемъ и хитростью, но уже не здравымъ разсудкомъ и волей, что, впрочемъ, подтверждалось и фактами. Выходило, такимъ образомъ, что Липутинъ раньше всѣхъ догадался. Иванъ Осиповичъ, человѣкъ деликатный и чувствительный, очень сконфузился; но любопытно, что и онъ считалъ, стало-быть, Ни-

колая Всеволодовича способнымъ на всякий сумасшедший поступокъ въ полномъ разсудкѣ. Въ клубѣ тоже устыдились и недоумѣвали, какъ это они всѣ слона не примѣтили и упустили единственное возможное объясненіе всѣмъ чудесамъ. Явились, разумѣется, и скептики, но продержались недолго.

Nicolas пролежалъ слишкомъ два мѣсяца. Изъ Москвы былъ выписанъ извѣстный врачъ для консилиума; весь городъ посыпалъ Барбару Петровну. Она простила. Когда, къ веснѣ, Nicolas совсѣмъ уже выздоровѣлъ и, безъ вся-
каго возраженія, согласился на предложеніе мамаши сѣѣз-
дить въ Италію, то она же и упросила его сдѣлать всѣмъ
у насъ прощальные визиты и при этомъ, сколько возможно
и гдѣ надо, извиниться. Nicolas согласился съ большою
охотой. Въ клубѣ извѣстно было, что онъ имѣлъ съ Не-
тромъ Павловичемъ Гагановымъ деликатѣйшее объясне-
ніе у того въ домѣ, которымъ тотъ остался совершенно
доволенъ. Разъѣзжая по визитамъ, Nicolas былъ очень
серъезенъ и нѣсколько даже мраченъ. Всѣ приняли его,
повидимому, съ полнымъ участіемъ, но всѣ почему-то кон-
фузились и рады были тому, что онъ уѣзжаетъ въ Италію.
Иванъ Осиповичъ даже прослезился, но почему-то не
рѣшился обнять его даже и при послѣднемъ прощаніи.
Право, нѣкоторые у насъ такъ и остались въ увѣренности,
что негодяй просто насмѣялся надъ всѣми, а болѣзнь —
это что-нибудь такъ. Заѣхалъ онъ и къ Липутину.

— Скажите, спросилъ опять его, — какимъ образомъ вы
могли заранѣе угадать то, что я скажу о вашемъ умѣ, и
снабдить Агаѣю отвѣтомъ?

— А такимъ образомъ, засмѣялся Липутинъ, — что вѣдь
и я васъ за умнаго человѣка почитаю, а потому и отвѣтъ
вашъ заранѣе могъ предузнать.

— Все-таки замѣчательное совпаденіе. Но, однако, по-
звольте: вы, стало-быть, за умнаго же человѣка меня почи-
тали, когда присыпали Агаѣю, а не за сумасшедшаго?

— За умнѣйшаго и разсудительнѣйшаго, а только видѣ-
тай подальше, будто вѣрю про то, что вы не въ разсуд-
кѣ... Да и сами вы о моихъ мысляхъ немедленно тогда
догадались и мнѣ, чрезъ Агаѣю, патентъ на остроуміе
выслали.

— Ну, тутъ вы немного ошибаетесь; я въ самомъ дѣлѣ...
былъ нездоровъ... пробормоталъ Николай Всеволодовичъ,
нахмурившись. — Ба! вскричалъ опять, — да неужели вы и вѣ-

самомъ дѣлѣ думаете, что я способенъ бросаться на людей въ полномъ разсудкѣ? Да для чего же бы это?

Липутина скрючился и не сумѣлъ отвѣтить. Nicolas нѣсколько поблѣднѣлъ, или такъ показалось Липутина.

— Во всякомъ случаѣ у васъ очень забавное настроение мыслей, продолжалъ Nicolas,—а про Агаю я, разумѣется, понимаю, что вы ее обругать меня присылали.

— Не на дуэль же было васъ вызывать-сь?

— Ахъ, да, бишь! Я вѣдь слышалъ что-то, что вы дуэли не любите...

— Что съ французскаго-то переводить! опять скрючился Липутина.

— Народности придерживаетесь?

Липутина еще болѣе скрючился.

— Ба, ба! Что я вижу! вскричалъ Nicolas, вдругъ, замѣтивъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на столѣ, томъ Консiderана.—Да ужъ не фурьеристы-ли вы? Вѣдь чего доброго! Такъ развѣ это не тотъ же переводъ съ французскаго? засмѣялся онъ, стучая пальцами въ книгу.

— Нѣть, это не съ французскаго переводъ! съ какою-то даже злобой привскочилъ Липутина.—Это со всемирно-человѣческаго языка будетъ переводъ-сь, а не съ одного только французскаго! Съ языка всемирно-человѣческой соціальной республики и гармоніи, вотъ что-сь! А не съ французскаго одного!..

— Фу, чортъ, да такого и языка совсѣмъ нѣть! продолжалъ смѣяться Nicolas.

Иногда даже мелочь поражаетъ исключительно и надолго вниманіе. О господинѣ Ставрогинѣ вся главная рѣчь впереди; но теперь стмѣчу, ради курьеза, что изъ всѣхъ впечатлѣній его, за все время, проведенное имъ въ нашемъ городѣ, всего рѣзче отпечаталась въ его памяти неврачна и чуть не подленькая фигурка губернскаго чиновничишка, ревнивца и семейнаго грубаго деспота, скряги и процентщика, запиравшаго остатки отъ обѣда и огарки на ключъ и въ то же время яростнаго сектатора Богъ знаетъ какой будущей „соціальной гармоніи“, упивавшагося по ночамъ восторгами предъ фантастическими картины будущей фаланстеры, въ ближайшее осуществленіе которой въ Россіи и въ нашей губерніи онъ вѣрилъ, какъ въ свое собственное существованіе. И это тамъ, где самъ же онъ скопилъ себѣ „домишко“, где во второй разъ женился и взялъ за женой деньжонки, где, можетъ-быть,

на сто верстъ кругомъ не было ни одного человѣка, начиная съ него первого, хоть бы съ виду только похожаго на будущаго члена „всемирно-общечеловѣческой соціальной республики и гармоніи“.

„Богъ знаетъ, какъ эти люди дѣлаются!“ думалъ Nicolas въ недоумѣніи, припоминая иногда неожиданного фурьеиста.

IV.

Нашъ принцъ путешествовалъ три года слишкомъ, такъ что въ городѣ почти о немъ позабыли. Намъ же извѣстно было, чрезъ Степана Трофимовича, что онъ изѣздилъ всю Европу, былъ даже въ Египтѣ и заѣзжалъ въ Іерусалимъ; потомъ примазался гдѣ-то къ какой-то ученой экспедиціи въ Исландію, и дѣйствительно побывалъ въ Исландіи. Передавали тоже, что онъ одну зиму слушалъ лекціи въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Онъ мало писалъ къ матери,—разъ въ полгода и даже рѣже; но Варвара Петровна не сердилась и не обижалась. Разъ установившіяся отношенія съ сыномъ она приняла безропотно и съ покорностію, тосковала и мечтала о своемъ Nicolas непрерывно. Ни мечтаній, ни жалобъ своихъ не сообщала никому. Даже отъ Степана Трофимовича, повидимому, нѣсколько отдалилась. Она создавала какие-то планы про себя и, кажется, сдѣлалась еще скучѣе, чѣмъ прежде, и еще пуще стала копить и сердиться за карточные проигрыши Степана Трофимовича.

Наконецъ, въ апрѣль нынѣшняго года, она получила письмо изъ Парижа, отъ генеральши Прасковьи Ивановны Дроздовой, подруги своего дѣтства. Въ письмѣ своемъ Прасковья Ивановна,—съ которою Варвара Петровна не видалась и не переписывалась лѣтъ уже восемь,—увѣдомляла ее, что Николай Всеволодовичъ коротко сошелся съ ихъ домомъ и подружился съ Лизой (единственно ея docherью) и намѣренъ сопровождать ихъ лѣтомъ въ Швейцарію, въ Vernex-Montreux, несмотря на то, что въ семействѣ графа К... (весъма вліятельнаго въ Петербургѣ лица), пребывающаго теперь въ Парижѣ, принялъ, какъ родной сынъ, такъ что почти живеть у графа. Письмо было краткое и обнаруживало ясно свою цѣль, хотя кромѣ вышенназванныхъ фактовъ никакихъ выводовъ не заключало. Варвара Петровна долго не думала, мигомъ рѣшилась и собралась, захватила съ собою свою воспитанницу Дашу (сестру Шатова) и въ половинѣ апрѣля покатила въ Па-

рижъ и потомъ въ Швейцарію. Воротилась она въ іюль одна, оставивъ Дашу у Дроздовыхъ; сами же Дроздовы, по привезенному ею извѣстію, обѣщали явиться къ намъ въ концѣ августа.

Дроздовы были тоже помѣщики намѣй губерніи, но служба генерала Ивана Ивановича (бывшаго пріятеля Варвары Петровны и сослуживца ея мужа) постоянно мѣшиала имъ навѣстить когда-нибудь ихъ великолѣпное помѣстіе. По смерти же генерала, приключившейся въ прошломъ году, неутѣшная Прасковья Ивановна отправилась съ дочерью за границу, между прочимъ и съ намѣреніемъ употребить виноградное лѣченіе, которое и располагала совершить въ Vernex-Montreux во вторую половину лѣта. По возвращеніи же въ отчество намѣревалась поселиться въ нашей губерніи навсегда. Въ городѣ у нея былъ большой домъ, много уже лѣтъ стоявшій пустымъ, съ заколоченными окнами. Люди были богатые. Прасковья Ивановна, въ первомъ супружествѣ госпожа Тушина, была, какъ и пансіонская подруга ея Варвара Петровна, тоже дочерью откупщика прошедшаго времени, и тоже вышла замужъ съ большими придаными. Отставной штабсъ-ротмистръ Тушинъ и самъ былъ человѣкъ со средствами и съ нѣкоторыми способностями. Умирая, онъ завѣщалъ своей семилѣтней и единственной дочери Лизѣ хороший капиталъ. Теперь, когда Лизаветѣ Николаевнѣ было уже около двадцати двухъ лѣтъ, за нею смыло можно было считать до двухсотъ тысячъ рублей одинѣхъ ея собственныхъ денегъ, не говоря уже о состояніи, которое должно было ей достаться современемъ послѣ матери, не имѣвшей дѣтей во второмъ супружествѣ. Варвара Петровна была, повидимому, весьма довольна своею поѣздкой. По ея мнѣнію, она успѣла сговориться съ Прасковьей Ивановной удовлетворительно и тотчасъ же по прїездѣ сообщила все Степану Трофимовичу; даже была съ нимъ весьма экспансиона, чтѣ давно уже съ нею не случалось.

— Ура! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ и прищелкнулъ пальцами.

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что все время разлуки со своимъ другомъ провелъ въ крайнемъ уныніи. Уѣзжая за границу, она даже съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ и ничего не сообщила изъ своихъ плановъ „этой бабѣ“, опасаясь, можетъ-быть, чтобъ онъ чего не разболталъ. Она сердилась на него тогда за зна-

чительный карточный проигрышъ, внезапно обнаружившійся. Но еще въ Швейцаріи почувствовала сердцемъ своимъ, что брошенного друга надо, по возвращеніи, вознаградить, тѣмъ болѣе, что давно уже сурово съ нимъ обходилась. Быстрая и таинственная разлука поразила и истерзала робкое сердце Степана Трофимовича, и, какъ нарочно, разомъ подошли и другія недоумѣнія. Его мутило одно весьма значительное и давнишнее денежное обязательство, которое безъ помощи Варвары Петровны никакъ не могло быть удовлетворено. Кроме того, въ маѣ нынѣшняго года, окончилось, наконецъ, губернаторствованіе нашего доброго, мягкаго Ивана Осиповича; его смѣнили, и даже съ непріятностями. Затѣмъ, въ отсутствіе Варвары Петровны, произошелъ и вѣзда нашаго новаго начальника, Андрея Антоновича фонъ-Лембке; вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же началось и замѣтное измѣненіе въ отношеніяхъ почти всего нашего губернскаго общества къ Варварѣ Петровнѣ, а, стало-быть, и къ Степану Трофимовичу. По крайней мѣрѣ, онъ уже успѣлъ собрать нѣсколько непріятныхъ, хотя и драгоцѣнныхъ наблюденій и, кажется, очень оробѣлъ одинъ безъ Варвары Петровны. Онъ съ волненіемъ подозрѣвалъ, что о немъ уже донесли новому губернатору, какъ о человѣкѣ опасномъ. Онъ узналъ положительно, что нѣкоторая изъ нашихъ дамъ намѣревались прекратить къ Варварѣ Петровнѣ визиты. О будущей губернаторшѣ (которую ждали у насъ только къ осени) повторяли, что она хотя, слышно, и гордячка, но зато уже настоящая аристократка, а не то что „какая-нибудь наша несчастная Варвара Петровна“. Всѣмъ откудова-то было достовѣрно извѣстно съ подробностями, что новая губернаторша и Варвара Петровна уже встрѣчались нѣкогда въ свѣтѣ и разстались враждебно, такъ что одно уже напоминаніе о г-жѣ фонъ-Лембке производить, будто бы, на Варвару Петровну впечатлѣніе болѣзненное. Бодрый и побѣдоносный видъ Варвары Петровны, презрительное равнодушіе, съ которымъ она выслушала о мнѣніяхъ нашихъ дамъ и о волненіи общества, воскресили упавшій духъ робѣвшаго Степана Трофимовича и мигомъ развеселили его. Съ особеннымъ, радостно-угодливымъ юморомъ, сталъ было онъ ей расписывать про вѣзду новаго губернатора.

— Вамъ, excellente amie, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, говорилъ онъ, кокетничая и щегольски растягивая слова,—

что такое значить русский администраторъ, говоря вообще, и что значить русский администраторъ вновѣ, то-есть нововыпеченный, новопоставленный... Ces interminables mots russes!.. Но врядъ-ли могли вы узнать практически, что такое значить административный восторгъ и какая именно это штука?

— Административный восторгъ? Не знаю что такое.

— То-есть... Vous savez, chez nous... En un mot, поставьте какую - нибудь самую послѣднюю ничтожность у продажи какихъ-нибудь дрянныхъ билетовъ на жѣлѣзную дорогу, и эта ничтожность тотчасъ же сочтетъ себя въ правѣ смотрѣть на васъ Юпитеромъ, когда вы пойдете взять билетъ, pour vous montrer son pouvoir. „Дай-ка, дескать, я покажу надъ тобою мою власть“... И это въ нихъ до административнаго восторга доходитъ... En un mot, я вотъ прочелъ, что какой-то дьячокъ, въ одной изъ нашихъ заграничныхъ церквей,— mais c'est très curieux,— выгналъ, то-есть выгналъ буквально изъ церкви одно замѣчательное англійское семейство, les dames charmantes, предъ самымъ началомъ великопостнаго богослуженія,— vous savez ces chants et le livre de Job... единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что „шататься иностранцамъ по русскимъ церквамъ есть непорядокъ, и чтобы приходили въ показанное время“... и довель до обморока... Этотъ дьячокъ былъ въ припадкѣ административнаго восторга et il a montré son pouvoir...

— Сократите, если можете, Степанъ Трофимовичъ.

— Господинъ фонъ-Лембке поѣхалъ теперь по губерніи. En un mot, этотъ Андрей Антоновичъ, хотя и русскій нѣмецъ православнаго исповѣданія, и даже,—уступлю ему это,— замѣчательно красивый мужчина, изъ сорокалѣтнихъ...

— Съ чего вы взяли, что красивый мужчина? У него бараны глаза.

— Въ высшей степени. Но ужъ я уступаю, такъ и быть, мнѣнию нашихъ дамъ...

— Перейдемте, Степанъ Трофимовичъ, прошу васъ! Кстати, вы носите красные галстуки, давно-ли?

— Это я... я только сегодня...

— А дѣлаете-ли вашъ мօционъ? Ходите-ли ежедневно по шести верстъ прогуливаться, какъ вамъ предписано докторомъ?

— Не... не всегда.

— Такъ я и знала! Я въ Швейцаріи ѿще это предчувствовала! раздражительно вскричала она.—Теперь вы будете не по шести, а по десяти верстъ ходить! Вы ужасно опустились, ужасно, уж-ужасно! Вы не то что постарѣли, вы одряхлѣли... вы поразили меня, когда я васъ увидѣла давече, несмотря на вашъ красный галстукъ... quelle idée rouge! Продолжайте о фонъ-Лембке, если въ самомъ дѣлѣ есть что сказать, и кончите когда-нибудь, прошу васъ; я устала.

— En un mot, я только вѣдь хотѣлъ сказать, что это одинъ изъ тѣхъ начинающихъ въ сорокъ лѣтъ администраторовъ, которые до сорока лѣтъ прозябаютъ въ ничтожествѣ и потомъ вдругъ выходятъ въ люди, посредствомъ внезапно пріобрѣтенной супруги, или какимъ-нибудь другимъ, не менѣе отчаяннымъ средствомъ... То-есть онъ теперь уѣхалъ... то-есть я хочу сказать, что про меня тотчасъ же нашептали въ оба уха, что я развратитель молодежи и разсадникъ губернского атеизма... Онъ тотчасъ же началъ справляться.

— Да правда-ли?

— Я даже мѣры принялъ. Когда про васъ „до - ложили“, что вы „управляли губерніей“, vous savez, — онъ позволилъ себѣ выразиться, что „подобного болѣе не будетъ“.

— Такъ и сказалъ?

— Что „подобного болѣе не будетъ“, и avec cette mogue... Супругу, Юлію Михайловну, мы узримъ здѣсь въ концѣ августа, прямо изъ Петербурга.

— Изъ-за границы. Мы встрѣтились.

— Vraiment?

— Въ Парижѣ и въ Швейцаріи. Она Дроздовымъ родня.

— Родня? Какое замѣчательное совпаденіе! Говорятъ, честолюбива и... съ большими будто бы связями?

— Вздоръ, связишкі! До сорока пяти лѣтъ просидѣла въ дѣвкахъ безъ копейки, а теперь выскочила за своего фонъ-Лембке и, конечно, вся ея цѣль теперь его въ люди вытащить. Оба интриганы.

— И, говорятъ, двумя годами старше его?

— Пятью. Мать ея въ Москвѣ хвостъ обшлепала у меня на порогѣ; на балы ко мнѣ, при Всеиволодѣ Николаевичѣ, какъ изъ милости напрашивалась. А эта, бывало, всю ночь одна въ углу сидитъ безъ танцевъ, со своею

бирюзовою мухой на лбу, такъ что я ужъ въ третьемъ часу, только изъ жалости, ей первого кавалера посылаю. Ей тогда двадцать пять лѣтъ уже было, а ее все какъ дѣвчонку въ коротенькомъ платыцѣ вывозили. Ихъ пускать къ себѣ стало неприлично.

— Этую муху я точно вижу.

— Я вамъ говорю, я пріѣхала и прямо на интригу наткнулась. Вы вѣдь читали сейчасъ письмо Дроздовой, что могло быть яспѣ? Чѣмъ же застаю? Сама же эта дура Дроздова,—она всегда только дурой была,—вдругъ смотрить вопросительно: зачѣмъ, дескать, я пріѣхала? Можете представить, какъ я была удивлена! Гляжу, а тутъ финитъ эта Лембке и при ней этотъ кузенъ, старика Дроздова племянникъ — все ясно! Разумѣется, я мигомъ все передѣлала; и Прасковья опять на моей сторонѣ, но интрига, интрига!

— Которую вы, однакоже, побѣдили. О, вы Бисмаркъ!

— Не будучи Бисмаркомъ, я способна однакоже разсмотреть фальшь и глупость, гдѣ встрѣчу. Лембке, это — фальшь, а Прасковья — глупость. Рѣдко я встрѣчала болѣе раскисшую женщину, и вдобавокъ ноги распухли, и вдобавокъ добра. Что можетъ быть глупѣе глупаго добра?

— Злой дуракъ, ma bonne amie, злой дуракъ еще глупѣе, благородно оппонировалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы, можетъ-быть, и правы, вы вѣдь Лизу помните?

— Charmante enfant!

— Но теперь уже не enfant, а женщина, и женщина съ характеромъ. Благородная и пылкая, и люблю въ ней, что матери не спускаеть, довѣрчивой дурѣ. Тутъ изъ-за этого кузена чуть не вышла исторія.

— Ба, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ Лизаветъ Николаевнѣ совсѣмъ не родня... Виды что-ли имѣть?

— Видите, это молодой офицеръ, очень неразговорчивыи, даже скромный. Я всегда желаю быть справедливою. мнѣ кажется, опъ самъ противъ всей этой интриги и ничего не желаетъ, а финтила только Лембке. Очень уважаю Nicolas. Вы понимаете, все дѣло зависитъ отъ Лизы, но я ее въ превосходныхъ отношеніяхъ къ Nicolas остановила, и онъ самъ обѣщался мнѣ непремѣнно пріѣхать къ намъ въ ноябрѣ. Стало-быть, интригуетъ тутъ одна Лембке, а Прасковья только слѣпая женщина. Вдругъ говорить мнѣ, что всѣ мои подозрѣнія — фантазія; я въ глаза

ей отвѣчаю, что она дура. Я на страшномъ судѣ готова подтвердить. И если - бѣ не просьбы Nicolas, чтобы я оставила до времени, то я бы не уѣхала оттуда, не обнаруживъ эту фальшивую женщину. Она у графа К. чрезъ Nicolas заискивала, она сына съ матерью хотѣла раздѣлить. Но Лиза на нашей сторонѣ, а съ Прасковьей я говорилась. Вы знаете, ей Кармазиновъ родственникъ?

— Какъ? Родственникъ мадамъ фонъ-Лембке!

— Ну, да, ей. Дальній.

— Кармазиновъ, нувеллистъ?

— Ну, да, писатель, чего вы удивляетесь? Конечно, онъ самъ себя почитаетъ великимъ. Надутая тварь! Она съ нимъ вмѣстѣ пріѣдетъ, а теперь тамъ съ нимъ но-сится. Она намѣрена что-то завести здѣсь, литературныя собранія какія - то. Онъ на мѣсяцъ пріѣдетъ, послѣднєе имѣніе продавать здѣсь хочетъ. Я чуть было не встрѣтилась съ нимъ въ Швейцаріи и очень того не желала. Впрочемъ, надѣюсь, что меня - то онъ удостоить узнать. Въ старину ко мнѣ письма писалъ, въ домѣ бывалъ. Я бы желала, чтобы вы получше одѣвались, Степанъ Трофимовичъ; вы съ каждымъ днемъ становитесь такъ неряшливы... О, какъ вы меня мучаете! Чѣмъ вы теперь читаete?

— Я... я...

— Понимаю. Попрежнему пріятели, попрежнему попойки, клубъ и карты, и репутація атеиста. Мнѣ эта репутація не нравится, Степанъ Трофимовичъ. Я бы не желала, чтобы васъ называли атеистомъ, особенно теперь не желала бы. Я и прежде не желала, потому что вѣдь все это одна только пустая болтовня. Надо же, наконецъ, сказать.

— Mais, ma chère...

— Слушайте, Степанъ Трофимовичъ, во всемъ ученомъ я, конечно, предъ вами невѣжда, но яѣхала сюда и много о васъ думала. Я пришла къ одному убѣжденію.

— Къ какому же?

— Къ такому, что не мы одни съ вами умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а есть и умнѣе насы.

— И остроумно, и мѣтко. Есть умнѣе, значитъ, есть и правѣе насы, стало - быть, и мы можемъ ошибаться, не такъ-ли? Mais ma bonne amie, положимъ, я ошибусь, но вѣдь имѣю же я мое всечеловѣческое, всегдашнее, верховное право свободной совѣсти? Имѣю же я право не

быть ханжой и изувѣромъ, если того хочу, а за это естественно буду разными господами ненавидимъ до скончанія вѣка. Et puis comme on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я совершенно съ этимъ согласенъ...

— Какъ, какъ вы сказали?

— Я сказалъ: on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ...

— Это вѣрно не ваше; вы вѣрно откудова-нибудь взяли?

— Это Паскаль сказалъ.

— Такъ я и думала... что не вы! Почему вы сами никогда такъ не скажете, такъ коротко и мѣтко, а всегда такъ длинно тянете? Это гораздо лучше, чѣмъ давеча про административный восторгъ...

— Ma foi, chère... почему? Во-первыхъ, потому, вѣроятно, что я все-таки не Паскаль et puis... во-вторыхъ, мы, русскіе, ничего не умѣемъ на своею языкѣ сказать... По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ничего еще не сказали...

— Гм! Это, можетъ-быть, и неправда. По крайней мѣрѣ, вы бы записывали и запоминали такія слова, знаете, въ случаѣ разговора... Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, я съ вами серьезно, серьезно Ѹхала говорить.

— Chère, chère amie!

— Теперь, когда всѣ эти Лембки, всѣ эти Кармазиновы... О, Боже, какъ вы опустились! О, какъ вы меня мучаете!.. Я бы желала, чтобъ эти люди чувствовали къ вамъ уваженіе, потому что они пальца вашего, вашего мизинца не стоять, а вы какъ себя держите! Чѣмъ они увидятъ? Что я имъ покажу? Вместо того, чтобы благородно стоять свидѣтельствомъ, продолжать собою примѣръ, вы окружаете себя какою-то сволочью, вы пріобрѣли какія-то невозможныя привычки, вы одряхлѣли, вы не можете обойтись безъ вина и безъ картъ, вы читаете одного только Поль-де-Кока и ничего не пишете, тогда какъ всѣ они тамъ пишутъ; все ваше время уходитъ на болтовню. Можнo-ли, позволительпо-ли дружиться съ такою сволочью, какъ вашъ неразлучный Лишутинъ?

— Почему же онъ мой и неразлучный? робко протестovalъ Степанъ Трофимовичъ.

— Гдѣ онъ теперь? строго и рѣзко продолжала Варвара Петровна.

— Онъ... онъ васъ безпредѣльно уважаетъ и уѣхалъ въ С—къ, послѣ матери получить наслѣдство.

— Онъ, кажется, только и дѣлаетъ, что деньги получаетъ. Чѣд Шатовъ, все то же?

— Irascible mais bon.

— Терпѣть не могу вашего Шатова; и золь, и о себѣ много думаетъ!

— Какъ здоровье Дарьи Павловны?

— Вы это про Дашу? Чѣд это вамъ вздумалось? любопытно поглядѣла на него Варвара Петровна. — Здорова, у Дроздовыхъ оставила... Я въ Швейцаріи что-то про вашего сына слышала, дурное, а не хорошее.

— Oh, c'est une histoire bien bête! Je vous attendais, ma bonne amie, pour vous raconter...

— Довольно, Степанъ Трофимовичъ, дайте покой; измучилась. Успѣемъ наговориться, особенно про дурное. Вы начинаете брызгаться, когда засмѣетесь, это уже дряхлость какая-то! И какъ странно вы теперь стали смѣяться... Боже, сколько у васъ накопилось дурныхъ привычекъ! Кармазиновъ къ вамъ не поѣдетъ! А тутъ и безъ того всему рады... Вы всего теперь себя обнаружили. Ну, довольно, довольно, устала! Можно же, наконецъ, пощадить человѣка!

Степанъ Трофимовичъ „пощадилъ человѣка“, но удалился въ смущеніи.

V.

Дурныхъ привычекъ, дѣйствительно, завелось у нашего друга не мало, особенно въ самое послѣднее время. Онъ видимо и быстро опустился, и это правда, что онъ сталъ неряшливъ. Пилъ больше, сталъ слезливѣ и слабѣе нервами; сталъ ужъ слишкомъ чутокъ къ изящному. Лицо его получило странную способность измѣняться необыкновенно быстро, съ самого, напримѣръ, торжественного выраженія на самое смѣшное и даже глупое. Не выносиль одночества и безпрерывно жаждалъ, чтобы его поскорѣе развлекли. Надо было непремѣнно разсказать ему какую-нибудь сплетню, городской анекдотъ и притомъ ежедневно новое. Если же долго никто не приходилъ, то онъ тоскливо бродилъ по комнатамъ, подходилъ къ окну, въ задумчивости жевалъ губами, взыхалъ глубоко, а подъ конецъ чуть не хныкалъ. Онъ все что-то предчувствовалъ, боялся чего-то неожиданного, неминуемаго; сталъ пугливъ; стала большое вниманіе обращать на сны.

Весь день этотъ и вечеръ провелъ онъ чрезвычайно грустно, послалъ за мной, очень волновался, долго говор-

риль, долго рассказывалъ, но все довольно безсвязно. Варвара Петровна давно уже знала, что онъ отъ меня ничего не скрываетъ. Мне показалось, наконецъ, что его заботить что-то особенное и такое, чего, пожалуй, онъ и самъ не можетъ представить себѣ. Обыкновенно, прежде, когда мы сходились наединѣ и онъ начинай мнѣ жаловаться, то всегда почти, послѣ некотораго времени, приносилась бутылочка и становилось гораздо утѣшнѣе. Въ этотъ разъ вина не было, и онъ видимо подавлялъ въ себѣ неоднократное желаніе послать за нимъ.

— И чего она все сердится! жаловался онъ поминутно, какъ ребенокъ.—*Tous les hommes de génie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники et des пьяницы, qui boivent en zapoi...* а я еще вовсе не такой картежникъ и не такой пьяница... Укоряеть, зачѣмъ я ничего не пишу! Странная мысль!.. Зачѣмъ я лежу? Вы, говорить, должны стоять „примѣромъ и укоризной“. *Mais entre nous soit dit*, что же и дѣлать человѣку, которому предназначено стоять „укоризной“, какъ не лежать,—знаетъ-ли она это?

И, наконецъ, разъяснилась мнѣ та главная, особенная тоска, которая такъ неотвязчиво въ этотъ разъ его мучила. Много разъ въ этотъ вечеръ подходилъ онъ къ зеркалу и подолгу предъ нимъ останавливался. Наконецъ, повернулся отъ зеркала ко мнѣ и съ какимъ-то страннымъ отчаяніемъ проговорилъ:

— *Mon cher, je suis un opustivshîйсл человѣкъ!*

Да, действительно, до сихъ поръ, до самаго этого дня, онъ въ одномъ только оставался постоянно увѣренныи, несмотря на всѣ „новые взгляды“ и на всѣ „перемѣны идей“ Варвары Петровны, именно въ томъ, что онъ все еще обворожителенъ для ея женскаго сердца, то-есть не только какъ изгнаникъ или какъ славный ученый, но и какъ красивый мужчина. Двадцать лѣть коренилось въ немъ это лъстивое и успокоительное убѣжденіе и, можетъ-быть, изъ всѣхъ его убѣжденій, ему всего тяжелѣе было бы разстаться съ этимъ. Предчувствовалъ-ли онъ въ тотъ вечеръ, какое колоссальное испытаніе готовилось ему въ такомъ близкомъ будущемъ?

VI.

Приступлю теперь къ описанію того, отчасти забытаго, случая, съ котораго, по-настоящему, и начинается моя хроника.

Въ самомъ концѣ августа возвратились, наконецъ, и Дроздовы. Появленіе ихъ немногимъ предшествовало пріѣзду давно ожидаемой всѣмъ городомъ родственницы ихъ, нашей новой губернаторши, и вообще произвело замѣчательное впечатлѣніе въ обществѣ. Но обо всѣхъ этихъ любопытныхъ событіяхъ скажу послѣ; теперь же ограничусь лишь тѣмъ, что Прасковья Ивановна привезла такъ нетерпѣливо ожидавшей ее Варварѣ Петровнѣ одну самую хлопотливую загадку: Nicolas разстался съ ними еще въ іюлѣ и, встрѣтивъ на Рейнѣ графа К., отправился съ нимъ и съ семействомъ его въ Петербургъ. (NB. У графа всѣ три дочери невѣсты).

— Отъ Лизаветы, по гордости и строптивости ея, я ничего не добилась, заключила Прасковья Ивановна,—но видѣла своими глазами, что у ней съ Николаемъ Всеволодовичемъ что-то произошло. Не знаю причинъ, но, кажется, придется вамъ, другъ мой, Варвара Петровна, спросить о причинахъ вашу Дарью Павловну. По-моему, такъ Лиза была обижена. Рада-радѣшенька, что привезла вамъ, наконецъ, вашу фаворитку и сдаю съ рукъ на руки: съ плечъ долой.

Произнесены были эти ядовитыя слова съ замѣчательнымъ раздраженiemъ. Видно было, что „раскисшая женщина“ заранѣе ихъ приготовила и впередъ наслаждалась ихъ эффектомъ. Но не Варвару Петровну можно было озадачить сентиментальными эффектами и загадками. Она строго потребовала самыхъ точныхъ и удовлетворительныхъ объясненій. Прасковья Ивановна немедленно понизила тонъ и даже кончила тѣмъ, что расплакалась и пустилась въ самая дружескія изліянія. Эта раздражительная, но сентиментальная дама, тоже какъ и Степанъ Трофимовичъ, безпрерывно нуждалась въ истинной дружбѣ, и главнѣйшая ея жалоба на дочь ея, Лизавету Николаевну, состояла именно въ томъ, что „дочь ей не другъ“.

Но изъ всѣхъ ея объясненій и изліяній оказалось точнымъ лишь одно то, что дѣйствительно между Лизой и Nicolas произошла какая-то размолвка, но какого рода была эта размолвка — о томъ Прасковья Ивановна, очевидно, не сумѣла составить себѣ опредѣленнаго понятія. Отъ обвиненій же, изводимыхъ на Дарью Павловну, она не только совсѣмъ, подъ конецъ, отказалась, но даже особенно просила не давать давешнимъ словамъ ея никакого значенія, потому что сказала она ихъ „въ раздра-

женії". Однимъ словомъ, все выходило очень неясно, даже подозрительно. По рассказамъ ея, размолвка началась отъ „строптиваго и насмѣшливаго“ характера Лизы; „гордый же Николай Всеволодовичъ, хоть и сильно былъ влюбленъ, но не могъ насмѣшекъ перенести, и самъ сталъ насмѣшивъ“. Вскорѣ затѣмъ познакомились мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ, кажется, вашего „профессора“ племянникъ, да и фамилія та же...

— Сынъ, а не племянникъ, поправила Варвара Петровна.

Прасковья Ивановна и прежде никогда не могла упомянуть фамиліи Степана Трофимовича и всегда называла его „профессоромъ“.

— Ну, сынъ, такъ сынъ, тѣмъ лучше, а мнѣ вѣдь и все равно. Обыкновенный молодой человѣкъ, очень живой и свободный, но ничего такого въ немъ нѣтъ. Ну, тутъ ужъ сама Лиза поступила нехорошо, молодого человѣка къ себѣ приблизила изъ видовъ, чтобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ ревность возбудить. Не осуждаю я этого очень-то: дѣло дѣвичье, обыкновенное, даже милое. Только Николай Всеволодовичъ, вмѣсто того, чтобы приревновать, напротивъ, самъ съ молодымъ человѣкомъ подружился, точно и не видѣть ничего, и какъ будто ему все равно. Лизу-то это и взорвало. Молодой человѣкъ въ скорости уѣхалъ (спѣшилъ очень куда-то), а Лиза стала при всякомъ удобномъ случаѣ къ Николаю Всеволодовичу придиratъся. Замѣтила она, что тотъ съ Дашой иногда говорить, ну, и стала бѣситься, тутъ ужъ и мнѣ, матушка, житъя не стало. Раздражаться мнѣ доктора запретили, и такъ это хваленое озеро ихнее мнѣ надоѣло, только зубы отъ него разболѣлись, такой ревматизмъ получила. Печатаются даже про то, что отъ Женевскаго озера зубы болять; свойство такое. А тутъ Николай Всеволодовичъ вдругъ отъ графини письмо получилъ и тотчасъ же отъ нась и уѣхалъ, въ одинъ день собрался. Простились-то они по-дружески, да и Лиза, провожая его, стала очень весела и легкомысленна и много хохотала. Только напускное все это. Уѣхалъ онъ,—стала очень задумчива, да и поминать о немъ совсѣмъ перестала и мнѣ не давала. Да и вамъ бы я совсѣмъ заговорить, милая Варвара Петровна, ничего теперь съ Лизой насчетъ этого предмета не начинать, только дѣлу повредите. А будете молчать, она первая сама съ вами заговорить, тогда болѣе узнаете. По-

моему, опять сойдутся, если только Николай Всеволодович не замедлитъ пріѣхать, какъ обѣщалъ.

— Напишу ему тотчасъ же. Коли все было такъ, то пустая размолвка; все вздоръ! Да и Дарью я слишкомъ знаю; вздоръ.

— Про Дашеньку я, покаюсь,—согрѣшила. Одни только обыкновенные были разговоры, да и то вслухъ. Да ужъ очень меня, матушка, все это тогда разстроило. Да и Лиза, видѣла я, сама же съ нею опять сошлась съ прежнею лаской...

Варвара Петровна въ тотъ же день написала къ Nicolas и умоляла его хоть однимъ мѣсяцемъ пріѣхать раньше положенного имъ срока. Но все-таки оставалось тутъ для нея нѣчто неясное и неизвѣстное. Она продумала весь вечеръ и всю ночь. Мнѣніе „Прасковы“ казалось ей слишкомъ невиннымъ и сентиментальнымъ.

„Прасковья всю жизнь была слишкомъ чувствительна, съ самаго еще пансиона“, думала она,— „не таковъ Nicolas, чтобы убѣжать изъ-за насмѣшекъ дѣвчонки. Тутъ другая причина, если точно размолвка была. Офицеръ этотъ, однако, здѣсь, съ собой привезли, и въ домѣ у нихъ какъ родственникъ поселился. Да и насчетъ Дарьи, Прасковья слишкомъ ужъ скоро повинилась: вѣрно что-нибудь про себя оставила, чего не хотѣла сказать“...

Къ утру у Варвары Петровны созрѣлъ проектъ разомъ покончить, по крайней мѣрѣ, хоть съ однимъ недоумѣніемъ — проектъ замѣчательный по своей неожиданности. Что было въ сердцѣ ея, когда она создала его? — трудно рѣшить, да и не возьмусь я растолковывать заранѣе всѣ противорѣчія, изъ которыхъ онъ состоялъ. Какъ хроникеръ, я ограничиваюсь лишь тѣмъ, что представляю события въ точномъ видѣ, точно такъ, какъ они произошли, и не виноватъ, если они покажутся невѣроятными. Но, однако, долженъ еще разъ засвидѣтельствовать, что подозрѣній на Дашу у неї, къ утру, никакихъ не осталось, а по правдѣ никогда и не начиналось; слишкомъ она была въ ней увѣрена. Да и мысли она не могла допустить, чтобы ея Nicolas могъ увлечься ея... „Дарьей“. Утромъ, когда Дарья Павловна за чайнымъ столикомъ разливала чай, Варвара Петровна долго и пристально въ нее всматривалась и, можетъ-быть, въ двадцатый разъ со вчерашняго дня, съ увѣренностью произнесла про себя:

— Все вздоръ!

Замѣтила только, что у Даши какой-то усталый видъ и что она еще тише прежняго, еще апатичнѣе. Послѣ чаю, по заведенному разъ навсегда обычаю, обѣ сѣли за рукодѣлье. Варвара Петровна велѣла ей дать себѣ полный отчетъ обѣ ея заграничныхъ впечатлѣніяхъ, преимущественно о природѣ, жителяхъ, городахъ, обычаяхъ, измѣнѣніяхъ, промышленности, — обо всемъ, что успѣла замѣтить. Ни одного вопроса о Дроздовыхъ и о жизни съ Дроздовыми. Даша, сидѣвшая подлѣ нея за рабочимъ столикомъ и помогавшая ей вышивать, рассказывала уже съ полчаса своимъ ровнымъ, однообразнымъ, но нѣсколько слабымъ голосомъ.

— Даю, прервала ее вдругъ Варвара Петровна, — ничего у тебя нѣтъ такого особеннаго, о чёмъ хотѣла бы ты сообщить?

— Нѣтъ, ничего, капельку подумала Даша и взглянула на Варвару Петровну своими свѣтлыми глазами.

— На душѣ, на сердцѣ, на совѣсти?

— Ничего, тихо, но съ какою-то угрюмою твердостію повторила Даша.

— Такъ я и знала! Зпай, Даю, что я никогда не усомлюсь въ тебѣ. Теперь сиди и слушай. Перейди на этотъ стулъ, садись напротивъ, я хочу всю тебя видѣть. Вотъ такъ. Слушай, — хочешь замужъ?

Даша отвѣчала вопросительнымъ длиннымъ взглядомъ, не слишкомъ, впрочемъ, удивленнымъ.

— Стой; молчи. Во-первыхъ, есть разница въ лѣтахъ, большая очень; но вѣдь ты лучше всѣхъ знаешь, какой это вздоръ. Ты разсудительна и въ твоей жизни не должно быть ошибокъ. Впрочемъ, онъ еще красивый мужчина... Однимъ словомъ, Степанъ Трофимовичъ, котораго ты всегда уважала. Ну?

Даша посмотрѣла еще вопросительнѣе и на этотъ разъ не только съ удивленіемъ, но и замѣтно покраснѣла.

— Стой, молчи; не спѣши! Хоть у тебя и есть деньги, по моему завѣщанію, но умри я, чтобъ съ тобой будетъ, хотя бы и съ деньгами? Тебя обмануть и деньги отнимутъ, ну, и погибла. А за нимъ ты жена известнаго человѣка. Смотри теперь съ другой стороны: умри я сей-часть, — хотя я и обезпечу его, — чтобъ съ нимъ будетъ? на тебя-то ужъ я понадѣюсь. Стой, я не договорила: онъ легкомысленъ, мягокъ, жестокъ, згоистъ, низкія привычки, но ты его цѣни, во-первыхъ, ужъ потому, что есть и го-

раздо хуже. Вѣдь не за мерзавца же какого я тебя сбыть съ рукъ хочу, ты ужъ не подумала-ли чего? А, главное, потому что я прошу, потому и будешь цѣнить, оборвала она вдругъ раздражительно.—Слышишь? Что же ты уперлась?

Даша все молчала и слушала.

— Стой, подожди еще. Опь баба — но вѣдь тебѣ же лучше. Жалкая, впрочемъ, баба; его совсѣмъ не стоило бы любить женщинѣ. Но его стоитъ за беззащитность его любить, и ты люби его за беззащитность. Ты вѣдь меня понимаешь? Понимаешь?

Даша кивнула головой утвердительно.

— Я такъ и знала, менѣше не ждала отъ тебя. Онъ тебя любить будетъ, потому что долженъ, долженъ; онъ обожать тебя долженъ! какъ-то особенно раздражительно взвизгнула Варвара Петровна,—а, впрочемъ, онъ и безъ долгѣ въ тебя влюбится, я вѣдь знаю его. Къ тому же я сама буду тутъ. Не беспокойся, я всегда буду тутъ. Онъ станетъ на тебя жаловаться, онъ клеветать на тебя начнетъ, шептаться будетъ о тебѣ съ первымъ встрѣчнымъ, будетъ ныть, вѣчно ныть; письма тебѣ будетъ писать изъ одной комнаты въ другую, въ день по два письма, но безъ тебя все-таки не проживеть, а въ этомъ и главное. Заставь слушаться; не сумѣешь заставить — дура будешь. Повѣситься захочетъ, грозить будетъ — не вѣрь; одинъ только вздоръ! Не вѣрь, а все-таки держи ухо востро, не ровенъ часъ и повѣсится; съ этакими-то и бываетъ; не отъ силы, а отъ слабости вѣшаются; а потому никогда не доводи до послѣдней черты,—и это первое правило въ супружествѣ. Помни тоже, что онъ поэтъ. Слушай, Дарья: нѣтъ выше счастья какъ собою пожертвовать. И къ тому же ты миѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, а это главное. Ты не думай, что я по глупости сейчасъ сбрендила: я понимаю, чѣмъ говорю. Я эгоистка, будь и ты эгоисткой. Я вѣдь не неволю; все въ твоей волѣ, какъ скажешь, такъ и будетъ. Ну, что-жъ усѣласъ, говори чѣмъ-нибудь!

— Миѣ вѣдь все равно, Варвара Петровна, если ужъ непремѣнно надобно замужъ выйти, твердо проговорила Даша.

— Непремѣнно? Ты па чѣмъ это намекаешь? строго и пристально посмотрѣла Варвара Петровна.

Даша молчала, ковыряя въ пальцахъ иголкой.

— Ты хоть и умна, но ты сбрендила. Это хоть и

правда, что я непремѣнно теперь тебя вздумала замужъ выдать, но это не по необходимости, а потому только, что мнѣ такъ придумалось, и за одного только Степана Трофимовича. Не будь Степана Трофимовича, я бы и не подумала тебя сейчасъ выдавать, хоть тебѣ ужъ и двадцать лѣтъ... Ну?

— Я какъ вамъ угодно, Варвара Петровна.

— Значитъ, согласна! Стой, молчи, куда торопишься, я не договорила: по завѣщанію тебѣ отъ меня пятнадцать тысячъ рублей положено. И ихъ теперь же тебѣ выдамъ, послѣ вѣнца. Изъ нихъ восемь тысячъ ты ему отдашь, то-есть не ему, а мнѣ. У него есть долгъ въ восемь тысячъ; я и уплачу, но надо, чтобъ онъ зналъ, что твоими деньгами. Семь тысячъ останутся у тебя въ рукахъ, отнюдь ему не давай ни рубля никогда. Долговъ его не плати никогда. Разъ заплатишь — потомъ не оберешься. Впрочемъ, я всегда буду тутъ. Вы будете получать отъ меня ежегодно по тысячѣ двѣсти рублей содержанія, а съ экстренными тысяччу пятьсотъ, кромѣ квартиры и стола, которые тоже отъ меня будутъ, точно такъ, какъ и теперь онъ пользуется. Прислугу только свою заведите. Годовыя деньги я тебѣ буду всѣ разомъ выдавать, прямо тебѣ на руки. Но будь и добра; иногда выдай и ему что-нибудь, и пріятелямъ ходить позволляй, разъ въ недѣлю, а если чаще, то гони. Но я сама буду тутъ. А коли умру, пенсіонъ вашъ не прекратится до самой его смерти, слышишь до *его* только смерти, потому, это его пенсіонъ, а не твой. А тебѣ, кромѣ теперешнихъ семи тысячъ, которыхъ у тебя останутся въ цѣлости, если не будешь сама глупа, еще восемь тысячъ въ завѣщаніи оставлю. И больше тебѣ отъ меня ничего не будетъ, надо чтобы ты зпала. Ну, согласна, что-ли? Скажешь-ли, наконецъ, что-нибудь?

— Я уже сказала, Варвара Петровна.

— Вспомни, что твоя полная воля, какъ захочешь, такъ и будетъ.

— Такъ позовольте, Варвара Петровна, развѣ Степанъ Трофимовичъ вамъ уже говорилъ что-нибудь?

— Нѣть, онъ ничего не говорилъ и не знаетъ, но... онъ сейчасъ заговорить!

Она мигомъ вскочила и набросила на себя черную шаль. Даша опять немножко покраснѣла и вопросительнымъ взглядомъ слѣдила за нею. Варвара Петровна вдругъ обернулась къ ней съ шлающимъ отъ гнѣва лицомъ:

— Дура ты! накинулась она на нее какъ ястребъ.— Дура неблагодарная! Чѣмъ у тебя на умѣ? Неужто ты думаешьъ, что я скомпрометирую тебя хоть чѣмъ-нибудь, хоть на столько вотъ! Да онъ самъ на колѣнкахъ будетъ ползать просить, онъ долженъ отъ счастья умереть, вотъ какъ это будетъ устроено! Ты вѣдь знаешь же, что я тебя въ обиду не дамъ! Или ты думаешьъ, что онъ тебѣ за эти восемь тысячъ возьметъ, а я бѣгу теперь тебя продавать? Дура, дура, всѣ вы дуры неблагодарныя! Поздай зонтикъ!

И она полетѣла иѣшкомъ, по мокрымъ кирпичнымъ тротуарамъ и по деревяннымъ мосткамъ, къ Стешану Трофимовичу.

VII.

Это правда, что „Дарью“ она не дала бы въ обиду; напротивъ, теперь-то и считала себя ея благодѣтельницей. Самое благородное и безупречное пегодованіе загорѣлось въ душѣ ея, когда, надѣвая шаль, она поймала на себѣ смущенный и недовѣрчивый взглядъ своей воспитанницы. Она искренно любила ее съ самаго ея дѣтства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ея фавориткой. Давно уже Варвара Петровна рѣшила разъ навсегда, что „Даринъ“ характеръ не похожъ на братнинъ“ (то-есть на характеръ брата ея, Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна къ большому самопожертвованію, отличается преданностью, необыкновенною скромностью, рѣдкою разсудительностью и, главное, благодарностью. До сихъ поръ, повидимому, Даша оправдывала всѣ ея ожиданія. „Въ этой жизни не будетъ ошибокъ“, сказала Варвара Петровна, когда дѣвочкѣ было еще двѣнадцать лѣтъ, и такъ какъ она имѣла свойство привязываться упрямно и страстно къ каждой плѣнившей ее мечтѣ, къ каждому своему новому предназначенню, къ каждой мысли своей, показавшейся ей свѣтлою, то тотчасъ же и рѣшила воспитывать Дашу какъ родную дочь. Она немедленно отложила ей капиталъ и пригласила въ домъ гувернантку, миссъ Кригсъ, которая и прожила у нихъ до шестнадцатилѣтия возраста воспитанницы, но ей вдругъ, почему-то, было отказано. Ходили учителя изъ гимназіи, между ними одинъ настоящій французъ, который и обучилъ Дашу по-французски. Этому тоже было отказано вдругъ, точно прогнали. Одна бѣдная, забѣжала дама, вдова изъ благородныхъ, обучала на фортепіано.

Но главнымъ педагогомъ былъ все-таки Степанъ Трофимовичъ. По-настоящему, онъ первый и открылъ Дашу: онъ сталъ обучать тихаго ребенка еще тогда, когда Варвара Петровна о ней и не думала. Опять повторяю: удивительно, какъ къ нему привязывались дѣти! Лизавета Николаевна Тушина училась у него съ восьми лѣтъ до одиннадцати (разумѣется, Степанъ Трофимовичъ училъ ее безъ вознагражденія и ни за что бы не взялъ его отъ Дроздовыхъ). Но онъ самъ влюбился въ прелестнаго ребенка и рассказывалъ ей какія-то поэмы объ устройствѣ міра, земли, объ исторіи человѣчества. Лекціи о первобытныхъ народахъ и о первобытномъ человѣкѣ были занимательнѣе арабскихъ сказокъ. Лиза, которая мѣла за этими рассказами, чрезвычайно смѣшно передразнивала у себя дома Степана Трофимовича. Тотъ узналъ про это и разъ подглядѣлъ ее врасплохъ. Сконфуженная Лиза бросилась къ нему пѣ объятія и заплакала, Степанъ Трофимовичъ тоже, отъ восторга. Но Лиза скоро уѣхала, и осталась одна Даша. Когда къ Дашѣ стали ходить учителя, то Степанъ Трофимовичъ оставилъ съ нею свои занятія и мало-по-малу совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе. Такъ продолжалось долгое время. Разъ, когда уже ей было семнадцать лѣтъ, онъ былъ вдругъ пораженъ ея миловидностью. Это случилось за столомъ у Варвары Петровны. Онъ заговорилъ съ молодою дѣвушкой, былъ очень доволенъ ея отвѣтами и кончилъ предложениемъ прочесть ей серьезный и обширный курсъ исторіи русской литературы. Варвара Петровна похвалила и поблагодарила его за прекрасную мысль, а Даша была въ восторгѣ. Степанъ Трофимовичъ сталъ особенно приготовляться къ лекціямъ, и, наконецъ, онъ наступили. Начали съ древнѣйшаго періода; первая лекція прошла увлекательно; Варвара Петровна присутствовала. Когда Степанъ Трофимовичъ кончилъ и, уходя, объявилъ ученицѣ, что въ слѣдующій разъ приступить къ разбору *Слова о полку Игоревѣ*, Варвара Петровна вдругъ встала и объявила, что лекцій больше не будетъ. Степанъ Трофимовичъ покоробился, но смолчалъ, Даша вспыхнула; тѣмъ и кончилась, однакоже, затѣя. Произошло это ровно за три года до теперешней неожиданной фантазіи Варвары Петровны.

Бѣдный Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ одинъ и ничего не предчувствовалъ. Въ грустномъ раздумъи давно уже

поглядывалъ онъ въ окно, не подойдетъ-ли кто изъ знакомыхъ. Но никто не хотѣлъ подходить. На дворѣ моросило, становилось холодно; надо было пропотеть печку; онъ вздохнулъ. Вдругъ страшное видѣніе предстало его очамъ. Варвара Петровна въ такую погоду и въ такой неурочный часъ къ нему! И пѣшкомъ! Онъ до того былъ пораженъ, что забылъ перемѣнить костюмъ и принялъ ее какъ былъ: въ своей всегдашней розовой ватной фуфайкѣ.

— Ma bonne amie!.. слабо крикнулъ опъ ей павстрѣчу.

— Вы одни, я рада; терпѣть не могу вашихъ друзей! Какъ вы всегда накурите; Господи, чѣмъ за воздухъ! Вы и чай не допили, а на дворѣ двѣнадцатый часъ! Ваше блаженство—безпорядокъ! Ваше наслажденіе — соръ! Чѣмъ это за разорванныя бумажки на полу? Настасья, Настасья! Чѣмъ дѣлаетъ ваша Настасья? Отвори, матушка, окна, форточки, двери, все настежь. А мы въ залу пойдемте; я къ вамъ за дѣломъ. Да подмети ты хоть разъ въ жизни, матушка!

— Сорятъ-сь! раздражительно — жалобнымъ голоскомъ пропищала Настасья.

— А ты мети, пятнадцать разъ въ день мети! Дрянная у васъ зала (когда вышли въ залу). Затворите крѣпче двери, она станетъ подслушивать. Непремѣнно надо обои перемѣнить. Я вѣдь вамъ присыпала обойщика съ образчиками, чѣмъ же вы не выбрали? Садитесь и слушайте. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ. Куда же вы? Куда же вы? Куда же вы?

— Я... сейчасъ, крикнулъ изъ другой комнаты Степанъ Трофимовичъ.—Вотъ я и опять!

— А, вы перемѣнили костюмъ! насыпливо оглядѣла она его. (Онъ накинулъ сюртукъ сверхъ фуфайки). Этахъ дѣйствительно будетъ болѣе подходить... къ нашей рѣчи. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ.

Она объяснила ему все сразу, рѣзко и убѣдительно. Намекнула и о восьми тысячахъ, которыя были ему до зарѣзу нужны. Подробно рассказала о придапомъ. Степанъ Трофимовичъ таращилъ глаза и трепеталъ. Слышалъ все, но ясно не могъ сообразить. Хотѣлъ заговорить, но все обрывался голосъ. Зналъ только, что все такъ и будетъ, какъ она говорить, чѣмъ возражать и не соглашаться дѣло пустое, а онъ женатый человѣкъ безвозвратно.

— Mais, ma bonne amie, въ третій разъ и въ моихъ лѣ-

такъ... и съ такимъ ребенкомъ! проговорилъ опь, наконецъ.—Mais c'est une enfant.

— Ребенокъ, которому двадцать лѣтъ, слава Богу! Не вертите, пожалуйста, зрачками, прошу васъ, вы не на театръ. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете въ жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что съ вами будетъ? А она будетъ вамъ хорошею нянькой: это дѣвушка скромная, твердая, разсудительная; къ тому же я сама буду тутъ, не сейчасъ же умру. Она домосѣдка, она ангель кротости. Эта счастливая мысль миѣ еще въ Швейцаріи приходила. Понимаете ли вы, если я сама вамъ говорю, что она ангель кротости! вдругъ яростно вскричала она.—У васъ соръ, она заведеть чистоту, порядокъ, все будетъ, какъ зеркало... Э, да пеужто же вы мечтаете, что я еще кланяться вамъ должна съ такимъ сокровищемъ, исчислять всѣ выгоды, сватать! Да вы должны бы на колѣняхъ... О, пустой, пустой, малодушный человѣкъ!

— Но... я уже стариkъ!

— Что зпачать ваши пятьдесятъ три года. Пятьдесятъ лѣтъ не конецъ, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, какъ она васъ уважаетъ. Умри я, что съ нею будетъ? А за вами она спокойна, и я спокойна. У васъ значеніе, имя, любящее сердце; вы получаете пенсіонъ, который я считаю своею обязанностью. Вы, можетъ-быть, спасете ее, спасете! Во всякомъ случаѣ честь доставите. Вы сформируете ее къ жизни, разовьете ея сердце, направите мысли. Нынче сколько погибаютъ оттого, что дурно направлены мысли! Къ тому времени посиѣть ваше сочиненіе, и вы разомъ о себѣ напомните.

— Я именно, пробормоталъ опь уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны,— я именно собираюсь теперь присѣсть за мои *Разсказы изъ испанской истории...*

— Ну, вотъ! видите, какъ разъ и сошлось.

— Но... она? Вы ей говорили?

— О ней не беспокойтесь, да, и нечего вамъ любопытствовать. Конечно, вы должны ее сами просить, умолять сдѣлать вамъ честь, понимаете? Но не беспокойтесь, я сама буду тутъ. Къ тому же вы ее любите.

У Степана Трофимовича закружилась голова: стѣны пошли кругомъ. Тутъ была одна страшная идея, съ которой онъ никакъ не могъ сладить.

— Excellente amie! задрожалъ вдругъ его голосъ,—я... я никакъ не могъ вообразить, что вы рѣшились выдать меня... за другую... женщину!

— Вы не дѣвица, Степанъ Трофимовичъ; только дѣвицъ выдаютъ, а вы сами женитесь, ядовито прошипѣла Варвара Петровна.

— Oui, j'ai pris un mot pour un autre. Mais... c'est égal, уставилъ онъ на нее съ потеряннымъ видомъ.

— Вижу, что c'est égal, презрительно прощѣла она.— Господи! да съ нимъ обморокъ! Настасья, Настасья! Воды!

Но до воды не дошло. Онъ очнулся. Варвара Петровна взяла свой зонтикъ.

— Я вижу, что съ вами теперь нечего говорить...

— Oui, oui, je suis incapable.

— Но къ завтрау вы отдохнете и обдумаете. Сидите дома, если что случится, дайте знать, хотя бы ночью. Писемъ не пишите, и читать не буду. Завтра же въ это время приду сама, одна, за окопчательнымъ отвѣтомъ, и надѣюсь, что онъ будетъ удовлетворителенъ. Постарайтесь, чтобы никого не было и чтобы сору не было, а это на чѣ похоже? Настасья, Настасья!

Разумѣется, на завтра онъ согласился; да и не могъ не согласиться. Тутъ было одно особое обстоятельство...

VIII.

Такъ-называемое у насъ имѣніе Степана Трофимовича (душъ пятьдесятъ по старинному счету, и смежное со Скворешниками) было вовсе не его, а принадлежало первой супругѣ, а, стало-быть, теперь ихъ сыну, Петру Степановичу Верховенскому. Степанъ Трофимовичъ только опекунствовалъ, а потому, когда птенецъ оперился, дѣйствовалъ по формальной отъ него довѣренности на управлѣніе имѣніемъ. Сдѣлка для молодого человѣка была выгодна: онъ получалъ съ отца въ годъ до тысячи рублей въ видѣ дохода съ имѣнія, тогда какъ оно при новыхъ порядкахъ не давало и пятисотъ (а, можетъ-быть, и того менѣе). Богъ знаетъ, какъ установились подобныя отношенія. Впрочемъ, всю эту тысячу цѣликомъ высыпала Варвара Петровна, а Степанъ Трофимовичъ ни единимъ рублемъ въ ней не участвовалъ. Напротивъ, весь доходъ съ земли оставлялъ у себя въ карманѣ и, кромѣ того, разорилъ ее въ конецъ, сдавъ ее въ аренду какому-то промышленнику и, тихонько отъ Варвары Петровны, про-

давъ на срубъ рощу, то-есть главную ея цѣнность. Эту рощицу онъ уже давно продавалъ уривками! Вся она стоила, по крайней мѣрѣ, тысячу восемь, а онъ взялъ за нее только пять. Но онъ иногда слишкомъ много проигрывалъ въ клубѣ, а просить у Варвары Петровны боялся. Она скрежетала зубами, когда, наконецъ, обо всемъ узпала. И вдругъ теперь сынокъ извѣщалъ, что пріѣдетъ самъ продавать свои владѣнія во чѣмъ бы то ни стало, а отцу поручалъ неотлагательно позаботиться о продажѣ. Ясное дѣло, что при благородствѣ и безкорыстїи Степана Трофимовича, ему стало совсѣмъ предъ се *cher enfant* (котораго онъ въ послѣдній разъ видѣлъ цѣлыхъ девять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, студентомъ). Первоначально все имѣніе могло стоять тысячъ тринадцать или четырнадцать, теперь врядъ-ли кто бы далъ за него и пять. Безъ сомнѣнія, Степанъ Трофимовичъ имѣлъ полное право, по смыслу формальной довѣренности, продать лѣсъ и, поставивъ въ счетъ тысячурублевый невозможный ежегодный доходъ, столько лѣтъ высылавшійся аккуратно, сильно оградить себя при расчетѣ. Но Степанъ Трофимовичъ былъ благороденъ, со стремленіями высшими. Въ головѣ его мелькнула одна удивительно-красивая мысль: когда пріѣдетъ Петруша, вдругъ благородно выложить на столъ самый высший тахітиш цѣны, то-есть даже пятнадцать тысячъ, безъ малѣйшаго намека на высылавшіеся до сихъ поръ суммы, и крѣнко-крѣнко, со слезами, прижать къ груди се *cher fils*, чѣмъ и покончить всѣ счеты. Отданно и осторожно началъ онъ развертывать эту картину предъ Варварой Петровной. Онъ намекалъ, что это даже придастъ какой-то особый, благородный оттенокъ ихъ дружеской связи... ихъ „идей“. Это выставило бы въ такомъ безкорыстномъ и великодушномъ видѣ прежнихъ отцовъ и вообще прежнихъ людей, сравпительно съ новою легко-мысленною и соціальною молодежью. Много еще онъ говорилъ, но Варвара Петровна все отмалчивалась. Наконецъ, сухо объявила ему, что согласна купить ихъ землю и дастъ за нее тахітиш цѣны, то-есть тысячу шесть-семь (и за четыре можно было купить). Объ остальныхъ же восьми тысячахъ, улетѣвшихъ съ рощей, не сказала ни слова.

Это случилось за мѣсяцъ до сватовства. Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ и началъ задумываться. Прежде еще могла быть надежда, что сынокъ, пожалуй, и совсѣмъ

не пріѣдетъ,—то-есть надежда, судя со стороны, по мѣ-
нио кого-нибудь посторонняго. Степанъ же Трофимовичъ,
какъ отецъ, съ негодованіемъ отвергъ бы самую мысль
о подобной надеждѣ. Какъ бы тамъ ни было, но до сихъ
поръ о Петрушѣ доносили къ намъ все такие странные
слухи. Сначала, кончивъ курсъ въ университетѣ, лѣть
шесть тому назадъ, онъ слонялся въ Петербургѣ безъ
дѣла. Вдругъ получилось у насъ извѣстіе, что онъ уча-
ствовалъ въ составленіи какой-то подметной прокламації
и притянутъ къ дѣлу. Потомъ, что онъ спустился вдругъ
за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ, — бѣжалъ, чего
доброго.

— Удивительно мнѣ это, проповѣдавъ намъ тогда
Степанъ Трофимовичъ, сильно сконфузившійся,—Петруша
c'est une si pauvre tête! Онъ добръ, благороденъ, очень
чувствителенъ, и я такъ тогда, въ Петербургѣ, порадо-
вался, сравнивъ его съ современною молодежью, но *c'est un pauvre sire tout de même...* И, знаете, все отъ той же
недосиженности, сентиментальности! Ихъ плѣняетъ не
реализмъ, а чувствительная, идеальная сторона соціализма,
такъ сказать, религіозный оттѣнокъ его, поэзія его... съ
чужого голоса, разумѣется. И, однако, мнѣ-то, мнѣ ка-
ково! У меня здѣсь столько враговъ, тамъ еще болѣе,
припишутъ вліянію отца... Боже! Петруша двигателемъ!
Въ какія времена мы живемъ!

Петруша выслалъ, впрочемъ, очень скоро свой точный
адресъ изъ Швейцаріи для обычной ему высылки денегъ:
стало-быть, не совсѣмъ же былъ эмигрантомъ. И вотъ те-
перь, пробывъ за границей года четыре, вдругъ появляется
онъ въ своемъ отечествѣ и извѣщаетъ о скоромъ своемъ
прибытіи: стало-быть, ни въ чёмъ не обвиненъ. Мало того,
даже какъ будто кто-то принималъ въ немъ участіе и по-
кровительствовалъ ему. Онъ писалъ теперь съ юга Россіи,
гдѣ находился по чьему-то частному, но важному пору-
ченію и о чёмъ-то тамъ хлопоталъ. Все это было пре-
красно, но, однако, гдѣ же взять остальныя семь-восемь
тысячъ, чтобы составить приличный *maximun* цѣны за
имѣніе? А что, если подымется крикъ, и вмѣсто величе-
ственной картины дойдетъ до процесса? Что-то говорило
Степану Трофимовичу, что чувствительный Петруша не
отступится отъ своихъ интересовъ. „Чочему это, я замѣ-
тилъ“, шепнуль мнѣ разъ тогда Степанъ Трофимовичъ,
„чочему это всѣ эти отчаянные соціалисты и коммунисты

въ то же время и такие неимовѣрные скряги, пріобрѣтатели, собственники, и даже такъ, что чѣмъ больше онъ соцѣалистъ, чѣмъ дальше пошелъ, тѣмъ сильнѣе и собственникъ... почему это? Неужели тоже отъ сентиментальности?" Я не знаю, есть-ли правда въ этомъ замѣчаніи Степана Трофимовича; я знаю только, что Петруша имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о продажѣ роши и о прочемъ. а Степанъ Трофимовичъ зналъ, что тотъ имѣетъ эти свѣдѣнія. Мнѣ случалось тоже читать и Петрушины письма къ отцу: писалъ онъ до крайности рѣдко, разъ въ годъ и еще рѣже. Только въ послѣднее время, увѣдомляя о близкомъ своемъ прїѣздѣ, присыпалъ два письма, почти одно за другимъ. Всѣ письма его были коротенькия, сухія, состояли изъ однихъ лишь распоряженій, и такъ какъ отецъ съ сыномъ еще съ самаго Петербурга были по-модному, на ты, то и письма Петруши рѣшительно имѣли видъ тѣхъ старинныхъ предписаній прежнихъ помѣщиковъ изъ столицъ ихъ дворовымъ людямъ, поставленнымъ ими въ управляющіе ихъ имѣній. И вдругъ теперь эти восемь тысячъ, разрѣшающія дѣло, вылетаютъ изъ предложенія Варвары Петровны, и при этомъ она даетъ ясно почувствовать, что они ни откуда болѣе и не могутъ вылетѣть. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ согласился.

Онъ тотчасъ же по ея уходѣ присыпалъ за мной, а отъ всѣхъ другихъ заперся на весь день. Конечно, поплакалъ, много и хорошо говорилъ, много и сильно сбивался, сказавъ случайно каламбуръ и остался имъ доволенъ, потомъ была легкая холерина,—однимъ словомъ, все произошло въпорядкѣ. Послѣ чего онъ вытащилъ портретъ своей, уже двадцать лѣтъ тому назадъ скопчавшейся нѣмочки, и жалобно началъ взывать: "Простишь-ли ты меня?" Вообще онъ былъ какъ-то сбитъ съ толку. Съ горя мы пемножко и выпили. Впрочемъ, опь скоро и сладко заспупъ. На утро мастерски повязалъ себѣ галстукъ, тщательно одѣлся и часто подходилъ смотрѣться въ зеркало. Платокъ спрыснуль духами, впрочемъ, лишь чуть-чуть, и только завидѣль Варвару Петровну въ окно, поскорѣй взялъ другой платокъ, а надушенный спряталъ подъ подушку.

— И прекрасно! похвалила Варвара Петровна, выслушавъ его согласіе.—Во-первыхъ, благородная рѣшимость, а во-вторыхъ, вы вняли голосу разсудка, которому вы такъ рѣдко внимаете въ вашихъ частныхъ дѣлахъ. Спѣ-

шить, впрочемъ, нечего, прибавила она, разглядывая узелъ его бѣлаго галстука,—покамѣсть молчите, и я буду молчать. Скоро день вашего рожденія: я буду у васъ вмѣстѣ съ нею: Сдѣлайте вечерній чай и пожалуйста безъ вина и безъ закусокъ; впрочемъ, я сама все устрою. Пригласите вашихъ друзей,—впрочемъ, мы вмѣстѣ сдѣлаемъ выборъ. Наканунѣ вы съ нею переговорите, если надо будеть; а на вашемъ вечерѣ мы не то что объявимъ, или тамъ сговорь какой-нибудь сдѣлаемъ, а только такъ намекнемъ или дадимъ знать, безо всякой торжественности. А тамъ недѣли черезъ двѣ и свадьба, по возможности безъ всякаго шума... Даже обоимъ вамъ можно бы и уѣхать на время, тотчасъ изъ-подъ вѣнца, хоть въ Москву, напримѣръ. Я тоже, можетъ-быть, съ вами пойду... А, главное, до тѣхъ поръ молчите.

Степанъ Трофимовичъ былъ удивленъ. Онъ заинтриговался было, что невозможно же ему такъ, что надо же переговорить съ невѣстой, но Варвара Петровна раздражительно на него накинулась:

— Это зачѣмъ? Во-первыхъ, ничего еще, можетъ-быть, и не будетъ...

— Какъ не будетъ! пробормоталъ женихъ, совсѣмъ уже ошеломленный.

— Такъ. Я еще посмотрю... А, впрочемъ, все такъ будетъ, какъ я сказала, и не беспокойтесь, я сама ее приготовлю. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ. Всѣ нужное будетъ сковано и сдѣлано, а вамъ туда незачѣмъ. Для чего? Для какой роли? И сами не ходите, и писемъ не пишите. И ни слуху, ни духу, прошу васъ. Я тоже буду молчать.

Она рѣшительно не хотѣла объясняться и ушла, видимо разстроенная. Кажется, чрезмѣрная готовность Степана Трофимовича поразила ее. Увы, онъ рѣшительно не понималъ своего положенія и вопросъ еще не представился ему съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зреенія. Напротивъ, явился какой-то новый тонъ, что-то побѣдоносное и легкомысленное. Онъ куражился.

— Это мнѣ нравится! восклицалъ онъ, останавливаясь предо мной и разводя руками.—Вы слышали? Она хочетъ довести до того, чтобъ я, наконецъ, не захотѣлъ. Вѣдь я тоже могу терпѣніе потерять и... не захотѣть! „Сидите и нечего вамъ туда ходить“, но почему я, наконецъ, непремѣнно долженъ жениться? Поэтому только, что у ней явились смѣшная фантазія? Но я человѣкъ серьезный, и

могу не захотѣть подчиняться празднымъ фантазіямъ взвалмошной женщины! У меня есть обязанности къ моему сыну и... и къ самому себѣ! Я жертву приношу—понимаетъ-ли она это? Я, можетъ-быть, потому согласился, что мнѣ наскучила жизнь и мнѣ все равно. Но она можетъ меня раздражить, и тогда мнѣ будетъ уже не все равно; я обижусь и откажусь. *Et enfin le ridicule...* Чѣо скажутъ въ клубѣ? Чѣо скажетъ... Липутинъ? „Можетъ, ничего еще и не будетъ“—каково! Но вѣдь это верхъ! Это ужъ... это чѣо же такое?—*Je suis un forcat, un Badinguet, un привертий къ стѣнѣ человѣкъ!..*

И въ то же время какое-то капризное самодовольство, что-то легкомысленно-игривое проглядывало среди всѣхъ этихъ жалобныхъ восклицаній. Вечеромъ мы опять выпили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужіе грѣхи.

I.

Прошло съ недѣлю, и дѣло начало нѣсколько раздвигаться.

Замѣчу вскользь, что въ эту несчастную недѣлю я вынесъ много тоски, — оставался почти безотлучно подлѣ бѣднаго сосватанного друга моего, въ качествѣ ближайшаго его конфидента. Тяготилъ его, главное, стыдъ, хотя мы въ эту недѣлю никого не видали и все сидѣли одни, но онъ стыдился даже и меня, и до того, что чѣмъ болѣе самъ открывалъ мнѣ, тѣмъ болѣе и досадовалъ на меня за это. По мнительности же подозрѣвалъ, что все уже всѣмъ извѣстно, всему городу, и не только въ клубѣ, но даже въ своемъ кружкѣ боялся показаться. Даже гулять выходилъ, для необходимаго мочіону, только въ полныя сумерки, когда уже совершенно темнѣло.

Прошла недѣля, а онъ все еще не зналъ, женихъ онъ или нѣтъ, и никакъ не могъ узнать обѣ этомъ павѣро, какъ ни бился. Съ невѣстой онъ еще не видался, даже не зналъ, певѣста-ли она ему; даже не зналъ, есть-ли тутъ во всемъ этомъ хоть что-нибудь серьезное! Къ себѣ почему-то Варвара Петровна рѣшительно не хотѣла его допустить. На одно изъ первоначальныхъ писемъ его (а онъ написалъ ихъ къ ней множество) она прямо отвѣтила ему просьбой избавить ее на время отъ всякихъ съ

нимъ сношений, потому что она занята, а имѣя и сама сообщить ему много очень важного, нарочно ждетъ для этого болѣе свободной, чѣмъ теперь, минуты, и сама дастъ ему *современемъ* знать, когда къ ней можно будстъ прилти. Письма же обѣщала присыпать обратно нераспечатанными, потому что это „одно только баловство“. Эту записку я самъ читалъ; онъ же мнѣ и показывалъ.

И, однако, всѣ эти грубости и неопределеннности, все это было ничто въ сравненіи съ главною его заботой. Эта забота мучила его чрезвычайно, неотступно; отъ нея онъ худѣлъ и падалъ духомъ. Это было нечто такое, чего онъ уже болѣе всего стыдился и о чёмъ никакъ не хотѣлъ заговорить даже со мной; напротивъ, при случай лгалъ и вилялъ предо мною какъ маленький мальчикъ; а между тѣмъ самъ же посыпалъ за мною ежедневно, двухъ часовъ безъ меня пробыть не могъ, нуждался во мнѣ, какъ въ водѣ или въ воздухѣ.

Такое поведеніе оскорбляло несолько мое самолюбіе... Само собою разумѣется, что я давно уже угадалъ про себя эту главную тайну его и видѣлъ все насквозь. По глубочайшему тогдашнему моему убѣжденію, обнаруженіе этой тайны, этой главной заботы Степана Трофимовича, не прибавило бы ему чести, и потому я, какъ человѣкъ еще молодой, несолько негодовалъ на грубость чувствъ его и на некрасивость некоторыхъ его подозрѣній. Сгоряча,—и, признаюсь, отъ скуки быть конфидентомъ,—я, можетъ-быть, слишкомъ обвинялъ его. Но жестокости моей я добивался его собственного признанія предо мною во всемъ, хотя, вирочемъ, и допускалъ, что признаваться въ иныхъ вещахъ, пожалуй, и затруднительно. Онъ тоже меня насквозь понималъ, то-есть ясно видѣлъ, что я понимаю его насквозь и даже злюсь на него, и самъ злился на меня за то, что я злюсь на него и понимаю его насквозь. Пожалуй, раздраженіе мое было мелко и глупо; но взаимное уединеніе чрезвычайно иногда вредить истинной дружбѣ. Съ извѣстной точки опь вѣрно понималъ некоторые стороны своего положенія и даже весьма тонко опредѣлялъ его въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ таиться не находилъ нужнымъ.

— О, такова-ли она была тогда! проговаривался онъ иногда мнѣ о Варварѣ Петровнѣ. — Такова-ли она была прежде, когда мы съ нею говорили... Знаете-ли вы, что

тогда она умѣла еще говорить? Можете-ли вы повѣрить, что у нея тогда были мысли, свои мысли. Теперь все перемѣнилось! Она говоритъ, что все это одна только старинная болтовня! Она презираетъ прежнее... Теперь она какой-то приказчикъ, экономъ, ожесточенный человѣкъ, и все сердится...

— За что же ей теперь сердиться, когда вы исполнили ея требование? возразилъ я ему.

Онъ тонко посмотрѣлъ на меня.

— Cher ami, если-бъ я не согласился, она бы разсердилась ужасно, ужа-а-сно! Но все-таки менѣе, чѣмъ теперь, когда я согласился.

Этимъ словечкомъ своимъ онъ остался доволенъ, и мы распили въ тотъ вечеръ бутылочку. Но это было только мгновеніе; на другой день онъ былъ ужаснѣе и угрюмѣе, чѣмъ когда-либо.

Но всего болѣе досадовалъ я на него за то, что онъ не рѣшался даже пойти сдѣлать необходимый визитъ пріѣхавшимъ Дроздовымъ, для возобновленія знакомства, чего, какъ слышно, они и сами желали, такъ какъ спрашивали уже о немъ, о чѣмъ и онъ тосковалъ каждодневно. О Лизаветѣ Николаевнѣ онъ говорилъ съ какимъ-то непопятнымъ для меня восторгомъ. Безъ сомнѣнія, онъ вспоминалъ въ ней ребенка, котораго такъ когда-то любилъ; но кромѣ того, опять, неизвѣстно почему, воображалъ, что тотчасъ же найдетъ подлѣ нея облегченіе всѣмъ своимъ настоящимъ мѣкамъ и даже разрѣшить свои важнѣйшія сомнѣнія. Въ Лизаветѣ Николаевнѣ онъ предполагалъ встрѣтить какое-то необычайное существо. И все-таки къ ней не шелъ, хотя и каждый день собирался. Главное было въ томъ, что мнѣ самому ужасно хотѣлось тогда быть ей представленнымъ и отрекомендованнымъ, въ чѣмъ могъ я разсчитывать единственно на одного лишь Степана Трофимовича. Чрезвычайное впечатлѣніе производили на меня тогда частыя встречи мои съ нею, разумѣется, на улицѣ, когда она выѣзжала прогуливаться верхомъ, въ амазонкѣ и на прекрасномъ конѣ, въ сопровожденіи такъ-называемаго родственника ея, красиваго офицера, племянника покойнаго генерала Дроздова. Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновеніе, и я самъ очень скоро потомъ созналъ всю невозможность моей мечты,—но хоть мгновеніе, а оно существовало дѣйствительно, а потому можно себѣ представить, какъ него-

довольствовалъ я иногда въ то время на бѣднаго друга моего за его упорное затворничество.

Всѣ наши еще съ самаго начала были официальными предувѣдомлены о томъ, что Степанъ Трофимовичъ нѣкоторое время принимать не будетъ и просить оставить его въ совершенномъ покое. Онъ настоялъ на циркулярномъ предувѣдомленіи, хотя я и отсовѣтывалъ. Я же и обошелъ всѣхъ, по его просьбѣ, и всѣмъ наговорилъ, что Варвара Петровна поручила нашему „старику“ (такъ всѣ мы между собою звали Степана Трофимовича) какую-то экстренную работу, привести въ порядокъ какую-то переписку за нѣсколько лѣтъ; что онъ заперся, а я ему помогаю и проч., и проч. Къ одному только Липутину я не успѣлъ зайти и все откладывалъ, — а вѣрноѣ сказать, я боялся зайти. Я зналъ впередъ, что онъ ни одному слову моему не повѣритъ, непремѣнно вообразитъ себѣ, что тутъ секретъ, который собственно отъ него одного хотятъ скрыть, и только что я выйду отъ него, тотчасъ же пустится по всему городу разузнавать и сплетничать. Пока я все это себѣ представлялъ, случилось такъ, что я нечаянно столкнулся съ нимъ на улицѣ. Оказалось, что онъ уже обо всемъ узналъ отъ нашихъ, мною только-что предувѣдомленныхъ. Но, странное дѣло, онъ не только не любопытствовалъ и не разспрашивалъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а, напротивъ, самъ еще прервалъ меня, когда я сталъ было извиняться, что не зашелъ къ нему раньше, и тотчасъ же перескочилъ на другой предметъ. Правда, у него накопилось, что разсказать; онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи духа и обрадовался тому, что поймалъ во мнѣ слушателя. Онъ сталъ говорить о городскихъ новостяхъ, о приѣздѣ губернаторши „съ новыми разговорами“, объ образовавшейся уже въ клубѣ оппозиціи, о томъ, что всѣ кричатъ о новыхъ идеяхъ, и какъ это ко всѣмъ пристало, и проч., и проч. Онъ проговорилъ съ четверть часа, и такъ забавно, что я не могъ оторваться. Хотя я терпѣть его не могъ, но сознаюсь, что у него былъ даръ заставить себя слушать и особенно когда онъ очень на что-нибудь злился. Человѣкъ этотъ, по-моему, былъ настоящій и прирожденный шпіонъ. Онъ зналъ во всякую минуту всѣ самые послѣднія новости и всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей, и дивиться надо было, до какой степени онъ принималъ къ сердцу вещи, иногда совершенно

до него не касавшіся. Минъ всегда казалось, что главною чертой его характера была зависть. Когда я, въ тотъ же вечеръ, передалъ Степану Трофимовичу о встрѣчѣ моей утромъ съ Липутинымъ и о нашемъ разговорѣ,—тотъ, къ удивленію моему, чрезвычайно взволновался и задалъ мнѣ дикій вопросъ: „знаетъ Липутинъ или нѣтъ?“ Я сталъ ему доказывать, что возможности не было узнать такъ скоро, да и не отъ кого; но Степанъ Трофимовичъ стоялъ на своемъ:

— Вотъ вѣрте или нѣтъ, заключилъ онъ подъ конецъ неожиданно,— а я убѣжденъ, что ему не только уже извѣстно все со всѣми подробностями о нашемъ положеніи, но что онъ и еще что-нибудь сверхъ того знаетъ, что-нибудь такое, чего ни вы, ни я еще не знаемъ, а, можетъ-быть, никогда и не узнаемъ, или узнаемъ, когда уже будетъ поздно, когда уже пѣтъ возврата!..

Я промолчалъ, но слова эти на многое намекали. Послѣ того, пѣлыхъ пять дней мы ни слова не упоминали о Липутинѣ; мнѣ ясно было, что Степанъ Трофимовичъ очень жалѣлъ о томъ, что обнаружилъ предо мною такія подозрѣнія и проговорился.

II.

Однажды поутру,—то-есть на седьмой или восьмой день послѣ того, какъ Степанъ Трофимовичъ согласился стать женихомъ,—часовъ около одиннадцати, когда я спѣшилъ, по обыкновенію, къ моему скорбному другу, дорогой произошло со мной приключеніе.

Я встрѣтилъ Кармазинова, „великаго писателя“, какъ величалъ его Липутинъ. Кармазинова я читалъ съ дѣтства. Его повѣсти и разсказы извѣстны всему прошлому и даже нашему поколѣнію; я же упивался ими; они были наслажденіемъ моего отрочества и моей молодости. Потомъ я нѣсколько охладѣлъ къ его перу; повѣсти съ направлениемъ, которыя онъ все писалъ въ послѣднее время, мнѣ уже не такъ понравились, какъ первыя, первоначальный его созданія, въ которыхъ было столько непосредственной поэзіи; а самая послѣдняя сочиненія его такъ даже мнѣ не нравились.

Вообще говоря, если осмѣлюсь выразить и мое мнѣніе въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, всѣ эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновенію при жизни ихъ чуть не за геніевъ,—не только исчезаютъ чуть

не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, по случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подрастетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали,—забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро. Какъ-то это вдругъ у насъ проходитъ, точно перемѣна декораціи на театрѣ. О, тутъ совсѣмъ не то, что съ Пушкиными, Гоголями, Мольерами, Вольтерами, со всѣми этими дѣятелями, приходившими сказать свое новое слово! Правда и то, что и сами эти господа таланты средней руки, на склонѣ почтенныхъ лѣтъ своихъ обыкновенно самымъ жалкимъ образомъ у насъ исписываются, совсѣмъ даже и не замѣчая того. Несрѣдко оказывается, что писатель, которому долго приписывали чрезвычайную глубину идей и отъ которого ждали чрезвычайного и серьезнаго вліянія на движение общества, обнаруживаетъ подъ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идеїки, что никто даже и не жалѣеть о томъ, что онъ такъ скоро умѣль исписаться. Но сѣдые старички не замѣ чаютъ того и сердятся. Самолюбіе ихъ, именно подъ конецъ ихъ поприща, принимаетъ иногда размѣры, достойные удивленія. Богъ знаетъ, за кого они начинаютъ принимать себя,— по крайней мѣрѣ, за боговъ. Про Кармазинова рассказывали, что онъ дорожить связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей. Рассказывали, что онъ вѣсъ встрѣтить, обласкаетъ, прельстить, обворожить своимъ простодушiemъ, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, ужъ разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почететь священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; опѣ серьезно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ. Несмотря на полную выдержанку и совершенное знаніе хорошихъ манеръ, онъ до того, говорятъ, самолюбивъ, до такой истерики, что никакъ не можетъ скрыть своей авторской раздражительности даже и въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ мало интересуются литературой. Если же случайно кто-нибудь озадачивалъ его своимъ равнодушiemъ, то онъ обижался болѣзненно и старался отомстить.

Съ годъ тому назадъ я читалъ въ журналѣ статью его,

написанную со страшною претензієй на самую наивную поэзію и при этомъ па психологію. Онъ описывалъ гибель одного парохода гдѣ-то у англійского берега, чemu самъ былъ свидѣтелемъ и видѣль, какъ спасали погибавшихъ и вытаскивали утопленниковъ. Вся статья эта, довольно длинная и многорѣчива, написана была единственно съ цѣллю выставить себя самого. Такъ и читалось между строками: „Интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щепки корабля? Я вѣдь достаточно описалъ вамъ все это моимъ могучимъ перомъ. Чего вы смотрите на эту уточленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрелища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурию глаза—не правда-ли, какъ это интересно?“ Когда я передалъ мое мнѣніе о статьѣ Кармазинова Степану Трофимовичу, онъ со мной согласился.

Когда пошли у насъ недавніе слухи, что пріѣдетъ Кармазиновъ, я, разумѣется, ужасно пожелалъ его увидать и, если возможно, съ нимъ познакомиться. Я зналъ, что могъ бы это сдѣлать чрезъ Степана Трофимовича; они когда-то были друзьями. И вотъ вдругъ я встрѣчаюсь съ нимъ на перекресткѣ. Я тотчасъ узналъ его; мнѣ уже его показали днія три тому назадъ, когда онъ проѣзжалъ въ колясѣ съ губернаторшей.

Это былъ очень невысокій, чопорный старичикъ, лѣтъ, впрочемъ, не болѣе пятидесяти пяти, съ довольно румянымъ лицомъ, съ густыми сѣденѣкими локончиками, выбившимися изъ-подъ круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистенькихъ, розовенькихъ, маленькихъ ушковъ его. Чистенькое лицико его было не совсѣмъ красиво, съ тонкими, длинными, хитро сложенными губами, съ нѣсколько мясистымъ носомъ и съ вострѣкими, умными, маленькими глазками. Онъ былъ одѣтъ какъ-то ветхо, въ какомъ-то плащѣ въ пакидку, какой, напримѣръ, носили бы въ этотъ сезонъ гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или въ Сѣверной Италіи. Но, по крайней мѣрѣ, всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговки, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непремѣнно были такія же, какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона. Яувѣренъ, что лѣтомъ онъ ходитъ непремѣнно въ какихъ-нибудь цвѣтныхъ,

прюнелевыхъ ботиночкахъ съ перламутровыми пуговками сбоку. Когда мы столкнулись, онъ пріостановился на поворотѣ улицы и осматривался со вниманіемъ. Замѣтивъ, что я любопытно смотрю на него, онъ медовымъ, хотя нѣсколько крикливымъ голоскомъ, спросилъ меня:

— Позвольте узнать, какъ мнѣ ближе выйти на Быкову улицу?

— На Быкову улицу? Да это здѣсь, сейчасъ же, вскричалъ я въ необыкновенномъ волненіи.—Все прямо по этой улицѣ и потомъ второй поворотъ налево.

— Очень вамъ благодаренъ.

Проклятие на эту минуту: я, кажется, оробѣлъ и смотрѣлъ подобострастно! Онъ мигомъ все это замѣтилъ и, конечно, тотчасъ же все узналъ, то-есть узналъ, что мнѣ уже извѣстно, кто онъ такой, что я его читалъ и благоговѣлъ предъ нимъ съ самаго дѣтства, что я теперь оробѣлъ и смотрю подобострастно. Онъ улыбнулся, кивнулъ еще разъ головой и пошелъ прямо, какъ я указалъ ему. Не знаю для чего я повертился за нимъ назадъ; не знаю для чего я пробѣжалъ подлѣ него десять шаговъ. Онъ вдругъ опять остановился.

— А не могли бы вы мнѣ указать, гдѣ здѣсь всего ближе стоятъ извозчики? прокричалъ онъ мнѣ опять.

Скверный крикъ; скверный голосъ!

— Извозчики? Извозчики всего ближе отсюда... у собора стоятъ, тамъ всегда стоять.

И вотъ я чуть было не повернулся бѣжать за извозчикомъ. Я подозрѣваю, что онъ именно этого и ждалъ отъ менѣ. Разумѣется, я тотчасъ же опомнился и остановился, но движеніе мое онъ замѣтилъ очень хорошо и слѣдилъ за мною съ тою же скверною улыбкой. Тутъ случилось то, чего я никогда не забуду.

Онъ вдругъ уронилъ крошечный сакъ, который держалъ въ своей лѣвой руцѣ. Впрочемъ, это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или, еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей, впрочемъ, не знаю, что это было, но знаю только, что я, кажется, бросился его поднимать.

Я совершенно убѣжденъ, что я его не поднялъ, но первое движеніе, сдѣланное мною, было неоспоримо: скрыть его я уже не могъ и покраснѣлъ какъ дуракъ. Хитрецъ тотчасъ же извлекъ изъ обстоятельства все, что ему можно было извлечь.

— Не беспокойтесь, я самъ, очаровательно проговорилъ онъ, то-есть, когда уже вполнѣ замѣтилъ, что я не подниму ему ридикюль, поднялъ его, какъ будто предупреждая меня, кивнулъ еще разъ головой и отправился своею дорогой, оставивъ меня въ дуракахъ. Было все равно, какъ бы я самъ поднялъ. Минутъ съ пять я считалъ себя вполнѣ и павѣки опозореннымъ; но подойдя къ дому Степана Трофимовича, я вдругъ расхохотался. Встрѣча показалась мнѣ такъ забавною, что я немедленно рѣшилъ потѣшить разсказомъ Степана Трофимовича и изобразить ему всю сцену даже въ лицахъ.

III.

Но на этотъ разъ, къ удивленію моему, я засталъ его въ чрезвычайной перемѣнѣ. Онъ, правда, съ какой-то жадностью набросился на меня только что я вошелъ и сталъ меня слушать, но съ такимъ растеряннымъ видомъ, что сначала видимо не понималъ моихъ словъ. Но только что я произнесъ имя Кармазинова, онъ совершенно вдругъ вышелъ изъ себя.

— Не говорите мнѣ, не произносите! воскликнулъ онъ чуть не въ бѣшенствѣ. — Вотъ, вотъ, смотрите, читайте! Читайте!

Онъ выдвинулъ ящикъ и выбросилъ на столъ три небольшие клочки бумаги, писанные наскоcо карандашомъ, всѣ отъ Варвары Петровны. Первая записка была отъ третьяго дня, вторая отъ вчерашняго, а послѣдняя пришла сегодня, всего часъ назадъ; содержанія самого пустого, всѣ о Кармазиновѣ и обличали суetное и честолюбивое волненіе Варвары Петровны отъ страха, что Кармазиновъ забудетъ ей сдѣлать визитъ. Вотъ первая, отъ третьяго дня (вѣроятно, была и отъ четвертаго дня, а, можетъ-быть, и отъ пятаго).

„Если онъ, наконецъ, удостоитъ васъ сегодня, то обо мнѣ прошу ни слова. Ни малѣйшаго намека. Не заговаривайте и не напоминайте.

„B. C.“

Вчерашняя:

„Если онъ рѣшился, наконецъ, сегодня утромъ вамъ сдѣлать визитъ, всего благороднѣе, я думаю, совсѣмъ не принять его. Такъ по-моему, не знаю, какъ по-вашему.

„B. C.“

Сегодняшняя, послѣдняя:

„Я убѣждена, что у васъ сору цѣлый возъ и дымъ столбомъ отъ табаку. Я вамъ пришлю Марью и Ѳомушку; они въ полчаса приберутъ. А вы не мѣшайте и посидите въ кухнѣ, пока прибираютъ. Посылаю бухарскій коверъ и двѣ китайскія вазы, давно сбиралась вамъ подарить, и сверхъ того моего Теньера (на время). Вазы можно поставить на окошко, а Теньера повѣсьте справа, подъ портретомъ Гёте, тамъ виднѣе и по утрамъ всегда свѣтъ. Если онъ, наконецъ, появится, примите утонченно-вѣжливо, но постараитесь говорить о пустякахъ, о чемъ-нибудь ученомъ, и съ такимъ видомъ, какъ будто вы вчера только разстались. Обо мнѣ ни слова. Можетъ-быть, зайду взглянуть у васъ вечеромъ“.

„В. С.“

„P. S. Если и сегодня не пріѣдетъ, то совсѣмъ не пріѣдетъ“.

Я прочелъ и удивился, что онъ въ такомъ волненіи отъ такихъ пустяковъ. Взглянувъ на него вопросительно, я вдругъ замѣтилъ, что онъ, пока я читалъ, успѣлъ перенѣнить свой всегдашній бѣлый галстукъ на красный. Шляпа и палка его лежали на столѣ. Самъ же былъ блѣденъ и даже руки его дрожали.

— Я знать не хочу ея волненій! изступленно закричалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ. — Je m'en fiche! Она имѣеть духъ волноваться о Кармазиновѣ, а мнѣ на мои письма не отвѣчаетъ! Вотъ, вотъ нераспечатанное письмо мое, которое она вчера воротила мнѣ, вотъ тутъ на столѣ, подъ книгой, подъ *L'Homme qui rit*. Какое мнѣ дѣло, что она убивается о Николенкѣ! Je m'en fiche et je proclame ma libertÃ©. Au diable le Karmazinoff! Au diable la Lembke! Я вазы спряталъ въ переднюю, а Теньера въ комодъ, а отъ нея потребовалъ, чтобы она сейчасъ же приняла меня. Слышите: потребовалъ! Я послалъ ей такой же клочокъ бумаги, карандашомъ, незапечатанный, съ Настасьей, и жду. Я хочу, чтобы Дарья Павловна сама объявила мнѣ изъ своихъ устъ и передъ лицомъ неба, или, по крайней мѣрѣ, предъ вами. Vous me seconderez, n'est-ce pas, comme ami et tÃ©moign. Я не хочу краснѣть, я не хочу лгать, я не хочу тайнѣ, я не допущу тайнѣ въ этомъ дѣлѣ! Пусть мнѣ во всемъ признаются, откровенно, простодушно, благородно, и тогда... тогда я, можетъ - быть, удивлю все поколѣніе великолѣ-

шиемъ!.. Подлецъ я или нѣть, милостивый государь? заключилъ онъ вдругъ, грозно смотря на меня, какъ будто я-то и считалъ его подлецомъ.

Я попросилъ его выпить воды; я еще не видалъ его въ такомъ видѣ. Все время, пока говорилъ, онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, но вдругъ остановился предо мной въ какой-то необычайной позѣ.

— Неужели вы думаете, началь онъ опять съ болѣзняеннымъ высокомѣріемъ, оглядывая меня съ ногъ до головы,—неужели вы можете предположить, что я, Степанъ Верховенскій, не найду въ себѣ столько нравственной силы, чтобы, взявъ мою коробку, — нищенскую коробку мою!—и, взваливъ ее на слабыя плечи, выйти за ворота и исчезнуть отсюда навѣки, когда того потребуетъ честь и великій принципъ независимости? Степану Верховенскому не въ первый разъ отражать деспотизмъ велиcodушiemъ, хотя бы и деспотизмъ сумасшедшей женщины, то есть самый обидный и жестокій деспотизмъ, какой только можетъ осуществиться па свѣтѣ, несмотря на то, что вы сейчасъ, кажется, позволили себѣ усмѣхнуться словамъ моимъ, милостивый государь мой! О, вы не вѣрите, что я смогу найти въ себѣ столько велиcodушія, чтобы сумѣть кончить жизнь у куща губернаторомъ или умереть съ голоду подъ заборомъ! Отвѣчайте, отвѣчайте немедленно: вѣрите вы или не вѣрите?

Но я смолчалъ нарочно. Я даже сдѣлалъ видъ, что не рѣшаюсь обидѣть его отвѣтомъ отрицательнымъ, но не могу отвѣтить утвердительно. Во всемъ этомъ раздраженіи было нѣчто такое, что рѣшительно обижало меня, и не лично, о, нѣть! Но... я потомъ объяснюсь.

Онъ даже поблѣднѣлъ.

— Можетъ-быть, вамъ скучно со мной, Г—въ (это моя фамилія) и вы бы желали... не приходить ко мнѣ вовсе? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ блѣднаго спокойствія, который обыкновенно предшествуетъ какому-нибудь необычайному взрыву.

Я вскочилъ въ искугѣ; въ то же мгновеніе вѣшла Настасья и молча протянула Степану Трофимовичу бумажку, на которой написано было что-то карандашомъ. Онъ взглянулъ и перебросилъ мнѣ. На бумажкѣ, рукой Варвары Петровны, написаны были всего только два слова: „сидите дома“.

Степанъ Трофимовичъ молча схватилъ шляпу и палку

и быстро пошел из комнаты; я машинально за нимъ. Вдругъ голоса и шумъ чьихъ-то скорыхъ шаговъ послышались въ коридорѣ. Онъ остановился, какъ пораженный громомъ.

— Это Липутинъ, и я пропалъ! прошепталъ онъ, схвативъ меня за руку.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ Липутинъ.

IV.

Почему бы онъ пропалъ отъ Липутина, я не зналъ, да и цѣны не придавалъ слову; я все приписывалъ первамъ. Но, все-таки, испугъ его былъ необычайный, и я рѣшился пристально наблюдать.

Ужъ одинъ видъ входившаго Липутина заявлялъ, что па этотъ разъ онъ имѣетъ особенное право войти, несмотря на всѣ запрещенія. Онъ велъ за собою одного неизвѣстнаго господина, должно-быть, пріѣзжаго. Въ отвѣтъ на безсмысленный взглядъ остолбенѣвшаго Степана Трофимовича, онъ тотчасъ же и громко воскликнулъ:

— Гостя веду, и особеннаго! Осмѣливаюсь нарушить уединеніе. Господинъ Кирилловъ, замѣчательнѣйший инженеръ - строитель. А, главное, сынка вашего знаютъ, многоуважаемаго Петра Степановича; очень коротко - съ; и порученіе отъ нихъ имѣютъ. Вотъ только что пожаловали.

— О порученіи вы прибавили, рѣзко замѣтилъ гость,— порученія совсѣмъ не бывало, а Верховенскаго я, вправдѣ, знаю. Оставилъ въ X—ской губерніи, десять дней передъ нами.

Степанъ Трофимовичъ машинально подалъ руку и указалъ садиться; посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ на Липутина, и вдругъ, какъ бы опомнившись, поскорѣе сѣлъ самъ, но все еще держа въ рукѣ шляпу и палку и не замѣчая того.

— Ба, да вы сами на выходѣ! А мнѣ-то вѣдь сказали, что вы совсѣмъ прихворнули отъ занятій.

— Да, я боленъ, и вотъ теперь хотѣлъ гулять, я...

Степанъ Трофимовичъ остановился, быстро откинулся на диванъ, шляпу и палку, и — покраснѣлъ.

Я между тѣмъ наскоро рассматривалъ гостя. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати семи, прилично одѣтый, стройный и сухощавый брюнетъ, съ блѣдымъ, нѣсколько грязноватаго оттѣнка лицомъ и съ чер-

пымъ глазами безъ блеску. Онъ казался нѣсколько задумчивымъ и разсѣяннымъ, говорилъ отрывисто и какъ-то не грамматически, какъ-то странно переставлялъ слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннѣе. Липутинъ совершенно замѣтилъ чрезвычайный испугъ Степана Трофимовича и, видимо, былъ доволенъ. Онъ усѣлся на плетеномъ стулѣ, который вытащилъ чуть не на середину комнаты, чтобы находиться въ одинаковомъ разстояніи между хозяиномъ и гостемъ, размѣстившимися одинъ противъ другого на двухъ противоположныхъ диванахъ. Вострые глаза его съ любопытствомъ шнырали по всѣмъ угламъ.

— Я... давно уже не видалъ Петрушу... Вы за границей встрѣтились? пробормоталъ кое-какъ Степанъ Трофимовичъ гостю.

— И здѣсь, и за границей.

— Алексѣй Нилычъ сами только что изъ-за границы, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, подхватилъ Липутинъ,—ѣздили для усовершенствованія себя въ своей специальности, и къ намъ прибыли, имѣя основаніе надѣяться получить мѣсто при постройкѣ нашего желѣзнодорожнаго моста, и теперь отвѣта ожидаютъ. Они съ господами Дровдовыми, съ Лизаветой Николаевной, знакомы чрезъ Петра Степановича.

Инженеръ сидѣлъ какъ будто нахохлившись и прислушивался съ неловкимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ на что-то сердитъ.

— Они и съ Николаемъ Всеволодовичемъ знакомы-съ.

— Знаете и Николая Всеволодовича? освѣдомился Степанъ Трофимовичъ.

— Знаю и этого.

— Я... я чрезвычайно давно уже не видалъ Петрушу и... такъ мало нахожу себя въ правѣ называться отцомъ... c'est le mot; я... какъ же вы его оставили?

— Да такъ и оставилъ... Онъ самъ приѣдетъ, опять поспѣшилъ отдѣлаться господинъ Кирилловъ.

Рѣшительно онъ сердился.

— Приѣдетъ! Наконецъ-то я... Видите-ли, я слишкомъ давно уже не видалъ Петрушу! завязъ на этой фразѣ Степанъ Трофимовичъ.—Жду теперь моего бѣднаго мальчика, предъ которыемъ... о, предъ которыемъ я такъ виноватъ! То-есть, я собственно хочу сказать, что, оставляя его тогда въ Петербургѣ, я... однимъ словомъ, я считалъ

его за ничто, quelque chose dans ce genre. Мальчикъ, знаете, нервный, очень чувствительный и... боязливый. Ложась спать, клалъ земные поклоны и крестилъ подушку, чтобы ночью не умереть... je m'en souviens. Enfin, чувства изящнаго никакого, то-есть чего-нибудь высшаго, основного, какого-нибудь зародыша будущей идеи... c'était comme un petit idiot. Впрочемъ, я самъ, кажется, спутался, извините, я... вы меня застали...

— Вы серьезно, что онъ подушку крестилъ? съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ вдругъ освѣдомился инженеръ.

— Да, крестилъ...

— Нѣтъ, я такъ; продолжайте.

Степанъ Трофимовичъ вопросительно поглядѣлъ на Липутина.

— Я очень вамъ благодаренъ за ваше посѣщеніе, но, признаюсь, я теперь... не въ состояніи... Позвольте, однако, узнать, гдѣ квартируете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Ахъ, это тамъ же, гдѣ Шатовъ живетъ, замѣтилъ я невольно.

— Именно, въ томъ же самомъ домѣ, воскликнулъ Липутина,—только Шатовъ наверху стоитъ, въ мезонинѣ, а они внизу помѣстились, у капитана Лебядкина. Они и Шатова знаютъ, и супругу Шатова знаютъ. Очень близко съ нею за границей встрѣчались.

— Comment! Такъ неужели вы что-нибудь знаете объ этомъ несчастномъ супружествѣ de ce pauvre ami и эту женщину? воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ, вдругъ увлекшись чувствомъ.—Васъ первого человѣка встрѣчаю, лично знающаго; и если только...

— Какой вздоръ! отрѣзалъ инженеръ, весь вспыхнувъ.—Какъ вы, Липутина, прибавляете! Никакъ я не видалъ жену Шатова; разъ только издали, а вовсе не близко... Шатова знаю. Зачѣмъ же вы прибавляете разныя вещи?

Онъ круто повернулся на диванѣ, захватилъ свою шляпу, потомъ опять отложилъ и, снова усѣвшись попрежнему, съ какимъ-то вызовомъ уставилъ своими черными вспыхнувшими глазами на Степана Трофимовича. Я никакъ не могу понять такой странной раздражительности.

— Извините меня, внушительно замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ,—я понимаю, что это дѣло можетъ быть деликатнѣйшимъ...

— Никакого тутъ деликатнѣйшаго дѣла нѣть и даже это стыдно, а я не вамъ кричалъ, что „вздоръ“, а Липутину, зачѣмъ онъ прибавляетъ. Извините меня, если на свое имя приняли. Я Шатова знаю, а жену его совсѣмъ не знаю... совсѣмъ не знаю!

— Я понялъ, понялъ, и если настаивалъ, то потому лишь, что очень люблю нашего бѣднаго друга, notre irascible ami, и всегда интересовался... Человѣкъ этотъ слишкомъ круто измѣнился, на мой взглядъ, свои прежнія, можетъ-быть, слишкомъ молодыя, но все-таки правильныя мысли. И до того кричать теперь объ notre sainte Russie разныя вещи, что я давно уже приписываю этотъ переломъ въ его организмѣ—иначе назвать не хочу—какому-нибудь сильному семейному потрясенію, и именно неудачной его женитьбѣ. Я, который изучилъ мою бѣдную Россію какъ два мои пальца, а русскому народу отдалъ всю мою жизнь, я могу васъ завѣрить, что онъ русскаго народа не знаетъ, и вдобавокъ...

— Я тоже совсѣмъ не знаю русскаго народа и... вовсе нѣть времени изучать! отрѣзалъ опять инженеръ и опять бруто повернулся на диванъ.

Степанъ Трофимовичъ осѣкся на половинѣ рѣчи.

— Они изучаютъ, изучаютъ, подхватилъ Липутина,— они уже начали изученіе и составляютъ любопытнѣйшую статью о причинахъ участившихся случаевъ самоубійства въ Россіи и вообще о причинахъ учащающихся или задерживающихся распространеніе самоубійства въ обществѣ. Дошли до удивительныхъ результатовъ.

Инженеръ страшно взъяснялся.

— Это вы вовсе не имѣете права, гневно забормоталъ онъ,—я вовсе не статью. Я не стану глупостей. Я васъ конфиденціально спросилъ, совсѣмъ печально. Тутъ не статья вовсе; я не публикую, а вы не имѣете права...

Липутина видимо наслаждался.

— Виноватъ-сь, можетъ-быть, и ошибся, называя вашъ литературный трудъ статьей. Они только наблюденія собираютъ, а до сущности вопроса или, такъ сказать, до нравственной его стороны совсѣмъ не прикасаются, и даже самую нравственность совсѣмъ отвергаютъ, а держатся новѣйшаго принципа всеобщаго разрушенія для добрыхъ окончательныхъ цѣлей. Они уже больше чѣмъ сто миллионовъ головъ требуютъ для водворенія здраваго разсудка въ Европѣ, гораздо больше, чѣмъ на послѣднемъ

конгрессъ мира потребовали. Въ этомъ смыслѣ Алексѣй Нилычъ дальше всѣхъ пошли.

Инженеръ слушалъ съ презрительною и блѣдною улыбкой. Съ полминуты всѣ помолчали.

— Все это глупо, Липутинъ, проговорилъ, наконецъ, господинъ Кирилловъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.—Если я нечаянно сказалъ вамъ нѣсколько пунктовъ, а вы подхватили, то какъ хотите. Но вы не имѣете права, потому что я никогда никому не говорю. Я презираю, чтобы говорить... Если есть убѣжденія, то для меня ясно... а это вы глупо сдѣлали. Я не разсуждаю о тѣхъ пунктахъ, гдѣ совсѣмъ кончено. Я терпѣть не могу разсуждать. Я никогда не хочу разсуждать...

— И, можетъ-быть, прекрасно дѣлаете, не утерпѣль Степанъ Трофимовичъ.

— Я вамъ извинюсь, но я здѣсь ни па кого не сержусь, продолжалъ гость горячею скороговоркой,— я четыре года видѣлъ мало людей... Я мало четыре года разговаривалъ и старался не встрѣтить, для моихъ цѣлей, до которыхъ нѣтъ дѣла, четыре года. Липутинъ это нашелъ и смѣется. Я понимаю и не смотрю. Я не обидливъ, а только досадно на его свободу. А если я съ вами не излагаю мыслей, заключилъ онъ неожиданно и обводя всѣхъ настѣ твердымъ взглядомъ,—то вовсе не съ тѣмъ, что боюсь отъ васъ доноса правительству; это нѣтъ; пожалуйста, не подумайте пустяковъ въ этомъ смыслѣ...

На эти слова уже никто ничего не отвѣтилъ, а только переглянулись. Даже самъ Липутинъ позабылъ хихикнуть.

— Господа, мнѣ очень жаль, съ рѣшимостью поднялся съ дивана Степанъ Трофимовичъ,— но я чувствую себя нездоровымъ и разстроеннымъ. Извините.

— Ахъ, это чтобъ уходить, спохватился господинъ Кирилловъ, схватывая картузъ.—Это хорошо, что сказали, а то я забывчивъ.

Онъ всталъ и съ простодушнымъ видомъ подошелъ съ протянутою рукой къ Степану Трофимовичу.

— Жаль, что вы нездоровы, а я пришелъ.

— Желаю вамъ всяко у насъ успѣха, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, доброжелательно и неторопливо пожимая его руку.—Понимаю, что если вы, по вашимъ словамъ, такъ долго прожили за границей, чуждаясь для своихъ цѣлей людей и — забыли Россію, то, конечно, вы на насъ, коренныхъ русаковъ, поневолѣ должны смотрѣть

сь удивлениемъ, а мы равномѣрно на васъ. Mais cela passera. Въ одномъ только я затрудняюсь: вы хотите строить нашъ мостъ и въ то же время объявляете, что стоите за принципъ всеобщаго разрушенія! Не дадутъ вамъ строить нашъ мостъ!

— Какъ? Какъ это вы сказали... ахъ, чортъ! воскликнулъ пораженный Кирилловъ и вдругъ разсмѣялся самымъ веселымъ и яснымъ смѣхомъ.

На мгновеніе лицо его приняло самое дѣтское выражение и, мнѣ показалось, очень къ нему идущее. Липутинъ потиралъ руки въ восторгѣ отъ удачнаго словца Степана Трофимовича. А я все дивился про себя: чего Степанъ Трофимовичъ такъ испугался Липутина и почему вскричалъ: „я пропалъ“, услыхавъ его.

V.

Мы всѣ стояли на порогѣ въ дверяхъ. Быть тотъ мигъ, когда хозяева и гости обмѣниваются наскоро послѣдними и самыми любезными словечками, а затѣмъ благополучно расходятся.

— Это все оттого они такъ угрюмы сегодня, ввернуль вдругъ Липутинъ, совсѣмъ уже выходя изъ комнаты и, такъ сказать, на-лету, -- оттого, что съ капитаномъ Лебядкинымъ шумъ у нихъ давеча вышелъ изъ-за сестрицы. Капитанъ Лебядкинъ ежедневно свою прекрасную сестрицу, помѣшанную, нагайкой стегаетъ, настоящей казацкой-съ, по утрамъ и по вечерамъ. Такъ Алексѣй Нилычъ въ томъ же домѣ флигель даже заняли, чтобы не участвовать. Ну-съ, до свиданья.

— Сестру? Больную? Нагайкой? такъ и вскрикнулъ Степанъ Трофимовичъ, точно его самого вдругъ охлестнули нагайкой.—Какую сестру? Какой Лебядкинъ?

Давешній испугъ воротился въ одно мгновеніе.

— Лебядкинъ! А это отставной капитанъ; прежде онъ только штабсъ-капитаномъ себя называлъ...

— Э, какое мнѣ дѣло до чина? Какую сестру? Боже мой... вы говорите, Лебядкинъ? Но вѣдь у насъ былъ Лебядкинъ...

— Тотъ самый и есть, нашъ Лебядкинъ, вотъ,помните, у Виргинскаго?

— Но вѣдь тотъ съ фальшивыми бумажками попался.

— А вотъ и воротился, ужъ почти три недѣли и при самыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

— Да вѣдь это негодяй!

— Точно у насъ и не можетъ быть негодяя? осклабился вдругъ Липутинъ, какъ бы ощупывая своими вороватень-кими глазками Степана Трофимовича.

— Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ не про то... хотя, впрочемъ, о негодяѣ съ вами совершенно согласенъ, именно съ вами. Но что-жъ дальше, дальше? Чѣмъ вы хотѣли этимъ сказать? Вѣдь вы непремѣнно что-то хотите этимъ сказать!

— Да все это такие пустяки-съ... то-есть этотъ капитанъ, по всѣмъ видимостямъ, уѣзжалъ отъ насъ тогда не для фальшивыхъ бумажекъ, а единственno затѣмъ только, чтобы эту сестрицу свою разыскать, а та будто бы отъ него пряталась въ неизвѣстномъ мѣстѣ; ну, а теперь привезъ, вотъ и вся исторія. Чего вы точно испугались, Степанъ Трофимовичъ? Впрочемъ, я все съ его же пьяной болтовни говорю, а трезвый онъ и самъ обѣ этомъ прималчиваетъ. Человѣкъ раздражительный и, какъ бы, такъ сказать, военно-эстетическій, но дурного только вкуса. А сестрица эта не только сумасшедшая, но даже хромоногая. Была будто бы кѣмъ-то обольщена въ своей чести, и за это вотъ господинъ Лебядкинъ, уже многіе годы, будто бы съ обольстителя ежегодную дань береть, въ вознагражденіе благородной обиды, такъ, по крайней мѣрѣ, изъ его болтовни выходить — а по-моему, пьяныхъ только слова-съ. Просто хвастается. Да и дѣлается это гораздо дешевле. А что суммы у него есть, такъ это совершенно ужъ вѣрно; полторы недѣли назадъ на босу ногу ходилъ, а теперь, самъ видѣлъ, сотни въ рукахъ. У сестрицы припадки каки-то ежедневные, визжитъ она, а онъ-то ее „въ порядокъ приводить“ нагайкой. Въ женщину, говоритъ, надо вселять уваженіе. Вотъ не пойму, какъ еще Шатовъ надъ ними уживается. Алексѣй Нилычъ только три денька иостояли съ ними, еще съ Петербурга были знакомы, а теперь флигелекъ отъ беспокойства занимаютъ.

— Это все правда? обратился Степанъ Трофимовичъ къ инженеру.

— Вы очень болтаете, Липутинъ, пробормоталъ тотъ гнѣвно.

— Тайны, секреты! Откуда у насъ вдругъ столько тайнъ и секретовъ явилось! не сдерживая себя, воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

Инженеръ нахмурился, покраснѣлъ, вскинуль плечами и пошелъ было изъ комнаты.

— Алексѣй Нилычъ даже нагайку вырвали-сь, изломали и въ окошко выбросили и очень поссорились, прибавилъ Липутинъ.

— Зачѣмъ вы болтаете, Липутинъ, это глупо, зачѣмъ? мигомъ повернулся опять Алексѣй Нилычъ.

— Зачѣмъ же скрывать, изъ скромности, благороднѣйшія движенія своей души, то-есть вашей души-сь, я не про свою говорю.

— Какъ это глупо... и совсѣмъ не нужно... Лебядкинъ глупъ и совершенно пустой, и для дѣйствія бесполезный, и... совершенно вредный. Зачѣмъ вы болтаете разныя вещи? Я ухожу.

— Ахъ, какъ жаль, воскликнулъ Липутинъ съ ясною улыбкою, — а то бы я васъ, Степанъ Трофимовичъ, еще однимъ анекдотцемъ насмѣшилъ-сь. Даже и шелъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сообщить, хотя вы, впрочемъ, навѣрно ужъ и сами слышали. Ну, да ужъ въ другой разъ, Алексѣй Нилычъ такъ торопятся... До свиданья-сь. Съ Варварой Петровной анекдотикъ-то вышелъ, насмѣшила она меня третьаго дня, нарочно за мной посыпала, просто умора. До свиданья-сь.

Но ужъ тутъ Степанъ Трофимовичъ такъ и вѣпился въ него: онъ схватилъ его за плечи, круто повернуль назадъ въ комнату и посадилъ на стулъ. Липутинъ даже струсилъ.

— Да какъ же-сь, началъ онъ самъ, осторожно смотря на Степана Трофимовича со своего стула, — вдругъ призвали меня и спрашиваютъ „конфиденціально“, какъ я думаю въ собственномъ мнѣніи: помѣшанъ-ли Николай Все-володовичъ или въ своемъ умѣ? Какъ же не удивительно?

— Вы съ ума сошли! пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ и вдругъ точно вышелъ изъ себя. — Липутинъ, вы слишкомъ хорошо знаете, что только затѣмъ и пришли, чтобы сообщить какую-нибудь мерзость въ этомъ родѣ и... еще что-нибудь хуже!

Въ одинъ мигъ припомнилась мнѣ его догадка о томъ, что Липутинъ знаетъ въ нашемъ дѣлѣ не только больше нашего, но и еще что-нибудь, чего мы сами никогда не узнаемъ.

— Помилуйте, Степанъ Трофимовичъ! бормоталъ Липутинъ будто бы въ ужасномъ испугѣ. — Помилуйте...

— Молчите и начинайте! Я васъ очень прошу, господинъ Кирилловъ, тоже воротиться и присутствовать, очень прошу! Садитесь. А вы, Липутина, начинайте прямо, просто и безъ малѣйшихъ отговорокъ!

— Зналъ бы только, что это васъ такъ фрапируетъ, такъ я бы совсѣмъ и не началъ-сь... А я-то вѣдь думалъ, что вамъ уже все известно отъ самой Варвары Петровны!

— Совсѣмъ вы этого не думали! Начинайте, начинайте же, говорятъ вамъ!

— Только сдѣлайте одолженіе, присядьте ужъ и сами, а то что же я буду сидѣть, а вы въ такомъ волненіи будете передо мною... бѣгать. Не складно выйдетъ-сь.

Степанъ Трофимовичъ сдержалъ себя и внушительно опустился въ кресло. Инженеръ пасмурно наставилъ въ землю. Липутина съ неистовыемъ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Да что же начинать... такъ сконфузили...

VI.

— Вдругъ, третьяго дня, присылаютъ ко мнѣ своего человѣка: просить, дескать, побывать васъ завтра въ двѣнадцать часовъ. Можете представить? Я дѣло бросилъ, и вчера ровнѣшенько въ полдень звоню. Вводятъ меня прямо въ гостиную; подождалъ съ минутку — вышли; посадили, сами напротивъ сѣли. Сижу и вѣрить отказываюсь; сами знаете, какъ она меня всегда третировала! Начинаютъ прямо безъ изворотовъ, по ихъ всегдашней манерѣ. „Вы помните, говорятъ, что четыре года назадъ Николай Все-володовичъ, будучи въ болѣзни, сдѣлалъ нѣсколько стран-ныхъ поступковъ, такъ что недоумѣвалъ весь городъ, пока все объяснилось. Одинъ изъ этихъ поступковъ касался васъ лично. Николай Все-володовичъ тогда къ вамъ заѣжалъ по выздоровленіи, и по моей просьбѣ. Мнѣ известно тоже, что онъ и прежде нѣсколько разъ съ вами разговаривалъ. Скажите откровенно и прямодушно, какъ вы... (тутъ замялись немногого) — какъ вы находили тогда Николая Все-володовича... Какъ вы смотрѣли на него вообще... какое мнѣніе о немъ могли составить и... теперь имѣете?“ Тутъ ужъ совершенно замялись, такъ что даже переждали полную минутку и вдругъ покраснѣли. Я перепугался. Начинаютъ опять не то, чтобы трогательнымъ, къ нимъ это не идетъ, а такимъ внушительнымъ очень тономъ: „Я желаю, говорить, чтобы вы меня хорошо и безошибочно, говорить, поняли. Я

послала теперь за вами, потому что считаю вась прозорливымъ и остроумнымъ человѣкомъ, способнымъ составить вѣрное наблюденіе (каковы комплименты!). Вы, говоритъ, поймете, конечно, и то, что съ вами говорить мать... Николай Всеяловодовичъ испыталъ въ жизни нѣкоторая несчастія и многіе перевороты. Все это, говоритъ, могло повліять на настроеніе ума его. Разумѣется, говоритъ, я не говорю про помѣшательство, этого никогда быть не можетъ! (твердо и съ гордостію высказано). Но могло быть нѣчто странное, особенное, нѣкоторый оборотъ мыслей, наклонность къ нѣкоторому особому воззрѣнію (все это точныя слова ихъ, и я подивился, Степанъ Трофимовичъ, съ какою точностію Варвара Петровна умѣеть объяснить дѣло. Высокаго ума дама!) По крайней мѣрѣ, говоритъ, я сама замѣтила въ немъ нѣкоторое постоянное беспокойство и стремленіе къ особеннымъ наклонностямъ. Но я мать, а вы человѣкъ посторонній, значитъ, способны, при вашемъ умѣ, составить болѣе независимое мнѣніе. Умоляю васъ, наконецъ (такъ и было выговорено: умоляю), сказать мнѣ всю правду, безо всякихъ ужимокъ, и если вы при этомъ дадите мнѣ обѣщаніе не забыть потомъ никогда, что я говорила съ вами конфиденціально, то можете ожидать моей совершенной и впредь всегдашней готовности отблагодарить васъ при всякой возможности". Ну-съ, каково-съ!

— Вы... вы такъ фралировали меня... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, — что я вамъ не вѣрю...

— Нѣть, замѣтьте, замѣтьте, подхватилъ Липутинъ, какъ бы и не слыхавъ Степана Трофимовича, — каково же должно быть волненіе и беспокойство, когда съ такимъ вопросомъ обращаются съ такой высоты къ такому человѣку, какъ я, да еще снисходятъ до того, что сами просятъ секрета. Это что же-съ? Ужъ не получили-ли извѣстій какихъ-нибудь о Николаѣ Всеяловодовичѣ неожиданныхъ?

— Я не знаю... извѣстій никакихъ... я нѣсколько дней не видался, но... но замѣчу вамъ... лепеталъ Степанъ Трофимовичъ, видимо едва справляясь со своими мыслями, — но замѣчу вамъ, Липутинъ, что если вамъ передано конфиденціально, а вы теперь при всѣхъ...

— Совершенно конфиденціально! Да разрази меня Богъ, если я... А коли здѣсь... такъ вѣдь что же-съ? Развѣ мы чужие, взять даже хоть бы и Алексея Нилыча?

— Я такого воззрѣнія не раздѣляю; безъ сомнѣнія, мы

здесь трое сохранимъ секретъ, но васъ, четвертаго, я боюсь и не вѣрю вамъ ни въ чёмъ!

— Да что вы это-съ? Да я пуще всѣхъ заинтересованъ, вѣдь миѣ вѣчная благодарность обѣщана! А вотъ я именно хотѣлъ, по сему же поводу, на чрезвычайно странный случай одинъ указать, болѣе, такъ сказать, психологическій, чѣмъ просто странный. Вчера вечеромъ, подъ вліяніемъ разговора у Варвары Петровны (сами можете представить, какое впечатлѣніе на меня произвело), обратился я къ Алексѣю Нилычу съ отдаленнымъ вопросомъ: вы, говорю, и за границей, и въ Петербургѣ еще прежде знали Николая Всеходовича; какъ вы, говорю, его находите относительно ума и способностей? Они и отвѣ чаютъ этакъ лаконически, по ихъ манерѣ, что, дескать, тонкаго ума и со здравымъ сужденіемъ, говорять, человѣкъ. А не замѣтили-ли вы въ теченіе лѣтъ, говорю, нѣкотораго, говорю, какъ бы уклоненія идей, или особенного оборота мыслей, или нѣкотораго, говорю, какъ бы, такъ сказать, помѣшательства? Однимъ словомъ, повторяю вопросъ самой Варвары Петровны. Представьте же себѣ: Алексѣй Нилычъ вдругъ задумались и сморщились вотъ точно такъ, какъ теперь: „Да, говорятъ, мнѣ иногда казалось нѣчто странное“. Замѣтьте при этомъ, что если ужъ Алексѣю Нилычу могло показаться нѣчто странное, то что же па самомъ дѣлѣ можетъ оказаться, а?

— Правда это? обратился Степанъ Трофимовичъ къ Алексѣю Нилычу.

— Я желалъ бы не говорить обѣ этомъ, отвѣчалъ Алексѣй Нилычъ, вдругъ подымая голову и сверкая глазами.— Я хочу оспорить ваше право, Липутинъ. Вы никакого не имѣете права на этотъ случай про меня. Я вовсе не говорилъ моего всего мнѣнія. Я хоть и знакомъ былъ въ Петербургѣ, но это давно, а теперь хоть и встрѣтился, но мало очень знаю Николая Ставрогина. Прошу васъ меня устраниТЬ и... все это похоже на сплетню.

Липутинъ развелъ руками въ видѣ угнетенной невинности.

— Сплетникъ! Да ужъ не шпіонъ-ли? Хорошо вамъ, Алексѣй Нилычъ, критиковатъ, когда вы во всемъ себя устраниете. А вы вотъ не повѣрите, Степанъ Трофимовичъ, чего ужъ, кажется-съ, капитанъ Лебядкинъ, вѣдь ужъ, кажется, глупъ какъ... то-есть стыдно только сказать какъ глупъ; есть такое одно русское сравненіе, озна-

чающеее степень; а вѣдь и онъ себя отъ Николая Всеводовича обиженнымъ почитаетъ, хотя и преклоняется предъ его остроумiemъ: „Пораженъ, говоритъ, этимъ чело-вѣкомъ: премудрый змій“ (собственные слова). А я ему (все подъ тѣмъ же вчерашнимъ вліяніемъ и уже послѣ разговора съ Алексѣемъ Нилычемъ): а что, говорю, капитанъ, какъ вы полагаете съ своей стороны: помѣшанъ вашъ премудрый змій или нѣтъ? Такъ, вѣрите-ли, точно я его вдругъ сзади кнутомъ охлеснулъ, безъ его позволенія; просто привскочилъ съ мѣста: „Да, говоритъ... да, говоритъ, только это, говоритъ, не можетъ повліять“... на что повліять,—не досказалъ; да такъ потомъ горестно задумался, такъ задумался, что и хмель соскочилъ. Мы въ Филипповомъ трактире сидѣли-съ. И только черезъ полчаса развѣ ударилъ вдругъ кулакомъ по столу: „да, говоритъ, изжалуй, и помѣшанъ, только это не можетъ повліять“... и опять не досказалъ, на что повліять. Я вамъ, разумѣется, только экстрактъ разговора передаю, но вѣдь мысль-то понятна; кого ни спроси, всѣмъ одна мысль приходить, хотя бы прежде никому и въ голову не входила: „да, говорять, помѣшанъ; очень уменъ, но, можетъ-быть, и помѣшанъ“.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ въ задумчивости и усиленно соображалъ.

— А почему Лебядкинъ знаетъ?

— А объ этомъ не угодно-ли у Алексѣя Нилыча спра-виться, который меня сейчасъ здѣсь шпіономъ обозвалъ. Я шпіонъ—и не знаю, а Алексѣй Нилычъ знаютъ всю подноготную и молчатъ-съ.

— Я ничего не знаю, или мало, съ тѣмъ же раздра-женіемъ отвѣчалъ инженеръ. — Вы Лебядкина пьянымъ поите, чтобъ узнавать. Вы и меня сюда привели, чтобъ узнать и чтобъ я сказалъ. Стало-быть, вы шпіонъ!

— Я еще его не поилъ-съ, да и денегъ такихъ онъ не стойте, со всѣми его тайнами, вотъ что онъ для меня значатъ, не знаю какъ для васъ. На противъ, это онъ деньгами сыплеть, тогда какъ двѣнадцать дней назадъ ко мнѣ приходилъ пятнадцать копеекъ выпрашиватъ, и это онъ меня шампанскимъ поитъ, а не я его. Но вы мнѣ мысль подасте, и коли надо будетъ, то и я его напою, и именно чтобы разузнать, и, можетъ, и разузнаю-съ... секретики всѣ ваши-съ, злобно огрызнулся Липутинъ.

Степанъ Трофимовичъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на

обоихъ спорщиковъ. Оба сами себя выдавали и, главное, не церемонились. Мне подумалось, что Липутинъ привель къ намъ этого Алексея Нилыча именно съ цѣлью втянуть его въ нужный разговоръ черезъ третье лицо,—любимыи его маневръ.

— Алексей Нилычъ слишкомъ хорошо знаютъ Николая Всеволодовича, раздражительно продолжалъ онъ, — но только скрываютъ-съ. А что вы спрашиваете про капитана Лебядкина, то тотъ раньше всѣхъ настъ съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, лѣтъ пять или шесть тому, въ ту малоизвѣстную, если можно такъ выразиться, эпоху жизни Николая Всеволодовича, когда еще онъ и не думалъ настъ здѣсь пріѣздомъ своимъ осчастливить. Нашъ принцъ, надо заключить, довольно странный тогда выборъ знакомства въ Петербургѣ около себя завелъ. Тогда вотъ и съ Алексеемъ Нилычемъ, кажется, познакомились.

— Берегитесь, Липутинъ, предупреждаю васъ, что Николай Всеволодовичъ скоро самъ хотѣлъ быть, а онъ умѣеть за себя постоять.

— Такъ меня-то за чѣ-съ? Я первый кричу, что тончайшаго и изящнѣйшаго ума человѣкъ, и Варвару Петровну вчера въ этомъ смыслѣ совсѣмъ успокоилъ. „Вотъ въ характерѣ его, говорю ей, не могу поручиться“. Лебядкинъ тоже въ одно слово вчера: „отъ характера его, говорить, пострадалъ“. Эхъ, Степанъ Трофимовичъ, хорошо вамъ кричать, что сплетни да шпионство, и замѣтьте, когда уже сами отъ меня все выпытали, да еще съ такимъ чрезмѣрнымъ любопытствомъ. А вотъ Варвара Петровна—такъ та прямо вчера въ самую точку: „вы, говоритъ, лично заинтересованы были въ дѣлѣ, потому къ вамъ и обращаюсь“. Да еще бы иѣть-съ! Какія ужъ тутъ цѣли, когда я личную обиду при всемъ обществѣ отъ его превосходительства скушалъ! Кажется, имѣю причины и не для однѣхъ сплетенъ поинтересоваться. Сегодня жметь вамъ руку, а завтра, ни съ того, ни съ сего, за хлѣбъ-соль вашу, вѣсть же бѣть по щекамъ при всемъ честномъ обществѣ, какъ только ему полюбится. Съ жиру-съ! А, главное, у нихъ женскій полъ; мотыльки и храбрые пѣтушки! Помѣщики съ крылышками, какъ у древнихъ амуроў, Печорины-сердцеѣды! Вамъ хорошо, Степанъ Трофимовичъ, холостяку завзятыму, такъ говорить и за его превосходительство меня сплетникомъ называть. А вотъ женились бы, какъ какъ вы и теперь еще такой молодецъ

изъ себя, на хорошенькой да на молоденькой, такъ, пожалуй, отъ нашего принца двери крючкомъ заложите, да баррикады въ своемъ же домѣ выстроите! Да чего ужъ тутъ: вотъ только будь эта ш-ле Лебядкина, которую сѣ-куть внутиями, не сумасшедшая и не кривоногая, такъ ей-Богу подумалъ бы, что она-то и есть жертва страстей нашего генерала, и что отъ этого самаго и пострадалъ капитанъ Лебядкинъ „въ своемъ фамильномъ достоинствѣ“, какъ онъ самъ выражается. Только развѣ вкусу ихъ изящному противорѣчить, да для нихъ и то не бѣда. Всякая ягодка въ ходѣ идетъ, только чтобы попалась подъ известное ихъ настроеніе. Вы вотъ про сплетни, а развѣ я это кричу, когда ужъ весь городъ стучитъ, а я только слушаю да поддакиваю: поддакивать-то не запрещено-сь.

— Городъ кричитъ? О чемъ же кричить городъ?

— То-есть это капитанъ Лебядкинъ кричитъ въ пьяномъ видѣ на весь городъ, ну, а вѣдь это не все-ли равно, что вся площадь кричитъ? Чѣмъ же я виноватъ? Я интересуюсь только между друзей-съ, потому что я все-таки здѣсь считаю себя между друзей-съ, съ невиннымъ видомъ обвелъ онъ насъ глазами.—Тутъ случай вышелъ-сь, сообразите-ка: выходитъ, что его превосходительство будто бы выслали еще изъ Швейцаріи съ одною наиблагороднѣйшею дѣвицей, и, такъ сказать, скромною сиротой, которую я имѣю честь знать, триста рублей для передачи капитану Лебядкину. А Лебядкинъ, немножко спустя, получилъ точнѣйшее извѣстіе, отъ кого не скажу, но тоже отъ наиболагороднѣйшаго лица, а, стало-быть, достовѣрнѣйшаго, что не триста рублей, а тысяча была выслана!.. Стало-быть, кричитъ Лебядкинъ, дѣвица семьсотъ рублей у меня утащила, и вы требовать хочешь чуть не полицеекскимъ порядкомъ, по крайней мѣрѣ, угрожаетъ и на весь городъ стучитъ...

— Это подло, подло отъ васъ! вскочилъ вдругъ инженеръ со стула.

— Да вѣдь вы сами же и есть это наиболагороднѣйшее лицо, которое подтвердило Лебядкину отъ имени Николая Всеволодовича, что не триста, а тысяча рублей были высланы. Вѣдь мнѣ самъ капитанъ сообщилъ въ пьяномъ видѣ.

— Это... это несчастное недоумѣніе. Кто-нибудь ошибся и вышло... Это вздоръ, а вы подло!..

— Да и я хочу вѣрить, что вздоръ, и съ прискорбіемъ

слушаю, потому что, какъ хотите, наилагороднѣйшая дѣвушка замѣшана, во-первыхъ, въ семистахъ рубляхъ, а во-вторыхъ, въ очевидныхъ интимностяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Да вѣдь его превосходительству что стойти дѣвушку благороднѣйшую осрамить или чужую жену обезславить, подобно тому, какъ тогда со мной казусъ вышелъ-сь? Подвернется имъ полный великодушія человѣкъ, они и заставятъ его прикрыть своимъ честнымъ именемъ чужіе грѣхи. Такъ точно и я вѣдь вынесъ-сь; я про себя говорю-сь...

— Берегитесь, Липутинъ! привсталъ съ кресель Степанъ Трофимовичъ и поблѣдѣлъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте! Кто-нибудь ошибся, а Лебядкинъ пьянъ... всклицалъ инженеръ въ невыразимомъ волненіи.— Все объяспится, а я больше не могу... и считаю низостью... и довольно, довольно!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Такъ что же вы? Да вѣдь и я съ вами! всполохнулся Липутинъ, вскочилъ и побѣжалъ вслѣдъ за Алексѣемъ Ниличемъ.

VII.

Степанъ Трофимовичъ постоялъ съ минуту въ раздумья, какъ-то не глядя посмотрѣлъ на меня, взялъ свою шляпу, палку и тихо пошелъ изъ комнаты. Я опять за нимъ, какъ и давеча. Выходя изъ воротъ, онъ, замѣтивъ, что я провожаю его, сказалъ:

— Ахъ, да, вы можете служить свидѣтелемъ... de l'incident. Vous m'accompagnerez n'est-ce pas?

— Степанъ Трофимовичъ, неужели вы опять туда? Помдумайте, что можетъ выйти?

Съ жалкою и потеряною улыбкой, — улыбкой стыда и совершенного отчаянія, и въ то же время какого-то страннаго восторга, прошепталъ онъ мнѣ, на мигъ простоянавливаясь:

— Не могу же я жениться на „чужихъ грѣхахъ“!

Я только и ждалъ этого слова. Наконецъ-то это завѣтное, скрываемое отъ меня словцо, было произнесено послѣ дѣлой недѣли виляній и ужимокъ. Я рѣшительно вышелъ изъ себя.

— И такая грязная, такая... низкая мысль могла появиться у васъ, у Степана Верховенскаго, въ вашемъ свѣтломъ умѣ, въ вашемъ добромъ сердцѣ и... еще до Липутина!

Онъ посмотрѣлъ на меня, не отвѣтилъ и пошелъ тою же дорогой. Я не хотѣлъ отставать. Я хотѣлъ свидѣтельствовать передъ Варварой Петровной. Я бы простилъ ему, если бъ онъ повѣрилъ только Липутипу, по бабьему малодушію своему, но теперь уже ясно было, что онъ самъ все выдумалъ еще гораздо прежде Липутина, а Липутинъ только теперь подтвердилъ его подозрѣнія и подлилъ масла въ огонь. Онъ не задумался заподозрить дѣвушку съ самого первого дня, еще не имѣя никакихъ основаній, даже Липутинскихъ. Деспотическія дѣйствія Варвары Петровны онъ объяснилъ себѣ только отчаяннымъ желаніемъ ея поскорѣе замазать свадьбой съ почтеннымъ человѣкомъ дворянскіе грѣшки ея бездѣнного Nicolas! Мнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ былъ наказанъ за это.

— O! Dieu, qui est si grand et si bon! О, кто меня успокоитъ! воскликнулъ онъ, пройдя еще шаговъ сотню и вдругъ остановившись.

— Пойдемте сейчасъ домой, и я вамъ все объясню! вскричалъ я, силой поворачивая его къ дому.

— Это онъ! Степанъ Трофимовичъ, это вы? Вы? раздался свѣжій, рѣз cantabile, юный голосъ, какъ какая-то музыка подѣлъ насъ.

Мы ничего не видали, а подлѣ настъ вдругъ появилась наѣздница, Лизавета Николаевна, со своимъ всегдашимъ провожатымъ. Она остановила коня.

— Идите, идите же скорѣе! звала она громко и весело.—Я двѣнадцать лѣтъ не видала его и узнала, а онъ... Неужто не узнаете меня?

Степанъ Трофимовичъ схватилъ ея руку, протянутую къ нему, и благоговѣйно подѣловалъ ее. Онъ глядѣлъ на нее какъ бы съ молитвой и не могъ выговорить слова.

— Узналъ и радъ! Маврикій Николаевичъ, онъ въ восторгѣ, что видитъ меня! Что же вы не шли всѣ двѣ недѣли? Тетя убѣждала, что вы больны и что васъ нельзя потревожить; но вѣдь я знаю, тетя лжетъ. Я все топала ногами и васъ браница, но я непремѣнно, непремѣнно хотѣла, чтобы вы сами первый пришли, потому и не посыпала. Боже, да онъ нисколько не перемѣнился! разсматривала она его, наклоняясь съ сѣда. — Онъ до смѣшного не перемѣнился! Ахъ, нѣть, есть морщинки, много морщинокъ у глазъ и на щекахъ, и сѣдые волосы есть, но глаза тѣ же! А я перемѣнилась? Перемѣнилась? Но что же вы все молчите?

Миѣ вспомнился въ это мгновеніе разсказъ о томъ, что она была чуть не больна, когда ее увезли одиннадцати лѣтъ въ Петербургъ; въ болѣзни будто бы плакала и спрятывала Степана Трофимовича.

— Вы... я... лепеталъ онъ теперь обрывавшимся отъ радости голосомъ.—Я сейчасъ вскричалъ: „кто успокоить меня!“ и раздался вашъ голосъ... Я считаю это чудомъ et je commence à croire.

— En Dieu? En Dieu, qui est là haut et qui est si grand et si bon? Видите, я всѣ ваши лекціи наизусть помню. Маврикій Николаевичъ, какую онъ мнѣ тогда вѣру преподавалъ en Dieu, qui est si grand et si bon! А помните ваши разсказы о томъ, какъ Колумбъ открывалъ Америку, и какъ всѣ закричали: земля, земля! Няня, Алена Фроловна, говорить, что я послѣ того почию бредила и во снѣ кричала: земля, земля! А помните, какъ вы мнѣ исторію принца Гамлете разсказывали? А помните, какъ вы мнѣ описывали, какъ изъ Европы въ Америку бѣдныхъ эмигрантовъ перевозятъ? И все-то неправда, я потомъ все узнала, какъ перевозятъ, но какъ онъ мнѣ хорошо лгалъ тогда, Маврикій Николаевичъ, почти лучше правды! Чего вы такъ смотрите на Маврикія Николаевича? Это самый лучшій и самый вѣрный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, и вы его непремѣнно должны полюбить какъ меня! Il fait tout ce que je veux. Но, голубчикъ, Степанъ Трофимовичъ, стало-быть, вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о томъ, кто васъ успокоить? Несчастны, вѣдь такъ? Такъ?

— Теперь счастливъ...

— Тетя обижаетъ? продолжала она, не слушая.—Все га же злая, несправедливая и вѣчно намъ безпѣнна тетя! А помните, какъ вы бросались ко мнѣ въ объятія въ саду, а я васъ утѣшала и плакала? Да не бойтесь же Маврикія Николаевича, онъ про васъ все, все знаетъ, давно, вы можете плакать на его плечѣ сколько угодно, и онъ сколько угодно будетъ стоять!.. Приподнимите шляпу, снимите совсѣмъ на минутку, протяните голову, станьте на дыпочки, я васъ сейчасъ поцѣловала въ лобъ, какъ въ послѣдній разъ поцѣловала, когда мы прощались. Видите, та барышня изъ окна на насъ любуется... Ну, ближе, ближе! Боже, какъ онъ посѣдѣлъ!

И она, припагнувшись въ сѣдлѣ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, теперь къ вамъ домой! Я знаю гдѣ вы живете.

Я сейчасъ, сю минуту буду у васъ. Я вамъ, упрямцу, сдѣлаю первый визитъ и потомъ на цѣлый день васъ къ себѣ затащу. Ступайте же, приготовьтесь встрѣтить меня,

И она ускакала со своимъ кавалеромъ. Мы воротились. Степанъ Трофимовичъ сѣлъ на диванъ и заплакалъ.

— Dieu, Dieu! воскликнулъ онъ.—Enfin une minute de bonheur!

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ опа явилась, по обѣщанію, въ сопровожденіи своего Маврикія Николаевича.

— Vous et le bonheur, vous arrivez en m me temps! поднялся онъ ей навстрѣчу.

— Вотъ вамъ букетъ; сейчасъ ъѣздила къ т-те Шевалье, у ней всю зиму для именинницъ букеты будутъ. Вотъ вамъ и Маврикій Николаевичъ, прошу познакомиться. Я хотѣла было пирогъ вмѣсто букета, но Маврикій Николаевичъ увѣряетъ, что это не въ русскомъ духѣ.

Этотъ Маврикій Николаевичъ былъ артиллерійскій капитанъ, лѣтъ тридцати трехъ, высокаго роста господинъ, красивой и безукоризненно порядочной наружности, съ вышительною и на первый взглядъ даже строгою фізіономіей, несмотря на его удивительную и деликатѣйшую доброту, о которой всякий получалъ понятіе чуть не съ первой минуты своего съ нимъ знакомства. Онъ, впрочемъ, былъ молчаливъ, казался очень хладнокровенъ и на дружбу не напрашивался. Говорили потомъ у насть многіе, что онъ недалекъ: это было не совсѣмъ справедливо.

Я не стану описывать красоту Лизаветы Николаевны. Весь городъ уже кричалъ обѣ ея красотѣ, хотя иѣкоторые наши дамы и дѣвицы съ негодованіемъ не соглашались съ кричавшими. Были изъ нихъ и такія, которыхъ уже возненавидѣли Лизавету Николаевну, и, во-первыхъ, за гордость: Дроздовы почти еще не начинали дѣлать визитовъ, чѣмъ оскорбляло, хотя виной задержки дѣйствительно было болѣзньное состояніе Прасковы Ивановны. Во-вторыхъ, ненавидѣли ее за то, что она родственница губернаторши; въ-третьихъ, за то, что она ежедневно прогуливается верхомъ. У насть до сихъ поръ никогда еще не бывало амазонокъ; естественно, что появленіе Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхомъ и еще не сдѣлавшей визитовъ, должно было оскорблять общество. Впрочемъ, всѣ уже знали, что она ъѣздить верхомъ по приказанію докторовъ и при этомъ ъѣдко говорили объ

ея болѣзnenности. Она дѣйствительно была больна. Чѣ выдавалось въ ней съ первого взгляда—это ея болѣзneяное, первное, безпрерывное беспокойство. Увы! Бѣдняжка очень страдала, и все объяснилось впослѣдствіи. Теперь, вспоминая прошедшее, я уже не скажу, что она была красавица, какою казалась мнѣ тогда. Можетъ-быть, она была даже и совсѣмъ нехороша собой. Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она даже поражала неправильностью линій своего лица. Глаза ея были поставлены какъ-то по-калмыцки, криво; была блѣдна, скулиста и худа лицомъ; но было же нѣчто въ этомъ лицѣ побѣждающее и привлекающее! Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ; она являлась „какъ побѣдительница и чтобы побѣдить“. Она казалась гордою, а иногда даже дерзкою; не знаю, удавалось ли ей быть доброю; но я знаю, что она ужасно хотѣла и мучилась тѣмъ, чтобы заставить себя быть нѣсколько доброю. Въ этой натурѣ, конечно, было много прекрасныхъ стремленій и самыхъ справедливыхъ начинаній; но все въ ней какъ бы вѣчно искало своего уровня и не находило его, все было въ хаосѣ, въ волненіи, въ беспокойствѣ. Можетъ-быть, она уже со слишкомъ строгими требованіями относилась къ себѣ, никогда не находя въ себѣ силы удовлетворить этимъ требованіямъ.

Она сѣла на диванъ и оглядывала комнату.

— Почему мнѣ въ такія минуты всегда становится грустно, разгадайте, ученый человѣкъ? Я всю жизнь думала, что и Богъ знаетъ какъ буду рада, когда васъ увижу и все припомню, и вотъ совсѣмъ какъ будто не рада, несмотря на то, что васъ люблю... Ахъ, Боже, у него виситъ мой портретъ! Дайте сюда, я его помню, помню!

Превосходный миніатюрный портретъ акварелью двѣнадцатилѣтней Лизы былъ высланъ Дроздовыми Степану Трофимовичу изъ Петербурга еще лѣтъ девять назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно висѣлъ у него на стѣнѣ.

— Неужто я была такимъ хорошенькимъ ребенкомъ? Неужто это мое лицо?

Она встала и съ портретомъ въ рукахъ посмотрѣла въ зеркало.

— Посторѣй возьмите! воскликнула она, отдавая портретъ.—Не вѣшайте теперь, послѣ, не хочу и смотрѣть на него.—Она сѣла опять на диванъ.—Одна жизнь про-

пла, началась другая, потомъ другая пропала—началась третья, и все безъ конца. Всѣ концы точно какъ ножницами обрѣзываютъ. Видите, какія я старыя вещи рассказываю, а вѣдь сколько правды!

Она усмѣхнувшись посмотрѣла на меня; уже нѣсколько разъ она на меня взглядывала, но Степанъ Трофимовичъ вѣтъ своемъ волненіи и забылъ, что обѣщалъ меня представить.

— А зачѣмъ мой портретъ виситъ у васъ подъ кинжалами? И зачѣмъ у васъ столько кинжаловъ и сабель?

У него, дѣйствительно, висѣли на стѣнѣ, не знаю для чего, два ятагана на-крестъ, а надъ ними настоящая черкесская пашка. Спрашивая, она такъ прямо на меня посмотрѣла, что я хотѣлъ было что-то отвѣтить, но осѣкся. Степанъ Трофимовичъ догадался, наконецъ, и меня представилъ.

— Знаю, знаю, сказала она,—я очень рада. Мама обѣ васъ тоже много слышала. Познакомьтесь и съ Мавриkiemъ Николаевичемъ, это прекрасный человѣкъ. Я обѣ васъ уже составила смѣшное понятіе: вѣдь вы конфидентъ Степана Трофимовича?

Я покраснѣлъ.

— Ахъ, простите пожалуйста, я совсѣмъ не то слово сказала, вовсе не смѣшное, а такъ... (Она покраснѣла и сконфузилась). Впрочемъ, что же стыдиться того, что вы прекрасный человѣкъ? Ну, пора намъ, Маврикій Николаевичъ! Степанъ Трофимовичъ, черезъ полчаса чтобы вы у насъ были. Боже, сколько мы будемъ говорить! Теперь ужъ я вашъ конфидентъ, и обо всемъ, обо всемъ, понимаете?

Степанъ Трофимовичъ тотчасъ же испугался.

— О, Маврикій Николаевичъ все знаетъ, его не конфузитесь!

— Что же знаетъ?

— Да чего вы! вскричала она вѣ изумленіи.—Ба, да вѣдь и правда, что они скрываютъ. Я вѣрить не хотѣла. Дашу тоже скрываютъ. Тетя давеча меня не пустила къ Дашѣ, говорить, что у ней голова болитъ.

— Но... но какъ вы узнали?

— Ахъ, Боже, такъ же, какъ и всѣ. Эка мудрость!

— Да развѣ всѣ?..

— Ну, да какъ же? Мамаша, правда, сначала узнала черезъ Алену Фроловну, мою няню; ей ваша Настасья

прибѣжала сказать. Вѣдь вы говорили же Настасіѣ? Она говорить, что вы ей сами говорили.

— Я... я говорилъ однажды... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, весь покраснѣвъ,—но... я лишь намекнулъ...
j'étais si nerveux et malade et puis...

Она захохотала.

— А конфидента подъ рукой не случилось, а Настасіѧ подвернулась,—ну, и довольно! А у той цѣлый городъ кумушекъ! Ну, да полноте, вѣдь это все равно; ну, пусть знаютъ, даже лучше. Скорѣе же приходите, мы обѣдаемъ рано... Да, забыла, усѣлась она опять, — слушайте, что такое Шатовъ?

— Шатовъ? Это братъ Дарьи Павловны...

— Знаю, что братъ, какой вы, право, перебила она въ нетерпѣніи. — Я хочу знать, что онъ такое, какой человѣкъ?

— C'est une pense-creux d'ici. C'est le meilleur et le plus irascible homme du monde.

— Я сама слышала, что онъ какой-то странный. Впрочемъ, не о томъ. Я слышала, что онъ знаетъ три языка, и англійскій, и можетъ литературно работою заниматься. Въ такомъ случаѣ, у меня для него много работы; мнѣ нуженъ помощникъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Возьметъ онъ работу или нѣтъ? Мнѣ его рекомендовали.

— О, непремѣнно, et vous fairez un bienfait...

— Я вовсе не для bienfait, мнѣ самой нуженъ помощникъ.

— Я довольно хорошо знаю Шатова, сказалъ я, — и если вы мнѣ поручите передать ему, то сію минуту схожу.

— Передайте ему, чтобы онъ завтра утромъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ. Чудесно! Благодарю васъ. Маврикий Николаевичъ, готовы?

Они уѣхали. Я, разумѣется, тотчасъ же побѣжалъ къ Шатову.

— Mon ami! догналъ меня на крыльцѣ Степанъ Трофимовичъ, — непремѣнно будьте у меня въ десять или въ одиннадцать часовъ, когда я вернусь. О, я слишкомъ, слишкомъ виноватъ предъ вами и... предъ всѣми, предъ всѣми.

VIII.

Шатова я не засталъ дома; забѣжалъ черезъ два часа—опять нѣтъ. Наконецъ, уже въ восьмомъ часу, я направился къ нему, чтобы или застать его, или оставить за-

писку; опять не засталъ. Квартира его была заперта, а онъ жилъ одинъ, безо всякой прислуги. Мне было подумалось, не толкнуться ли внизъ къ капитану Лебядкину, чтобы спросить о Шатовѣ; но тутъ было тоже заперто, и ни слуху, ни свѣту оттуда, точно пустое мѣсто. Я съ любопытствомъ прошелъ мимо дверей Лебядкина, подъ вліяніемъ давешнихъ разсказовъ. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ зайти завтра пораньше. Да и на записку, правда, я не очень надѣялся.. Шатовъ могъ пренебречь, онъ былъ такой упрямый, застѣнчивый. Проклиная неудачу и уже выходя изъ воротъ, я вдругъ наткнулся на господина Кириллова; онъ входилъ въ домъ и первый узналъ меня. Такъ какъ онъ самъ началъ разспрашивать, то я и рассказалъ ему все въ главныхъ чертахъ, и что у меня есть записка.

— Пойдемте, сказалъ онъ,—я все сдѣлаю.

Я вспомнилъ, что онъ, по словамъ Липутина, занялъ съ утра деревянный флигель на дворѣ. Въ этомъ флигелѣ, слишкомъ для него просторномъ, квартировала съ нимъ вмѣстѣ какая-то старая, глухая баба, которая ему и прислуживала. Хозяинъ дома, въ другомъ новомъ домѣ своемъ, и въ другой улицѣ, содержалъ трактиръ, а эта старуха, кажется, родственница его, осталась смотрѣть за всемъ старымъ домомъ. Комнаты во флигелеѣ были довольно чисты, по обои грязны. Въ той, куда мы вошли, мебель была сборная, разнокалиберная и совершенный бракъ: два ломберныхъ стола, комодъ ольхового дерева, большой тесовый столъ изъ какой-нибудь избы или кухни, стулья и диванъ съ рѣшетчатыми спинками и съ твердыми кожаными подушками. Въ углу помѣщался стариинный образъ, предъ которымъ баба еще до насъ затеплила лампадку, а на стѣнахъ висѣли два большихъ тусклыхъ масляныхъ портрета, одинъ покойного императора Николая Павловича, снятый, судя по виду, еще въ двадцатыхъ годахъ столѣтія; другой изображалъ какого-то архіерея.

Господинъ Кирилловъ, войдя, засвѣтилъ свѣчу, и изъ своего чемодана, стоявшаго въ углу и еще не разобраннаго, досталъ конвертъ, сургучъ и хрустальную печатку.

— Запечатайте вашу записку и надпишите конвертъ.

Я было возразилъ, что не надо, но онъ настоялъ. Надписавъ конвертъ, я взялъ фуражку.

— А я думалъ, вы чаю, сказалъ онъ,—я чай купилъ. Хотите?

Я не отказался. Баба скоро внесла чай, то-есть большій чайникъ горячей воды, маленький чайникъ съ обильно завареннымъ чаемъ, двѣ большія каменные, грубо разрисованныя чашки, калачъ и цѣлую тарелку колотаго сахару.

— Я чай люблю, сказалъ онъ,—ночью; много хожу, и пью; до разсвѣта. За границей чай ночью неудобно.

— Вы ложитесь на разсвѣтъ?

— Всегда; давно. Я мало Ѵмъ; все чай. Липутинъ хитеръ, но нетерпѣливъ.

Меня удивило, что онъ хотѣлъ разговаривать; я рѣшился воспользоваться минутой.

— Давеча вышли непріятныя недоразумѣнія, замѣтилъ я.

Онъ очень нахмурился.

— Это глупость; это большіе пустяки. Тутъ все пустяки, потому что Лебядкинъ пьянъ. Я Липутину не говорилъ, а только объяснилъ пустяки; потому что тотъ перевралъ. У Липутина много фантазій; вместо пустяковъ, горы выстроилъ. Я вчера Липутину вѣрилъ.

— А сегодня мнѣ? засмѣялся я.

— Да вѣдь вы уже про все знаете давеча. Липутинъ или слабъ, или нетерпѣливъ, или вреденъ, или... за-видуетъ.

Послѣднее словцо меня поразило.

— Впрочемъ, вы столько категорій наставили, не мудрено, что подъ какую-нибудь и подойдетъ.

— Или ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Да, и это правда. Липутинъ—это хаось! Правда, онъ враль давеча, что вы хотите какое-то сочиненіе писать?

— Почему же враль? нахмурился онъ опять, уставившись въ землю.

Я извинился, и сталъ увѣрять, что не выпытываю. Онъ покраснѣлъ.

— Онъ правду говорилъ; я пишу. Только это все равно.

Съ минуту помолчали; онъ вдругъ улыбнулся давешнею дѣтскою улыбкой.

— Онъ это про головы самъ выдумалъ изъ книги, и самъ сначала мнѣ говорилъ, и понимаетъ худо, а я только ищу причины, почему люди не смѣютъ убивать себя; вотъ и все. И это все равно.

— Какъ не смѣютъ? Развѣ мало самоубійствъ?

— Очень мало.

— Неужели вы такъ находите?

Онъ не отвѣтилъ, всталъ и въ задумчивости началъ ходить взадъ и впередъ.

— Что же удерживаетъ людей, по-вашему, отъ самоубийства? спросилъ я.

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ, какъ бы припоминая, о чмъ мы говорили.

— Я... я еще мало знаю... два предразсудка удерживаютъ, двѣ вещи; только двѣ; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая.

— Какая же маленькая-то?

— Боль.

— Боль? Неужто это такъ важно... въ этомъ случаѣ?

— Самое первое. Есть два рода: тѣ, которые убиваютъ себя или съ большой грусти, или со злости, или сумасшедшіе, или тамъ все равно... тѣ вдругъ. Тѣ мало о боли думаютъ, а вдругъ. А которые съ разсудка—тѣ много думаютъ.

— Да развѣ есть такие, что съ разсудка?

— Очень много. Если бѣ предразсудка не было, было бы больше; очень много; всѣ.

— Ну, ужъ и всѣ?

Онъ промолчалъ.

— Да развѣ нѣть способовъ умирать безъ боли?

— Представьте, остановился онъ предо мною, — представьте камень такой величины, какъ съ большой домъ; онъ виситъ, а вы подъ нимъ; если онъ упадетъ на васъ, на голову—будетъ вамъ больно?

— Камень съ домъ? Конечно, страшно.

— Я не про страхъ; будетъ больно?

— Камень съ гору, миллионъ пудовъ? Разумѣется, ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока виситъ, вы будете очень бояться, что больно. Всякий первый ученый, первый докторъ, всѣ, всѣ будутъ очень бояться. Всякий будетъ знать, что не больно, и всякий будетъ очень бояться, что больно.

— Ну, а вторая причина, большая-то?

— Тотъ свѣтъ.

— То-есть, наказаніе?

— Это все равно. Тотъ свѣтъ; одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣть такихъ атеистовъ, что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?

Опять онъ промолчалъ.

— Вы, можетъ-быть, по себѣ судите?

— Всякій не можетъ судить какъ по себѣ, проговорилъ онъ, покраснѣвъ.—Вся свобода будетъ тогда, когда будетъ все равно жить или не жить. Вотъ всему цѣль.

— Цѣль? Да тогда никто, можетъ, и не захочетъ жить?

— Никто, произнесъ онъ рѣшительно.

— Человѣкъ смерти боится, потому что жизнь любить, вотъ какъ я понимаю, замѣтилъ я, — и такъ природа велѣла.

— Это подло и тутъ весь обманъ! глаза его засверкали.—Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любить, потому что боль и страхъ любить. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будеть все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдить боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало-быть, тотъ Богъ есть же, по-вашему?

— Его нѣтъ, но Онъ есть. Въ камнѣ боли нѣть, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдить боль и страхъ, тотъ самъ станеть богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до...

— До гориллы?..

— ...до перемѣны земли и человѣка физически. Будеть богомъ человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли, и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человѣкъ физически?

— Если будетъ все равно жить или не жить, то всѣ убьютъ себя, и вотъ въ чёмъ, можетъ-быть, перемѣна будетъ.

— Это все равно. Обманъ убьютъ. Всякій, кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣеть убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣть убить себя, тотъ богъ. Теперь всякий можетъ сдѣлать, что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубийцъ миллионы были.

— Но все не за тѣмъ, все со страхомъ и не для того.

Не для того, чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ.

— Не успѣть, можетъ-быть, замѣтилъ я.

— Это все равно, отвѣтилъ онъ тихо, съ покойною гордостью, чуть не съ презрѣніемъ. — Мне жаль, что вы какъ будто смѣетесь, прибавилъ онъ черезъ полминуты.

— А мнѣ странно, что вы давеча были такъ раздражительны, а теперь такъ спокойно, хотя и горячо говорите.

— Давеча? Давеча было смѣшино, отвѣтилъ онъ съ улыбкой.— Я не люблю бранить и никогда не смѣюсь, прибавилъ онъ грустно.

— Да, не весело вы проводите ваши ночи за чаемъ.

Я всталъ и взялъ фуражку.

— Вы думаете? улыбнулся онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.— Почему же? Нѣтъ, я... я не знаю, смѣшался онъ вдругъ,—не знаю какъ у другихъ, и я такъ чувствую, что не могу, какъ всякий. Всякий думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ. Я не могу о другомъ, я всю жизнь обо одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ, заключилъ онъ вдругъ съ удивительною экспансивностью.

— А скажите, если позволите, почему вы не такъ правильно по-русски говорите? Неужели за границей въ пять лѣтъ разучились?

— Развѣ я неправильно? Не знаю. Нѣтъ, не потому, что за границей. Я такъ всю жизнь говорилъ... мнѣ все равно.

— Еще вопросъ болѣе деликатный: я совершенно вѣрю, что вы не склонны встрѣчаться съ людьми и мало съ людьми говорите. Почему вы со мной теперь разговорились?

— Съ вами? Вы давеча хорошо сидѣли и вы... впрочемъ, все равно... вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, проговорилъ онъ, покраснѣвъ. — Онъ семь лѣтъ умеръ; старшій; очень, очень много.

— Должно-быть, имѣлъ большое вліяніе на вашъ образъ мыслей.

— Н-нѣтъ, онъ мало говорилъ: онъ ничего не говорилъ. Я вашу записку отдамъ.

Онъ проводилъ меня съ фонаремъ до воротъ, чтобы запереть за мной. „Разумѣется, помѣщанный“, рѣшилъ я про себя. Въ воротахъ произошла новая встрѣча.

IX.

Только что я занесъ ногу за высокій порогъ калитки, вдругъ чья-то сильная рука схватила меня за грудь.

— Кто сей? заревѣль чей-то голосъ. — Другъ или не-другъ? Кайся!

— Это нашъ, нашъ! завиждалъ подлъ голосокъ Липутина.—Это господинъ Г—въ, классического воспитанія и въ связяхъ съ самымъ высшимъ обществомъ молодой человѣкъ.

— Люблю, коли съ обществомъ, кла-ссичес... значить, о-образо-о-ваннѣйшій... отставной капитанъ Игнатъ Лебядкинъ, къ услугамъ міра и друзей... если вѣрны, если вѣрны, подлецы!

Капитанъ Лебядкинъ, вершковъ десять росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и чрезвычайно пьяный, едва стоялъ предо мной и съ трудомъ выговаривалъ слова. Я, впрочемъ, его и прежде видалъ издали.

— А, и этотъ! взревѣль онъ опять, замѣтивъ Кириллова, который все еще не уходилъ со своимъ фонаремъ; онъ поднялъ было кулакъ, но тотчасъ опустилъ его.

— Прощаю за ученость! Игнатъ Лебядкинъ—образо-ованнѣйшій...

Любви пылающей граната
Лопнула въ груди Игната.
И вновь заплакалъ горькой мукой
По Севастополю безрукій.

— Хоть въ Севастополѣ не былъ и даже не безрукій, но каковы же риѳмы! лѣзъ онъ ко мнѣ со своей пьяной рожей.

— Имъ некогда, некогда, они домой пойдутъ, уговаривалъ Липутина.—Они завтра Лизаветѣ Николаевнѣ перескажутъ.

— Лизаветѣ!... завопилъ онъ опять. — Стой - нейди!. Еарьянть:

И порхаетъ звѣзда на конѣ
Въ хороводѣ другихъ амазонокъ;
Улыбается съ лошади мнѣ:
Ари-сто-кратической ребенокъ.

„Звѣздѣ-амазонкѣ“.

— Да, вѣдь, это же гимнъ! Это гимнъ, если ты не осель! Бездѣльники, не понимаютъ! Стой! уцѣпился онъ за мое пальто, хотя и рвался изо всѣхъ силъ въ калитку.— Передай, что я рыцарь чести, а Дашка... Дашу я двумя пальцами... крѣпостная раба и не смѣеть...

Тутъ онъ упалъ, потому что я съ силой вырвался у него изъ рукъ и побѣжалъ по улицѣ. Липутина увязался за мной.

— Его Алексѣй Нилычъ подымутъ. Знаете-ли, что я сейчась отъ него узналъ? болталъ онъ впопыхахъ.—Стишки-то слышали? Ну, вотъ онъ эти самые стихи къ „Звѣздѣ-амазонкѣ“ запечаталъ и завтра посылаетъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ за своею полною подписью. Каковы!

— Бьюсь обѣ закладъ, что вы сами его подговорили.

— Проиграете! захочоталъ Липутина.—Влюбленъ, влюбленъ, какъ кошка, а знаете-ли, что началось, вѣдь, съ ненависти. Онъ до того сперва возненавидѣлъ Лизавету Николаевну за то, что онаѣздитъ верхомъ, что чуть не ругалъ ее вслухъ на улицѣ; да и ругалъ-же! Еще третьего дня выругалъ, когда она проѣзжала; къ счастью, не разслышала, и вдругъ сегодня стихи! Знаете-ли, что онъ хочетъ рискнуть предложеніе? Серьезно, серьезно!

— Я вамъ удивляюсь, Липутина, вездѣ-то вы вотъ, гдѣ только эта ка дрянь заведется, вездѣ-то вы тутъ руководите! проговорилъ я въ ярости.

— Однакоже, вы далеко заходите, господинъ Г — вѣдь; не сердчишко-ли у васъ єкнуло, испугавшись соперника,—а?

— Что-о-о? закричалъ я, останавливаясь.

— А вотъ же вамъ вѣдь наказаніе и ничего не скажу дальше! А вѣдь какъ бы вамъ хотѣлось услышать! Ужъ одно то, что этотъ дуралей теперь не простой капитанъ, а помѣщикъ нашей губерніи, да еще довольно значительный, потому что Николай Всеvolodовичъ ему все свое помѣстье, бывшія свои двѣсти душъ падняхъ продали, и вотъ же вамъ Богъ — не лгу! Сейчасъ узналъ, но зато изъ наивѣрнѣйшаго источника. Ну, а теперь дощучивайтеська сами; больше ничего не скажу; до свиданья-съ!

X.

Степанъ Трофимовичъ ждалъ меня въ истерическомъ нетерпѣніи. Уже съ часъ какъ онъ воротился. И засталъ его какъ бы пьяного; первыя пять минутъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ, что онъ пьянъ. Увы, визить къ Дроздовымъ сбилъ его съ послѣдняго толку.

— Mon ami, я совсѣмъ потерялъ мою нитку... Lise... я люблю и уважаю этого ангела попрежнему; именно по-прежнему; но, мнѣ кажется, онъ ждали меня обѣ единствено чтобы кое-что выѣздить, то-есть попросту вытянуть изъ меня, а тамъ и стуйай себѣ съ Богомъ... Это такъ.

— Какъ вамъ не стыдно! вскричалъ я, не вытерпѣвъ.

— Другъ мой, я теперь совершенно одинъ. Enfin c'est ridicule. Представьте, что и тамъ все это напичкано тайнами. Такъ на меня и накинулись обѣ этихъ носахъ и ушахъ и еще о какихъ-то петербургскихъ тайнахъ. Онъ вѣдь обѣ только здѣсь въ первый разъ провѣдали обѣ этихъ здѣшнихъ исторіяхъ съ Nicolas четыре года назадъ: „Вы тутъ были, вы видѣли, правда-ли, что онъ сумасшедший?“ И откуда эта идея вышла, не понимаю. Почему Прасковыѣ непремѣнно такъ хочется, чтобы Nicolas оказался сумасшедшимъ? Хочется этой женщинѣ, хочется! Се Magrice, или, какъ его, Маврикій Николаевичъ, brave homme tout de шѣme, но неужели въ его пользу, и послѣ того, какъ сама же первая писала изъ Парижа къ cette pauvre amie... Enfin, эта Прасковыѣ, какъ называетъ ее cette ch鑑re amie, это типъ, это безсмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка, задорная Коробочка и въ безконечномъ увеличенномъ видѣ.

— Да вѣдь это сундукъ выйдетъ; ужъ и въ увеличенномъ?

— Ну, въ уменьшенномъ, все равно, только не перебивайте, потому что у меня все это вертится. Тамъ онъ совсѣмъ расплевались; кромѣ Lise, та все еще: „Тётя, тётя“, но Lise хитра и, тутъ еще что-то есть. Тайны. Но со старухой разссорились. Cette pauvre тётя, правда, всѣхъ деспотируетъ... а тутъ и губернаторша, и непочтительность общества, и „непочтительность“ Кармазинова; а тутъ вдругъ эта мысль о помѣшательствѣ, се Lipoutine, се que je ne comprends pas... и-и, говорятъ, голову уксусомъ обмоцила, а тутъ и мы съ вами, съ нашими жалобами и съ нашими письмами... О, какъ я мучилъ ее и въ такое время! Je suis un ingrat! Вообразите, возвращаюсь и нахожу отъ нея письмо; читайте, читайте! О, какъ неблагородно было съ моей стороны.

Онъ подалъ мпѣ только что полученное письмо отъ Варвары Петровны. Она, кажется, раскаялась въ утрешнемъ своемъ: „сидите дома“. Письмѣдо было вѣжливое, но все-таки рѣшительное и немногословное. Послѣ завтра, въ воскресенье, она просила къ себѣ Степана Трофимовича ровно въ двѣнадцать часовъ и совѣтовала привести съ собой кого-нибудь изъ друзей своихъ (въ скобкахъ стояло мое имя). Съ своей стороны, обѣщалась позвать Шатова, какъ брата Дарьи Павловны. „Вы можете получить отъ нея окончательный отвѣтъ: довольно - ли

съ васъ будеть? Этой-ли формальности вы такъ добивались?"

— Замѣтте эту раздражительную фразу въ концѣ о формальности. Бѣдная, бѣдная, другъ всей моей жизни! Признаюсь, это *внезапное* рѣшеніе судьбы меня точно придавило... Я, признаюсь, все еще надѣялся, а теперь, tout est dit, я ужъ знаю, что копчено; c'est terrible. О, кабы не было совсѣмъ этого воскресенія, а все по-старому: вы бы ходили, а я бы тутъ...

— Васъ сбили съ толку всѣ эти давешнія Липутинскія мерзости, сплетни.

— Другъ мой, вы сейчасъ попали въ другое больное мѣсто, вашимъ дружескимъ пальцемъ. Эти дружеские пальцы вообще безжалостны, а иногда безтолковы, regard, но, вотъ вѣрите-ли, а я почти забылъ обо всемъ этомъ, о мерзостяхъ-то, то-есть я вовсе не забылъ, но я, по глупости моей, все время, пока былъ у Lise, старался быть счастливымъ и увѣрялъ себя, что я счастливъ. Но теперь... о, теперь я про эту великодушную, гуманную, терпѣливую къ моимъ подлымъ недостаткамъ женщину,— то-есть хоть и не совсѣмъ терпѣливую, но вѣдь и самъ-то я каковъ, съ моимъ пустымъ, сквернымъ характеромъ! Вѣдь я блажной ребенокъ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка, но безъ его низинности. Она двадцать лѣтъ ходила за мной какъ нянѣка, cette pauvre tётя, какъ грациозно называстъ ее Lise... И вдругъ, послѣ двадцати лѣтъ, ребенокъ захотѣлъ жениться, жени, да жени, письмо за письмомъ, а у ней голова въ уксусѣ и... и, вотъ и достигъ, въ воскресеніе, женатый человѣкъ, шутка сказать... И чего самъ настаивалъ, ну, зачѣмъ я письма писалъ? Да, забылъ: Lise боготворитъ Дарью Павловну, говорить, по крайней мѣрѣ; говорить про нее: „c'est un ange, но только несолько скрытный“. Обѣ совѣтовали, даже Прасковья... впрочемъ, Прасковья не совѣтовала. О, сколько яду заперто въ этой Коробочки! Да и Lise собственно не совѣтовала: „къ чemu вамъ жениться, довольно съ васъ и ученыхъ наслажденій“. Хохотеть. Я ей простилъ ея хотѣть, потому что у ней у самой скребетъ на сердцѣ. Вамъ, однако, говорять онѣ, безъ женщины невозможно. Приближаются ваши немощи, а она васъ укроетъ, или какъ тамъ... Ma foi я и самъ, все это время съ вами сидя, думалъ про себя, что Провидѣніе посыпаетъ ее на склонъ бурныхъ дней моихъ, и что она меня укроетъ или какъ

тамъ... enfin понадобится въ хозяйство. Вонъ у меня та-
кой соръ, вонъ смотрите, все это валяется, давеча велѣлъ
прибрать, и книга на полу. La pauvre amie все серди-
лась, что у меня соръ... О, теперь ужъ не будетъ разда-
ваться голосъ ея! Vingt ans! И-и у нихъ, кажется, апо-
нимпыя письма, вообразите, Nicolas продалъ, будто бы,
Лебядкину мнѣніе. C'est un monstre: et enfin кто такой
Лебядкинъ? Lise слушаетъ, слушаетъ, ухъ какъ она слу-
шаетъ! Я простила ей ея хохотъ, я видѣлъ съ какимъ
лицомъ она слушала, и се Maurice... я бы не желалъ
быть въ его теперешней роли, brave homme tout de tême.
но нѣсколько застѣнчивъ; впрочемъ, Богъ съ нимъ...

Онъ замолчалъ; онъ усталъ и сбился и сидѣлъ, пону-
ривъ голову, смотря неподвижно въ полъ усталыми гла-
зами. Я воспользовался промежуткомъ и рассказалъ о
моемъ посѣщеніи дома Филиппова, при чёмъ рѣзко и сухо
выразилъ мое мнѣніе, что дѣйствительно сестра Лебяд-
кина (которую я не видалъ) могла быть когда-то кѣой-
нибудь жертвой Nicolas, въ загадочную пору его жизни,
какъ выражался Липутинъ, и что очень можетъ быть, что
Лебядкинъ почему-нибудь получаетъ съ Nicolas деньги,
но вотъ и все. Насчетъ же сплетенъ о Дарьѣ Павловнѣ,
то все это вздоръ, все это натяжки мерзавца Липутина,
и что такъ, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ утверждаетъ
Алексѣй Нилычъ, которому нѣть основаній не вѣрить.
Степанъ Трофимовичъ прослушалъ мои увѣренія съ раз-
свѣннымъ видомъ, какъ будто до него не касалось. Я,
кстати, упомянулъ и о разговорѣ моемъ съ Кирилловымъ
и прибавилъ, что Кирилловъ, можетъ-быть, сумасшедший.

— Онъ не сумасшедший, но это люди съ коротенькими
мыслями, вяло и какъ бы нехотя промямлилъ онъ.—Ces
gens-là supposent la nature et la soci t  humaine autres
que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont r ellement. Съ
ними заигрываютъ, но, по крайней мѣрѣ, не Степанъ
Верховенскій. Я видѣлъ ихъ тогда въ Петербургѣ, avec
cette ch re amie (о, какъ я тогда оскорблялъ ее!) и не
только ихъ ругательствъ,—я даже ихъ похвалъ не испу-
гался. Не испугаюсь и теперь, mais parlons d'autre chose...
я, кажется, ужасныхъ вещей надѣлалъ; вообразите, я ото-
слалъ Дарьѣ Павловнѣ вчера письмо и... какъ я кляну себя
за это!

— О чёмъ же вы писали?

— О, другъ мой, повѣрьте, что все это съ такимъ бла-

городствомъ. Я увѣдомилъ ее, что я написалъ къ Nicolas, еще дней пять назадъ и тоже съ благородствомъ.

— Понимаю теперь! вскричалъ я съ жаромъ.—И какое право имѣли вы ихъ такъ сопоставить?

— Но, mon cher, не давите же меня окончательно, не кричите на меня; я и то весь раздавленъ какъ... какъ тараканъ, и, наконецъ, я думаю, что все это такъ благородно. Предположите, что тамъ что-нибудь дѣйствительно было... en Suisse... или начиналось. Долженъ же я спросить сердца ихъ предварительно, чтобы... enfin, чтобы не помышлять сердцамъ и не стать столбомъ на ихъ дорогѣ... Я единственно изъ благородства.

— О, Боже, какъ вы глупо сдѣлали! невольно сорвалось у меня.

— Глупо, глупо, подхватилъ онъ даже съ жадностью.—Никогда ничего не сказали вы умнѣе, c'était bête, mais que faire, tout est dit. Все равно женюсь, хоть и на „чужихъ грѣхахъ“, такъ къ чему же было и писать? Не правда-ли?

— Вы опять за то же!

— О, теперь меня не испугаете вашимъ крикомъ, теперь предъ вами уже не тотъ Степанъ Верховенскій; тотъ похороненъ; enfin tout est dit. Да и чего кричите вы? Единственно потому, что не сами женитесь и не вами придется носить известное головное украшеніе. Опять вѣстъ коробить? Бѣдный другъ мой, вы не знаете женщипу, а я только и дѣлалъ, что изучалъ ее. „Если хочешь побѣдить весь міръ, побѣди себя“, единственно, что удалось хорошо сказать другому такому же, какъ и вы, романтику, Шатову, братцу супруги моей. Охотно у него заимствую его изреченіе. Ну, вотъ и я готовъ побѣдить себя, и женюсь, а между тѣмъ что завоюю, вмѣсто цѣлаго-то міра? О, другъ мой, бракъ — это нравственная смерть всякой гордой души, всякой независимости. Брачная жизнь развратить меня, отниметъ энергию, мужество въ служеніи дѣлу, пойдутъ дѣти, еще, пожалуй, не мои,—то-есть, разумѣется, не мои: мудрый не боится заглянуть въ лицо истинѣ... Липутинъ предлагалъ давеча спастись отъ Nicolas барrikадами; онъ глупъ, Липутинъ. Женщина обманеть само всевидящее око. Le bon Dieu, создавая женщину, ужъ конечно, зналъ чemu подвергался, но я увѣренъ, что она сама помышала Ему и сама заставила себя создать въ такомъ видѣ и... съ такими атри-

бутами; иначе кто же захотѣлъ бы наживать себѣ таіа хлопоты даромъ? Настасья, я знаю, можетъ и разсердится на меня за вольнодумство, но... Enfin tout est dit.

Онъ не былъ бы самъ собою, если бы обошелся безъ дешевенькаго, каламбурного вольнодумства, такъ проявившаго въ его время, по крайней мѣрѣ, теперь утѣшилъ себя каламбурчикомъ, но не надолго.

— О, почему бы совсѣмъ не быть этому послѣ завтра, этому воскресенюю! воскликнулъ онъ вдругъ, но уже въ совершенномъ отчаянніи.— Почему бы не быть хоть одной этой недѣлѣ безъ воскресеня — si le miracle existe? Ну, что бы стоило Провидѣнію вычеркнуть изъ календаря хоть одно воскресеніе, ну, хоть для того, чтобы доказать атеисту свое могущество et que tout soit dit! О, какъ я любилъ ее! Двадцать лѣтъ, всѣ двадцать лѣтъ и никогда-то она не понимала меня!

— Но про кого вы говорите? — и я васъ не понимаю! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Vingt ans! И ни разу не поняла меня, о, это жестоко! И неужели она думаетъ, что я женюсь изъ страха, изъ нужды? О, позорь! Тетя, тетя, я для тебя! О, пусть узнаетъ она, эта тетя, что она единственная женщина, которую я обожалъ двадцать лѣтъ! Она должна узнать это, иначе не будетъ, иначе только склон потащить меня подъ этотъ се qui'on appelle le вѣнецъ!

Я въ первый разъ слышалъ это признаніе и такъ энергически высказанное. Не скрою, что мнѣ ужасно хотѣлось засмѣяться. Я былъ не правъ.

— Однѣ, одинъ онъ мнѣ остался теперь, одна надежда моя! всплеснулъ онъ вдругъ руками, какъ бы внезапно пораженный новою мыслью.— Теперь одинъ только онъ, мой бѣдный мальчикъ, спасетъ меня и, — о, что же онъ не ѳдетъ! О, сынъ мой, о, мой Петруша... и хотя я недостоинъ названія отца, а скорѣе тигра, но... laissez moi, mon ami, я немножко полежу, чтобы собраться съ мыслами. Я такъ усталъ, такъ усталъ, да и вамъ, я думаю, пора спать, voyez vous, двѣнадцать часовъ...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хромоножка.

I.

Шатовъ не заупрямился и, по запискѣ моей, явился въ полдень къ Лизавѣтѣ Николаевнѣ. Мы вошли почти

вмѣстѣ; я тоже явился сдѣлать мой первый визитъ. Они все, то-есть Лиза, мама и Маврикій Николаевичъ, сидѣли въ большой залѣ и спорили. Мама требовала, чтобы Лиза сыграла ей какой-то вальсъ на фортепіано, и когда та начала требуемый вальсъ, то стала увѣрять, что вальсъ не тотъ. Маврикій Николаевичъ, по простотѣ своей, заступился за Лизу и сталъ увѣрять, что вальсъ тотъ самый; старуха со злости расплакалась. Она была больна и съ трудомъ даже ходила. У ней распухли ноги, и вотъ уже нѣсколько дней только и дѣлала, что капризничала и ко всѣмъ придидалась, несмотря на то, что Лизу всегда побаивалась. Приходу нашему обрадовались. Лиза покраснѣла отъ удовольствія и, проговоривъ мнѣ шесці, конечно, за Шатова, пошла къ нему, любопытно его разматривая.

Шатовъ неуклюже остановился въ дверяхъ. Поблагодаривъ его за приходъ, она подвела его къ мамѣ.

— Это господинъ Шатовъ, про которого я вамъ говорила, а это вотъ господинъ Г—въ, большой другъ мнѣ и Степану Трофимовичу. Маврикій Николаевичъ вчера тоже познакомился.

— А который профессоръ?

— А профессора вовсе и нѣть, мама.

— Нѣть есть, ты сама говорила, что будетъ профессоръ; вѣрно вотъ этотъ, она брезгливо указала на Шатова.

— Вовсе никогда я вамъ не говорила, что будетъ профессоръ. Господинъ Г—въ служить, а господинъ Шатовъ—бывшій студентъ.

— Студентъ, профессоръ, все одно изъ университета. Тебѣ только бы спорить. А швейцарскій былъ въ усахъ и съ бородкой.

— Это, мама, сына Степана Трофимовича все профессоромъ называетъ, сказала Лиза и увела Шатова на другой конецъ залы, на диванъ.—Когда у ней ноги распухнутъ, она всегда такая, вы понимаете, больная, шепнула она Шатову, продолжая разматривать его съ тѣмъ же чрезвычайнымъ любопытствомъ и особенно его вихоръ на головѣ.

— Вы военный? обратилась ко мнѣ старуха, съ которой меня такъ безжалостно бросила Лиза.

— Нѣть-съ, я служу...

— Господинъ Г—въ большой другъ Степана Трофимовича, отозвалась тотчасъ же Лиза.

— Служите у Степана Трофимовича? Да вѣдь и онъ профессоръ?

— Ахъ, мама, вамъ вѣрно и ночью снятся профессора, съ досадой крикнула Лиза.

— Слишкомъ довольно и на-яву. А ты вѣчно чтобы матери противорѣчить. Вы здѣсь, когда Николай Всеволодовичъ прѣѣжалъ, были четыре года назадъ?

И отвѣчалъ, что былъ.

— А англичанинъ тутъ былъ какой-нибудь вмѣстѣ съ вами?

— Нѣть, не былъ.

Лиза засмѣялась.

— А видишь, что и не было совсѣмъ англичанина, стало-быть, враки. И Варвара Петровна, и Степанъ Трофимовичъ оба врутъ. Да и всѣ врутъ.

— Это тетя и вчера Степанъ Трофимовичъ нашли будто бы сходство у Николая Всеволодовича съ принцемъ Гарри, у Шекспира въ Генрихѣ IV, и мама на это говоритъ, что не было англичанина, объяснила намъ Лиза.

— Коли Гарри не было, такъ и англичанина не было. Одинъ Николай Всеволодовичъ куролесилъ.

— Увѣряю васъ, что это мама нарочно, нашла нужнымъ объяснить Шатову Лиза. — Она очень хорошо про Шекспира знаетъ. Я ей сама первый актъ „Отелло“ читала; но она теперь очень страдаетъ. Мама, слышите, двѣнадцать часовъ бываетъ, вамъ лѣкарство принимать пора.

— Докторъ прїѣхалъ, появилась въ дверяхъ горничная. Старуха привстала и начала звать собачку:

— Земирка, Земирка, пойдемъ хоть ты со мной.

Скверная, старая, маленькая собачонка Земирка не слушалась и залѣзла подъ диванъ, гдѣ сидѣла Лиза.

— Не хочешь? Такъ и я тебя не хочу. Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени-отчества, обратилась она ко мнѣ.

— Антонъ Лаврентьевичъ...

— Ну, все равно, у меня въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Не провожайте меня, Маврикій Николаевичъ, я только Земирку звала. Слава Богу, еще и сама хожу, а завтра гулять поѣду.

Она сердито вышла изъ залы.

— Антонъ Лаврентьевичъ, вы тѣмъ временемъ поговорите съ Мавриkiemъ Николаевичемъ; увѣряю васъ, что вы оба выиграете, если поближе познакомитесь, сказала Лиза

и дружески усмѣхнулась Маврикію Николаевичу, который такъ весь и просиялъ отъ ея взгляда.

Я, нечего дѣлать, остался говорить съ Мавриkiemъ Николаевичемъ.

II.

Дѣло у Лизаветы Николаевны до Шатова, къ удивленію моему, оказалось въ самомъ дѣлѣ только литературнымъ. Не знаю почему, но мнѣ все думалось, что она звала его за чѣмъ-то другимъ. Мы, то-есть я съ Мавриkiemъ Николаевичемъ, видя, что отъ насть не таятся и говорять очень громко, стали прислушиваться; потомъ и насть пригласили въ совѣтъ. Все состояло въ томъ, что Лизавета Николаевна давно уже задумала изданіе одной полезной, по ея мнѣнію, книги, но, по совершенной неопытности, нуждалась въ сотрудникѣ. Серьезность, съ которой она принялась объяснять Шатову свой планъ, даже меня изумила.

„Должно-быть, изъ новыхъ“, подумалъ я,— „не даромъ въ Швейцаріи побывала“.

Шатовъ слушалъ со вниманіемъ, уткнувъ глаза въ землю, и безъ малѣшаго удивленія тому, что свѣтская, разсѣянная барышня берется за такія, казалось бы, не подходящія ей дѣла.

Литературное предпріятіе было такого рода. Издается въ Россіи множество столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и другихъ журналовъ, и въ нихъ ежедневно сообщается о множествѣ происшествій. Годъ отходитъ, газеты повсемѣстно складываются въ шкапы, или сорятся, рвутся, идутъ на обертки и колпаки. Многіе опубликованные факты производятъ впечатлѣніе и остаются въ памяти, но потомъ съ годами забываются. Многіе желали бы потомъ справиться, но какой же трудъ разыскивать въ этомъ морѣ листовъ, часто не зная ни дня, ни мѣста, ни даже года случившагося происшествія? А между тѣмъ если бы совокупить всѣ эти факты за цѣлый годъ въ одну книгу, по известному плану и по известной мысли, съ оглавленіями, указаніями, съ разрядомъ по мѣсяцамъ и числамъ, то такая совокупность въ одно цѣлое могла бы обрисовать всю характеристику русской жизни за весь годъ, несмотря даже на то, что фактовъ публикуется чрезвычайно малая доля въ сравненіи со всѣми случившимися.

— Вместо множества листовъ выйдетъ нѣсколько толстыхъ книгъ, вотъ и все, замѣтилъ Шатовъ.

Но Лизавета Николаевна горячо отстаивала свой замыселъ, несмотря на трудность и неумѣлость высказаться. Книга должна быть одна, даже не очень толстая —увѣряла она. Но, положимъ, хоть и толстая, но ясная, потому что главное въ планѣ и въ характерѣ представлениія фактъвъ. Конечно, не все собирать и перепечатывать. Указы, дѣйствія правительства, мѣстныя распоряженія, законы, все это хоть и слишкомъ важные факты, но въ предполагаемомъ изданіи этого рода факты можно совсѣмъ выпустить. Можно многое выпустить и ограничиться лишь выборомъ происшествій болѣе или менѣе выражающимъ нравственную личную жизнь народа, личность русскаго народа въ данный моментъ. Конечно, все можетъ войти: курьезы, пожары, пожертвованія, всякия добрыя и дурныя дѣла, всякия слова и рѣчи, пожалуй, даже извѣстія о разливахъ рекъ, пожалуй, даже и некоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то, что рисуетъ эпоху; все войдетъ съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаниемъ, съ намѣренiemъ, съ мыслию, освѣщающею все цѣлое, всю совокупность. И, наконецъ, книга должна быть любопытна даже для легкаго чтенія, не говоря уже о томъ, что необходима для справокъ! Это была бы, такъ сказать, картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. „Нужно, чтобы всѣ покупали, нужно, чтобы книга обратилась въ настольную“, утверждала Лиза.—„Я понимаю, что все дѣло въ планѣ, а потому къ вамъ и обращаюсь“, заключила она. Она очень разгорячилась и, несмотря на то, что объяснялась темно и не полно, Шатовъ сталъ понимать.

— Значить, выйдетъ нѣчто съ направленіемъ, подборъ фактъвъ подъ извѣстное направленіе, пробормоталъ онъ, все еще не поднимая головы.

— Отнюдь нѣть, не надо подбирать подъ направленіе, и никакого направленія не надо. Одно безпредвѣстіе, вотъ направленіе.

— Да направленіе и не бѣда, зашевелился Шатовъ,—да и нельзя его избѣжать, чуть лишь обнаружится хоть какой-нибудь подборъ. Въ подборѣ фактъвъ и будетъ указаніе, какъ ихъ понимать. Ваша идея недурна.

— Такъ возможна, стало-быть, такая книга? обрадовалась Лиза.

— Надо посмотреть и сообразить. Дѣло это—огромное. Сразу ничего не выдумаешь. Опять нуженъ. Да и когда

издадимъ книгу, врядъ-ли еще научимся, какъ ее издавать. Развѣ послѣ многихъ опытовъ; но мысль наклевывается. Мысль полезная.

Онъ поднялъ, наконецъ, глаза, и они даже засияли отъ удовольствія, такъ онъ былъ заинтересованъ.

— Это вы сами выдумали? ласково и какъ бы стыдливо спросилъ онъ у Лизы.

— Да вѣдь выдумать не бѣда, планъ бѣда, улыбалась Лиза. — Я мало понимаю и не очень умна и преслѣдую только то, чтѣ мнѣ самой ясно...

— Преслѣдуете?

— Вѣроятно не то слово? быстро освѣдомилась Лиза.

— Можно и это слово; я ничего.

— Мнѣ показалось еще за границей, что можно и мнѣ быть чѣмъ-нибудь полезною. Деньги у меня свои и даромъ лежать, почему же и мнѣ не поработать для общаго дѣла? Къ тому же мысль какъ-то сама собой вдругъ пришла; я нисколько ее не выдумывала и очень ей обрадовалась; но сейчасъ увидала, что нельзя безъ сотрудника, потому что ничего сама не умѣю. Сотрудникъ, разумѣется, станетъ и соиздателемъ книги. Мы пополамъ: вашъ планъ и работа, моя первоначальная мысль и средства къ изданію. Вѣдь окупится книга!

— Если откопаемъ вѣрный планъ, то книга пойдетъ.

— Предупреждаю васъ, что я не для барышей, но очень желаю расходу книги и буду горда барышами.

— Ну, а я тутъ при чѣмъ?

— Да вѣдь я же васъ и зову въ сотрудники... пополамъ. Вы планъ выдумаете.

— Почемъ же вы знаете, что я въ состояніи планъ выдумать?

— Мнѣ о васъ говорили, и здѣсь я слышала... я знаю, что вы очень умны и... занимаетесь дѣломъ и... думаете много; мнѣ о васъ Пётръ Степановичъ Верховенскій въ Швейцаріи говорилъ, торопливо прибавила она. — Онъ очень умный человѣкъ, неправда-ли?

Шатовъ мгновеннымъ, едва скользнувшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но тотчасъ же опустилъ глаза.

— Мнѣ и Николай Всеволодовичъ о васъ тоже много говорилъ.

Шатовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Впрочемъ, вотъ газеты, торопливо схватила Лиза со стула приготовленную и перевязанную пачку газетъ. — Я

здесь попробовала на выборъ отмѣтить факты, подборъ сдѣлать и номера поставила... вы увидите.

Шатовъ взялъ свертокъ.

— Возьмите домой, посмотрите, вы вѣдь живете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Я знаю. Тамъ тоже, говорятъ, кажется, какой-то капитанъ живетъ подлѣ васъ, господинъ Лебядкинъ? все по-прежнему торопилась Лиза.

Шатовъ съ пачкой въ рукѣ, на отлетѣ, какъ взялъ, такъ и просидѣлъ цѣлую минуту безъ отвѣта, смотря въ землю.

— На эти дѣла вы бы выбрали другого, а я вамъ во-все не годенъ буду, проговорилъ онъ, наконецъ, какъ-то ужасно страшно понизивъ голосъ, почти шепотомъ.

Лиза всхихнула.

— Про какія дѣла вы говорите? Маврикій Николаевичъ! крикнула она,—пожалуйте сюда давешнее письмо.

И тоже за Мавриkiemъ Николаевичемъ подошелъ къ столу.

— Посмотрите это, обратилась она вдругъ ко мнѣ, въ большомъ волненіи развертывая письмо. — Видали-ли вы когда что-нибудь похожее? Пожалуйста, прочтите вслухъ; мнѣ надо, чтобы и господинъ Шатовъ слышалъ.

Съ немалымъ изумленіемъ прочелъ я вслухъ слѣдующее посланіе:

„Совершенству дѣвицы Тушиной.

„Милостива государыня

„Елизавета Николаевна!

„О, какъ мила она,

„Елизавета Тушина,

„Когда съ родственникомъ на дамскомъ сѣдлѣ лежасть.

„А лбкоиъ си съ вѣтрами играеть,

„Или когда съ матерью въ церкви падасть пицъ,

„И зрится руминецъ благоговѣйныхъ лицъ!

„Тогда брачныхъ и законныхъ наслажденій желаю

„И вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ матерью, слезу посылаю.

„Составилъ исученій за споромъ

„Милостивая государыня!

„Всѣхъ болѣе жалѣю себя, что въ Севастополѣ не лишился руки для славы, не бывъ тамъ вовсе, а служилъ всю кампанію по сдачѣ подлаго провіанта, считая низостью. Вы богиня въ древности, а я ничто и догадался о безпредѣльности. Смотрите, какъ на стихи, но не болѣе,

ибо стихи все-таки вздоръ и оправдываютъ то, что въ прозѣ считается дерзостью. Можетъ-ли солнце разсердиться на инфузорію, если та сочинить ему изъ капли воды, гдѣ ихъ множество, если въ микроскопъ? Даже самый клубъ человѣколюбія къ крупнымъ скотамъ въ Петербургѣ при высшемъ обществѣ, сострадая по праву собакъ и лошади, презираетъ краткую инфузорію, не упоминая о ней вовсе, потому что не доросла. Не доросъ и я. Мысль о бракѣ показалась бы уморительной; но скоро буду имѣть бывшія двѣsti душъ чрезъ человѣконенавистника, котораго презирайте. Могу многое сообщить и вызываюсь по документамъ даже въ Сибирь. Не презирайте предложенія. Письмо отъ инфузоріи разумѣть въ стихахъ.

„Капитанъ Лебядкинъ, покорнѣй-
шій другъ и имѣеть досугъ“.

— Это писаль человѣкъ въ пьяномъ видѣ и негодай! вскричалъ я въ негодованії.—Я его знаю!

— Это письмо я получила вчера, покраснѣвъ и торопясь стала объяснять памъ Лиза.—Я тотчасъ же и сама поняла, что отъ какого-нибудь глупца, и до сихъ поръ еще не показала шашап, чтобы не разстроить ее еще болѣе. Но если онъ будетъ опять продолжать, то я не знаю, какъ сдѣлать. Маврикій Николаевичъ хочетъходить запретить ему. Такъ какъ я на васъ смотрѣла, какъ на сотрудника, обратилась она къ Шатову,—и такъ какъ вы тамъ живете, то я и хотѣла васъ разспросить, чтобы судить, чего еще отъ него ожидать можно.

— Пьяный человѣкъ и негодай, пробормоталъ какъ бы нехотя Шатовъ.

— Что жъ, онъ все такой глупый?

— И, вѣтъ, онъ не глупый совсѣмъ, когда не пьяный.

— Я зналъ одного генерала, который писаль точь-вѣточъ такие стихи, замѣтилъ я, смѣясь.

— Даже и по этому письму видно, что себѣ на умѣ, неожиданно ввернуль молчаливый Маврикій Николаевичъ.

— Онъ, говорятъ, съ какой-то сестрой? спросила Лиза.

— Да, съ сестрой.

— Онъ, говорятъ, ее тиранитъ, правда это?

Шатовъ опять поглядѣль на Лизу, насунулся, и проговорчавъ: „какое мнѣ дѣло!“ подвинулся къ дверямъ.

— Ахъ, постойте, тревожно вскричала Лиза,—куда же вы? Намъ такъ много еще остается переговорить...

— О чём же говорить? Я завтра дам знать...

— Да о самом главном, о типографии! Поверьте же, что я не въ шутку, а серьезно хочу дѣлать,увѣряла Лиза все въ возрастающей тревогѣ. Если рѣшишь издавать, то гдѣ же печатать? Вѣдь, это самый важный вопросъ, потому что въ Москву мы для этого не поѣдемъ, а въ здѣшней типографіи невозможно для такого изданія. Я давно рѣшилась завести свою типографію, на ваше хоть имя, и мама, я знаю, позовитъ, если только на ваше имя...

— Почему же вы знаете, что я могу быть типографщикомъ? угрюмо спросилъ Шатовъ.

— Да мнѣ еще Петръ Степановичъ въ Швейцаріи именно на васъ указалъ, что вы можете вести типографію и знакомы съ дѣломъ. Даже записку хотѣлъ отъ себя къ вамъ дать, да я забыла.

Шатовъ, какъ припоминаю теперь, измѣнился въ лицѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ и вдругъ вышелъ изъ комнаты.

Лиза разсердилаась.

— Онъ всегда такъ выходитъ? повернулась она ко мнѣ.

Я пожалъ было плечами, но Шатовъ вдругъ воротился, прямо подошелъ къ столу и положилъ взятый имъ свертокъ газетъ.

— Я не буду сотрудникомъ, не имѣю времени...

— Почему же, почему же? Вы, кажется, разсердились? огорченнымъ и умоляющимъ голосомъ спрашивала Лиза.

Звукъ ея голоса какъ будто поразилъ его; нѣсколько мгновеній онъ пристально въ нее всматривался, точно желая проникнуть въ самую ея душу.

— Все равно, пробормоталъ онъ тихо,—я не хочу...

И ушелъ совсѣмъ. Лиза была совершенно поражена, даже какъ-то совсѣмъ и не въ мѣру; такъ показалось мнѣ.

— Удивительно странный человѣкъ! громко замѣтилъ Маврикій Николаевичъ.

III.

Конечно, „странный“, но во всемъ этомъ было чрезвычайно много неяснаго. Тутъ что-то подразумѣвалось. Я рѣшительно не вѣрилъ этому изданію; потому это глупое письмо, но въ которомъ слишкомъ ясно предлагался какой-то доносъ „по документамъ“ и о чёмъ всѣ они промолчали, а говорили совсѣмъ о другомъ, наконецъ, эта типографія и внезапный уходъ Шатова именно потому, что заговорили о типографіи. Все это навело меня на

мысль, что тутъ еще прежде меня что-то произошло и о чёмъ я не знаю; что, стало-быть, я лишній, и что все это не мое дѣло. Да и пора было уходить, довольно было для первого визита. Я подошелъ откланяться Лизаветѣ Николаевнѣ.

Она, кажется, и забыла, что я въ комнатѣ, и стояла все на томъ же мѣстѣ у стола, очень задумавшись, склонивъ голову и неподвижно смотря въ одну избранную на коврѣ точку.

— Ахъ, и вы, до свиданія, пролепетала она привычно-ласковымъ тономъ.—Передайте мой поклонъ Степану Трофимовичу и уговорите его прийти ко мнѣ поскорѣй. Маврикій Николаевичъ, Антонъ Лаврентьевичъ уходитъ. Извините, мама не можетъ выйти съ вами проститься...

Я вышелъ и даже сошелъ уже съ лѣстницы, какъ вдругъ лакей догналъ меня на крыльцѣ.

— Барыня очень просили воротиться...

— Барыня или Лизавета Николаевна?

— Онѣ-съ.

Я нашелъ Лизу уже ис въ той большой залѣ, гдѣ мы сидѣли, а въ ближайшей пріемной комнатѣ. Въ ту залу, въ которой остался теперь Маврикій Николаевичъ одинъ, дверь была притворена на-глухо.

Лиза улыбнулась мнѣ, но была блѣдна. Она стояла посреди комнаты въ видимой нерѣшимости, въ видимой борьбѣ; но вдругъ взяла меня за руку и молча, быстро подвела къ окну.

— Я немедленно хочу ес видѣть, прошептала она, устремивъ на меня горячій, сильный, нетерпѣливый взглядъ, недопускающій и тѣни противорѣчія.—Я должна ее видѣть собственными глазами и прошу вашей помощи.

Она была въ совершенномъ изступленіи и—въ отчаяніи.

— Кого вы желаете видѣть, Лизавета Николаевна? освѣдомился я въ испугѣ.

— Эту Лебядкину, эту хромую... Правда, что она хромая? Я былъ пораженъ.

— Я никогда не видаль ея, но я слышалъ, что она хромая, вчера еще слышалъ, лепеталъ я съ торопливою готовностью и тоже шепотомъ.

— Я должна ее видѣть непремѣнно. Могли бы вы это устроить сегодня же?

Мнѣ стало ужасно ее жалко.

— Это невозможно, и къ тому же я совершенно не по-

нималъ бы, какъ это сдѣлать, началь было я уговори-
вать,—пойду къ Шатову...

— Если вы не устроите къ завтраму, то я сама къ ней
пойду, одна, потому что Маврикій Николаевичъ отказался.
Я надѣюсь только на васъ и больше у меня нѣть никого;
я глупо говорила съ Шатовымъ... Я увѣрена, что вы со-
вершенно честный и, можетъ-быть, преданный мнѣ чело-
вѣкъ, только устройте.

У меня явилось страстное желаніе помочь ей во всемъ.

— Вотъ, что я сдѣлаю, подумалъ я капельку,—я пойду
самъ и сегодня, павѣрно, навѣрно ее увижу! Я такъ сдѣ-
лаю, что увижу, даю вамъ честное слово; но только
позвольте мнѣ ввѣриться Шатову.

— Скажите ему, что у меня такое желаніе и что я
больше ждать не могу, но что я его сейчасъ не обманы-
вала. Онъ, можетъ-быть, ушелъ потому, что онъ очень
честный и ему не понравилось, что я какъ будто обма-
нывала. Я не обманывала, я въ самомъ дѣлѣ хочу изда-
вать и основать типографію...

— Онъ честный, честный, подтверждалъ я съ жаромъ.

— Впрочемъ, если къ завтраму не устроится, то я
сама пойду, что бы ни вышло и хотя бы всѣ узнали.

— Я раньше, какъ къ тремъ часамъ, не могу у васъ
завтра быть, замѣтилъ я нѣсколько опомнившись.

— Стало-быть, въ три часа? Стало-быть, правду я
предположила вчера у Степана Трофимовича, что вы—
нѣсколько преданный мнѣ человѣкъ? улыбнулась она, то-
ропливо пожимая мнѣ на прощаны руку и спѣша къ
оставленному Маврикію Николаевичу.

Я вышелъ подавленный моимъ обѣщаніемъ и не пони-
малъ, что такое произошло. Я видѣлъ женщину въ на-
стоящемъ отчаяніи, не побоявшуюся скомпрометировать
себя довѣренностью почти къ незнакомому ей человѣку.
Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея ми-
нуту и намекъ, что она уже замѣтила вчера мои чувства,
точно рѣзнуль меня по сердцу; но мнѣ было жалко, жал-
ко,—вотъ и все! Секреты ея стали для меня вдругъ чѣмъ-
то священнымъ и если бы даже мнѣ стали открывать ихъ
теперь, то я бы, кажется, заткнулъ уши и не захотѣлъ
слушать ничего дальше. Я только нѣчто предчувствовала...
И, однаждѣ, я совершенно не понималъ, какимъ обра-
зомъ я что-нибудь тутъ устрою. Мало того, я все-таки и
теперь не зналъ, что именно надо устроить: свиданье, но

какое свиданье? Да и какъ ихъ свести? Вся надежда была на Шатова, хотя я и могъ знать заранѣе, что онъ ни въ чёмъ не поможетъ. Но я все-таки бросился къ нему.

IV.

Только вечеромъ, уже въ восьмомъ часу, я засталъ его дома. Къ удивленію моему, у него сидѣли гости—Алексѣй Нилычъ и еще одинъ полузнакомый мнѣ господинъ, нѣкто Шигалевъ, родной братъ жены Виргинскаго.

Этотъ Шигалевъ, должно-быть, уже мѣсяца два какъ гостили у насъ въ городѣ; не знаю, откуда пріѣхалъ; я слышалъ про него только, что онъ печаталъ въ одномъ прогрессивномъ петербургскомъ журналь какую-то статью. Виргинскій познакомилъ меня съ нимъ случайно, на улицѣ. Въ жизнь мою не видаль въ лицѣ человѣка такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто ждалъ разрушенія міра и не то, чтобы когда-нибудь, по пророчествамъ, которыя не могли бы и состояться, я совершенно опредѣленно, такъ этакъ послѣ завтра утромъ, ровно въ двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Мы, впрочемъ, тогда почти ни слова и не сказали, а только пожали другъ другу руки съ видомъ двухъ заговорщиковъ. Всего болѣе поразили меня его уши неестественной величины, длинныя, широкія и толстыя, какъ-то особенно вразъ торчавшія. Движенія его были неуклюжи и медленны. Если Липутинъ и мечталъ когда-нибудь, что фланстера могла бы осуществиться въ нашей губерніи, то этотъ навѣрное зналъ день и часъ, когда это сбудется. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зловѣщее; встрѣтивъ же его у Шатова теперь, я подивился, тѣмъ болѣе, что Шатовъ и вообще былъ до гостей не охотникъ.

Еще съ лѣстницы слышно было, что они разговариваютъ очень громко, всѣ трое разомъ, и, кажется, спорятъ; но только что я появился, всѣ замолчали. Ови спорили стоя, а теперь вдругъ всѣ сѣли, такъ что и я долженъ былъ сѣсть. Глупое молчаніе не нарушалось минуты три полныхъ. Шигалевъ хотя и узналъ меня, но сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, и навѣрно не по враждѣ, а такъ. Съ Алексѣемъ Нилычемъ мы слегка раскланялись, но молча и почему-то не пожали другъ другу руки. Шигалевъ началъ, наконецъ, смотрѣть на меня строго и нахмуренно, съ самою наивною увѣренностью, что я вдругъ встану и уйду. Наконецъ, Шатовъ привсталъ со стула, и всѣ тоже

вдругъ вскочили. Они вышли не прощаюсь, только Шигалевъ уже въ дверяхъ сказалъ провожавшему Шатову:

— Помните, что вы обязаны отчетомъ.

— Наплевать на ваши отчеты и никакому чорту я не обязанъ, проводилъ его Шатовъ и заперъ дверь на крюкъ.

— Кулики! сказалъ онъ, поглядѣвъ на меня, и какъ-то криво усмѣхнувшись.

Лицо у него было сердитое, и странно мнѣ было, что онъ самъ заговорилъ. Обыкновенно случалось прежде, всегда, когда я заходилъ къ нему (впрочемъ, очень рѣдко), что онъ нахмуриенно садился въ уголъ, сердито отвѣчалъ и только послѣ долгаго времени совершенно оживлялся и начинать говорить съ удовольствіемъ. Зато, прощаюсь, опять, всякий разъ, непремѣнно нахмуривался и выпускалъ васъ, точно выживалъ отъ себя своего личнаго непріятеля.

— Я у этого Алексея Нилыча вчера чай пилъ, замѣтилъ я.—Онъ, кажется, помѣшанъ на атеизмѣ.

— Русскій атеизмъ никогда дальше каламбура не заходилъ, проворчалъ Шатовъ, вставляя новую свѣтку вмѣсто прежняго огарка.

— Нѣтъ, этотъ, мнѣ показалось, не каламбурицъ, онъ и просто говорить, кажется, не умѣеть, не то что каламбурить.

— Люди изъ бумажки; отъ лакейства мысли все это, спокойно замѣтилъ Шатовъ, присѣвъ въ углу на стулъ и упершись обѣими ладонями въ колѣни.

— Ненависть тоже тутъ есть, произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту.—Они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россія какъ-нибудь вдругъ перестроилась, хотя бы даже па ихъ ладъ, и какъ-нибудь вдругъ стала безмѣрно богата и счастлива. Некого было бы имъ тогда ненавидѣть, не на кого плевать, не надѣть чѣмъ издѣваться! Тутъ одна только животная, безкоечкая непависть къ Россіи, въ организмѣ вѣвшаяся... И никакихъ невидимыхъ миру слезъ изъ-подъ видимаго смѣха тутъ вѣту! Никогда не было еще сказано па Руси болѣе фальшиваго слова, какъ про эти незримыя слезы! вскричалъ онъ почти съ яростью.

— Ну, ужъ это вы Богъ знаете что! засмѣялся я.

— А вы „умѣренный либералъ“, усмѣхнулся и Шатовъ.—Знаете, подхватилъ онъ вдругъ,—я, можетъ, и смо-

розилъ про „лакейство мысли“; вы вѣрно мнѣ тутчашъ же скажете: „Это ты родился отъ лакея, а я не лакей“.

— Вовсе я не хотѣлъ сказать... что вы!

— Да вы не извиняйтесь, я васъ не боюсь. Тогда я только отъ лакея родился, а теперь и самъ сталъ лакеемъ, такимъ же, какъ и вы. Нашъ русскій либералъ прежде всего лакей, и только и смотритъ, какъ бы кому-нибудь сапоги вычистить.

— Какіе сапоги? Чѣмъ за аллегорія!

— Какая тутъ аллегорія! Вы, я вижу, смеетесь... Степанъ Трофимовичъ правду сказалъ, что я подъ камнемъ лежу, раздавленъ, да не задавленъ, и только корчуясь; это онъ хорошо сравнилъ.

— Степанъ Трофимовичъ увѣряетъ, что вы помѣшились на нѣмцахъ, смеялся я.—Мы съ нѣмцевъ все же что-нибудь да стащили себѣ въ карманъ.

— Двугривенный взяли, а сто рублей своихъ отдали. Съ минуту мы помолчали.

— А это онъ въ Америкѣ себѣ належалъ.

— Кто? Чѣмъ палежалъ?

— Я про Кирилова. Мы съ нимъ тамъ четыре мѣсяца въ избѣ на полу пролежали.

— Да развѣ вы ёздили въ Америку? удивился я.—Вы никогда не говорили.

— Чего разсказывать. Третьяго года мы отправились втроемъ па эмигрантскомъ пароходѣ въ Американскіе Штаты па послѣдній деньжишки, „чтобы испробовать на себѣ жизнь американского рабочаго и, такимъ образомъ, личнымъ опытомъ провѣрить на себѣ состояніе человѣка въ самомъ тяжеломъ его общественномъ положеніи“. Вотъ съ какою цѣлью мы отправились.

— Господи! засмѣялся я,—да вы бы лучше для этого куда-нибудь въ губернію нашу отправились въ страдную пору, „чтобъ испытать личнымъ опытомъ“, а то понесло въ Америку!

— Мы тамъ нанялись въ работники къ одному эксплуататору; всѣхъ настъ русскихъ собралось у него человѣкъ шесть,—студенты, даже помѣщики изъ своихъ помѣстій, даже офицеры были, и все съ тою же величественною цѣлью. Ну, и работали, мокли, мучились, уставали, наконецъ, я и Кириловъ — ушли, заболѣли, не выдержали. Эксплуататоръ-хозяинъ пасъ при расчетѣ обсчиталь, вмѣсто тридцати долларовъ по условію заплатилъ мнѣ восемь,

а ему пятнадцать; тоже и бывали нась тамъ не разъ. Ну, тутъ-то безъ работы мы и пролежали съ Кириловымъ въ городишкѣ на полу четыре мѣсяца рядомъ; онъ обѣ одномъ думалъ, а я о другомъ.

— Неужто хозяинъ васъ билъ, это въ Америкѣ-то? Ну, какъ, должно-быть, вы ругали его!

— Ничуть. Мы, напротивъ, тотчасъ рѣшили съ Кириловымъ, что „мы, русскіе, передъ американцами маленькие ребятишки, и нужно родиться въ Америкѣ или, по крайней мѣрѣ, сжиться долгими годами съ американцами, чтобы стать съ ними въ уровень“. Да что: когда съ нась за копеечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только съ удовольствиемъ, но даже съ увлечениемъ. Мы все хвалили: спиритизмъ, законъ Линча, револьверы, бродягъ. Разъ мы Ѣдемъ, а человѣкъ полѣзъ въ мой карманъ, вынулъ мою головную щетку и сталъ причесываться; мы только переглянулись съ Кириловымъ и рѣшили, что это хорошо и что это намъ очень нравится...

— Странно, что это у нась не только заходить въ голову, но и исполняется, замѣтилъ я.

— Люди изъ бумажки, повторилъ Шатовъ.

— Но, однажды, переплыть океанъ на эмигрантскомъ пароходѣ, въ неизвѣстную землю, хотя бы и съ цѣлью „узнать личнымъ опытомъ“ и т. д.—въ этомъ, ей-Богу, есть какъ будто какая-то великодушная твердость... Да какъ же вы оттуда выбрались?

— Я къ одному человѣку въ Европу написалъ, и онъ мнѣ прислалъ сто рублей.

Шатовъ, разговаривая, все время, по обычаю своему, упорно смотрѣлъ въ землю, даже когда и горячился. Тутъ же вдругъ поднялъ голову:

— А хотите знать имя человѣка?

— Кто же таковъ?

— Николай Ставрогинъ.

Онъ вдругъ всталъ, повернулся къ своему липовому письменному столу и началъ на немъ что-то шарить. У нась ходилъ неясный, но достовѣрный слухъ, что жена его некоторое время находилась въ связи съ Николаемъ Ставрогинымъ въ Парижѣ, и именно года два тому назадъ, значитъ, когда Шатовъ былъ въ Америкѣ,—правда, уже давно послѣ того, какъ оставила его въ Женевѣ. „Если

такъ, то зачѣмъ же его дернуло теперь съ именемъ вызваться и размазывать?" подумалось мнѣ.

— Я еще ему до сихъ поръ не отдалъ, оборотился онъ ко мнѣ вдругъ опять и, поглядѣвъ на меня пристально, усѣлся на прежнее мѣсто въ углу и отрывисто спросилъ, совсѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Вы, конечно, зачѣмъ-то пришли; что вамъ надо?

Я тотчасъ же рассказалъ все, въ точномъ историческомъ порядкѣ, и прибавилъ, что хоть я теперь и успѣлъ одуматься послѣ давешней горячки, но еще болѣе спутался: понялъ, что тутъ что-то очень важное для Лизаветы Николаевны, крѣпко желалъ бы помочь, но вся бѣда въ томъ, что не только не знаю, какъ сдержать данное ей обѣщаніе, но даже не понимаю теперь, что именно ей обѣщалъ. Затѣмъ внушительно подтвердилъ ему еще разъ, что она не хотѣла и не думала его обманывать, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе и что она очень огорчена его необыкновеннымъ давешнимъ уходомъ.

Онъ очень внимательно выслушалъ.

— Можетъ-быть, я, по моему обыкновенію, дѣйствительно давеча глупость сдѣлалъ... Ну, если она сама не поняла, отчего я такъ ушелъ, такъ... ей же лучше.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и сталъ слушать на лѣстницу.

— Вы желаете эту особу сами увидѣть?

— Этого-то и надо, да какъ это сдѣлать? вскочилъ я, обрадовавшись.

— А просто пойдемте, пока одна сидитъ. Онъ придетъ, такъ изобѣть ее, коли узнаетъ, что мы приходили. Я часто хожу потихоньку. Я его давеча прибилъ, когда онъ опять ее бить началъ.

— Что вы это?

— Именно; за волосы отъ нея отволокъ; онъ было хотѣлъ меня за это отколотить, да я испугалъ его, тѣмъ и кончилось. Боюсь, пьяный воротится, припомнить—крѣпко ее за то исколотить.

Мы тотчасъ же сошли внизъ.

V.

Дверь къ Лебядкинымъ была только притворена, а не заперта, и мы вошли свободно. Все помѣщеніе ихъ состояло изъ двухъ гаденькихъ небольшихъ комнатокъ, съ закоптѣлыми стѣнами, на которыхъ буквально висѣли

клочьями грязные обои. Тутъ когда-то нѣсколько лѣтъ содержалась харчевня, пока хозяинъ Филипповъ не перенесъ ее въ новый домъ. Остальныя, бывшія подъ харчевней комнаты, были теперь заперты, а эти двѣ достались Лебядкину. Мебель состояла изъ простыхъ лавокъ и тесовыхъ столовъ, кромѣ одного лишь стараго кресла безъ ручки. Во второй комнатѣ, въ углу, стояла кровать подъ ситцевымъ одѣяломъ, принадлежавшая м-ле Лебядкиной, самъ же капитанъ, ложась на ночь, валился каждый разъ на полъ, нерѣдко въ чѣмъ былъ. Вездѣ было накрошено, пасорено, намочено; большая, толстая, вся мокрая тряпка лежала въ первой комнатѣ посреди пола и тутъ же, въ той же лужѣ—старый, истоптанный башмакъ. Видно было, что тутъ никто ничѣмъ не занимается; печи не топятся, кушанье не готовится; самовара даже у нихъ не было, какъ подробнѣе рассказалъ Шатовъ. Капитанъ пріѣхалъ съ сестрой совершенно нищимъ и, какъ говорилъ Липутинъ, дѣйствительно сначала ходилъ по инымъ домамъ побираться; но, получивъ неожиданно деньги, тотчасъ же засилъ и совсѣмъ ошалѣлъ отъ вина, такъ что ему было уже не до хозяйствства.

М-ле Лебядкина, которую я такъ желалъ видѣть, смирно и неслышно сидѣла во второй комнатѣ, въ углу, за тесовымъ кухоннымъ столомъ, на лавкѣ. Она нась не окликнула, когда мы отворяли дверь, не двинулась даже съ мѣста. Шатовъ говорилъ, что у нихъ и дверь не запирается, а однажды такъ настѣжь въ сѣпи всю ночь и простояла. При свѣтѣ тусклой тоненькой свѣчки въ желѣзномъ подсвѣчнике, я разглядѣлъ женщину лѣтъ, можетъ-быть, тридцати, болѣзпенно-худощавую, одѣтую въ темное старенкое ситцевое платье, съ пичѣмъ неприкрытою длинною шеей и съ жиidenькими темными волосами, свернутыми на затылокъ въ узелокъ, толщиной въ кулачокъ двухлѣтняго ребенка. Она посмотрѣла на нась довольно весело; кромѣ подсвѣчника, предъ нею на столѣ находилось маленькое деревенское зеркальце, старая колода картъ, истрапанная книжка какого-то пѣсенника и нѣмецкая бѣлая булочка, отъ которой было уже разъ или два откушено. Замѣтно было, что м-ле Лебядкина блѣдится и румянится и губы чѣмъ-то мажетъ. Сурьмитъ тоже брови, и безъ того длинныя, тонкія и темныя. На узкомъ и высокомъ лбу ея, несмотря на бѣлизну, довольно рѣзко обозначились три длинныя морщинки. Я уже зналъ, что

она хромая, но въ этотъ разъ при нась она не вставала и не ходила. Когда-нибудь, въ первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и не дурнымъ; но тихie, ласковые, сѣрые глаза ея были и теперь еще замѣчательны; что-то мечтательное и искреннее свѣтилось въ ея тихомъ, почти радостномъ взглядѣ. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и въ улыбкѣ ея, удивила меня послѣ всего, что я слышалъ о казацкой нагайкѣ и о всѣхъ безчинствахъ братца. Странно, что вмѣсто тяжелаго и даже боязливаго отвращенія, ощущаемаго обыкновенно въ присутствіи всѣхъ подобныхъ, наказанныхъ Богомъ существъ, — мнѣ стало почти пріятно смотрѣть на нее, съ первой же минуты, и только развѣ жалость, но отнюдь не отвращеніе, овладѣла мною потомъ.

— Вотъ такъ и сидить, и буквально по цѣлымъ днямъ одна-одинѣшенька, и не двигается, гадаетъ или въ зеркальце смотрится, указалъ мнѣ на нее съ порога Шатовъ.—Онъ вѣдь ее и не кормитъ. Старуха изъ флигеля принесетъ иной разъ чего-нибудь Христа ради; какъ это со свѣчой ее одну оставляютъ!

Къ удивленію моему, Шатовъ говорилъ громко, точно бы ея и не было въ комнатѣ.

— Здравствуй, Шатушка! привѣтливо проговорила м-me Лебядкина.

— Я тебѣ, Марья Тимоѳеевна, гостя привель, сказалъ Шатовъ.

— Ну, гостю честь и будетъ. Не знаю, кого ты привель, что-то не помню этакого, поглядѣла она на меня пристально изъ-за свѣчки, и тотчасъ же опять обратилась къ Шатову (а мною уже больше совсѣмъ не занималась во все время разговора, точно бы меня и не было подлѣ нея).

— Соскучилось, чтѣ-ли, одному по свѣтелкѣ шагать? засмѣялась она, при чемъ открылись два ряда превосходныхъ зубовъ ея.

— И соскучилось, и тебя навѣстить захотѣлось.

Шатовъ подвинулъ къ столу скамейку, сѣлъ и меня посадилъ съ собой рядомъ.

— Разговору я всегда рада, только, все-таки, смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, точно ты монахъ. Когда ты чесался-то? Дай я тебя еще причешу, вынула она изъ кармана гребешокъ.—Небось съ того раза, какъ я причесала, и не притронулся?

— Да у меня гребенки-то нѣтъ, засмѣялся и Шатовъ.

— Вправду? Такъ я тебѣ свою подарю, не эту, а другую, только напомни.

Съ самымъ серьезнымъ видомъ принялася она его причесывать, провела даже сбоку проборъ, откинулась немножко назадъ, поглядѣла хоропю - ли, и положила гребенку опять въ карманъ.

— Знаешь что, Шатушка, покачала она головой,—человѣкъ ты, пожалуй, и разсудительный, а скучаешь. Странно мнѣ на всѣхъ васъ смотрѣть: не понимаю я, какъ это люди скучаютъ. Тоска не скуча. Мнѣ весело.

— И съ братцемъ весело?

— Это ты про Лебядкина? Онъ мой лакей. И совсѣмъ мнѣ все равно, тутъ онъ, или нѣтъ. Я ему крикну: Лебядкинъ, принеси воды, Лебядкинъ, подавай башмаки, онъ и бѣжитъ; иной разъ согрѣшишь, смѣшно на него станеть.

— И это точь-вѣ-точь такъ, опять громко и безъ церемоніи обратился ко мнѣ Шатовъ.—Она его третируетъ совсѣмъ какъ лакея; самъ я слышалъ, какъ она кричала ему: „Лебядкинъ, подай воды“, и при этомъ хохотала; вѣтомъ только разница, что онъ не бѣжитъ за водой, а бѣть ее за это; но она нисколько его не боится. У ней какіе-то припадки нервные, чуть не ежедневные, и ей память отбиваются, такъ что она послѣ нихъ все забываетъ, что сейчасъ было, и всегда время перепутываетъ. Вы думаете, она помнить, какъ мы вошли; можетъ, и помнить, но ужъ навѣрно передѣлала все по-своему и насы принимаетъ теперь за какихъ-нибудь иныхъ, чѣмъ мы есть, хоть ипомнить, что я Шатушка. Это ничего, что я громко говорю; тѣхъ, которые съ нею говорятъ, она тотчасъ же перестаетъ слушать и тотчасъ же бросается мечтать про себя; именно бросается. Мечтательница чрезвычайная; по восьми часовъ, по цѣломъ дню сидитъ на мѣстѣ. Вотъ булка лежитъ, она ее, можетъ, съ утра только разъ закусила, а докончитъ завтра. Вотъ вѣ карты теперь гадать начала...

— Гадаю-то я гадаю, Шатушка, да не то какъ-то выходитъ, подхватила вдругъ Марья Тимофеевна, разслышавъ послѣднее словцо, и не глядя протянула лѣвую руку къ булкѣ (тоже, вѣроятно, разслышавъ и про булку).

Булочку она, накопецъ, захватила, но, продержавъ нѣ-

сколько времени въ лѣвой рукѣ и увлекпись возникшимъ вновь разговоромъ, положила, не примѣчая, опять на столъ, не откусивъ ни разу.

— Все одно выходитъ: дорога, злой человѣкъ, чье-то коварство, смертная постеля, откудова-то письмо, нечаянное извѣстіе — враки все это, я думаю, Шатушка, какъ по-твоему? Коли люди врутъ, почему картамъ не вратъ? смѣшала она вдругъ карты. — Это самое я матери Прасковьѣ разъ говорю, почтенная она женщина, забѣгала ко мнѣ все въ келью въ карты погадать, потихоньку отъ мать-игумены. Да и не одна она забѣгала. Ахаютъ онѣ, качаютъ головами, судятъ-рядятъ; а я-то смѣюсь: „ну гдѣ вамъ, говорю, мать Прасковья, письмо получить, коли двѣ-ладцать лѣтъ оно не приходило?“ Дочь у ней куда-то въ Турцію мужъ завезъ, и двѣнадцать лѣтъ ни слуху, ни духу. Только сижу я это на завтра вечеромъ за чаемъ у мать-игумены (кияжескаго рода она у насъ), сидѣть у ней какая-то тоже барыня заѣзжая, большая мечтательница, и сидѣть одинъ захожій монашечкъ аеонскій, довольно смѣшной человѣкъ, по моему мнѣнію. Что-жъ ты думаешьъ, Шатушка, этотъ самый монашечкъ, въ то самое утро, матери Прасковьѣ изъ Турціи отъ дочери письмо принесъ, — вотъ тебѣ и валетъ бубновый — печаянное-то извѣстіе! Пьемъ мы это чай, а монашечкъ аеонскій и говоритъ мать-игуменьѣ: „и всего болѣе, благословенная мать-игуменья, благословилъ Господь вашу обитель тѣмъ, что такое драгоцѣнное, говоритъ, сокровище сохраняете въ нѣдрахъ ея“. — „Какое это сокровище?“ спрашивается мать-игуменья. — „А мать Лизавету блаженную“. А Лизавета эта блаженная въ оградѣ у насъ вдѣлана въ стѣну, въ клѣтку въ сажень длины и въ два аршина высоты, и сидѣть она тамъ за желѣзною рѣшѣткой семнадцатый годъ, зиму и лѣто въ одной посконной рубахѣ, и все аль соломинкой, али прутикомъ какимъ ни на есть въ рубашку свою, въ холстину тычетъ, и ничего не говорить и не чешется и не моется семнадцать лѣтъ. Зимой тулупчикъ просунуть ей, да каждый день коробочку хлѣбца и кружку воды. Богомольцы смотрятъ, ахаютъ, вздыхаютъ, деньги кладутъ. „Вотъ нашли сокровище, отвѣчаетъ мать-игуменья (разсердилась; страхъ не любила Лизавету): Лизавета съ одной только злобы сидѣть, изъ одного своего упрямства, и все одно притворство“. Не понравилось мнѣ это; сама я хотѣла тогда затвориться: „А по-моему, го-

ворю, Богъ и природа есть все одно⁴. Они мѣй всѣ въ одинъ голосъ: „вотъ на!“ Игуменя разсмѣялась, зашепталась о чѣмъ-то съ барыней, подозвала меня, приласкала, а барыня мнѣ бантікъ розовый подарила, хочешь, покажу? Ну, а монашечъ сталъ мнѣ тутъ же говорить поученіе, да такъ это ласково и смиренно говорилъ и съ такимъ, надо-быть, умомъ; сижу я и слушаю. „Понялали?“ спрашиваетъ. „Нѣтъ, говорю, ничего я не поняла, и оставьте, говорю, меня въ полномъ покое“. Вотъ съ тѣхъ поръ они меня одну въ полномъ покое оставили, Шатушка. А тѣмъ временемъ и шепни мнѣ, изъ церкви выходя, одна наша старица, на покаяніи у насъ жила за пророчество: „Богородица чѣсть, какъ мнишь?“ — „Великая мать, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго“. — Такъ, говоритъ, Богородица — великая мать сыра-земля есть, и великая въ томъ для человѣка заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость намъ есть; а какъ напоишь слезами своими подъ собой землю на поль-аршина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься. И никакой, никакой, говоритъ, горести твоей больше не будетъ, таково, говоритъ, есть пророчество⁵. Запало мнѣ тогда это слово. Стала я съ тѣхъ поръ на молитвѣ, творя земной поклонъ, каждый разъ землю цѣловать, сама цѣлую и плачу. И вотъ я тебѣ скажу, Шатушка: ничего-то нѣть въ этихъ слезахъ дурного; и хотя бы и горя у тебя никакого не было, все равно слезы твои отъ одной радости побѣгутъ. Сами слезы бѣгутъ, это вѣрно. Уйду я, бывало, на берегъ къ озеру: съ одной стороны нашъ монастырь, а съ другой — наша острая гора, такъ и зовутъ ей горой Острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицомъ къ востоку, припаду къ землѣ, плачу, плачу и не помню сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потомъ, обращусь назадъ, а солнце заходитъ, да такое большое, да пышное, да славное, — любишь ты на солнце смотрѣть, Шатушка? Хорошо, да грустно. Повернусь я опять назадъ къ востоку, а тѣнь-то, тѣнь-то отъ нашей горы далеко по озеру какъ стрѣла бѣжитъ, узкая, длинная-длинная и на версту дальше, до самого на озерѣ острова, и тотъ каменный островъ совсѣмъ какъ есть пополамъ его перерѣжетъ, и какъ перерѣжетъ пополамъ, тутъ и солнце совсѣмъ зайдетъ и все вдругъ погаснетъ. Тутъ и я начну совсѣмъ тосковать, тутъ вдругъ и па-

мъять придетъ, боюсь сумраку, Шатушка. И все больше о своемъ ребеночкѣ плачу...

— А развѣ былъ? подтолкнулъ меня локтемъ Шатовъ, все время чрезвычайно прилежно слушавшій.

— А какъ же: маленький, розовенький, съ крошечными такими ноготочками, и только вся моя тоска въ томъ, что не помню я, мальчикъ аль дѣвочка. То мальчикъ вспомнится, то дѣвочка. И какъ родила я тогда его, прямо въ батистъ да въ кружево завернула, розовыми его ленточками обвязала, цвѣточками обсыпала, снарядила, молитву надъ нимъ сотворила, некрещенаго понесла, и несу это я его черезъ лѣсъ, и боюсь я лѣсу, и страшно мнѣ, и всего больше я плачу о томъ, что родила я его, а мужа не знаю.

— А, можетъ, и былъ? осторожно спросилъ Шатовъ.

— Смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, съ своимъ разсужденіемъ. Былъ-то, можетъ, и былъ, да что въ томъ, что былъ, коли его все равно что и не было? Вотъ тебѣ и загадка не трудная, отгадай-ка! усмѣхнулась она.

— Куда же ребенка-то снесла?

— Въ ирудъ спесла, вздохнула она.

Шатовъ опять подтолкнулъ меня локтемъ.

— А что, коли и ребенка у тебя совсѣмъ не было, и все это одинъ только бредъ, а?

— Трудный ты вопросъ задаешь мнѣ, Шатушка, раздумчиво и безо всякаго удивленія такому вопросу отвѣтала она.—На этотъ счетъ я тебѣ ничего не скажу, можетъ, и не было; по-моему, одно только твое любопытство; я вѣдь все равно о немъ плакать не перестану, не во снѣ же я видѣла?—И крупныя слезы засвѣтились въ ея глазахъ. — Шатушка, Шатушка, а правда, что жена отъ тебя сбѣжалась? положила она ему вдругъ обѣ руки на плечи и жалостливо посмотрѣла на него.—Да ты не сердись, мнѣ вѣдь и самой тошно. Знаешь, Шатушка, я сонъ какой видѣла: приходитъ онъ опять ко мнѣ, манилъ меня, выкликаетъ: „кошечка, говоритъ, моя кошечка, выйди ко мнѣ!“ Вотъ я „кошечкѣ“-то пуще всего и обрадовалась: любить, думаю.

— Можетъ, и на-яву придетъ, вполголоса пробормотала Шатовъ.

— Нѣтъ, Шатушка, это ужъ сонъ... не приди ему на-яву. Знаешь пѣсню:

Мнѣ не надобель новъ-высокъ теремъ,

И останусь въ этой келейкѣ,
Ужъ я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися.

Охъ, Шатушка, Шатушка, дорогой ты мой, что ты никогда меня ни о чёмъ не спросишь?

— Да вѣдь не скажешь, оттого и не спрашиваю.

— Не скажу, не скажу, хоть зарѣжь меня, не скажу, быстро подхватила она.—Жги меня, не скажу. И сколько бы я ни терпѣла, ничего не скажу, не узнаютъ люди!

— Ну, вотъ, видишь, всякому, значитъ, свое, еще тише проговорилъ Шатовъ, все больше и больше наклоняя голову.

— А попросилъ бы, можетъ, и сказала бы; можетъ, и сказала бы! восторженно повторила она.—Почему не попросишь? Попроси, попроси меня хорошенько, Шатушка, можетъ, я и тебѣ скажу; умоли меня, Шатушка, такъ, чтобы я сама согласилась... Шатушка, Шатушка!

Но Шатушка молчалъ; съ минуту продолжалось общее молчаніе. Слезы тихо текли по ея набѣленнымъ щекамъ; она сидѣла, забывъ свои обѣ руки на плечахъ Шатова, но уже не смотря на него.

— Э, что мнѣ до тебя, да и грѣхъ; поднялся вдругъ со скамьи Шатовъ.—Привстаньте-ка! сердито дернулъ онъ изъ-подъ меня скамью, и, взявъ, поставилъ ее на прежнее мѣсто.

— Придетъ, такъ чтобы не догадался; а намъ пора.

— Ахъ, ты все про лакея моего! засмѣялась вдругъ Марья Тимофеевна.—Боишься! Ну, прощайте, добрые гости, а послушай одну минутку, что я скажу. Давеча пришелъ это сюда этотъ Нилычъ съ Филипповымъ, хозяиномъ, рыжая бородища, а мой-то на ту пору на меня налетѣлъ. Какъ хозяинъ-то схватить его, какъ дернеть по комнатѣ, а мой-то кричить: „Не виновать, за чужую вину терплю!“ Такъ, вѣришь-ли, всѣ мы, какъ были, такъ и покатились со смѣху...

— Эхъ, Тимофеевна, да вѣдь это я былъ замѣсто рыжей же бороды, вѣдь это я его давеча за волосы отъ тебя отволокъ; а хозяинъ къ вамъ третьяго дня приходилъ, браниться съ вами, ты и смѣшала.

— Постой, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ смѣшала, можетъ, и ты. Ну, чего спорить о пустякахъ: не все-ли ему равно, кто его оттаскаетъ, засмѣялась она.

— Пойдемте, вдругъ дернулъ меня Шатовъ, — ворота заскрипѣли: застанетъ насъ, изобѣть ее.

И же успѣли мы еще вѣжать на лѣстницу, какъ раздался въ воротахъ пьяный крикъ и посыпались ругательства. Шатовъ, впустивъ меня къ себѣ, заперъ дверь на замокъ.

— Посидѣть вамъ придется съ минуту, если не хотите исторіи. Вишь кричитъ, какъ поросенокъ, должно-быть, опять за порогъ зацѣпился; каждый-то разъ растянется.

Безъ исторіи, однако, не обошлось.

VI.

Шатовъ стоялъ у запертой своей двери и прислушивался на лѣстницу; вдругъ отскочилъ.

— Сюда идетъ, я такъ и зналъ! яростно прошепталъ онъ.—Пожалуй, до полночи теперь не отвѣжется.

Раздалось нѣсколько сильныхъ ударовъ кулакомъ въ двери.

— Шатовъ, Шатовъ, отопри! завопилъ капитанъ.—Шатовъ, другъ...

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Р-разсказать, что солнце встало.
Что оно гор-р-рычимъ свѣтомъ
По... лѣсамъ... затр-р-репетало.

Рассказать тебѣ, что я проснулся, чортъ тебя дерн.
Весь пр-роснулся подъ... вѣтвями...

Точно подъ розгами, ха-ха!

Каждая итичка... просить жажды.
Рассказать, чтѣ пить я буду,
Пить... не знаю, пить чтѣ буду...

Ну, да и чортъ побери съ глупымъ любопытствомъ! Шатовъ, понимаешь-ли ты, какъ хорошо жить на свѣтѣ!

— Не отвѣчайте, шепнулъ мнѣ опять Шатовъ.

— Отвори же. Понимаешь-ли ты, что есть нѣчто высшее, чѣмъ драка... между человѣчествомъ; есть минуты блага-ароднаго лица... Шатовъ, я добръ; я прощу тебя... Шатовъ, къ чорту прокламаціи, а?

Молчаніе.

— Понимаешь-ли ты, оселъ, что я влюблень, я фраѣ купилъ; посмотри, фракъ любви, пятнадцать цѣлковыхъ; капитанская любовь требуетъ свѣтскихъ приличій... Отвори! дико заревѣль онъ вдругъ и неистово застучалъ опять кулаками.

— Убирайся къ чорту! заревѣль вдругъ и Шатовъ.

— Р-р-рабъ! Рабъ крѣпостной, и сестра твоя раба и рабыня... вор-ровка!

— А ты свою сестру продалъ.

— Врешь! Терплю нараспину, когда могу однимъ объясненіемъ... понимаешь-ли, кто она такова?

— Кто? съ любопытствомъ подошелъ вдругъ къ дверямъ Шатовъ.

— Да ты понимаешь-ли?

— Да ужъ пойму, ты скажи, кто?

— Я смѣю сказать! И всегда все смѣю въ публикѣ сказать!..

— Ну, наврядъ смѣешь, поддразнилъ Шатовъ и кивнулъ мнѣ головой, чтобы я слушалъ.

— Не смѣю?

— По-моему, не смѣешь.

— Не смѣю?

— Да ты говори, если барскихъ розогъ не боишься... Ты вѣдь трусъ, а еще капитанъ!

— Я... я... она... она есть... залепеталъ капитанъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ну? подставилъ ухо Шатовъ.

Наступило молчаніе, по крайней мѣрѣ, на полминуты.

— Па-а-длецъ! раздалось, наконецъ, за дверью, и капитанъ быстро отретировался внизъ, пыхтя, какъ самоваръ, съ шумомъ оступаясь па каждой ступени.

— Нѣть, онъ хитеръ, и пьяный не проговорится, отошелъ отъ двери Шатовъ.

— Чѣ же это такое? спросилъ я.

Шатовъ махнулъ рукой, отперъ дверь и сталъ опять слушать на лѣстницу; долго слушалъ, даже сошелъ внизъ потихоньку нѣсколько ступеней. Наконецъ, воротился.

— Не слыхать ничего, не дрался; значитъ, прямо повалился дрыхнуть. Вамъ пора идти.

— Послушайте, Шатовъ, чѣ же мнѣ теперь заключить изо всего этого?

— Э, заключайте чѣ хотите! отвѣтилъ онъ усталымъ и брезгливымъ голосомъ, и сѣлъ за свой письменный столъ.

Я ушелъ. Одна невѣроятная мысль все болѣе и болѣе укрѣплялась въ моемъ воображеніи. Съ тоской думалъ я о завтрашнемъ днѣ...

VII.

Этотъ „завтрашний день“, то-есть то самое воскресенье, въ которое должна была уже безвозвратно рѣшиться участъ Степана Трофимовича, былъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ дней въ моей хроникѣ. Это былъ день неожиданностей, день развязокъ прежняго и завязокъ новаго, рѣзкихъ разъясненій и еще пущей путаницы. Утромъ, какъ уже известно читателю, я обязанъ былъ сопровождать моего друга къ Варварѣ Петровнѣ, по ея собственному назначению, а въ три часа пополудни я уже долженъ былъ быть у Лизаветы Николаевны, чтобы разсказать ей—я самъ не зналъ о чёмъ, и способствовать ей—самъ не зналъ въ чёмъ. И между тѣмъ все разрѣшилось такъ, какъ никто бы не предположилъ. Однимъ словомъ, это былъ день удивительно сопѣдшихся случайностей.

Началось съ того, что мы со Степаномъ Трофимовичемъ, явившись къ Варварѣ Петровнѣ ровно въ двѣнадцать часовъ, какъ она назначила, не застали ее дома; она еще не возвращалась отъ обѣдни. Бѣдный другъ мой былъ такъ настроенъ или, лучше сказать, такъ разстроенъ, что это обстоятельство тотчасъ же сразило его; почти въ безсиліи опустился онъ на кресло въ гостиной. Я предложилъ ему стаканъ воды; но, несмотря на блѣдность свою и даже на дрожь въ рукахъ, онъ съ достоинствомъ отказался. Кстати, костюмъ его отличался на этотъ разъ необыкновенною изысканностью: почти бальное, батистовое съ вышивкой бѣлье, бѣлый галстукъ, новая шляпа въ рукахъ, свѣжія соломенного цвета перчатки и даже, чуть-чуть, духи. Только-что мы усѣлись, вошелъ Шатовъ, введенпый камердинеромъ, ясное дѣло, тоже по официальному приглашенію. Степанъ Трофимовичъ привсталъ было протянуть ему руку, но Шатовъ, посмотрѣвъ на насъ обоихъ внимательно, повертилъ въ уголь, усѣлся тамъ и даже не кивнулъ намъ головой. Степанъ Трофимовичъ опять испуганно поглядѣлъ на меня.

Такъ просидѣли мы еще пѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи. Степанъ Трофимовичъ началъ было вдругъ мнѣ что-то очень скоро шептать, но я не разслушалъ; да и самъ онъ отъ волненія не докончилъ и бросилъ. Вошелъ еще разъ камердинеръ поправить что-то на столѣ; а вѣрнѣе—поглядѣть на насъ. Шатовъ вдругъ обратился къ нему съ громкимъ вопросомъ:

— Алексѣй Егорычъ, не знаете, Дарья Павловна съ ней отправилась?

— Варвара Петровна изволили пойхать въ соборъ однѣ-съ, а Дарья Павловна изволили остаться у себя на-верху, и не такъ здоровы-съ, назидательно и чинно до-ложилъ Алексѣй Егорычъ.

Бѣдный другъ мой опять бѣгло и тревожно со мной переглянулся, такъ что я, наконецъ, сталъ отъ него отво-рачиваться. Вдругъ у подъѣзда прогремѣла карета и иѣ-которое отдаленное движение въ домѣ возвѣстило намъ, что хозяйка воротилась. Всѣ мы привскочили съ креселъ, но опять неожиданность: послышался шумъ многихъ ша-говъ, значило, что хозяйка возвратилась не одна, а это дѣйствительно было уже иѣсколько странно, такъ какъ сама она назначила намъ этотъ часъ. Послышалось, на-конецъ, что кто-то входилъ до странности скоро, точно бѣжалъ, а такъ не могла входить Варвара Петровна. И вдругъ она почти влетѣла въ комнату, запыхавшись и въ чрезвычайномъ волненіи. За нею, иѣсколько пріотставъ и гораздо тише, вошла Лизавета Николаевна, съ Лизаветой Николаевной рука-въ-руку — Марья Тимофеевна Лебяд-кина! Если бы я увидѣлъ это во снѣ, то и тогда бы не повѣрилъ.

Чтобъ объяснить эту совершенную неожиданность, не-обходимо взять часомъ назадъ и разсказать подробнѣе о необыкновенномъ приключеніи, произшедшемъ съ Варва-рой Петровной въ соборѣ.

Во-первыхъ, къ обѣднѣ собрался почти весь городъ, то-есть разумѣя высшій слой нашего общества. Знали, что пожалуетъ губернаторша, въ первый разъ послѣ своего къ намъ прибытія. Замѣчу, что у насъ уже пошли слухи о томъ, что она вольнодумка и „новыхъ правилъ“. Всѣмъ дамамъ извѣстно было тоже, что она великолѣпно и съ необыкновеннымъ изяществомъ будетъ одѣта; а потому наряды нашихъ дамъ отличались на этотъ разъ изыскан-ностью и пышностью. Одна лишь Варвара Петровна была скромно и по-всегдашнему одѣта во все черное; такъ без-смѣнно одѣвалась она въ продолженіе послѣднихъ четы-рехъ лѣтъ. Прибывъ въ соборъ, она помѣстилась на обыч-номъ своемъ мѣстѣ, нальво, въ первомъ ряду, и ливрей-ный лакей положилъ предъ нею бархатную подушку для колѣнопреклоненій, однимъ словомъ, все по-обыкновенному. Но замѣтили тоже, что на этотъ разъ она, во все время

продолженія службы, чрезвычайно какъ усердно молилась; уѣбрали даже потомъ, когда все припомнили, что даже слезы стояли въ глазахъ ея. Кончилась, наконецъ, обѣдня, и пашь протоіерей, отецъ Павель, вышелъ сказать торжественную проповѣдь. У насть любили его проповѣди и цѣнили ихъ wysoko; уговаривали его даже напечатать, но онъ все не рѣшался. На этотъ разъ проповѣдь вышла какъ-то особенно длинна.

И вотъ, во время уже проповѣди, подкатила къ собору одна дама на легковыхъ извозчичихъ дрожжахъ прежнаго фасона, то-есть на которыхъ дамы могли сидѣть только сбоку, придерживаясь за кушакъ извозчика и колыхаясь отъ толчковъ экипажа какъ полевая былинка отъ вѣтра. Эти ваньки въ нашемъ городѣ до сихъ поръ еще разъѣзжаютъ. Остановясь у угла собора, — ибо у вратъ стояло множество экипажей и даже жандармы, — дама склонила съ дрожекъ и подала ванькѣ четыре копейки сѣребромъ.

— Что-жъ, мало развѣ, Ваня! вскрикнула она, увидавъ его гримасу. — У меня все что есть, прибавила она жалобно.

— Ну, да Богъ съ тобой, не рядись садиль, махнулъ рукой ванька и поглядѣлъ на нее, какъ бы думая: — „Да и грѣхъ тебя обижать-то“.

Затѣмъ, сунувъ за пазуху кожаный кошелъ, тронулъ лошадь и укатилъ, напутствуемый насмѣшками близъ стоявшихъ извозчиковъ. Насмѣшки и даже удивленіе сопровождали и даму все время, пока она пробиралась къ соборнымъ вратамъ между экипажами и ожидавшимъ скораго выхода господъ лакействомъ. Да и дѣйствительно было что-то необыкновенное и неожиданное для всѣхъ въ появлениіи такой особы вдругъ откуда-то на улицѣ среди народа. Она была болѣзnenno худа и прихрамывала, крѣпко набѣлена и нарумянена, съ совершенно оголенною длинною шеей, безъ платка, безъ бурнуса, въ одномъ только старенькомъ, темномъ платьѣ, несмотря на холодный и вѣтреный, хоть и ясный сентябрьскій день; съ совершенно открытою головою, съ волосами, подвязанными въ крошечный узелокъ на затылкѣ, въ которые съ праваго боку воткнута была одна только искусственная роза, изъ такихъ, которыми украшаютъ вербныхъ херувимовъ. Такого вербнаго херувима въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ я именно замѣтилъ вчера въ углу, подъ обrazами, когда сидѣлъ у Марии Тимофеевны. Къ довершенію

всего, дама шла, хоть и скромно опустивъ глаза, но въ то же время весело и лукаво улыбаясь. Если бъ она еще капельку промедлила, то ее бы, можетъ-быть, и не пропустили бы въ соборъ... Но она успѣла проскользнуть, а, войдя во храмъ, протиснулась незамѣтно впередъ.

Хотя проповѣдь была на половинѣ, и вся сплошная толпа, наполнявшая храмъ, слушала ее съ полнымъ и беззвуковымъ вниманіемъ, но все-таки нѣсколько глазъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ покосились на вошедшую. Она упала на церковный помостъ, склонивъ на него свое набѣленное лицо, лежала долго и, повидимому, плакала; но, поднявъ опять голову и привставъ съ колѣнъ, очень скоро оправилась и развлеклась. Весело, съ видимымъ чрезвычайнымъ удовольствиемъ, стала скользить она глазами по лицамъ, по стѣнамъ собора; съ особеннымъ любопытствомъ вглядывалась въ иныхъ дамъ, приподымаясь для этого даже на цыпочки, и даже раза два засмѣялась, какъ-то странно при этомъ хихикая. Но проповѣдь кончилась и вынесли крестъ. Губернаторша пошла къ кресту первая, но, не дойдя двухъ шаговъ, пріостановилась, видимо желая уступить дорогу Варварѣ Петровнѣ, со своей стороны, подходившей слишкомъ ужъ прямо и какъ бы не замѣчая никого впереди себя. Необычайная учтивость губернаторши, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ явную и остроумную въ своемъ родѣ колкость; такъ всѣ поняли; такъ попяла, должно-быть, и Варвара Петровна; но по-прежнему никого не замѣчая и съ самымъ непоколебимымъ видомъ достоинства приложилась она ко кресту и тотчасъ же направилась къ выходу. Ливрейный лакей расчищалъ предъ ней дорогу, хотя и безъ того всѣ разступались. Но у самаго выхода, на паперти, тѣсно сбившаяся кучка людей на мгновеніе загородила путь. Варвара Петровна пріостановилась, и вдругъ странное, необыкновенное существо, жепщина съ бумажной розой па головѣ, протиснувшись между людей, опустилась предъ нею на колѣни. Варвара Петровна, которую трудно было чѣмъ-нибудь озадачить, особенно въ публикѣ, поглядѣла важно и строго.

Поспѣшу замѣтить здѣсь, по возможности вкратцѣ, что Варвара Петровна хотя и стала въ послѣдніе годы излишне, какъ говорили, расчетлива, и даже скученька, но иногда не жалѣла денегъ, собственно на благотворительность. Она состояла членомъ одного благотворитель-

иаго общества въ столицѣ. Въ недавній голодный годъ, она отослала въ Петербургъ, въ главный комитетъ для приема пособій потерпѣвшимъ, пятьсотъ рублей, и объ этомъ у насъ говорили. Наконецъ, въ самое послѣднее время, передъ назначеніемъ новаго губернатора, она было совсѣмъ уже основала мѣстный дамскій комитетъ для пособія самымъ бѣднѣшими родильницамъ въ городѣ и въ губерніи. У насъ сильно упрекали ее въ честолюбіи; но извѣстная стремительность характера Варвары Петровны и въ то же время настойчивость чуть не восторжествовали надъ препятствіями; общество почти уже устроилось, а первоначальная мысль все шире и шире развивалась въ восхищеннѣ умѣй основательницы: она уже мечтала объ основаніи такого же комитета въ Москвѣ, о постепенномъ распространеніи его дѣйствій по всѣмъ губерніямъ. И вотъ, съ внезапною перемѣной губернатора, все простояновилось; а новая губернаторша, говорить, уже успѣла высказать въ обществѣ нѣсколько колкихъ и, главное, мѣткихъ и дѣлъныхъ возраженій насчетъ будто бы непрактичности основной мысли подобнаго комитета, что, разумѣется, съ прикрасами, было уже передано Варварѣ Петровнѣ. Одинъ Богъ знаетъ глубину сердецъ, но полагаю, что Варвара Петровна даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ простояновилась теперь въ самыхъ соборныхъ вратахъ, зная, что мимо должна сейчасъ же пройти губернаторша, а затѣмъ и всѣ, и „пусть сама увидитъ, какъ мнѣ все равно, что бы она тамъ ни подумала и что бы ни сострила еще насчетъ тицеславія моей благотворительности. Вотъ же вамъ всѣмъ!“

— Чѣмъ вы, милая, о чѣмъ вы просите? внимательно всмотрѣлась Варвара Петровна въ колѣнопреклоненную передъ нею просительницу.

Та глядѣла на нее ужасно оробѣвшимъ, застыдившимся, но почти благоговѣйнымъ взглядомъ, и вдругъ усмѣхнулась съ тѣмъ же страннымъ хихиканьемъ.

— Чѣмъ она? Кто она?

Варвара Петровна обвела кругомъ присутствующихъ повелительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ. Всѣ молчали.

— Вы несчастны? Вы нуждаетесь въ вспоможеніи?

— Я нуждаюсь... я прїехала... лепетала „несчастная“ прерывавшимся отъ волненія голосомъ. — Я прїехала только, чтобы вашу ручку поцѣловать... и опять хихикнула.

Съ самыи дѣтскимъ взглядомъ, съ какимъ дѣти ласкаются, чтѣ-нибудь выпрашивая, потянулась она схватить ручку Варвары Петровны, но, какъ бы испугавшись, вдругъ отдернула свои руки назадъ.

— Только за этимъ и прибыли? улыбнулась Варвара Петровна съ сострадательною улыбкой, но тотчасъ же быстро вынула изъ кармана свой перламутровый портмоне, а изъ него десятирублевую бумажку и подала незнакомѣ.

Та взяла. Варвара Петровна была очень заинтересована, и видимо не считала незнакомку какою-нибудь простонародно просительницей.

— Виши, десять рублей дала, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Ручку-то пожалуйте, лепетала „несчастная“, крѣпко прихвативъ пальцами лѣвой руки за уголокъ полученную десятирублевую бумажку, которую свивало вѣтромъ.

Варвара Петровна почему-то немного нахмурилась, и съ серьезнымъ, почти строгимъ видомъ протянула руку; та съ благоговѣніемъ поцѣловала ее. Благодарный взглядъ ея заблисталъ какимъ-то даже восторгомъ. Вотъ въ это-то самое время подошла губернаторша и прихлынула цѣлая толпа нашихъ дамъ и старшихъ сановниковъ. Губернаторша поневолѣ должна была на минутку пріостановиться въ тѣснотѣ; многіе остановились.

— Вы дрожите, вамъ холодно? замѣтила вдругъ Варвара Петровна.

И, сбросивъ съ себя свой бурнусъ, на-лету подхваченный лакеемъ, сняла съ плечъ свою черную (очень не дешевую) шаль и собственными руками окутала обнаженную шею все еще стоявшей на колѣяхъ просительницы.

— Да встаньте же, встаньте съ колѣнъ, прошу васъ! Та встала.

— Гдѣ вы живете? Неужели никто, наконецъ, не знаетъ, гдѣ она живетъ? снова нетерпѣливо оглянулась кругомъ Варвара Петровна.

Но прежней кучки уже не было: виднѣлись все знакомыя, свѣтскія лица, разглядывавшія сцену, одни съ строгимъ удивленіемъ, другіе съ лукавымъ любопытствомъ и въ то же время съ невинною жаждой скандалчика, а третіи начинали даже посмѣиваться.

— Кажется, это Лебядкиныхъ-съ, выискался, наконецъ, одинъ добрый человѣкъ съ отвѣтомъ на запросъ Варвары Петровны, нашъ почтенный и многими уважаемый купецъ

Андреевъ, въ очкахъ, съ сѣдою бородой, въ русскомъ платъѣ, и съ круглою цилиндрическою шляпой, которую держалъ теперь въ рукахъ. — Они у Филипповыхъ въ домѣ проживаютъ, въ Богоявленской улицѣ.

— Лебядкинъ? Домъ Филиппова? Я что-то слышала... благодарю васъ, Никонъ Семенычъ, но кто этотъ Лебядкинъ?

— Капитаномъ прозывается, человѣкъ, надо бы такъ сказать, неосторожный. А это завѣрное ихъ сестрица. Она, полагать надо, изъ-подъ надзора теперь ушла, сбившъ голосъ, проговорилъ Никонъ Семеновичъ, и значительно взглянулъ на Варвару Петровну.

— Понимаю васъ; благодарю, Никонъ Семенычъ. Вы, милая моя, госпожа Лебядкина?

— Нѣтъ, я не Лебядкина.

— Такъ, можетъ-быть, вашъ братъ Лебядкинъ?

— Братъ мой Лебядкинъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, я васъ теперь, моя милая, съ собой возьму, а отъ меня васъ уже отвезутъ къ вашему семейству; хотитеѣ хатить со мной?

— Ахъ, хочу! сплеснула ладошками госпожа Лебядкина.

— Тетя, тетя! Возьмите и меня съ собой къ вамъ, раздался голосъ Лизаветы Николаевны.

Замѣчу, что Лизавета Николаевна прибыла къ обѣднѣ вмѣстѣ съ губернаторшей, а Прасковья Ивановна, по предписанію доктора, поѣхала тѣмъ временемъ покататься въ каретѣ, а для развлечения увезла съ собой и Маврикія Николаевича. Лиза вдругъ оставила губернаторшу и подскочила къ Варварѣ Петровнѣ.

— Милая моя, ты знаешь, я всегда тебѣ рада, но что скажетъ твоя мать? начала было осанисто Варвара Петровна, но вдругъ смутилась, замѣтивъ необычайное волненіе Лизы.

— Тетя, тетя, непремѣнно теперь съ вами, умоляла Лиза, дѣлуя Варвару Петровну.

— Mais qu'avez vous donc, Lise! съ выразительнымъ удивленіемъ проговорила губернаторша.

— Ахъ, простите, голубчикъ, chère cousine, я къ тетѣ, на лету повернулась Лиза къ непріятно-удивленной своей chère cousine, и поцѣловала ее два раза.—И маман тоже скажите, чтобы сейчасъ же пріѣзжала за мной къ тетѣ, маман непремѣнно, непремѣнно хотѣла заѣхать, она да-веча сама говорила, я забыла васъ предувѣдомить, тре-

щала Лиза,—виновата, не сердитесь, Julie, chère... cousin... тетя, я готова!

— Если вы, тетя, меня не возьмете, то я за вашею каретой побѣгу и закричу, быстро и отчаянно прошептала она совсѣмъ на ухо Варварѣ Петровнѣ.

Хорошо еще, что никто не слыхалъ. Варвара Петровна даже на шагъ отшатнулась и пронзительнымъ взглядомъ посмотрѣла на сумасшедшую дѣвушку. Этотъ взглядъ все рѣшилъ: она непремѣнно положила взять съ собою Лизу!

— Этому надо положить конецъ, вырвалось у ней.— Хорошо, я съ удовольствиемъ беру тебя, Лиза, тотчасъ же громко прибавила она, — разумѣется, если Юлія Михайловна согласится тебя отпустить, съ открытымъ видомъ и съ прямодушнымъ достоинствомъ повернулась она прямо къ губернаторшѣ.

— О, безъ сомнѣнія, я не хочу лишить ее этого удовольствія, тѣмъ болѣе, что я сама... съ удивительною любезностью залепетала вдругъ Юлія Михайловна,—я сама хорошо... знаю, какая на нашихъ плечикахъ фантастическая, всевластная головка (Юлія Михайловна очарованѣнно улыбнулась).

— Благодарю васъ чрезвычайно, отблагодарила вѣжливъ и осанистымъ поклономъ Варвара Петровна.

— И мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, почти уже съ восторгомъ продолжала свой лепетъ Юлія Михайловна, даже вся покраснѣвъ отъ пріятнаго волненія,—что кромѣ удовольствія быть у васъ, Лизу увлекаетъ теперь такое прекрасное, такое, могу сказать, высокое чувство... состраданіе... (она взглянула на „несчастную“)... и... и на самой пантери храма...

— Такой взглядъ дѣлаетъ вамъ честь, великолѣпно одобрила Варвара Петровна.

Юлія Михайловна стремительно протянула свою руку, и Варвара Петровна съ полною готовностью дотронулась до нея своими пальцами. Всеобщее впечатлѣніе было прекрасное, лица нѣкоторыхъ присутствующихъ просіяли удовольствіемъ, показалось нѣсколько сладкихъ и заискивающихъ улыбокъ.

Однимъ словомъ, всему городу вдругъ ясно открылось, что это не Юлія Михайловна пренебрегала до сихъ поръ Варварой Петровной и не сдѣлала ей визита, а сама Варвара Петровна, напротивъ, „держала въ границахъ Юлію Михайловну, тогда какъ та пѣшкомъ бы, можетъ,

побѣжала къ ней съ визитомъ, если бы только была увѣрена, что Варвара Петровна ея не прогонить". Авторитетъ Варвары Петровны поднялся до чрезвычайности.

— Садитесь же, милая, указала Варвара Петровна мѣе Лебядкиной на подъѣхавшую карету.

"Несчастная" радостно побѣжала къ дверямъ, у которыхъ подхватилъ ее лакей.

— Какъ! Вы хромаете! вскричала Варвара Петровна совершенно какъ въ испугѣ, и поблѣднѣла. (Всѣ тогда это замѣтили, но не поняли)...

Карета покатилась. Домъ Варвары Петровны находился очень близко отъ собора. Лиза сказывала мнѣ потомъ, что Лебядкина смѣялась истерически всѣ эти три минуты переѣзда, а Варвара Петровна сидѣла „какъ будто въ какомъ-то магнитическомъ снѣ“, собственное выраженіе Лизы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Премудрый змій.

I.

Варвара Петровна позвонила въ колокольчикъ и бросилась въ кресла у окна.

— Сядьте здѣсь, моя милая, указала она Марьѣ Тимоѳеевнѣ мѣсто посреди комнаты, у большого круглого стола. — Степанъ Трофимовичъ, что это такое? Вотъ, вотъ, смотрите на эту женщину, что это такое?

— Я... я... залепеталь было Степанъ Трофимовичъ...

Но явился лакей.

— Чашку кофею, сейчасъ, особенно какъ можно скрѣбѣ! Карету не откладывать.

— Mais chère et excellente amie, dans quelle inquiétude!.. замирающимъ голосомъ воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ! По-французски, по-французски! Сейчасъ видно, что высшій свѣтъ! хлоннула въ ладоши Марья Тимоѳеевна, въ упоеніи приготовляясь послушать разговоръ по-французски.

Варвара Петровна уставилась на нее почти въ испугѣ.

Всѣ мы молчали и ждали какой-нибудь развязки. Шатовъ не поднималъ головы, а Степанъ Трофимовичъ былъ въ смятеніи, какъ будто во всемъ виноватый; потъ выступилъ на его вискахъ. Я взглянулъ на Лизу (она сидѣла въ углу, почти рядомъ съ Шатовымъ). Ея глаза

щади
тет

гали отъ Варвары Петровны къ хромой жен-
тино; на губахъ ея кривилась улыбка, но не-
запомнила Петровна видѣла эту улыбку. А между
тѣмъ Тимоѳеевна увлеклась совершенно: она съ
нимало не конфузясь рассматривала
шую гостиную Варвары Петровны, — меблировку,
картины на стѣнахъ, старинный расписной пото-
локъ, большое бронзовое Распятіе въ углу, фарфоровую
лампу, альбомы, вещицы на столѣ.

— Такъ и ты тутъ, Шатушка! воскликнула она вдругъ.— Представь, я давно тебя вижу, да думаю: не онъ! Какъ онъ сюда проѣдетъ!

И весело разсмѣялась.

— Вы знаете эту женщину? тотчасъ обернулась къ нему Варвара Петровна.

— Знаю-съ, пробормоталъ Шатовъ, тронулся было на стулѣ, но остался сидѣть.

— Чѣмъ же вы знаете? Пожалуйста поскорѣй!

— Да чѣмъ... ухмыльнулся онъ ненужной улыбкой и запнулся.—Сами видите...

— Чѣмъ вижу? Да ну же, говорите чѣмъ-нибудь!

— Живеть въ томъ домѣ, гдѣ я... съ братомъ... офицеръ одинъ.

— Ну?

Шатовъ запнулся опять.

— Говорить не стоитъ... промычалъ онъ и рѣшительно смолкъ. Даже покраснѣлъ отъ своей рѣшимости.

— Конечно, отъ васъ нечего больше ждать! съ него-
дованіемъ оборвала Варвара Петровна.

Ей ясно было теперь, что всѣ что-то знаютъ и между
тѣмъ всѣ чего-то трусятъ и уклоняются предъ ея вопро-
сами, хотятъ чѣмъ-то скрыть отъ нея.

Вошелъ лакей и поднесъ ей на маленькомъ серебря-
номъ подносѣ заказанную особо чашку кофе, но тотчасъ
же, по ея мановенію, направился къ Марѣ Тимоѳеевнѣ.

— Вы, моя милая, очень озябли давеча, выпейте по-
скорѣй и согрѣйтесь.

— Merci, взяла чашку Марья Тимоѳеевна.

И вдругъ прыснула со смѣху надъ тѣмъ, что сказала
лакею merci. Но, встрѣтивъ грозный взглядъ Варвары
Петровны, оробѣла и поставила чашку на столъ.

— Тётя, да ужъ вы не сердитесь-ли? пролепетала она
съ какою-то легкомысленною игривостью.

— Что-о-о? вспрянула и выпрямилась въ креслахъ Варвара Петровна.—Какая я вамъ тётя? Чѣмъ вы подразумѣвали?

Марья Тимоѳеевна, не ожидавшая такого гнѣва, такъ и задрожала вся мелкою конвульсивною дрожью, точно въ припадкѣ, и отшатнулась на спинку кресель.

— Я... я думала такъ надо, пролепетала она, смотря во всѣ глаза на Варвару Петровну.—Такъ васъ Лиза звала.

— Какая еще Лиза?

— А вотъ эта барышня, указала пальчикомъ Марья Тимоѳеевна.

— Такъ вамъ она уже Лизой стала?

— Вы таѣ сами ее давеча звали, ободрилась нѣсколько Марья Тимоѳеевна.—А во снѣ я точно такую же красавицу видѣла, усмѣхнулась она какъ бы нечаянно.

Варвара Петровна сообразила и нѣсколько успокоилась; даже чуть-чуть улыбнулась послѣднему словцу Мары Тимоѳеевны. Та, поймавъ улыбку, встала съ кресель и, хромая, робко подошла къ ней.

— Возьмите, забыла отдать, не сердитесь за неучтивость, сняла она вдругъ съ плечъ своихъ черную шаль, надѣтую на нее давеча Варварой Петровной.

— Надѣньте ее сейчасъ же опять и оставьте навсегда при себѣ. Ступайте и сядьте, пейте вашъ кофе и, пожалуйста, не бойтесь меня, моя милая, успокойтесь. Я начинаю васъ понимать.

— Chère amie... позволилъ было себѣ опять Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, тутъ и безъ васъ всякой толкъ потеряешь, пощадите хоть вы... Пожалуйста, позвоните вотъ въ этотъ звонокъ, подлѣ васъ, въ дѣвичью.

Наступило молчаніе. Взглядъ ея подозрительно и раздражительно скользилъ по всѣмъ нашимъ лицамъ. Явилась Агаша, любимая ея горничная.

— Клѣтчатый мнѣ платокъ, который я въ Женевѣ купила. Чѣмъ дѣлаетъ Дарья Павловна?

— Онѣ-съ несовсѣмъ здоровы-съ.

— Сходи и попроси сюда. Прибавь, что очень прошу, хотя бы и нездорова.

Въ это мгновеніе изъ сосѣднихъ комнатъ опять послышался какой-то необычный шумъ шаговъ и голосовъ, по-

добный давешнему, и вдругъ на порогѣ показалась запыхавшаяся и „разстроенная“ Прасковья Ивановна. Маврикій Николаевичъ поддерживалъ ее подъ руку.

— Охъ, батюшки, насилиу доплелась; Лиза, что ты, сумшедшая, съ матерью дѣлаешь! взвизгнула она, кладя въ этотъ взвизгъ, по обыкновенію всѣхъ слабыхъ, но очень раздражительныхъ особъ, все что накопилось раздраженія.

— Матушка, Варвара Петровна, я къ вамъ за дочерью!

Варвара Петровна взглянула на нее исподлобья, полупривстала навстрѣчу и, едва скрывая досаду, проговорила:

— Здравствуй, Прасковья Ивановна, сдѣлай одолженіе, садись. Я такъ и знала вѣдь, что пріѣдешь.

II.

Для Прасковы Ивановны въ такомъ пріемѣ не могло заключаться ничего неожиданного. Варвара Петровна и всегда, съ самаго дѣтства, третировала свою бывшую пансионскую подругу despотически и, подъ видомъ дружбы, чуть не съ презрѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ и положеніе дѣлъ было особенное. Въ послѣдніе дни между обоими домами пошло на совершенный разрывъ, о чмъ уже и было мною всколызь упомянуто. Причины начинающагося разрыва покамѣстъ были еще для Варвары Петровны таинственны, а, стало-быть, еще пуще обидны; но главное въ томъ, что Прасковья Ивановна успѣла принять предъ нею какое-то необычайно-высокомѣрное положеніе. Варвара Петровна, разумѣется, была уязвлена, а между тѣмъ и до нея уже стали доходить нѣкоторые странные слухи, тоже чрезмѣрно ее раздражавшіе и именно своею неопределеннostью. Характеръ Варвары Петровны былъ прямой и гордо-открытый, съ насокомъ, если такъ позволительно выразиться. Пуще всего она не могла выносить тайныхъ, прячущихся обвиненій и всегда предпочитала войну открытую. Какъ бы то ни было, но вотъ уже пять дней какъ обѣ дамы не видѣлись. Послѣдній визитъ былъ со стороны Варвары Петровны, которая и уѣхала „отъ Дроздихи“ обиженнай и смущеннай. Я безъ ошибки могу сказать, что Прасковья Ивановна вошла теперь въ наивномъ убѣжденіи, что Варвара Петровна почему-то должна предъ нею струсить; это видно было уже по выраженію лица ея. Но видно тогда-то и овладѣвалъ

Варварой Петровной бѣсь самой заносчивой гордости, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить, что ее почему-либо считаютъ униженною. Прасковья же Ивановна, какъ и многія слабыя особы, сами долго позволяющія себѣ обижать безъ протеста, отличалась необыкновеннымъ азартомъ нападенія при первомъ выгодномъ для себя оборотѣ дѣла. Правда, теперь она была нездорова, а въ болѣзни становилась всегда раздражительнѣе. Прибавлю, наконецъ, что всѣ мы, находившіеся въ гостиной, не могли особенно стѣснить нашимъ присутствіемъ обѣихъ подругъ дѣтства, если бы между ними возгорѣлась ссора; мы считались людьми своими и чуть не подчиненными. Я не безъ страха сообразилъ это тогда же. Степанъ Трофимовичъ, не садившійся съ самаго прибытія Варвары Петровны, въ изнеможеніи опустился на стуль, услыхавъ взвигъ Прасковы Ивановны, и съ отчаяніемъ сталъ ловить мой взглядъ. Шатовъ круто повернулся на стулѣ и что-то даже промычалъ про себя. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ встать и уйти. Лиза чуть-чуть было привстала, но тотчасъ же опять опустилась на мѣсто, даже не обративъ должнаго вниманія на взвигъ своей матери, но не отъ „строптивости характера“, а потому, что, очевидно, вся была подъ властью какого-то другого могучаго впечатлѣнія. Она смотрѣла теперь куда-то въ воздухъ, почти разсѣянно, и даже на Марью Тимоѳеевну перестала обращать прежнее вниманіе.

III.

— Охъ, сюда! указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело въ него опустилась съ помощью Маврикія Николаевича.—Не сѣла-бѣ у васъ, матушка, если бы не ноги! прибавила она надрывнымъ голосомъ.

Варвара Петровна приподняла немнога голову, съ болѣзnenнымъ видомъ прижимая пальцы правой руки къ правому виску и видимо ощущая въ немъ сильную боль (*tic douleurieux*).

— **Чтѣ** такъ, Прасковья Ивановна, почему бы тебѣ и не сѣсть у меня? Я отъ покойнаго мужа твоего всю жизнь искреннею пріязнью пользовалась, а мы съ тобой еще дѣвчонками вмѣстѣ въ куклы въ пансіонѣ играли.

Прасковья Ивановна замахала руками.

— Ужъ такъ и знала! Вѣчно про пансіонъ начнете, когда попрекать собираетесь,—уловка ваша. А по-моему,

одно краснорѣчіе. Терпѣть не могу этого вашего пансиона.

— Ты, кажется, слишкомъ ужъ въ дурномъ расположеніи пріѣхала; что твои ноги? Вотъ тебѣ кофе несуть, милости просимъ, кушай и не сердись.

— Матушка, Варвара Петровна, вы со мной точно съ маленькой дѣвочкой. Не хочу я кофею, вотъ!

И она задирчиво махнула рукой подносившему ей кофе слугѣ. (Отъ кофею, впрочемъ, и другіе отказались, кроме меня и Маврикія Николаевича. Степанъ Трофимовичъ взялъ было, но отставилъ чашку на столъ. Марьѣ Тимоѳеевнѣ хоть и очень хотѣлось взять другую чашку, она ужъ и руку протянула, но одумалась и чинно отказалась, видимо довольная за это собой).

Варвара Петровна криво улыбнулась.

— Знаешь что, другъ мой, Прасковья Ивановна, ты вѣрно опять что-нибудь вообразила себѣ, съ тѣмъ и вошла сюда. Ты всю жизнь однимъ воображеніемъ жила. Ты вотъ про пансионъ разозлилась; а помнишь, какъ ты пріѣхала и весь классъ увѣрила, что за тебя гусаръ Шаблыкинъ посватался, и какъ *la-mme Lefebure* тебя тутъ же изобличила во лжи. А вѣдь ты и не лгала, просто наво-ображала себѣ для утѣхи. Ну, говори, съ чѣмъ ты теперь? Что еще вообразила, чѣмъ недовольна?

— А вы въ пансионѣ въ попа влюбились, что Законъ Божій преподавалъ. Вотъ вамъ, коли до сихъ поръ въ васъ такая злопамятность! Ха-ха-ха!

Она желчно расхохоталась и раскашлялась.

— А-а, ты не забыла про попа... ненавистно глянула на нее Варвара Петровна.

Лицо ея позеленѣло. Прасковья Ивановна вдругъ пріосанилась.

— Минѣ, матушка, теперь не до смѣху; зачѣмъ вы мою дочь при всемъ городѣ въ вашъ скандалъ замѣшили, вотъ зачѣмъ я пріѣхала?

— Въ мой скандалъ? грозно выпрямилась вдругъ Варвара Петровна.

— Мама, я васъ тоже очень прошу быть умѣренiе, проговорила вдругъ Лизавета Николаевна.

— Какъ ты сказала? приготовилась было опять взвизгнуть мамаша, но вдругъ осѣла предъ засверкавшимъ взглядомъ дочки.

— Какъ вы могли, мама, сказать про скандалъ? вспыхнула Лиза.— Я поѣхала сама, съ позволенія Юліи Михайл-

ловны, потому что хотѣла узнать исторію этой несчастной, чтобы быть ей полезною.

— „Исторію этой несчастной“! со злобнымъ смѣхомъ протянула Прасковья Ивановна. — Да стать-ли тебѣ мѣшаться въ такія „исторіи“? Охъ, матушка! Довольно намъ вашего деспотизма! бѣшено повернулась она къ Варварѣ Петровнѣ. — Говорятъ, правда-ли, нѣтъ-ли, весь городъ здѣшній замуштровали, да видно пришла и на вась пора!

Варвара Петровна сидѣла выпрямившись, какъ стрѣла, готовая вскочить изъ лука. Секундъ десять строго и неподвижно смотрѣла она на Прасковью Ивановну.

— Ну, моли Бога, Прасковья, что всѣ здѣсь свои, выговорила она, наконецъ, съ зловѣщимъ спокойствиемъ, — много ты сказала лишняго.

— А я, мать моя, свѣтскаго мнѣнія не такъ боюсь, какъ иных; это вы, подъ видомъ гордости, предъ мнѣніемъ свѣта трепещете. А что тутъ свои люди, таѣ для васъ же лучше, чѣмъ если бы чужie слышали.

— Поумнѣла ты, что-ль, въ эту недѣлю?

— Не поумнѣла я въ эту недѣлю, а видно правда наружу вышла въ эту недѣлю.

— Какая правда наружу вышла въ эту недѣлю? Слушай, Прасковья Ивановна, не раздражай ты меня, объяснишь сію минуту, прошу тебя честью: какая правда наружу вышла и что ты подъ этимъ подразумѣваешь?

— Да вотъ она вся-то правда сидитъ! указала вдругъ Прасковья Ивановна пальцемъ на Марью Тимофеевну, съ тою отчаянною рѣшимостью, которая уже не заботится о послѣдствіяхъ, только чтобы теперь поразить.

Марья Тимофеевна, все время смотрѣвшая на нее съ веселымъ любопытствомъ, радостно засмѣялась при видѣ устремленного на нее пальца гнѣвливой гостьи и весело зашевелилась въ креслахъ.

— Господи Іисусе Христе, рехнулись они всѣ, что-ли! воскликнула Варвара Петровна и, поблѣднѣвъ, откинулась на спинку кресла.

Она такъ поблѣднѣла, что произошло даже смятеніе. Степанъ Трофимовичъ бросился къ ней первый; я тоже приблизился; даже Лиза встала съ мѣста, хотя и осталась у своего кресла; но всѣхъ болѣе испугалась сама Прасковья Ивановна: она вскрикнула, какъ могла приподнявшись и почти завопила плачевнымъ голосомъ:

— Матушка, Варвара Петровна, простите вы мою злобную дурость! Да воды-то хоть подайте ей кто-нибудь!

— Не хнычь, пожалуйста, Прасковья Ивановна, прошу тебя, и отстранись, господа, сдѣлайте одолженіе, не надо воды! твердо, хоть и не громко, выговорила поблѣдѣвшими губами Варвара Петровна.

— Матушка! продолжала Прасковья Ивановна, капельку успокоившись,—другъ вы мой, Варвара Петровна, я хоть и виновата въ неосторожныхъ словахъ, да ужъ раздражили меня пуще всего безыменные письма эти, которыми меня какіе-то людишки бомбардируютъ; ну, и писали бы къ вамъ, коли про васъ же пишутъ, а у меня, матушка, doch!

Варвара Петровна безмолвно смотрѣла на нее широко-открытыми глазами и слушала съ удивленіемъ. Въ это мгновеніе неслышно отворилась въ углу боковая дверь и появилась Дарья Павловна. Она простояла и огляделась кругомъ; ее поразило наше смятеніе. Должно-быть, она не сейчасъ различила и Марью Тимофеевну, о которой никто ее не предувѣдомилъ. Степанъ Трофимовичъ первый замѣтилъ ее, сдѣлалъ быстрое движение, покраснѣлъ и громко для чего-то возгласилъ: „Дарья Павловна!“ такъ что всѣ глаза разомъ обратились на вошедшую.

— Какъ, такъ это-то ваша Дарья Павловна! воскликнула Марья Тимофеевна. — Ну, Шатушка, не похожа на тебя твоя сестрица! Какъ же мой-то этакую прелесть крѣпостною дѣвкой Дашкой зоветъ!

Дарья Павловна межъ тѣмъ приблизилась уже къ Варварѣ Петровнѣ; но пораженная воскликаніемъ Мары Тимофеевны, быстро обернулась и такъ и осталась предъ своимъ стуломъ, смотря на юродивую длиннымъ, приковавшимся взглядомъ.

— Садись, Даша, проговорила Варвара Петровна съ ужасающимъ спокойствіемъ, — ближе, вотъ такъ; ты можешь и сидя видѣть эту женщину. Знаешь ты ее?

— Я никогда ея не видала, тихо отвѣтила Даша и, помолчавъ, тотчасъ прибавила,—должно-быть, это большая сестра одного господина Лебядкина.

— И я васъ, душа моя, въ первый только разъ теперь увидала, хотя давно уже съ любопытствомъ желала познакомиться, потому что въ каждомъ жестѣ вашемъ вижу воспитаніе! съ увлеченіемъ прокричала Марья Тимофеевна.—А что мой лакей бранится, такъ вѣдь возможно-ли,

чтобы вы у него деньги взяли, такая воспитанная и милая? Потому что вы милая, милая, милая, это я вамъ отъ себя говорю! съ восторгомъ заключила она, махая предъ собою своею ручкой.

— Понимаешь ты что-нибудь? съ гордымъ достоинствомъ спросила Варвара Петровна.

— Я все понимаю-сь...

— Про деньги слышала?

— Это вѣрно тѣ самые деньги, которыя я, по просьбѣ Николая Всеходовича, еще въ Швейцаріи, взялась передать этому господину Лебядкину, ея брату.

Послѣдовало молчаніе.

— Тебя Николай Всеходовичъ самъ просилъ передать?

— Ему очень хотѣлось переслать эти деньги, всего триста рублей, господину Лебядкину. А такъ какъ онъ не зналъ его адреса, а зналъ лишь, что онъ прибудетъ къ намъ въ городъ, то и поручилъ мнѣ передать, на случай, если господинъ Лебядкинъ пріѣдетъ.

— Какія же деньги... пропали? Про что эта женщина сейчасъ говорила?

— Этого я ужъ не знаю-сь, до меня тоже доходило, что господинъ Лебядкинъ говорилъ про меня вслухъ, будто я не все ему доставила; но я этихъ словъ не понимаю. Было триста рублей, я и переслала триста рублей.

Дарья Павловна почти совсѣмъ уже успокоилась. И вообще замѣчу, что трудно было чѣмъ-нибудь надолго изумить эту дѣвушку и сбить ее съ толку,—что бы она тамъ про себя ни чувствовала. Проговорила она теперь всѣ свои отвѣты не торопясь, тотчасъ же отвѣчала на каждый вопросъ съ точностью, тихо, ровно, безо всякихъ слѣда первоначального внезапнаго своего волненія и безъ малѣйшаго смущенія, которое могло бы свидѣтельствовать о сознаніи хотя бы какой-нибудь за собою вины. Взглядъ Варвары Петровны не отрывался отъ нея все время, пока она говорила. Съ минуту Варвара Петровна подумала.

— Если, произнесла она, наконецъ, съ твердостью и видимо къ зрителямъ, хотя и глядѣла на одну Дашу,—если Николай Всеходовичъ не обратился со своимъ порученiemъ даже ко мнѣ, а просилъ тебя, то, конечно, имѣлъ свои причины такъ поступить. Не считаю себя въ правѣ о нихъ любопытствовать, если изъ нихъ дѣлаются для меня секретъ. Но уже одно твое участіе въ этомъ дѣлѣ совершенно меня за нихъ успокаиваетъ, знай это,

Дарья, прежде всего. Но видишь ли, друг мой, ты и съ чистою совѣстью могла, по незнанію свѣта, сдѣлать какую-нибудь неосторожность; и сдѣлала ее, принявъ на себя сношенія съ какимъ-то мерзавцемъ. Слухи, распущенные этимъ негодяемъ, подтверждаютъ твою ошибку. Но я разунаю о немъ, и такъ какъ защитница твоя я, то сумѣю за тебя заступиться. А теперь это все надо кончить.

— Лучше всего, когда онъ къ вамъ придетъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѳеевна, высовываясь изъ своего кресла,—то пошлите его въ лакейскую. Пусть онъ тамъ на залавкѣ въ свои козыри съ ними поиграетъ, а мы будемъ здѣсь сидѣть кофей пить. Чашку-то кофею еще можно ему послать, но я глубоко его презираю.

И она выразительно мотнула головой.

— Это падо кончить, повторила Варвара Петровна, тщательно выслушавъ Марью Тимоѳеевну.— Прошу васъ, позвоните, Степанъ Трофимовичъ.

Степанъ Трофимовичъ позвонилъ и вдругъ выступилъ впередъ, весь въ волненіи.

— Если... если я... залепеталъ онъ въ жару, краснѣя, обрываясь и заикаясь,—если я тоже слышалъ самую отвратительную повѣсть или, лучше сказать, клевету, то... въ совершенномъ негодованіи... enfin c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat évadé.

Онъ оборвалъ и не докончилъ; Варвара Петровна, присущившись, оглядела его съ ногъ до головы. Вошелъ чинный Алексѣй Егоровичъ.

— Карету, приказала Варвара Петровна,— а ты, Алексѣй Егорычъ, приготовься отвезти госпожу Лебядкину домой, куда она тебѣ сама укажетъ.

— Господинъ Лебядкинъ въкоторое время сами ихъ внизу ожидаютъ-съ и очень просили о себѣ доложить-съ.

— Это невозможно, Варвара Петровна, съ беспокойствомъ выступилъ вдругъ все время невозмутимо молчавшій Маврикій Николаевичъ.—Если позволите, это не такой человѣкъ, который можетъ войти въ общество, это... это... это невозможный человѣкъ, Варвара Петровна.

— Цовременить, обратилась Варвара Петровна къ Алексѣю Егорычу, и тотъ скрылся.

— C'est un homme malhonnête et je crois m me, que c'est un forçat évad , ou quelque chose dans ce genre, пробормоталъ опять Степанъ Трофимовичъ, опять покраснѣлъ и опять оборвался.

— Лиза, ъхать пора, брезгливо возгласила Прасковья Ивановна и приподнялась съ мѣста. Ей, кажется, жаль уже стало, что она давеча, въ испугѣ, сама себя обозвала дурой. Когда говорила Дарья Павловна, она уже слушала съ высокомѣрно складкой на губахъ. Но всего болѣе поразилъ меня видъ Лизаветы Николаевны съ тѣхъ поръ, какъ вошла Дарья Павловна: въ глазахъ засверкали ненависть и презрѣніе, слишкомъ ужъ нескрываемыя.

— Повремени одну минутку, Прасковья Ивановна, прошу тебя, остановила Варвара Петровна, все съ тѣмъ же чрезмѣрнымъ спокойствиемъ. — Сдѣлай одолженіе, присядь, я намѣрена все выскажать, а у тебя ноги болятъ. Вотъ такъ, благодарю тебя. Давеча я вышла изъ себя и сказала тебѣ нѣсколько нетерпѣливыхъ словъ. Сдѣлай одолженіе, прости меня: я сдѣлала глупо и первая каюсь, потому что во всемъ люблю справедливость. Конечно, тоже изъ себя выйдя, ты упомянула о какомъ-то анонимѣ. Всякій анонимный извѣтъ достоинъ презрѣнія уже потому, что онъ не подписанъ. Если ты понимаешь иначе, я тебѣ не завидую. Во всякомъ случаѣ, я бы не полѣзла на твоемъ мѣстѣ за такою дрянью въ карманѣ, я не стала бы мориться. А ты вымаралась. Но такъ какъ ты уже начала сама, то скажу тебѣ, что и я получила дней шесть тому назадъ тоже анонимное шутовское письмо. Въ немъ какой-то негодяй увѣрляетъ меня, что Николай Всеволодовичъ сошелъ съ ума и что мнѣ надо бояться какой-то хромой женщины, которая „будетъ играть въ судьбѣ моей чрезвычайную роль“, я запомнила выраженіе. Сообразивъ и зная, что у Николая Всеволодовича чрезвычайно много враговъ, я тотчасъ же послала за однимъ здѣсь человѣкомъ, за однимъ тайнымъ и самымъ мстительнымъ и презрѣннымъ изъ всѣхъ враговъ его, и изъ разговоровъ съ нимъ мигомъ убѣдилась въ презрѣнномъ происхожденіи анонима. Если и тебя, моя бѣдная Прасковья Ивановна, беспокоили изг-за менѣ такими же презрѣнными письмами и, какъ ты выразилась, „бомбардировали“, то, конечно, первая жалѣю, что послужила невинною причиной. Вотъ и все, что я хотѣла тебѣ сказать въ объясненіе. Съ сожалѣніемъ вижу, что ты такъ устала и вѣдь себя. Къ тому же, я непремѣнно рѣшилась впустить сейчасъ этого подозрительного человѣка, про которого Маврикій Николаевичъ выразился не совсѣмъ идущимъ словомъ: что его невозможно принять. Особенно Лизѣ тутъ нечего будетъ

дѣлать. Подойди ко мнѣ, Лиза, другъ мой, и дай мнѣ еще разъ подѣловать тебя.

Лиза перешла комнату и молча остановилась передъ Варварой Петровной. Та поцѣловала ее, взяла за руки, отдалила немного отъ себя, съ чувствомъ на нее посмотрѣла, потомъ перекрестила и опять подѣлowała ее.

— Ну, прощай, Лиза (въ голосѣ Варвары Петровны послышались почти слезы), — вѣрь, что не перестану любить тебя, чтѣ бы не сулила тебѣ судьба отнынѣ... Богъ съ тобою. Я всегда благословляла святую десницу Его...

Она что-то хотѣла еще прибавить, но скрѣпила себя и смолкла. Лиза пошла было къ своему мѣсту, все въ томъ же молчаніи и какъ бы въ задумчивости, но вдругъ остановилась предъ мамашей.

— Я, мама, еще не поѣду, а останусь на время у тети, проговорила она тихимъ голосомъ, но въ этихъ тихихъ словахъ прозвучала желѣзная рѣшимость.

— Богъ ты мой, что такое! возопила Прасковья Ивановна, безсильно сплеснувъ руками.

Но Лиза не отвѣтила и какъ бы даже не слышала; она сѣла въ прежній уголъ и опять стала смотрѣть куда-то въ воздухъ.

Чтѣ-то побѣдоносное и гордое засвѣтилось въ лицѣ Варвары Петровны.

— Маврикій Николаевичъ, я къ вамъ съ чрезвычайною просьюбой: сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите взглянуть на этого человѣка внизу, и если есть хоть какая-нибудь возможность его впустить, то приведите его сюда.

Маврикій Николаевичъ поклонился и вышелъ. Черезъ минуту онъ привелъ господина Лебядкина.

IV.

Л какъ-то говорилъ о наружности этого господина: высокій, курчавый, плотный парень, лѣтъ сорока, съ багровымъ, нѣсколько опухшимъ и обрюзглымъ лицомъ, со вздрагивающими при каждомъ движениіи головы щеками, съ маленькими, кровяными, иногда довольно хитрыми глазками, въ усахъ, въ бакенбардахъ и съ зарождающимся мясистымъ кадыкомъ, довольно непріятнаго вида. Но всего болѣе поражало въ немъ то, что онъ явился теперь во фракѣ и въ чистомъ бѣльѣ. „Есть люди, которымъ чистое бѣлье даже пеприлично-съ“, какъ возразилъ разъ когда-то Ли-

путинъ на шутливый упрекъ ему Степана Трофимовича въ неряшествѣ. У капитана были и перчатки черныя, изъ которыхъ правую, еще ненадѣванныю, онъ держалъ въ рукаѣ, а лѣвая, тugo напяленная и не застегнувшаяся, до половины прикрывала его мясистую, лѣвую лапу, въ которой онъ держалъ совершенно новую, глянцовитую и навѣрно въ первый еще разъ служившую круглую шляпу. Выходило, стало-быть, что вчерашній „фракъ любви“, о которомъ онъ кричалъ Шатову, существовалъ дѣйствительно. Все это, то-есть и фракъ, и бѣлье, было приписано (какъ узналъ я послѣ) по совѣту Липутина, для какихъ-то таинственныхъ цѣлей. Сомнѣнія не было, что и пріѣхалъ онъ теперь (въ извозчикѣ каретѣ) непремѣнно тоже по постороннему наущенію и съ чьею-нибудь помощью; одинъ онъ не успѣлъ бы догадаться, а равно одѣться, собраться и рѣшился въ какія-нибудь три четверти часа, предполагая даже, что сцена на соборной паперти стала ему тотчасъ извѣстною. Онъ былъ не пьянъ, но въ томъ тяжеломъ, груномъ, дымномъ состояніи человѣка, вдругъ проснувшагося послѣ многочисленныхъ дней запоя. Кажется, стоило бы покачнуть только его раза два рукой за плечо, и онъ тотчасъ бы опять охмѣлѣлъ.

Онъ было разлетѣлся въ гостиную, но вдругъ споткнулся въ дверяхъ о коверь. Марья Тимофеевна такъ и померла со смѣху. Онъ звѣрски поглядѣлъ па нее, и вдругъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Варварѣ Петровнѣ.

— Я пріѣхалъ, сударыня... прогремѣлъ было онъ, какъ въ трубу.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, милостивый государь, выпрямилась Варвара Петровна,—возьмите мѣсто вотъ тамъ, на томъ стулѣ. Я васъ услышу и оттуда, а мнѣ отсюда виднѣе будетъ на васъ смотрѣть.

Капитанъ остановился, тупо глядя передъ собой, по, однако, повернулся и сѣлъ на указанное мѣсто, у самыхъ дверей. Сильная въ себѣ неувѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ наглость и какая-то безпрерывная раздражительность сказывались въ выраженіи его физіономіи. Онъ трусилъ ужасно, это было видно, но страдало и его самолюбіе, и можно было угадать, что изъ раздраженного самолюбія, онъ можетъ рѣшился, несмотря на трусость, даже на всякую наглость, при случай. Онъ видимо боялся за каждое движение своего неуклюжаго тѣла. Извѣстно, что самое глав-

ное страданіе всѣхъ подобныхъ господъ, когда они какимъ-нибудь чуднымъ случаемъ появляются въ обществѣ, составляютъ ихъ собственныя руки и ежеминутно сознаваемая невозможность куда-нибудь прилично дѣваться съ ними. Капитанъ замеръ на стулѣ съ своею шляпой и перчатками въ рукахъ и не сводя безсмысленного взгляда своего со строгаго лица Варвары Петровны. Ему, можетъ-быть, и хотѣлось бы внимательнѣе осмотрѣться кругомъ, но онъ пока еще не рѣшался. Марья Тимофеевна, вѣроятно, найдя фигуру его опять ужасно смѣшною, захотала снова, но онъ не шевельнулся. Варвара Петровна безжалостно долго, цѣлую минуту выдержала его въ такомъ положеніи, безпощадно его разглядывая.

— Сначала позвольте узнать ваше имя отъ васъ самихъ? мѣрно и выразительно произнесла она.

— Капитанъ Лебядкинъ, прогремѣлъ капитанъ.—Я пріѣхалъ, сударыня... шевельнулся было онъ опять.

— Позвольте! опять остановила Варвара Петровна.—Эта жалкая особа, которая такъ заинтересовала меня, дѣйствительно ваша сестра?

— Сестра, сударыня, ускользнувшая изъ-подъ надзора, ибо она въ такомъ положеніи...

Онъ вдругъ запнулся и побагровѣлъ.

— Не примите превратно, сударыня, сбился онъ ужасно,—родной братъ не станетъ марать... въ такомъ положеніи, это значитъ не въ такомъ положеніи... въ смыслѣ пятнающемъ репутацію... на послѣднихъ порахъ...

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Милостивый государь! подняла голову Варвара Петровна.

— Вотъ въ какомъ положеніи! внезапно заключилъ онъ, ткнувъ себя пальцемъ въ средину лба.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— И давно она этимъ страдаетъ? протянула нѣсколько Варвара Петровна.

— Сударыня, я пріѣхалъ отблагодарить за выказанное на паперти великолѣпіе по-русски, по-братьски...

— По-братьски?

— То-есть не по-братьски, а единственно въ томъ смыслѣ, что я братъ моей сестрѣ, сударыня, и повѣрьте, сударыня, зачастиль онъ, опять побагровѣвъ,—что я не такъ необразованъ, какъ могу показаться съ первого взгляда въ вашей гостиной. Мы съ сестрой ничто, сударыня, сравни-

тельно съ пышностю, которую здѣсь замѣчаемъ. Имѣя къ тому же клеветниковъ. Но до репутаціи Лебядкинъ гордъ, сударыня, и... и... я пріѣхалъ отблагодарить... Вотъ деньги, сударыня!

Тутъ онъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ, рванулъ изъ него пачку кредитокъ и сталъ перебирать ихъ дрожащими пальцами въ неистовомъ припадкѣ нетерпѣнія. Видно было, что ему хотѣлось поскорѣе что-то разяснить, да и очень надо было; но, вѣроятно, чувствуя самъ, что возня съ деньгами придаетъ ему еще болѣе глупый видъ, онъ потерялъ послѣднее самообладаніе; деньги никакъ не хотѣли сосчитаться, пальцы путались, и, къ довершенію срама, одна зеленая депозитка, выскользнувъ изъ бумажника, полетѣла зигзагами на коверъ.

— Двадцать рублей, сударыня, вскочилъ онъ вдругъ съ лачкой въ рукахъ и со вспотѣвшимъ отъ страданія лицомъ; замѣтивъ на полу вылетѣвшую бумажку, онъ нагнулся было поднять ее, но, почему-то устыдившись, махнулъ рукой.

— Вашимъ людямъ, сударыня, лакею, который подбереть; пусть помнитъ Лебядкину!

— Я этого никакъ не могу позволить, торопливо и съ нѣкоторымъ испугомъ проговорила Варвара Петровна.

— Въ такомъ случаѣ...

Онъ нагнулся, поднялъ, побагровѣлъ и, вдругъ приблизясь къ Варварѣ Петровнѣ, протянулъ ей отсчитанные деньги.

— Что это? совсѣмъ уже, наконецъ, испугалась она и даже попятилась въ креслахъ.

Маврикій Николаевичъ, я и Степанъ Трофимовичъ шагнули каждый впередъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, я не сумасшедший, ей-Богу не сумасшедший! въ волненіи увѣрялъ капитанъ на все стороны.

— Нѣтъ, милостивый государь, вы съ ума сошли.

— Сударыня, это все не то, что вы думаете! Я, конечно, ничтожное звено... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бѣдны они у Маріи Неизвѣстной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовемъ пока Маріей Неизвѣстной, пока, сударыня, только пока, ибо навѣчно не допустить Самъ Богъ! Сударыня, вы дали ей десять рублей, и она приняла, но потому, что отъ васъ, сударыня! Слышите, сударыня! Ни отъ кого въ мірѣ не возьметъ эта Неизвѣстная Марія, иначе содрогнется во

гробъ пітабъ-офицеръ, ел дѣдъ, убітый па Кавказѣ, па глазахъ самого Ермолова, но отъ васъ, сударыня, отъ васъ все возьметъ. Но одною рукой возьметъ, а другою протянетъ вамъ уже двадцать рублей, въ видѣ пожертвованія въ одинъ изъ столичныхъ комитетовъ благотворительности, гдѣ вы, сударыня, состоите членомъ... такъ какъ и сами вы, сударыня, публиковались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что у васъ состоитъ здѣшняя, по нашему городу, книга благотворительного общества, въ которую всякий можетъ подписываться...

Капитанъ вдругъ оборвалъ; опѣ дышалъ тяжело, какъ послѣ какого-то труднаго подвига. Все это насчетъ комитета благотворительности, вѣроятно, было заранѣе подготовлено, можетъ-быть, также подъ редакціей Липутина. Онъ еще пуще вспотѣлъ; буквально капли пота выступали у него на вискахъ. Варвара Петровна пронзительно въ него всматривалась.

— Эта книга, строго проговорила она,—находится всегда внизу, у швейцара моего дома, тамъ вы можете подписать ваше пожертвование, если захотите. А потому прошу васъ спрятать теперь ваши деньги и не махать ими по воздуху. Вотъ такъ. Прошу васъ тоже занять ваше прежнее мѣсто. Вотъ такъ. Очень жалѣю, милостивый государь, что я ошиблась насчетъ вашей сестры и подала ей на бѣдность, когда она такъ богата. Не понимаю одного только, почему отъ меня одной она можетъ взять, а отъ другихъ ни за что не захочетъ. Вы такъ на этомъ настаивали, что я желаю совершенно точнаго объясненія.

— Сударыня, это тайна, которая можетъ быть похоронена лишь во гробѣ! отвѣчалъ капитанъ.

— Почему же? какъ-то не такъ уже твердо спросила Варвара Петровна.

— Сударыня, сударыня!..

Онъ мрачно примолкъ, смотря въ землю и приложивъ правую руку къ сердцу. Варвара Петровна ждала, не сводя съ него глазъ.

— Сударыня! взревѣлъ онъ вдругъ,—позволите-ли сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, только одинъ, но открыто, прямо, по-русски, отъ души?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Страдали вы, сударыня, въ жизни?

— Вы просто хотите сказать, что отъ кого-нибудь страдали или страдаете?

— Сударыня, сударыня! вскочилъ опь вдругъ опять, вѣроятно, и пе замѣчая того, и ударяя себя въ грудь.— Здѣсь, въ этомъ сердцѣ, накипѣло столько, столько, что удивится Самъ Богъ, когда обнаружится на страшномъ судѣ!

— Гм! сильно сказано.

— Сударыня, я, можетъ-быть, говорю языкомъ раздражительнымъ...

— Не беспокойтесь, я сама знаю, когда васъ надо будеть остановить.

— Могу-ли предложить вамъ еще вопросъ, сударыня?

— Предложите еще вопросъ.

— Можно-ли умереть единственно отъ благородства своей души?

— Не знаю, не задавала себѣ такого вопроса.

— Не знаете! Не задавали себѣ такого вопроса! проクリчалъ онъ съ патетическою пронієй.—А коли такъ, коли такъ—

„Молчи безнадежное сердце!“

и онъ непристово стукнулъ себя въ грудь.

Онъ уже опять заходилъ по комнатѣ. Признакъ этихъ людей—совершенное безсиліе сдержать въ себѣ свои желанія; напротивъ, неудержимое стремленіе тотчасъ же ихъ обнаружить, со всею даже неопрятностью, чуть только они зародятся. Попавъ не въ свое общество, такой господинъ обыкновенно начинаетъ робко, но уступите ему на волосокъ, и онъ тотчасъ же перескочить на дерзости. Капитанъ уже горячился, ходилъ, махалъ руками, не слушалъ вопросовъ, говорилъ о себѣ шибко-шибко, такъ что языкъ его иногда подвертывался, и, не договоривъ, онъ перескакивалъ на другую фразу. Правда, едва-ли онъ былъ совсѣмъ трезвъ; тутъ сидѣла тоже Лизавета Николаевна, на которую онъ не взглянуль ни разу, но присутствіе которой, кажется, страшно кружило его. Впрочемъ, это только уже предположеніе. Существовала же, стало-быть, причина, по которой Варвара Петровна, преодолѣвая отвращеніе, рѣшилась выслушивать такого человѣка. Праксевья Ивановна просто тряслась отъ страха, правда, не совсѣмъ, кажется, понимая, въ чемъ дѣло. Степанъ Трофимовичъ дрожалъ тоже, но, напротивъ, потому, что поклоненъ былъ всегда понимать съ излишкомъ. Маврикій Николаевичъ стоялъ въ позѣ всеобщаго оберегателя. Лиза была блѣдненькая и не отрываясь смотрѣла широко рас-

крытыми глазами на дикаго капитана. Шатовъ сидѣлъ въ прежней позѣ; но что страннѣе всего, Марья Тимоѳеевна не только перестала смѣяться, но сдѣлалась ужасно грустна. Она облокотилась правою рукой на столъ и длиннымъ грустнымъ взглядомъ слѣдила за декламировавшимъ братцемъ своимъ. Одна лишь Дарья Павловна казалась мнѣ спокойною.

— Все это вздорныя аллегоріи, разсердилась, наконецъ, Варвара Петровна,—вы не отвѣтили на мой вопросъ: „почему?“ Я настоятельно жду отвѣта?

— Не отвѣтиль „почему?“ Ждете отвѣта на „почему?“ переговорилъ капитанъ, подмигивая.—Это маленькое словечко „почему“ разлито во всей вселенной съ самаго первого дня міросозданія, сударыня, и вся природа ежеминутно кричитъ своему Творцу: „почему?“ и вотъ уже семь тысячъ лѣтъ не получаетъ отвѣта. Неужто отвѣтить одному капитану Лебядкину, и справедливо-ли выйдетъ, сударыня?

— Это все вздоръ и не то! гнѣвалась и теряла терпѣніе Варвара Петровна.—Это аллегоріи; кромѣ того, вы слишкомъ пышно изволите говорить, милостивый государь, что я считаю дерзостью.

— Сударыня, не слушаль капитанъ,— я, можетъ-быть, желалъ бы называться Эрнестомъ, а между тѣмъ принужденъ носить грубое имя Игната,— почему это, какъ вы думаете? Я желалъ бы называться княземъ де-Монбаромъ, а между тѣмъ я только Лебядкинъ, отъ лебедя,— почему это? Я поэтъ, сударыня, поэтъ въ душѣ, и могъ бы получать тысячу рублей отъ издателя, а между тѣмъ принужденъ жить въ лахани, почему, почему? Сударыня! По-моему, Россія есть игра природы—не болѣе!

— Вы рѣшительно ничего не можете сказать опредѣленнѣе?

— Я могу вамъ прочесть піесу „Тараканъ“, сударыня!

— Что-о-о?

— Сударыня, я еще не помѣшанъ! Я буду помѣшанъ, буду, навѣрно, но я еще не помѣшанъ! Сударыня, одинъ мой пріятель — благороднѣйшее лицо — написалъ одну басню Крылова, подъ названіемъ „Тараканъ“, — могу я прочесть ее?

— Вы хотите прочесть какую-то басню Крылова?

— Нѣтъ, не басню Крылова хочу я прочесть, а мою басню, собственную, мое сочиненіе! Повѣрьте же, сударыня, безъ обиды себѣ, что я не до такой степени уже

необразованъ и развращенъ, чтобы не понимать, что Россія обладаетъ великимъ басноисцемъ Крыловымъ, которому министромъ просвѣщенія воздвигнутъ памятникъ въ Лѣтнемъ саду, для игры въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы вотъ спрашиваете, сударыня: „почему?“ Отвѣтъ на днѣ этой басни, огненными литерами!

— Прочтите вашу басню.

— Жилъ въ свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства.
И потомъ попалъ въ стаканъ
Полный мукоѣдства...

— Господи, что такое? воскликнула Варвара Петровна.

— То-есть, когда лѣтомъ, заторопился капитанъ, ужасно махая руками, съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ автора, которому мѣшаютъ читать,—когда лѣтомъ въ стаканъ налѣзутъ мухи, то происходитъ мукоѣдство, всякий дуракъ пойметъ, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите... (онъ все махалъ руками).

Мѣсто заплятъ тараканъ,
Мухи возронтали,
Половъ очень нашъ стаканъ,
Къ Юпитеру закричали.
Но пока у нихъ шелъ крикъ,
Подошелъ Никифоръ,
Бла-го-родиѣйшій старпкъ...

Туть у меня еще не докончено, но все равно, словами! трещалъ капитанъ.— Никифоръ беретъ стаканъ и, несмотря на крикъ, выплескиваетъ въ лаханъ всю комедію, и мухъ, и таракана, что давно надо было сдѣлать! Но замѣтьте, замѣтьте, сударыня, тараканъ не ропщетъ! Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: „почему?“ вскричалъ онъ, торжествуя.— „Га-ра-канъ не ропщетъ!“ Что же касается до Никифора, то онъ изображаетъ природу, прибавилъ онъ скороговоркой и самодовольно заходилъ по комнатѣ.

Варвара Петровна разсердилась ужасно.

— А въ какихъ деньгахъ, позвольте васъ спросить, полученныхыхъ будто бы отъ Николая Всеволодовича и будто бы вамъ не доданныхъ, вы осмѣлились обвинить одно лицо, принадлежащее къ моему дому?

— Клевета! взревѣлъ Лебядкинъ, трагически поднявъ правую руку.

— Нѣть, не клевета.

— Сударыня, есть обстоятельства, заставляющія сно-

сить скорѣе фамильный позоръ, чѣмъ провозгласить громко истину. Не проговорится Лебядкинъ, сударыня!

Онъ точно осѣѣпъ; онъ былъ во вдохновеніи; онъ чувствовалъ свою значительность; ему навѣрно что-то такое представлялось. Ему уже хотѣлось обидѣть, какъ-нибудь нагадить, показать свою власть.

— Позвоните, пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, попросила Варвара Петровна.

— Лебядкинъ хитеръ, сударыня! подмигнулъ онъ со скверною улыбкой, — хитеръ, но есть и у него препона, есть и у него преддверіе страстей! И это преддверіе — старая боевая гусарская бутылка, воспѣтая Денисомъ Да-выдовымъ. Вотъ когда онъ въ этомъ преддверіи, сударыня, тутъ и случается, что онъ отправитъ письмо въ стихахъ, великолѣпнѣйшее, — но которое желалъ бы потомъ возвратить обратно слезами всей своей жизни, ибо нарушается чувство прекраснаго. Но вылетѣла птичка — не поймаешь за хвостъ! Вотъ въ этомъ-то преддверіи, сударыня, Лебядкинъ могъ проговорить насчетъ и благородной дѣвицы, въ видѣ благороднаго негодованія возмущенной обидами души, чѣмъ и воспользовались клеветники его. Но хитеръ Лебядкинъ, сударыня! И напрасно сидитъ надъ нимъ зловѣщій волкъ, ежеминутно подливаш и ожидая конца: не проговорится Лебядкинъ, и на днѣ бутылки, вмѣсто ожидаемаго, оказывается каждый разъ — хитрость Лебядкина! Но довольно, о, довольно! Сударыня, ваши великолѣпные чертоги могли бы принадлежать благороднѣйшему изъ лицъ, но тараканъ не ропщетъ! Замѣтьте же, замѣтьте, наконецъ, что не ропщетъ, и познайте великій духъ!

Въ это мгновеніе снизу, изъ швейцарской, раздался звонокъ и почти тотчасъ же появился, пѣсколько замѣшкавшійся на звонъ Степана Трофимовича, Алексѣй Егорычъ. Старый чинный слуга былъ въ какомъ-то необыкновенно возбужденномъ состояніи.

— Николай Всеволодовичъ изволили сю минуту прибыть и идуть сюда-съ, произнесъ онъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Варвары Петровны.

Я особенно припоминаю ее въ то мгновеніе: сперва она поблѣднѣла, но вдругъ глаза ея засверкали. Она выпрямилась въ креслахъ, съ видомъ необычайной решимости. Да и всѣ были поражены. Совершенно неожиданный пріѣздъ Николая Всеволодовича, котораго ждали у

насъ развѣ что черезъ мѣсяцъ, бытъ страненъ не одною своею неожиданностью, а именно роковымъ какимъ-то совпаденiemъ съ настоящею минутой. Даже капитанъ остановился какъ столбъ среди комнаты, разинувъ ротъ и съ ужасно глупымъ видомъ смотря на дверь.

Потъ изъ сосѣдней залы, длинной и большой комнаты, раздались скорые приближающіеся шаги, маленькие шаги, чрезвычайно частые; кто-то какъ будто катился, и вдругъ влетѣлъ въ гостиную — совсѣмъ не Николай Все-володовичъ, а совершенно незнакомый никому молодой человѣкъ.

V.

Позволю себѣ пріостановиться и хоты нѣсколько бѣглыми штрихами очертить это внезапно появляющееся лицо.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи или около, немного повыше средняго роста, съ жидкими блѣлокурыми, довольно длинными волосами и съ клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одѣтъ чисто и даже по модѣ, но не щегольски, какъ будто съ первого взгляда сутуловатый и мѣшковатый, но однакожъ совсѣмъ не сутуловатый и даже развязный. Какъ будто какой-то чудакъ, и однакоже всѣ у настъ находили потомъ его манеры весьма приличными, а разговоръ всегда идущимъ къ дѣлу.

Никто не скажетъ, что онъ дуренъ собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлинена къ затылку и какъ бы сплюснута съ боковъ, такъ что лицо его кажется вострымъ. Лобъ его высокъ и узокъ, но черты лица мелки; глазъ вострый, носикъ маленький и востреній, губы длинныя и тонкія. Выраженіе лица словно болѣзненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щекахъ и около скулъ, что придаетъ ему видъ какъ бы выздоравливающаго послѣ тяжкой болѣзни. И однакоже онъ совершенно здоровъ, силенъ и даже никогда не былъ боленъ.

Онъ ходитъ и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничего не можетъ привести его въ смущеніе; при всякихъ обстоятельствахъ и въ какомъ угодно обществѣ онъ останется тотъ же. Въ немъ большое самодовольство, но самъ онъ его въ себѣ не примѣщаетъ никакъ.

Говорить онъ скоро, торопливо, но въ то же время са-

моувѣренно, и не лѣзетъ за словомъ въ карманъ. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый видъ, отчетливы и окончательны,—и это особенно выдается. Выговоръ его удивительно ясенъ; слова его сыплются какъ ровныя, крупныя зернышки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ. Сначала это вамъ и нравится, но по-томъ станетъ противно, и именно отъ этого слишкомъ уже яснаго выговора, отъ этого бисера вѣчно готовыхъ словъ. Вамъ какъ-то начинаетъ представляться, что языкъ у него во рту, должно-быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкій, ужасно красный и съ чрезвычайно острымъ, безпрерывно и невольно вертящимся кончикомъ.

Ну, вотъ этотъ-то молодой человѣкъ и влетѣлъ теперь въ гостиную и, право, мнѣ до сихъ поръ кажется, что онъ заговорилъ еще изъ сосѣдней залы и такъ и вошелъ говоря. Онъ мигомъ очутился предъ Варварой Петровной.

— ...Представьте же, Варвара Петровна, сыпалъ онъ какъ бисеромъ,—я вхожу и думаю застать его здѣсь уже съ четверть часа; онъ полтора часа какъ пріѣхалъ; мы сошлись у Кириллова; онъ отправился, полчаса тому, прямо сюда и велѣлъ мнѣ тоже сюда приходить черезъ четверть часа...

— Да кто? Кто велѣлъ вамъ сюда приходить? допрашивала Варвара Петровна.

— Да Николай же Всеволодовичъ! Такъ неужели вы въ самомъ дѣлѣ только сію минуту узнаете? Но багажъ же его, по крайней мѣрѣ, долженъ давно прибыть, какъ же вамъ не сказали? Стало-быть, я первый и возвѣщаю. Заnimъ можно было бы, однако, послать куда-нибудь, а впрочемъ, навѣрно онъ самъ сейчасъ явится и, кажется, именно то самое время, которое какъ разъ отвѣтствуетъ нѣкоторымъ его ожиданіямъ и, сколько я, по крайней мѣрѣ, могу судить, его нѣкоторымъ расчетамъ. Тутъ онъ обвелъ глазами комнату и особенно внимательно остановилъ ихъ на капитанѣ.—Ахъ, Лизавета Николаевна, какъ я радъ, что встрѣчу васъ съ первого же шагу, очень радъ пожать вашу руку, быстро подлетѣлъ онъ къ ней, чтобы подхватить протянувшуюся къ нему ручку весело улыбнувшейся Лизы, — и, сколько замѣчаю, многоуважаемая Прасковья Ивановна тоже не забыла, кажется, своего „профессора“ и даже на него не сердится, какъ всегда сердилась въ Швейцаріи. Но какъ, однакоожъ, здѣсь ваши

ноги, Прасковья Ивановна, и справедливо-ли приговорилъ вамъ швейцарскій консиліумъ климатъ родины?... Какъ-сь? Примочки? Это очень должно-быть полезно. Но какъ я жалѣлъ, Варвара Петровна (быстро повернулся онъ опять), что не успѣлъ васъ застать тогда за границей и засвидѣтельствовать вамъ лично мое уваженіе, притомъ же такъ много имѣлъ сообщить... Я увѣдомлялъ сюда моего старика, но онъ, по своему обыкновенію, кажется...

— Петруша! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ мгновенно выходя изъ оцѣпенїя; онъ всплеснулъ руками и бросился къ сыну.—*Pierre, mon enfant, а вѣдь я не узналъ тебя!* сжалъ онъ его въ объятіяхъ, и слезы покатились изъ глазъ его.

— Ну, не шали, не шали, безъ жестовъ, ну, и довольно, довольно, прошу тебя, торопливо бормоталъ Петруша, стараясь освободиться изъ объятій.

— Я всегда, всегда былъ виноватъ предъ тобой!

— Ну, и довольно; обѣ этомъ мы послѣ. Такъ вѣдь и зналъ, что зашалишь. Ну, будь же немножко потрезвѣе, прошу тебя.

— Но вѣдь я не видалъ тебя десять лѣтъ!

— Тѣмъ менѣе причинъ къ изліяніямъ...

— *Mon enfant.*

— Ну, вѣрю, вѣрю, что любишь, убери свои руки. Вѣдь ты мѣшаешь другимъ... Ахъ, вотъ и Николай Всеволодовичъ, да не шали же, прошу тебя, наконецъ!

Николай Всеволодовичъ дѣйствительно былъ уже въ комнатѣ; опъ вошелъ очень тихо и на мгновеніе остановился въ дверяхъ, тихимъ взглядомъ окидывая собраніе.

Какъ и четыре года назадъ, когда въ первый разъ я увидалъ его, такъ точно и теперь, я былъ пораженъ съ первого на него взгляда. Я нимало не забылъ его; но, кажется, есть такія физіономіи, которыя всегда, каждый разъ, когда появляются, какъ бы приносятъ съ собой нѣчто новое, еще не примѣченное въ нихъ вами, хотя бы вы сто разъ прежде встрѣчались. Повидимому, онъ былъ все тотъ же, какъ и четыре года назадъ; такъ же изященъ, такъ же важенъ, такъ же важно входилъ, какъ и тогда, даже почти такъ же молодъ. Легкая улыбка его была такъ же официально ласкова и такъ же самодовольна; взглядъ такъ же строгъ, вдумчивъ и какъ бы разсѣянъ. Однимъ словомъ, казалось, мы вчера только разстались. Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его кра-

савцемъ, но лицо его дѣйствительно „походило на маску“, какъ выражались нѣкоторыя изъ злозычныхъ дамъ нашего общества. Теперь же,—теперь же, не знаю почему, онъ съ первого же взгляда показался мнѣ рѣшительнымъ, неоспоримымъ красавцемъ, такъ что уже никакъ нельзя было сказать, что лицо его походитъ на маску. Не оттого-ли, что онъ сталъ чуть-чуть блѣднѣе чѣмъ прежде и, кажется, нѣсколько похудѣлъ? Или, можетъ-быть, какая-нибудь новая мысль свѣтилась теперь въ его взглядѣ?

— Николай Всеволодовичъ! вскричала, вся выпрямившись и не сходя съ кресель, Варвара Петровна, останавливая его повелительнымъ жестомъ,—остановись на одну минуту!

Но чтобы объяснить тотъ ужасный вопросъ, который вдругъ послѣдовалъ за этимъ жестомъ и воскликаніемъ,—вопросъ, возможности котораго я даже и въ самой Варварѣ Петровнѣ не могъ бы предположить,—я попрошу читателя вспомнить, что такое былъ характеръ Варвары Петровны во всю ея жизнь и необыкновенную стремительность его въ ипилъ чрезвычайная минуты. Прошу тоже сообразить, что, несмотря на необыкновенную твердость души и на значительную долю разсудка и практическаго, такъ сказать, даже хозяйственнаго такта, которыми она обладала, все-таки въ ея жизни не переводились такія мгновенія, которымъ она отдавалась вдругъ вся, всецѣло и, если позволительно такъ выразиться, совершенно безъ удержу. Прошу взять, наконецъ, во вниманіе, что настоящая минута дѣйствительно могла быть для нея изъ такихъ, въ которыхъ вдругъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся сущность жизни,—всего прожитого, всего настоящаго и, пожалуй, будущаго. Напомню еще вскользь и о полученномъ ею анонимномъ письмѣ, о которомъ она давеча такъ раздражительно проговорила Прасковѣ Ивановнѣ, при чемъ, кажется, умолчала о дальнѣйшемъ содержаніи письма; а въ немъ-то, можетъ-быть, и заключалась разгадка возможности того ужаснаго вопроса, съ которымъ она вдругъ обратилась къ сыну.

— Николай Всеволодовичъ, повторила она, отчеканивая слова твердымъ голосомъ, въ которомъ зазвучалъ грозный вызовъ,—прошу васъ, скажите сейчасъ же, не сходя съ этого мѣста, правда-ли, что эта несчастная, хромая женщина,—вотъ она, вонъ тамъ, смотрите на нее! Правда-ли, что она... законная жена ваша?

Я слишкомъ помню это мгновеніе; онъ не смигнулъ даже глазомъ и пристально смотрѣлъ на мать; ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ его не послѣдовало. Наконецъ, онъ медленно улыбнулся какой-то снисходящей улыбкой и, не отвѣтивъ ни слова, тихо подошелъ къ мамашѣ, взялъ ея руку, почтительно поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ. И до того было сильно всегдашнее, неодолимое вліяніе его на мать, что она и тутъ не посмѣла отдернуть руки. Она только смотрѣла на него, вся обратясь въ вопросъ, и весь видъ ея говорилъ, что еще одинъ мигъ, и она не вынесетъ неизвѣстности.

Но онъ продолжалъ молчать. Поцѣловавъ руку, онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всю комнату и попрежнему не спѣша направился прямо къ Марѣ Тимоѳеевнѣ. Очень трудно описывать физіономіи людей въ нѣкоторыя мгновенія. мнѣ, напримѣръ, запомнилось, что Марья Тимоѳеевна, вся замирая отъ испуга, поднялась къ нему навстрѣчу и сложила, какъ бы умоляя его, предъ собою руки; а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминается и восторгъ въ ея взглядѣ, какой-то безумный восторгъ, почти исказившій ея черты,—восторгъ, который трудно людьми выносится. Можетъ, было и то, и другое—и испугъ, и восторгъ; но, помню, что я быстро къ ней придвинулъся (я стоялъ почти подлѣ), мнѣ показалось, что она сейчасъ упадеть въ обморокъ.

— Вамъ нельзя быть здѣсь, проговорилъ ей Николай Всеволодовичъ ласковымъ, мелодическимъ голосомъ, и въ глазахъ его засвѣтилась необыкновенная нѣжность.

Онъ стоялъ предъ нею въ самой почтительной позѣ, и въ каждомъ движениіи его сказывалось самое искреннее уваженіе. Бѣдняжка стремительнымъ полушопотомъ, задыхаясь, пролепетала ему:

— А мнѣ можно... сейчасъ... стать предъ вами на колѣни?

— Нѣть, этого никакъ нельзя, великолѣпно улыбнулся онъ ей, такъ что и она вдругъ радостно усмѣхнулась.

Тѣмъ же мелодическимъ голосомъ и нѣжно уговаривая ее, точно ребенка, онъ съ важностью прибавилъ:

— Подумайте о томъ, что вы дѣвушка, а я хоть и самый преданный другъ вашъ, но все же вамъ посторонній человѣкъ, не мужъ, не отецъ, не женихъ. Дайте же руку вашу и пойдемте; я провожу васъ до кареты и, если позволите, самъ отвезу васъ въ вашъ домъ.

Она выслушала и какъ бы въ раздумы склонила голову.

— Пойдемте, сказала она, вздохнувъ и подавая ему руку.

Но тутъ съ нею случилось маленькое несчастіе. Должно быть, она неосторожно какъ-нибудь повернулась и ступила на свою болѣнную, короткую ногу, — словомъ, она упала всѣмъ бокомъ на кресло, и не будь этихъ креселъ, полетѣла бы на полъ. Онъ мигомъ подхватилъ ее и поддержалъ, крѣпко взялъ подъ руку и, съ участіемъ, осторожно повелъ къ дверямъ. Она видимо была огорчена своимъ паденiemъ, смущилась, покраснѣла и ужасно застыдилась. Молча смотря въ землю, глубоко прихрамывая, она заковыляла за него, почти повиснувъ на его рукѣ. Такъ они и вышли. Лиза, я видѣлъ, для чего-то вдругъ привскочила съ кресла, пока они выходили, и неподвижнымъ взглядомъ прослѣдила ихъ до самыхъ дверей. Потомъ молча сѣла опять, но въ лицѣ ея было какое-то судорожное движеніе, какъ будто она дотронулась до бакого-то гада.

Пока шла вся эта сцена между Николаемъ Всеволодовичемъ и Марьей Тимофеевной, всѣ молчали въ изумленіи; мууху можно услышать; но только что они вышли, всѣ вдругъ заговорили.

VI.

Говорили, впрочемъ, мало, а болѣе восклицали. Я немножко забылъ теперь, какъ это все происходило тогда по порядку, потому что вышла сумятица. Воскликнулъ что-то Степанъ Трофимовичъ по-французски и сплеснулъ руками, но Варварѣ Петровнѣ было не до него. Даже пробормоталъ что-то отрывисто и скоро Маврикій Николаевичъ. Но всѣхъ болѣе горячился Петръ Степановичъ; онъ въ чёмъ-то отчаянно убѣждалъ Варвару Петровну, съ большими жестами, но я долго не могъ понять. Обращался и къ Прасковѣ Ивановнѣ, и къ Лизаветѣ Николаевнѣ, даже мелькомъ, сгоряча, крикнулъ что-то отцу, — однимъ словомъ, очень вертѣлся по комнатѣ. Варвара Петровна, вся раскраснѣвшись, вскочила было съ мѣста и крикнула Прасковѣ Ивановнѣ: „Слышала, слышала ты, что онъ здѣсь ей сейчасъ говорилъ?“ Но та ужъ и отвѣтить не могла, а только пробормотала что-то, махнувъ рукой. У бѣдной была своя забота: она поминутно поворачивала

голову къ Лизѣ и смотрѣла на нее въ безотчетномъ страхѣ, а встать и уѣхать и думать уже не смѣла, пока не подымется дочь. Тѣмъ временемъ капитанъ навѣрно хотѣлъ улизнуть. Это я подмѣтилъ. Онъ былъ въ сильномъ и несомнѣнномъ испугѣ, съ самаго того мгновенія, какъ появился Николай Всеволодовичъ; по Петръ Степановичъ схватилъ его за руку и не далъ уйти.

— Это необходимо, необходимо, ссыпалъ онъ своимъ бисеромъ Варварѣ Петровнѣ, все продолжая ее убѣждать.

Онъ стоялъ предъ нею, а она уже опять сидѣла въ креслахъ, и, помню, съ жадностью его слушала; онъ таки добился того и завладѣлъ ея вниманіемъ.

— Это необходимо. Вы сами видите, Варвара Петровна, что тутъ недоразумѣніе, и на видъ много чуднаго, а между тѣмъ дѣло ясное какъ свѣчка и простое какъ палецъ. Я слишкомъ понимаю, что никѣмъ не уполномоченъ рассказывать и имѣю, пожалуй, смѣшной видъ, самъ напрашиваясь. Но, во-первыхъ, самъ Николай Всеволодовичъ не придаетъ этому дѣлу никакого значенія, и, наконецъ, все же есть случаи, въ которыхъ трудно человѣку решиться на личное объясненіе самому, а надо непремѣнно, чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать нѣкоторыя деликатныя вещи. Повѣрьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодовичъ нисколько не виноватъ, не отвѣтивъ на вашъ давешній вопросъ тотчасъ же, радикальнымъ объясненіемъ, несмотря на то, что дѣло плевое; я знаю его еще съ Петербурга. Къ тому же весь анекдотъ дѣлаетъ только честь Николаю Всеволодовичу, если ужъ непремѣнно надо употребить это неопределѣленное слово „честь“...

— Вы хотите сказать, что вы были свидѣтелемъ какаго-то случая, отъ которого произошло... это недоумѣніе? спросила Варвара Петровна.

— Свидѣтелемъ и участникомъ, поспѣшно подтвердилъ Петръ Степановичъ.

— Если вы дадите мнѣ слово, что это не обидитъ деликатности Николая Всеволодовича, въ извѣстныхъ мнѣ чувствахъ его ко мнѣ, отъ которой онъ ни-че-го не скрываетъ... и если вы такъ притомъ увѣрены, что этимъ даже сдѣлаете ему удовольствіе...

— Непремѣнно удовольствіе, потому-то и самъ вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе. Я убѣженъ, что онъ самъ бы меня просилъ.

Довольно странно было и внѣ обыкновенныхъ пріемовъ это навязчивое желаніе этого вдругъ ушавшаго съ неба господина разсказывать чужie анекдоты. Но онъ поймалъ Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишкомъ наболѣвшаго мѣста. И еще не зналъ тогда характера этого человѣка вполнѣ, а ужъ тѣмъ болѣе его намѣреній.

— Васъ слушаютъ, сдержанно и осторожно возвѣстила Варвара Петровна, нѣсколько страдая отъ своего снисхожденія.

— Вещь короткая; даже, если хотите, по-настоящему это и не анекдотъ, посыпался бисеръ.—Впрочемъ, романистъ отъ бездѣлья могъ бы испечь романъ. Довольно интересная вещица, Прасковья Ивановна, и я увѣренъ, что Лизавета Николаевна съ любопытствомъ выслушаетъ, потому что тутъ много если не чудныхъ, то причудливыхъ вещей. Лѣтъ пять тому, въ Петербургѣ, Николай Всеходовичъ узналъ этого господина, — вотъ этого самаго господина Лебядкина, который стоитъ разиня ротъ и, кажется, собирался сейчасъ улизнуть. Извините, Варвара Петровна. Я вамъ, впрочемъ, не совсѣмъ улепетывать, господинъ отставной чиновникъ бывшаго ировиантскаго вѣдомства (видите, я отлично васъ помню). И мнѣ, и Николаю Всеходовичу слишкомъ извѣсты ваши здѣшнія продѣлки, въ которыхъ, не забудьте это, вы должны будете дать отчетъ. Еще разъ прошу извиненія, Варвара Петровна. Николай Всеходовичъ называлъ тогда этого господина своимъ Фальстафомъ; это, должно-быть (пояснилъ онъ вдругъ), какой-нибудь бывшій характеръ *burgl-esque*, надъ которымъ всѣ смѣются и который самъ позволяетъ надъ собою всѣмъ смѣяться, лишь бы платили деньги. Николай Всеходовичъ велъ тогда въ Петербургѣ жизнь, такъ сказать, пасмурную,—другимъ словомъ не могу опредѣлить ее, потому что въ разочарованіе этотъ человѣкъ не впадать, а дѣломъ онъ и самъ тогда пренебрегалъ заниматься. Я говорю про одно лишь тогдашнее время, Варвара Петровна. У Лебядкина этого была сестра, вотъ эта самая, что сейчасъ здѣсь сидѣла. Братецъ и сестрица не имѣли своего угла и скитались по чужимъ. Онъ бродилъ подъ арками Гостиного двора, непремѣнно въ бывшемъ мундирѣ, и останавливалъ прохожихъ съ виду почище, а что набереть — пропивалъ. Сестрица же кормилась, какъ птица небесная. Она тамъ въ углахъ

помогала и за нужду прислуживала. Содомъ быль ужаснѣйшій; л миную картину этой угловой жизни,— жизни, которой изъ чудачества предавался тогда и Николай Все-володовичъ. И только про тогдашнее время, Варвара Петровна; а что касается до „чудачества“, то это его собственное выраженіе. Онъ многое отъ меня не скрываетъ. М - ће Лебядкина, которой одно время слишкомъ часто пришлось встрѣтить Николая Все-володовича, была поражена его наружностью. Это быль, такъ сказать, брильянтъ на грязномъ фонѣ ея жизни. Я плохой описатель чувства, а потому пройду мимо; по ее тотчасъ же подняли дрянные людишки на смѣхъ, и она загрустила. Тамъ вообще надѣяло смѣялись, но прежде она вовсе не замѣчала того. Голова ея уже и тогда была не въ порядке, но тогда все-таки не такъ, какъ теперь. Есть основаніе предположить, что въ дѣтствѣ, черезъ какую-то благодѣтельницу, она чуть было не получила воспитанія. Николай Все-володовичъ никогда не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и игралъ больше въ старыя замасленныя карты по четверть копейки въ преферансъ съ чиновниками. Но разъ, когда ее обижали, онъ (не спрашивая причины) схватилъ одного чиновника за шиворотъ и спустилъ изъ второго этажа въ окно. Никакихъ рыцарскихъ негодованій въ пользу оскорблennой невинности тутъ не было: вся операција произошла при общемъ смѣхѣ, и смѣялся всѣхъ больше Николай Все-володовичъ самъ; когда же все кончилось благополучно, то помирились и стали пить пуншъ. Но угнетенная невинность сама про то не забыла. Разумѣется, кончилось окончательнымъ сотрясениемъ ея умственныхъ способностей. Повторяю, я плохой описатель чувствъ, но тутъ главное мечта. А Николай Все-володовичъ, какъ нарочно, еще болѣе раздражалъ ме-чу: вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, онъ вдругъ сталъ обращаться къ м - ће Лебядкиной съ неожиданнымъуважениемъ. Кирилловъ, тутъ бывшій (чрезвычайный оригиналъ, Варвара Петровна, и чрезвычайно отрывистый человѣкъ; вы, можетъ-быть, когда-нибудь его увидите, онъ теперь здѣсь), ну, такъ вотъ этотъ Кирилловъ, который по обыкновенію все молчитъ, а тутъ вдругъ разгорячился, замѣтилъ, я помню, Николаю Все-володовичу, что тотъ третируетъ эту госпожу какъ маркизу и тѣмъ окончательно ее добиваетъ. Прибавлю, что Николай Все-володовичъ нѣсколько уважалъ этого Кириллова. Что-жъ, вы думаете, онъ ему

отвѣтилъ: „Вы полагаете, господинъ Кирилловъ, что я смѣюсь надъ нею; разувѣртесь, я въ самомъ дѣлѣ ее уважаю, потому что она всѣхъ насть лучше“. И, знаете, такимъ серьезнымъ тономъ сказалъ. Между тѣмъ въ эти два-три мѣсяца, онъ кромѣ здравствуйте, да прошайтѣ, въ сущности не проговорилъ съ ней ни слова. Я, тутъ бывшій, навѣрно помню, что она до того уже, наконецъ, дошла, что считала его чѣмъ-то въ родѣ жениха своего, не смѣющаго ее „похитить“ единственно потому, что у него много враговъ и семейныхъ препятствій, или что-то въ этомъ родѣ. Много тутъ было смѣху! Кончилось тѣмъ, что когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отправляться сюда, онъ, уѣзжая, распорядился обѣ ея содержаніи и, кажется, довольно значительномъ ежегодномъ пенсіонѣ, рублей въ триста, по крайней мѣрѣ, если не болѣе. Однимъ словомъ, положимъ, все это съ его стороны баловство, фантазія преждевременно уставшаго человѣка,— пусть даже, наконецъ, какъ говорилъ Кирилловъ, это былъ новый этюдъ пресыщенаго человѣка съ цѣлью узнать, до чего можно довести сумасшедшую калѣку. „Вы, говоритъ, нарочно выбрали самое послѣднее существо, калѣку, покрытую вѣчнымъ позоромъ и побоями,— и, вдобавокъ, зная, что это существо умираетъ къ вамъ отъ комической любви своей, и вдругъ вы нарочно принимаетесь ее морочить, единственно для того, чтобы посмотретьъ, что изъ этого выйдетъ!“ Чѣмъ, наконецъ, такъ особенно виноватъ человѣкъ въ фантазіяхъ сумасшедшей женщины, съ которой, замѣтьте, онъ врядъ-ли двѣ фразы во все время выговорилъ! Есть вещи, Варвара Петровна, о которыхъ не только нельзя умно говорить, но о которыхъ и начинать-то говорить не умно. Ну, пусть, наконецъ, чудачество — но вѣдь болѣе-то ужъ ничего нельзя сказать; а между тѣмъ теперь вотъ изъ этого сдѣлали исторію... Миѣ отчасти извѣстно, Варвара Петровна, о томъ, что здѣсь происходитъ.

Разсказчикъ вдругъ оборвалъ и повернулся было къ Лебядкину, но Варвара Петровна остановила его; она была въ сильнѣйшей экзальтациіи.

— Вы кончили? спросила она.

— Нѣть еще; для полноты мнѣ надо бы, если позволите, допросить тутъ кое-вѣ-чемъ вотъ этого господина... Вы сейчасъ увидите, въ чемъ дѣло, Варвара Петровна.

— Довольно, послѣ, остановитесь на минуту, прошу

васъ. О, какъ я хорошо сдѣлала, что допустила васъ говорить!

— И замѣтьте, Варвара Петровна, встрепенулся Петръ Степановичъ,— ну, могъ-ли Николай Всеволодовичъ самъ объяснить вамъ это все давеча, въ отвѣтъ на вашъ вопросъ,— можетъ-быть, слишкомъ ужъ категорический?

— О, да, слишкомъ!

— И не правъ-ли я былъ, говоря, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ третьему человѣку гораздо легче объяснить, чѣмъ самому заинтересованному!

— Да, да... Но въ одномъ вы ошиблись, и, съ сожалѣніемъ вижу, продолжаете ошибаться.

— Неужели? Въ чёмъ это?

— Видите... А, впрочемъ, если бы вы сѣли, Петръ Степановичъ.

— О, какъ вамъ угодно, я и самъ усталъ, благодарю васъ.

Онъ мигомъ выдвинулъ кресло и повернулъ его такъ, что очутился между Варварой Петровной, съ одной стороны, Прасковьей Ивановной у стола съ другой и лицомъ къ господину Лебядкину, съ которого онъ ни на минутку не спускалъ своихъ глазъ.

— Вы ошибаетесь въ томъ, что называете это „чудачествомъ“...

— О, если только это...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, остановила Варвара Петровна, очевидно, приготовляясь много и съ усердіемъ говорить.

Петръ Степановичъ лишь только замѣтилъ это, весь обратился во вниманіе.

— Нѣтъ, это было бы нѣчто высшее чудачества, и,увѣряю васъ, нѣчто даже святое! Человѣкъ гордый и рапо оскорбленный, дошедшій до той „насмѣшливости“, о которой вы такъ мѣтко упомянули; однимъ словомъ, принцъ Гарри, какъ великолѣпно сравнилъ тогда Степанъ Трофимовичъ и что было бы совершенно вѣрно, если бъ онъ не походилъ еще болѣе на Гамлета, по крайней мѣрѣ, по моему взглѣду.

— Et vous avez raison, съ чувствомъ и вѣско отозвался Степанъ Трофимовичъ.

— Благодарю васъ, Степанъ Трофимовичъ, васъ я особенно благодарю и именно за вашу всегдашнюю вѣру въ Nicolas, въ высокость его души и призванія. Эту вѣру вы даже во мнѣ подкрепляли, когда я падала духомъ.

— Chère, chère...

Степанъ Трофимовичъ шагнулъ было уже впередъ, но пріостановился, разсудивъ, что прерывать опасно.

— И если бы всегда подлъ Nicolas (отчасти пѣла уже Варвара Петровна) находился тихій, великий въ смиреніи своемъ Горацио,—другое прекрасное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ,— то, можетъ-быть, онъ давно уже былъ бы спасенъ отъ грустнаго и „внезапнаго демона иронії“, который всю жизнь терзалъ его. (О демонѣ иронії, опять удивительное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ). Но у Nicolas никогда не было ни Горацио, ни Офелии. У него была лишь одна его мать, но что же можетъ сдѣлать мать одна и въ такихъ обстоятельствахъ? Знаете, Петръ Степановичъ, мнѣ становится даже чрезвычайно понятнымъ, что такое существо, какъ Nicolas, могъ являться даже и въ такихъ грязныхъ трущобахъ, про которыхъ вы рассказывали. Мнѣ такъ ясно представляется теперь эта „насмѣшливость“ жизни (удивительно мѣткое выраженіе ваше!), эта ненасытимая жажда контраста, этотъ мрачный фонъ картины, на которомъ онъ является какъ брильянтъ, по вашему же опять сравненію, Петръ Степановичъ. И вотъ онъ встрѣчаетъ тамъ всѣми обиженное существо, калѣку и полупомѣшанную, и въ то же время, можетъ-быть, съ благороднѣйшими чувствами!..

— Гм... Да, положимъ.

— И вамъ послѣ этого не понятно, что онъ не смеется надъ нею, какъ всѣ! О, люди! Вамъ не понятно, что онъ защищаетъ ее отъ обидчиковъ, окружаетъ ееуваженіемъ „какъ маркизу“ (этотъ Кирилловъ, должно-быть, необыкновенно глубоко понимаетъ людей, хотя и онъ не понялъ Nicolas!). Если хотите, тутъ именно черезъ этотъ контрастъ и вышла бѣда; если бы несчастная была въ другой обстановкѣ, то, можетъ-быть, и не дошла бы до такой умоизступленной мечты. Женщина, женщина только можетъ понять это, Петръ Степановичъ, и какъ жаль, что вы... то-есть не то, что вы не женщина, а, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, чтобы понять!

— То-есть въ томъ смыслѣ, что, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. Это въ родѣ какъ въ религії: чѣмъ хуже человѣку жить или чѣмъ забитѣе или бѣднѣе весь народъ, тѣмъ упрямѣе мечтаетъ онъ о вознагражденіи въ раю, а если при этомъ хлопочеть еще сто тысячъ священниковъ, разжигая мечту

и на нее спекулируя, то... я понимаю васъ, Варвара Петровна, будьте покойны.

— Это, положимъ, не совсѣмъ такъ, но скажите, неужели Nicolas, чтобы погасить эту мечту въ этомъ несчастномъ организмѣ (для чего Варвара Петровна тутъ употребила слово организмъ, я не могъ понять), неужели онъ долженъ быть самъ надъ нею смеяться и съ нею обращаться какъ другіе чиновники? Неужели вы отвергаете то высокое состраданіе, ту благородную дрожь всего организма, съ которою Nicolas вдругъ строго отвѣчаетъ Кириллову: „Я не смеюсь надъ нею“. Высокий, святой отвѣтъ!

— Sublime, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— И замѣтьте, онъ вовсе не такъ богатъ, какъ вы думаете; богата я, а не онъ, а онъ у меня тогда почти вовсе не бралъ.

— Я понимаю, понимаю все это, Варвара Петровна, пѣсколько уже нетерпѣливо шевелился Петръ Степановичъ.

— О, это мой характеръ! Я узнаю себя въ Nicolas. Я узнаю эту молодость, эту возможность бурныхъ, грозныхъ порывовъ... И если мы когда-нибудь сблизимся съ вами, Петръ Степановичъ, чего я съ моей стороны желаю такъ искренно, тѣмъ болѣе, что вамъ уже такъ обязана, то вы, можетъ-быть, поймете тогда...

— О, повѣрьте, я желаю, съ моей стороны, отрывисто пробормоталъ Петръ Степановичъ.

— Вы поймете тогда тотъ порывъ, по которому въ этой слѣпотѣ благородства вдругъ берутъ человѣка даже недостойнаго себя во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка глубоко непонимающаго васъ, готоваго васъ измучить при всякой первой возможности, и такого-то человѣка, наперекоръ всему, воплощающаго вдругъ въ какой-то идеаль, въ свою мечту, совокупляющаго на немъ всѣ надежды свои, преклоняющимся предъ нимъ, любяще его всю жизнь, совершенно не зная за что,—можетъ-быть, именно за то, что онъ недостоинъ того... О, какъ я страдала всю жизнь, Петръ Степановичъ!

Степанъ Трофимовичъ съ болѣзненнымъ видомъ сталъ ловить мой взглядъ; но я во-время увернулся.

— ... И еще недавно, недавно — о, какъ я виновата предъ Nicolas!.. Вы не повѣрите, они измучили меня со всѣхъ сторонъ, всѣ, всѣ, и враги, и людшки, и друзья; друзья, можетъ-быть, больше враговъ. Когда мнѣ при-

слали первое презрѣнное, анонимное письмо, Петръ Степановичъ, то вы не повѣрите этому, у меня недостало, наконецъ, презрѣнія въ отвѣтъ на всю эту злость... Никогда, никогда не прощу себѣ моего малодушія!

— Я уже слышалъ кое-что вообще о здѣшнихъ анонимныхъ письмахъ, оживился вдругъ Петръ Степановичъ,— и я вамъ ихъ разышу, будьте покойны.

— Но вы не можете вообразить, какія здѣсь начались интриги! — они измучили даже нашу бѣдную Прасковью Ивановну — а ее-то ужъ по какой причинѣ? Я, можетъ быть, слишкомъ виновата предъ тобой сегодня, моя милая Прасковья Ивановна, прибавила она въ великолѣбномъ порывѣ умиленія, но не безъ иѣкоторой побѣдоносной ироніи.

— Полноте, матушка, пробормотала та нехотя,—а помоему, это бы все надо кончить; слишкомъ говорено...

И она опять робко поглядѣла на Лизу, но та смотрѣла на Петра Степановича.

— А это бѣдное, это несчастное существо, эту безумную, утратившую все и сохранившую одно сердце, я намѣренна теперь сама усыновить! вдругъ воскликнула Варвара Петровна.—Это долгъ, который я намѣренна свято исполнить. Съ этого же дня беру ее подъ мою защиту!

— И это даже будетъ очень хорошо-сь, въ иѣкоторомъ смыслѣ! совершенно оживился Петръ Степановичъ.—Извините, я давеча не докопчилъ. Я именно о покровительствѣ. Можете представить, что когда уѣхалъ тогда Николай Всеволодовичъ (я начипаю съ того именно мѣста, гдѣ остановился, Варвара Петровна), этотъ господинъ, вотъ этотъ самый господинъ Лебядкинъ мигомъ вообразилъ себя въ правѣ распорядиться пенсиономъ, назначеннымъ его сестрицѣ, безъ остатка; и распорядился. Я не знаю въ точности, какъ это было тогда устроено Николаемъ Всеволодовичемъ, но черезъ годъ, ужъ изъ-за границы, онъ, узнавъ о происходившемъ, принужденъ былъ распорядиться иначе. Опять не знаю подробностей, онъ ихъ самъ расскажетъ, но знаю только, что интересную особу помѣстили гдѣ-то въ отдаленномъ монастырѣ, весьма даже комфортно, по подъ дружескимъ присмотромъ—понимаете? На что же, вы думаете, рѣшается господинъ Лебядкинъ? Онъ употребляетъ сперва всѣ усилия, чтобы разыскать, гдѣ скрываютъ отъ него оброчную статью, то-есть сестрицу, недавно только достигаетъ цѣли, беретъ

ее изъ монастыря, предъявивъ какое-то на нее право, и привозить ее прямо сюда. Здѣсь онъ ее не кормитъ, бѣть, тиранитъ, наконецъ, получаетъ какимъ-то путемъ отъ Николая Всеялодовича значительную сумму, тотчасъ же пускается пьянствовать, а вмѣсто благодарности, кончаетъ дерзкимъ вызовомъ Николаю Всеялодовичу, безсмысленными требованіями, угрожая, въ случаѣ неплатежа пенсіона впредь ему прямо въ руки, судомъ. Такимъ образомъ, добровольный даръ Николая Всеялодовича онъ принимаетъ за дань,—можете себѣ представить? Господинъ Лебядкинъ, правда-ли *все* то, что я здѣсь сей-часъ говорилъ?

Капитанъ, до сихъ поръ стоявшій молча и потупивъ глаза, быстро шагнулъ два шага впередъ и весь побагровѣлъ.

— Пётръ Степановичъ, вы жестоко со мной поступили, проговорилъ онъ, точно оборвавъ.

— Какъ это жестоко, и почему-съ? Но, позвольте, мы о жестокости или о мягкости послѣ, а теперь я прошу васъ только отвѣтить на первый вопросъ: правда-ли *все* то, что я говорилъ, или *нетъ*? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сдѣлать свое заявленіе.

— Я... вы сами знаете, Пётръ Степановичъ... пробороматалъ капитанъ, осѣкся и замолчалъ.

Надо замѣтить, что Пётръ Степановичъ сидѣлъ въ креслахъ, заложивъ пога на ногу, а капитанъ стоялъ предъ нимъ въ самой почтительной позѣ.

Колебанія господина Лебядкина, кажется, очень не понравились Пётру Степановичу: лицо его передернулось какой-то злобной судорогой.

— Да вы уже въ самомъ дѣлѣ не хотите-ли что-нибудь заявить? тонко поглядѣлъ онъ на капитана.—Въ такомъ случаѣ сдѣлайте одолженіе, вассъ ждутъ.

— Вы сами знаете, Пётръ Степановичъ, что я не могу ничего заявлять.

— Нетъ, я этого не знаю, въ первый разъ даже слышу; почему такъ вы не можете заявлять?

Капитанъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Позвольте мнѣ уйти, Пётръ Степановичъ, проговорилъ онъ рѣшительно.

— Но не ранѣе того, какъ вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на мой первый вопросъ: правда *все*, что я говорилъ?

— Правда-сь, глухо проговорилъ Лебядкинъ и вскинуль глазами на мучителя.

Даже потъ выступилъ на вискахъ его.

— Все правда?

— Все правда-сь.

— Не найдете-ли вы что-нибудь прибавить, замѣтить?

Если чувствуете, что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслухъ ваше неудовольствіе.

— Нѣтъ, ничего не нахожу.

— Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

— Это... это, тутъ было больше вино, Петръ Степановичъ. (Онъ поднялъ вдругъ голову). — Петръ Степановичъ! Если фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ возопіютъ межъ людей, то тогда — неужели и тогда виноватъ человѣкъ? взревѣлъ онъ, вдругъ забывши по-давшему.

— А вы теперь трезвы, господинъ Лебядкинъ? произи-
тельно поглядѣлъ на него Петръ Степановичъ.

— Я... трезвъ.

— Чѣдь это такое значитъ фамильная честь и незаслу-
женный сердцемъ позоръ?

— Это я про никого, я никого не хотѣлъ. Я про себя...
провалился опять капитанъ.

— Вы, кажется, очень обидѣлись моими выраженіями
про васъ и ваше поведеніе? Вы очень раздражительны,
господинъ Лебядкинъ. Но, позовольте, я вѣдь еще ничего
не начиналъ про ваше поведеніе, въ его настоящемъ
видѣ. Я начну говорить про ваше поведеніе, въ его на-
стоящемъ видѣ. Я начну говорить, это очень можетъ слу-
читься, но я вѣдь еще не начиналъ въ настоящемъ видѣ.

Лебядкинъ вздрогнулъ и дико уставился на Петра Степановича.

— Петръ Степановичъ, я теперь лишь начинаю про-
сыпаться!

— Гм! И это я васъ разбудилъ?

— Да, это вы меня разбудили, Петръ Степановичъ, а
я спалъ четыре года подъ висѣвшей тучей. Могу я, на-
конецъ, удалиться, Петръ Степановичъ?

— Теперь можете, если только сама Варвара Петровна
не найдетъ необходимымъ...

Но та замахала руками.

Капитанъ поклонился, шагнулъ два шага къ дверямъ,
вдругъ остановился, приложилъ руку къ сердцу, хотѣлъ

было что-то сказать, не сказалъ, и быстро побѣжалъ вонъ. Но въ дверяхъ какъ разъ столкнулся съ Николаемъ Все-володовичемъ; тотъ посторонился; капитанъ какъ-то весь вдругъ съежился предъ нимъ и такъ и замеръ на мѣстѣ, не отрывая отъ него глазъ, какъ кроликъ отъ удава. Подождавъ немного, Николай Все-володовичъ слегка от-странилъ его рукой и вошелъ въ гостиную.

VII.

Онъ былъ веселъ и спокоенъ. Можетъ, что-нибудь съ нимъ случилось сейчасъ очень хорошее, еще намъ неизвѣстное; но онъ, казалось, былъ даже чѣмъ-то особенно доволенъ.

— Простишь-ли ты меня, Nicolas? не утерпѣла Варвара Петровна, и поспѣшно встала ему навстрѣчу.

Но Nicolas рѣшительно разсмѣялся.

— Такъ и есть! воскликнулъ онъ добродушно и шутливо.—Вижу, что вамъ уже все извѣстно. А я какъ вышелъ отсюда, и задумался въ каретѣ: „по крайней мѣрѣ, надо было хоть анекдотъ разсказать, а то кто же такъ уходитъ?“ Но какъ вспомнилъ, что у васъ остается Петръ Степановичъ, то и забота соскочила.

Говоря, онъ бѣгло осматривался кругомъ.

— Петръ Степановичъ рассказалъ намъ одну древнюю петербургскую исторію изъ жизни одного причудника, восторженно подхватила Варвара Петровна,—одного капризного и сумасшедшаго человѣка, но всегда высокаго въ своихъ чувствахъ, всегда рыцарски-благороднаго...

— Рыцарски? Неужто у васъ до того дошло? смѣялся Nicolas.—Впрочемъ, я очень благодаренъ Петру Степановичу на этотъ разъ за его торопливость (тутъ онъ обмѣнялся съ нимъ мгновеннымъ взглядомъ). Надобно вамъ узнатъ, шатап, что Петръ Степановичъ—всеобщій примиритель; это его роль, болѣзнь, конекъ, и я особенно рекомендую его вамъ съ этой точки. Догадываюсь, о чѣмъ онъ вамъ тутъ настроилъ. Онъ именно строчить, когда разсказывается; въ головѣ у него канцелярія. Замѣтьте, что, въ качествѣ реалиста, онъ не можетъ солгать, и что истина ему дороже успѣха... разумѣется, кроме тѣхъ особыхъ случаевъ, когда успѣхъ дороже истины. (Говоря это, онъ все осматривался).—Такимъ образомъ, вы видите ясно, шатап, что не вамъ у меня прощенія просить, и что если есть тутъ гдѣ-нибудь сумасшествіе, то, ко-

нечно, прежде всего съ моей стороны, и, значитъ, въ концѣ концовъ, я все-таки помѣшанный,—надо же поддержать свою здѣшнюю репутацію.

Тутъ опять пѣжно обнілъ мать.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло это теперь кончено и разсказано, а, стало-быть, можно и перестать о немъ, прибавилъ онъ, и какая-то сухая, твердая нотка прозвучала въ его голосѣ.

Варвара Петровна поняла эту нотку; но экзальтація ея не проходила, даже напротивъ.

— Я никакъ не ждала тебя раныше, какъ черезъ мѣсяцъ, Nicolas!

— Я, разумѣется, вамъ все объясню, maman, а теперь... И онъ направился къ Прасковѣ Ивановиѣ.

Но та едва повернула къ нему голову, несмотря на то, что съ полчаса назадъ была ошеломлена при первомъ его появлениіи. Теперь же у ней были новые хлопоты: съ самаго того мгновенія, какъ вышелъ капитанъ и столь-нулся въ дверяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ, Лиза вдругъ принялась смеяться,—сначала тихо, порывисто, но смѣхъ разрастался все болѣе и болѣе, громче и явственнѣе. Она раскраснѣлась. Контрастъ съ ея недавнимъ мрачнымъ видомъ былъ чрезвычайный. Пока Николай Всеволодовичъ разговаривалъ съ Варварой Петровной, она раза два поманила къ себѣ Маврикія Николаевича, будто желая ему что-то шепнуть; но лишь только тотъ наклонялся къ ней, мигомъ заливалась смѣхомъ; можно было заключить, что она именно надѣялась Маврикіемъ Николаевичемъ и смеется. Она, впрочемъ, видимо старалась скрѣпиться и прикладывала платокъ къ губамъ. Николай Всеволодовичъ съ самымъ невиннымъ и простодушнымъ видомъ обратился къ ней съ привѣтствиемъ.

— Вы, пожалуйста, извините меня, отвѣтила она скриворогоркой.—Вы... вы, конечно, видѣли Маврикія Николаевича... Боже, какъ вы непозволительно высоки ростомъ, Маврикій Николаевичъ!

И опять смѣхъ. Маврикій Николаевичъ былъ роста высокаго, но вовсе не такъ ужъ непозволительно.

— Вы... давно прїѣхали? пробормотала она, опять сдерживаясь, даже конфузясь, но со сверкающими глазами.

— Часа два слишкомъ, отвѣтилъ Nicolas, пристально къ ней присматриваясь. Замѣчу, что онъ былъ необыкно-

венно сдержанъ и вѣжливъ, но, откинувъ вѣжливость, имѣлъ совершенно равнодушный видъ, даже вялый.

— А гдѣ будете жить?

— Здѣсь.

Варвара Петровна тоже слѣдила за Лизой, но ее вдругъ поразила одна мысль.

— Гдѣ же ты былъ, Nicolas, до сихъ поръ всѣ эти два часа слишкомъ? подошла она.—Поѣздъ приходитъ въ десять часовъ.

— Я сначала завезъ Петра Степановича къ Кириллову. А Петра Степановича я встрѣтилъ въ Матвѣевѣ (за три станціи), въ одномъ вагонѣ и доѣхали.

— Я съ разсвѣта въ Матвѣевѣ ждалъ, подхватилъ Петра Степановичъ, — у насъ заднѣ вагоны соскочили ночью съ рельсовъ, чуть ногъ не поломали.

— Ноги сломали! вскричала Лиза.—Мама, мама, а мы съ вами хотѣли ѿхать на прошлой недѣлѣ въ Матвѣево, вотъ бы тоже ноги сломали!

— Господи помилуй! перекрестилась Прасковья Ивановна.

— Мама, мама, милая мама, вы не пугайтесь, если я въ самомъ дѣлѣ обѣ ноги сломаю; со мной это такъ можетъ случиться, сами же говорите, что я каждый день скачу верхомъ сломя голову. Маврикій Николаевичъ, будете меня водить хромую? захототала она опять.—Если это случится, я никому не дамъ себя водить, кромѣ васъ, смѣло разсчитывайте. Ну, положимъ, что я только одну ногу сломаю... Ну, будьте же любезны, скажите, что почтете за счастье.

— Что ужъ за счастье съ одной ногой? серьезно нахмурился Маврикій Николаевичъ.

— Зато вы будете водить, одинъ вы, никому больше!

— Вы и тогда меня водить будете, Лизавета Николаевна, еще серьезнѣе проворчалъ Маврикій Николаевичъ.

— Боже, да вѣдь онъ хотѣлъ сказать каламбуръ! почти въ ужасъ воскликнула Лиза.—Маврикій Николаевичъ, не смѣйте никогда пускаться на этотъ путь! Но только до какой же степени вы эгоистъ! Я убѣждена, къ чести вашей, что вы сами на себя теперь клевещете; напротивъ: вы съ утра до ночи будете меня тогда увѣрять, что я стала безъ ноги интереснѣе! Одно непоправимо—вы безмѣрно высоки ростомъ, а безъ ноги я стану премаленькая: какъ же вы меня поведете подъ руку, мы будемъ не пара!

И она болѣзненно разсмѣялась. Остроты и намеки были плоски, но ей, очевидно, было не до славы.

— Истерика! шепнулъ мнѣ Петръ Степановичъ, — поскорѣе бы воды стаканъ.

Онъ угадалъ; черезъ минуту всѣ суетились, принесли воды. Лиза обнимала свою мама, горячо цѣловала ее, пла-кала на ея плечѣ, и тутъ же, опять откинувшись и за-сматривая ей въ лицо, принималась хохотать. Захныкала, наконецъ, и мама. Варвара Петровна увела ихъ обѣихъ поскорѣе къ себѣ, въ ту самую дверь, изъ которой вышла къ намъ давеча Дарья Павловна. Но пробыли онѣ тамъ недолго, минуты четыре—не болѣе...

Я стараюсь припомнить теперь каждую черту этихъ послѣднихъ мгновеній этого достопамятнаго утра. Помню, что когда мы остались одни, безъ дамъ (кромѣ одной Дарьи Павловны, не тронувшейся съ мѣста), Николай Всеволодовичъ обошелъ насъ и перездоровался съ каж-дымъ, кромѣ Шатова, продолжавшаго сидѣть въ своемъ углу, и еще больше чѣмъ давеча наклонившагося въ землю. Степанъ Трофимовичъ началъ было съ Николаемъ Всево-лодовичемъ о чемъ-то чрезвычайно остроумномъ, но тотъ поспѣшно направился къ Дарье Павловнѣ. Но на дорогѣ почти силой перехватилъ его Петръ Степановичъ и ута-шилъ къ окну, гдѣ и началъ о чемъ-то быстро шептать ему, повидимому, обѣ очень важномъ, судя по выраженію лица и по жестамъ, сопровождавшимъ шопотъ. Николай же Всеволодовичъ слушалъ очень лѣниво и разсѣянно, съ своей официальную усмѣшкой, а подъ конецъ даже не-терпѣливо, и все какъ бы порывался уйти. Онъ ушелъ отъ окна именно когда воротились наши дамы. Лизу Вар-вара Петровна усадила на прежнее мѣсто, увѣряя, что имъ минутъ хоть десять надо непремѣнно повременить и отдохнуть, и что свѣжий воздухъ врядъ-ли будетъ сей-часъ полезенъ на болѣвые нервы. Очень ужъ она ухажи-вала за Лизой и сама сѣла съ ней рядомъ. Къ нимъ не-медленно подскочилъ освободившійся Петръ Степановичъ и началъ быстрый и веселый разговоръ. Вотъ тутъ-то Ни-колай Всеволодовичъ и подошелъ, наконецъ, къ Дарье Павловнѣ неспѣшной походкой своей; Даша такъ и зако-льхалась на мѣстѣ при его приближеніи и быстро при-вскочила въ видимомъ смущеніи и съ румянцемъ во все лицо.

— Васъ, кажется, можно поздравить... или еще нѣть?

проговорил онъ съ какою - то особеною складкою въ лицѣ.

Даша что-то ему отвѣтила, но трудно было разслышать.

— Простите за нескромность, возвысилъ онъ голосъ, — но вѣдь вы знаете, я былъ нарочно извѣщенъ. Знаете вы обѣ этомъ?

— Да, я знаю, что вы были нарочно извѣщены.

— Надѣюсь, однако, что я не помѣшалъ ничему моимъ поздравленіемъ, засмѣялся онъ, — и если Степанъ Трофимовичъ...

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ поздравить? подскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, — съ чѣмъ васъ поздравить, Дарья Павловна? Ба! Да ужъ не съ тѣмъ-ли самымъ? Краска ваша свидѣтельствуетъ, что я угадалъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ же и поздравлять нашихъ прекрасныхъ и благонравныхъ дѣвицъ и отъ какихъ поздравленій онѣ всего больше краснѣютъ? Ну-съ, примите и отъ меня, если я угадалъ, и заплатите пари: помните, въ Швейцаріи бились обѣ закладъ, что никогда не выйдете замужъ... Ахъ, да, по поводу Швейцаріи — что-жъ это я? Представьте, наполовину затѣмъ и Ѳхаль, а чуть не забыть: скажи ты мнѣ, быстро повернулся онъ къ Степану Трофимовичу, — ты-то когда же въ Швейцарію?

— Я... въ Швейцарію? удивился и смущился Степанъ Трофимовичъ.

— Какъ? Развѣ не Ѳдешь? Да вѣдь ты тоже женишься... ты писаль!

— Pierre! воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Да что Pierre... Видишь, если тебѣ это пріятно, то я летѣлъ заявить тебѣ, что я вовсе не противъ, какъ ты непремѣнно желалъ моего мнѣнія, какъ можно скрѣй: если же (сыпалъ онъ) тебя падо „спасать“, какъ ты тутъ же пишешь и умоляешь, въ томъ же самомъ письмѣ, то опять-таки я къ твоимъ услугамъ. Правда, что онъ женился, Варвара Петровна? быстро повернулся онъ къ ней. — Надѣюсь, что я не нескромничаю; самъ же пишетъ, что весь городъ знаетъ и всѣ поздравляютъ, такъ что онъ, чтобъ избѣжать, выходитъ лишь по ночамъ. Письмо у меня въ карманѣ. Но, повѣрите-ли, Варвара Петровна, что я ничего въ немъ не понимаю! Ты мнѣ только одно скажи, Степанъ Трофимовичъ, поздравлять тебя надо или „спасать“? Вы не повѣрите, рядомъ съ самыми счастливыми строками у него самая отчаяннѣйшія. Во-первыхъ,

просить у меня прощенья; ну, положимъ, это въ ихъ нравахъ... А, впрочемъ, нельзя не сказать: вообразите, человѣкъ въ жизни видѣлъ меня два раза, да и то нечаянно, и вдругъ теперь, вступая въ третій бракъ, воображаетъ, что нарушаетъ этимъ ко мнѣ какія-то родительскія обязанности, умоляетъ меня за тысячу верстъ, чтобы я не сердился и разрѣшилъ ему! Ты, пожалуйста, не обижайся, Степанъ Трофимовичъ, черта времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положимъ, тебѣ дѣлаеть честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное въ томъ, что главнаго-то не понимаю. Тутъ что-то о какихъ-то „грѣхахъ въ Швейцаріи“. Женюсь, дескать, по грѣхамъ или изъ-за чужихъ грѣховъ, или какъ у него тамъ,—однимъ словомъ, „грѣхи“. „Дѣвушка, говоритъ, перль и алмазъ“, ну, и, разумѣется, „онъ недостоинъ“ — ихъ слогъ; но изъ-за какихъ-то тамъ грѣховъ или обстоятельствъ „приужденъ иди къ вѣнцу и щатъ въ Швейцарію“, а потому „бросай и лети спасать“. Понимаете-ли вы что-нибудь послѣ этого? А, впрочемъ... а, впрочемъ, я по выражению лицъ замѣчаю (повертывался онъ съ письмомъ въ рукахъ, съ невинною улыбкой всматриваясь въ лица), что, по моему обыкновенію, я, кажется, въ чемъ-то даль маху... по глупой моей откровенности, или, какъ Николай Всеволодовичъ говоритъ, торопливости. Я вѣдь думалъ, что мы тутъ свои, то-есть твои свои, Степанъ Трофимовичъ, твои свои, а я-то въ сущности чужой, и вижу... и вижу, что все что-то знаютъ, а я-то вотъ именно чего-то и не знаю.

Опѣ все протяжалъ осматриваться.

— Степанъ Трофимовичъ такъ и написалъ вамъ, что женится на „чужихъ грѣхахъ, совершенныхъ въ Швейцаріи“, и чтобы вы летѣли „спасать его“, этими самыми выраженіями? подошла вдругъ Варвара Петровна, вся желтая, съ искривившимся лицомъ, со вздрагивающими губами.

— То-есть видите-ли-сь, если тутъ чего-нибудь я не понялъ, какъ бы испугался и еще пуще заторопился Петръ Степановичъ, — то виноватъ, разумѣется, онъ, что такъ пишетъ. Вотъ письмо. Знаете, Варвара Петровна, письма безконечныя и безпрерывныя, а въ послѣдніе два-три мѣсяца, просто письмо за письмомъ, и, признаюсь, я, наконецъ, иногда не дочитывалъ. Ты меня прости, Степанъ Трофимовичъ, за мое глупое признаніе, но вѣдь согласись, пожалуйста, что хоть ты и ко мнѣ адресовалъ, а напи-

салъ вѣдь болѣе для потомства, такъ что тебѣ вѣдь и все равно... Ну, ну, не обижайся: мы-то съ тобой все-таки свои! Но это письмо, Варвара Петровна, это письмо я дочиталъ. Эти „грѣхи“—съ—эти „чужие грѣхи“—это навѣрно какіе-нибудь наши собственные грѣшки, и обѣ закладъ бьюсь, самые невиннѣйшіе, но изъ-за которыхъ вдругъ намъ вздувалось поднять ужасную исторію съ благороднымъ отъѣнкомъ—именно ради благороднаго отъѣнка и подняли. Тутъ, видите-ли, что-нибудь по счетной части у насъ прихрамываетъ—надо же, наконецъ, сознаться. Мы, знаете, въ карточки очень повадливы... а, впрочемъ, это лишнее, это совсѣмъ уже лишнее, виноватъ, я слишкомъ болтливъ, но ей-Богу, Варвара Петровна, онъ меня напугалъ, и я дѣйствительно приготовился отчасти „спасать“ его. Мнѣ, наконецъ, и самому совсѣмъ. Что я, съ ножомъ къ горлу что-ли лѣзу къ нему? Кредиторъ неумолимый я, что-ли? Онъ что-то пишетъ тутъ о приданомъ... А, впрочемъ, ужъ женившись-ли ты, полно, Степанъ Трофимовичъ? Вѣдь и это становится, вѣдь мы наговоримъ—наговоримъ, а болѣе для слога... Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ увѣренъ, что вы, пожалуй, осуждаете меня теперь, и именно тоже за слогъ—съ...

— Напротивъ, напротивъ, я вижу, что вы выведены изъ терпѣнія, и, ужъ конечно, имѣли на то причины, злобно подхватила Варвара Петровна.

Она съ злобнымъ наслажденіемъ выслушала всѣ „правдивыя“ словоизверженія Петра Степановича, очевидно, игравшаго роль (какую—не зналъ я тогда, но роль была очевидная, даже слишкомъ ужъ грубовато сыгранная).

— Напротивъ, продолжала она,—я вамъ слишкомъ благодарна, что вы заговорили; безъ васъ я бы такъ и не узнала. Въ первый разъ въ двадцать лѣтъ я раскрываю глаза. Николай Всеходовичъ, вы сказали сейчасъ, что и вы были нарочно извѣщены: ужъ не писаль-ли и къ вамъ Степанъ Трофимовичъ въ этомъ же родѣ?

— Я получилъ отъ него невиннѣйшее и... и... очень благородное письмо...

— Вы затрудняетесь, ищете словъ—довольно! Степанъ Трофимовичъ, я ожидаю отъ васъ чрезвычайного одолженія, вдругъ обратилась она къ нему съ засверкающими глазами,—сдѣлайте мнѣ милость, оставьте насть сейчасъ же, а впредъ не переступайте черезъ порогъ моего дома.

Прошу припомнить недавнюю „экзальтацию“, еще и теперь не прошедшую. Правда, и виновать же былъ Сте-

панъ Трофимовичъ! Но вотъ что рѣшительно изумило меня тогда, то, что онъ съ удивительнымъ достоинствомъ выстоялъ и подъ „обличеніями“ Петруши, не думая прерывать ихъ, и подъ „проклятиемъ“ Варвары Петровны. Откудова взялось у него столько духа? Я узналъ только одно, что онъ несомнѣнно и глубоко оскорблень былъ давешнею первою встрѣчей съ Петрушей, именно давешними обѣятіями. Это было глубокое и *настоящее* уже горе, по крайней мѣрѣ, на его глаза, его сердцу. Было у него и другое горе въ ту минуту, а именно язвительное собственное сознаніе въ томъ, что онъ сподличалъ; въ этомъ онъ мнѣ самъ потомъ признавался со всею откровенностью. А вѣдь *настоящее*, несомнѣнное горе даже феноменально легкомысленаго человѣка способно иногда сдѣлать солиднымъ и стойкимъ, ну хоть на малое время; мало того, отъ истиннаго, настоящаго горя даже дураки иногда умнѣли, тоже, разумѣется, на время; это ужъ свойство такое горя. А если такъ, то что же могло произойти съ такимъ человѣкомъ, какъ Степанъ Трофимовичъ? Цѣлый переворотъ,—конечно, тоже на время.

Опѣ съ достоинствомъ поклонился Варварѣ Петровнѣ и не вымолвилъ слова (правда, ему ничего и не оставалось болѣе). Онъ такъ и хотѣлъ было совсѣмъ уже выйти, но не утерпѣлъ и подопѣль къ Дарьѣ Павловнѣ. Та, кажется, это предчувствовала, потому что тотчасъ же сама, вся въ испугѣ, начала говорить, какъ бы спѣша предупредить его.

— Пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, ради Бога, ничего не говорите, начала она горячею скороговоркой, съ болѣзnenнымъ выраженіемъ лица и послѣшно протягивая ему руку.—Будьте увѣрены, что я васъ все такъ же уважаю... и все такъ же цѣню и... думайте обо мнѣ тоже хорошо, Степанъ Трофимовичъ, и я буду очень, очень это цѣнить...

Степанъ Трофимовичъ низко-низко ей поклонился.

— Воля твоя, Дарья Павловна, ты знаешь, что во всемъ этомъ дѣлѣ твой полная воля! Была и есть, и теперь и впредь, вѣско заключила Варвара Петровна.

— Ба! Да и я теперь все понимаю! ударилъ себя по лбу Петръ Степановичъ.—Но... но въ какое же положеніе я былъ поставленъ послѣ этого? Дарья Павловна, пожалуйста, извините меня!.. Что ты надѣлалъ со мною послѣ этого, а? обратился онъ къ отцу.

— Pierre, ты бы могъ со мной выражаться иначе, не

правда-ли, другъ мой? совсѣмъ даже тихо промолвилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Не кричи, пожалуйста, замахалъ Pierre руками,— повѣрь, что все это старые, больные нервы, и кричать ни къ чему не послужить. Скажи ты мнѣ лучше, вѣдь ты могъ бы предположить, что я съ первого шага заговорю: какъ же было не предувѣдомить.

Степанъ Трофимовичъ проницательно посмотрѣлъ на него.

— Pierre, ты, который такъ много знаешь изъ того, что здѣсь происходитъ, неужели ты и вправду обѣ этомъ дѣлъ такъ-таки ничего не зналъ, ничего не слыхалъ!

— Что-о-о! Вотъ люди! Такъ мы мало того, что старыя дѣти, мы еще злые дѣти? Варвара Петровна, вы слышали, что онъ говоритъ?

Поднялся шумъ, но тутъ разразилось вдругъ такое приключеніе, котораго ужъ никто не могъ ожидать.

VIII.

Прежде всего упомяну, что въ послѣднія двѣ-три минуты Лизаветой Николаевной овладѣло какое-то новое движение; она быстро шепталась о чёмъ-то съ мама и съ наклонившимся къ ней Мавриkiemъ Николаевичемъ. Лицо ея было тревожно, но въ то же время выражало рѣшимость. Наконецъ, встала съ мѣста, видимо торопясь уѣхать и торопя мама, которую началъ приподымать съ креселъ Маврикій Николаевичъ. Но видно не суждено имъ было уѣхать, не досмотрѣвъ всего до конца.

Шатовъ, совершенно всѣми забытый въ своемъ углу (неподалеку отъ Лизаветы Николаевны) и, повидимому, самъ не знаяшій, для чего онъ сидѣлъ и не уходилъ, вдругъ поднялся со стула и черезъ всю комнату, неспѣшнымъ, но твердымъ шагомъ направился къ Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему въ лицо. Тотъ еще издали замѣтилъ его приближеніе и чуть-чуть усмѣхнулся; но когда Шатовъ подошелъ къ нему вплоть, то пересталъ усмѣхаться.

Когда Шатовъ молча передъ нимъ остановился, не спуская съ него глазъ, всѣ вдругъ это замѣтили и утихли, позже всѣхъ Петръ Степановичъ; Лиза и мама остановились посреди комнаты. Такъ прошло секундъ пять; выраженіе дерзкаго недоумѣнія смѣнилось въ лицѣ Николая Всеволодовича гибвомъ, онъ нахмурилъ брови и вдругъ...

И вдругъ Шатовъ размахнулся своею длинною, тяжелою

рукою и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Николай Всеволодовичъ сильно качнулся на мѣстѣ.

Шатовъ и ударилъ-то по особенному, вовсе не такъ, какъ обыкновенно принято давать пощечины (если только можно такъ выразиться), не ладонью, а всѣмъ кулакомъ, а кулакъ у него былъ большой, вѣскій, костлявый, съ рыхимъ пухомъ и съ веснушками. Если бъ ударъ пришелся по носу, то раздробилъ бы носъ. Но пришелся онъ по щекѣ, задѣвъ лѣвый край губы и верхнихъ зубовъ, изъ которыхъ тотчасъ же потекла кровь.

Кажется, раздался мгновенный крикъ, можетъ-быть, вскрикнула Варвара Петровна—этого не припомню, потому что все тотчасъ же опять какъ бы замерло. Впрочемъ, вся сцена продолжалась не болѣе какихъ-нибудь десяти секундъ.

Тѣмъ не менѣе, въ эти десять секундъ произошло ужасно много.

Напомню опять читателю, что Николай Всеволодовичъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыхъ страха не вѣдаютъ. На дуэли онъ могъ стоять подъ выстрѣломъ противника хладнокровно, самъ цѣлить и убивать до звѣрства спокойно. Если бы кто ударилъ его по щекѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ бы и на дуэль не вызвалъ, а тутъ же, тотчасъ же убилъ бы обидчика: онъ именно былъ изъ такихъ, и убилъ бы съ полнымъ сознаніемъ, а вовсе не вѣдь себя. Мнѣ кажется даже, что онъ никогда и не зналъ тѣхъ ослѣпляющихъ порывовъ гнѣва, при которыхъ уже нельзя разсуждать. При безконечной злобѣ, овладѣвавшей имъ иногда, онъ все-таки всегда могъ сохранить полную власть надъ собой, а, стало-быть, и понимать, что за убийство не на дуэли его непремѣнно сошлютъ въ каторгу; тѣмъ не менѣе, онъ все-таки убилъ бы обидчика, и безъ малѣйшаго колебанія.

Николая Всеволодовича я изучалъ все послѣднее время и, по особымъ обстоятельствамъ, знаю о немъ теперь, когда пишу это, очень много фактовъ. Я, пожалуй, сравнилъ бы его съ иными прошедшими господами, о которыхъ уѣлѣли теперь въ нашемъ обществѣ нѣкоторые легендарные воспоминанія. Разсказывали, напримѣръ, про декабриста Л—на, что онъ всю жизнь нарочно искалъ опасности, уивался ощущеніемъ ея, обратилъ его въ потребность своей природы; въ молодости выходилъ на дуэль ни за что; въ Сибири, съ однимъ ножомъ ходилъ на мед-

вѣдя, любилъ встречаться въ сибирскихъ лѣсахъ съ бѣглыми каторжниками, которые, замѣчу мимоходомъ, страшнѣе медвѣдя. Сомнѣнія нѣть, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже, можетъ-быть, въ сильной степени, чувство страха,—иначе были бы гораздо спокойнѣе, и опущеніе опасности не обратили бы въ потребность своей природы. Но побѣждать въ себѣ трусость—вотъ что, разумѣется, ихъ прельщало. Безпрерывное упоеніе побѣдой и сознаніе, что нѣть надъ тобой побѣдителя—вотъ что ихъ увлекало. Этотъ Л—нъ еще прежде ссылки нѣкоторое время боролся съ голодомъ и тяжкимъ трудомъ добывалъ себѣ хлѣбъ, единственно изъ-за того, что ни за что не хотѣлъ подчиниться требованиямъ своего богатаго отца, который находилъ несправедливыми. Стало-быть, многосторонне понималъ борьбу; не съ медвѣдями только и не на однѣхъ дуэляхъ цѣнилъ въ себѣ стойкость и силу характера.

Но все-таки съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и нервная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и воине не допускаетъ теперь потребности тѣхъ непосредственныхъ и цѣльныхъ опущеній, которыхъ такъ искали тогда иные, беспокойные въ своей дѣятельности, господа доброго старого времени. Николай Всеизолдовичъ, можетъ-быть, отнесся бы къ Л—ну свысока, даже назвалъ бы его вѣчно храбрѣющимся трусомъ, пѣтушкомъ,—правда, не сталъ бы высказываться вслухъ. Онъ бы и на дуэли застрѣлилъ противника, и на медвѣдя сходилъ бы, если бы только надо было, и отъ разбойника отбилъ бы въ лѣсу—такъ же успѣшно и такъ же безстрашно, какъ и Л—нъ, но зато ужъ безо всякаго опущенія наслажденія, а единствено по непрѣятной необходимости, вяло, лѣниво, даже со скучой. Въ злобѣ, разумѣется, выходилъ прогрессъ противъ Л—на, даже противъ Лермонтова. Злобы въ Николаѣ Всеизолдовичѣ было, можетъ-быть, больше чѣмъ въ тѣхъ обоихъ вмѣстѣ, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно такъ выразиться,—разумная, стало-быть, самая отвратительная и самая страшная, какая можетъ быть. Еще разъ повторяю: я и тогда считалъ его и теперь считаю (когда уже все кончено) именно такимъ человѣкомъ, который, если бы получилъ ударъ въ лицо или подобную равносильную обиду, то немедленно убилъ бы своего противника, тотчасъ же, тутъ же на мѣстѣ и безъ вызова на дуэль.

И однажде въ настоящемъ случаѣ произошло нечто иное и чудное.

Едва только онъ выпрямился послѣ того, какъ такъ по зорно качнулся на-бокъ, чуть не на цѣлую половину роста, отъ полученной пощечины, и не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ бы мокрый какой-то звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ же онъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи; но тотчасъ же, въ тотъ же почти мигъ, отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной. Онъ молчалъ, смотрѣлъ на Шатова и блѣдиѣлъ какъ рубашка. Но странно, взоръ его какъ бы погасалъ. Черезъ десять секундъ, глаза его смотрѣли холодно и — я убѣжденъ, что не лгу — спокойно. Только блѣденъ онъ былъ ужасно. Разумѣется, я не знаю, что было внутри человѣка, я видѣлъ снаружи. мнѣ кажется, если бы былъ такой человѣкъ, который схватилъ бы, напримѣръ, раскаленную до-красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ, съ цѣлью измѣрить свою твердость, и затѣмъ, въ продолженіе десяти секундъ, побѣждалъ бы нестерпимую боль и кончилъ тѣмъ, что ее побѣдилъ, то человѣкъ этотъ, кажется мнѣ, вынесъ бы нечто похожее на то, что испыталъ теперь, въ эти десять секундъ, Николай Все володовичъ.

Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ, и видимо потому, что принужденъ былъ опустить. Затѣмъ медленно повернулся и пошелъ изъ комнаты, но все ужъ не тою походкой, которою подходилъ давеча. Онъ уходилъ тихо, какъ-то особенно неуклюже приподнявъ сзади плечи, понуривъ голову и какъ бы разсуждая о чемъ-то самъ съ собой. Кажется, онъ что-то шепталъ. До двери дошелъ осторожно, ни за что не зацѣпивъ и ничего не опрокинувъ, дверь же пріотворилъ на маленькую щелочку, такъ что пролѣзъ въ отверстіе почти бокомъ. Когда пролѣзъ, то вихоръ его волосъ, стоявшій торчкомъ на затылкѣ, былъ особенно замѣтенъ.

Затѣмъ, прежде всѣхъ криковъ, раздался одинъ страшный крикъ. Я видѣлъ, какъ Лизавета Николаевна схватила было свою мама за плечо, а Маврикія Николаевича за руку и раза два-три рванула ихъ за собой, увлекая изъ комнаты, но вдругъ вскрикнула и со всего росту упала на полъ въ обморокъ. До сихъ поръ я какъ будто еще слышу, какъ стукнулась она о коверъ затылкомъ.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ночь.

I.

Прошло восемь дней. Теперь, когда уже все прошло, и я пишу хронику, мы уже знаемъ, въ чемъ дѣло; но тогда мы еще ничего не знали, и естественно, что намъ представлялись странными разныя вещи. По крайней мѣрѣ, мы со Степаномъ Трофимовичемъ въ первое время заперлись и съ испугомъ наблюдали издали. Я-то кой-куда еще выходилъ и попрежнему приносилъ ему разныя вѣсти, безъ чего онъ и пробыть не могъ.

Нечего и говорить, что по городу пошли самые разнообразные слухи, то-есть насчетъ пощечины, обморока Лизаветы Николаевны и прочаго случившагося въ то воскресенье. Но удивительно намъ было то: черезъ кого это все могло такъ скоро и точно выйти наружу? Ни одно изъ присутствовавшихъ тогда лицъ не имѣло бы, кажется, ни нужды, ни выгоды нарушить секретъ происшествія. Прислуги тогда не было; одинъ Лебядкинъ могъ бы что-нибудь разболтать, не столько по злобѣ, потому что вышелъ тогда въ крайнемъ испугѣ (а страхъ къ врагу уничтожаетъ и злобу къ нему), а единственno по невоздержности. Но Лебядкинъ, вмѣстѣ съ сестрицей, на другой же день пропалъ безъ вѣсти: въ домѣ Филиппова его не оказалось, онъ перебѣхалъ неизвѣстно куда и точно сгинулъ. Шатовъ, у которого я хотѣлъ было спрятаться о Марѣ Тимофеевнѣ, заперся и, кажется, всѣ эти восемь дней просидѣлъ у себя на квартирѣ, даже прервавъ свои

занятія въ городѣ. Меня онъ не принялъ. Я было зашелъ къ нему во вторникъ и стукнулъ въ дверь. Отвѣта не получилъ, но увѣренный, по несомнѣннымъ даннымъ, что онъ дома, постучался въ другой разъ. Тогда онъ, соскочивъ, повидимому, съ постели, подошелъ крупными шагами къ дверямъ и крикнулъ мнѣ во весь голосъ: „Шатова дома нѣтъ“. Я съ тѣмъ и ушелъ.

Мы со Степаномъ Трофимовичемъ, не безъ страха за смѣлость предположенія, но обоюдно ободряя другъ друга, остановились, наконецъ, на одной мысли: мы рѣшили, что виновникомъ разошедшихся слуховъ могъ быть одинъ только Петръ Степановичъ, хотя самъ онъ, нѣкоторое время спустя, въ разговорѣ съ отцомъ, увѣрялъ, что засталъ уже исторію во всѣхъ устахъ, преимущественно въ клубѣ, и совершенно извѣстною до мельчайшихъ подробностей губернаторшѣ и ея супругу. Вотъ что еще замѣчательно: на второй же день, въ понедѣльникъ ввечеру, я встрѣтилъ Липутина, и онъ уже зналъ все до послѣдняго слова, стало-быть, несомнѣнно узналъ изъ первыхъ.

Многія изъ дамъ (и изъ самыхъ свѣтскихъ) любопытствовали и о „загадочной хромоножкѣ“, такъ называли Марью Тимоѳеевну. Нашлись даже пожелавшія непремѣнно увидать ее лично и познакомиться, такъ что господа, поспѣшившіе припрятать Лебядкиныхъ, очевидно поступили и кстати. Но на первомъ планѣ все-таки стоялъ обморокъ Лизаветы Николаевны, и этимъ интересовался „весь свѣтъ“, уже по тому одному, что дѣло прямо касалось Юліи Михайловны, какъ родственницы Лизаветы Николаевны и ея покровительницы. И чего-чего не болтали! Болтовнѣ способствовала и таинственность обстановки: оба дома были заперты наглухо; Лизавета Николаевна, какъ разсказывали, лежала въ бѣлой горячкѣ; то же утверждали и о Николаѣ Всеволодовичѣ, съ отвратительными подробностями о выбитомъ будто бы зубѣ и о распухшѣй отъ флюса щекѣ его. Говорили даже по уголкамъ, что у насъ, можетъ-быть, будетъ убийство, что Ставрогинъ не таковъ, чтобы снести такую обиду, и убить Шатова, но таинственно, какъ въ корсиканской вендеттѣ. Мысль эта нравилась; но большинство нашей свѣтской молодежи выслушивало все это съ презрѣніемъ и съ видомъ самаго пренебрежительного равнодушія, разумѣется, напускнаго. Вообще, древняя враждебность нашего общества къ Николаю Всеволодовичу обозначилась ярко. Даже

солидные люди стремились обвинить его, хотя и сами не знали въ чемъ. Шопотомъ рассказывали, что будто бы онъ погубилъ честь Лизаветы Николаевны и что между ними была интрига въ Швейцаріи. Конечно, осторожные люди сдерживались, но всѣ, однакоже, слушали съ аппетитомъ. Были и другие разговоры, но не общіе, а частные, рѣдкіе и почти закрытые, чрезвычайно странные и о существованіи которыхъ я упоминаю лишь для предупрежденія читателей, единственно въ виду дальнѣйшихъ событий моего рассказа. Именно: говорили иные, хмуря брови и Богъ знаетъ на какомъ основаніи, что Николай Всеvolодовичъ имѣть какое-то особенное дѣло въ нашей губерніи, что онъ черезъ графа К. вошелъ въ Петербургъ въ какія-то высшія отношенія, что онъ даже, можетъ-быть, служить и чуть-ли не снабженъ отъ кого-то какими-то порученіями. Когда очень ужъ солидные и сдержаные люди на этотъ слухъ улыбались, благоразумно замѣчая, что человѣкъ, живущій скандалами и начинающій у насъ съ флюса, не похожъ на чиновника, то имъ шопотомъ замѣчали, что служить онъ не то чтобы офиціально, а, такъ сказать, конфиденціально, и что въ такомъ случаѣ самою службой требуется, чтобы служащій какъ можно менѣе походилъ на чиновника. Такое замѣчаніе производило эффектъ; у насъ извѣстно было, что на земство нашей губерніи смотрять въ столицѣ съ нѣкоторымъ особымъ вниманіемъ. Повторяю, эти слухи только мелькнули и исчезли безслѣдно, до времени, при первомъ появлениі Николая Всеvolодовича; но замѣчу, что причиной многихъ слуховъ было отчасти нѣсколько краткихъ, но злобныхъ словъ, неясно и отрывисто произнесенныхъ въ клубѣ, недавно возвратившимся изъ Петербурга отставнымъ капитаномъ гвардіи, Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, весьма крупнымъ помѣщикомъ нашей губерніи и уѣзда, столичнымъ свѣтскимъ человѣкомъ и сыномъ покойнаго Павла Павловича Гаганова, того самаго почтеннаго старшины, съ которымъ Николай Всеvolодовичъ имѣлъ, четыре слишкомъ года тому назадъ, то необычайное по своей грубости и внезапности столкновеніе, о которомъ я уже упоминалъ прежде, въ началѣ моего рассказа.

Всѣмъ тотчасъ же стало извѣстно, что Юлія Михайловна сдѣлала Варварѣ Петровнѣ чрезвычайный визитъ и что у крыльца дома ей объявили, что „по нездоровью не могутъ принять“. Также и то, что днія черезъ два послѣ

своего визита, Юлія Михайловна посыпала узнать о здоровьи Варвары Петровны нарочного. Наконецъ, привялась вездѣ „защищать“ Варвару Петровну, конечно, лишь въ самомъ высшемъ смыслѣ, то-есть по возможности въ самомъ неопределенному. Всѣ же первоначальные торопливые намеки о воскресной исторіи выслушала строго и холодно, такъ что въ послѣдующіе дни, въ ея присутствіи, они уже не возобновлялись. Такимъ образомъ и укрѣпилась вездѣ мысль, что Юліи Михайловнѣ известна не только вся эта таинственная исторія, но и весь ея таинственный смыслъ до мельчайшихъ подробностей, и не какъ посторонней, а какъ соучастницѣ. Замѣчу кстати, что она начала уже пріобрѣтать у насъ помаленьку то высшее вліяніе, котораго такъ несомнѣнно добивалась и жаждала, и уже начипала видѣть себя „окруженною“. Часть общества признала за нею практическій умъ и тактъ... по обѣ этомъ послѣ. Ея же покровительствомъ объяснялись отчасти и весьма быстрые успѣхи Петра Степановича въ нашемъ обществѣ, — успѣхи, особенно поразившіе тогда Степана Трофимовича.

Мы съ пимъ, можетъ-быть, и преувеличивали. Во-первыхъ, Петръ Степановичъ перезнакомился почти мгновенно со всѣмъ городомъ, въ первые же четыре дня послѣ своего появленія. Появился онъ въ воскресенье, а во вторникъ я уже встрѣтилъ его въ коляскѣ съ Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, человѣкомъ гордымъ, раздражительнымъ и заносчивымъ, несмотря на всю его свѣтскость, и съ которымъ, по характеру его, довольно трудно было ужиться. У губернатора Петръ Степановичъ былъ тоже принять прекрасно, до того, что тотчасъ же стала въ положеніе близкаго или, такъ сказать, обласканаго молодого человѣка; обѣдалъ у Юліи Михайловны почти ежедневно. Познакомился онъ съ нею еще въ Швейцаріи, но въ быстромъ успѣхѣ его въ домѣ его превосходительства дѣйствительно заключалось нѣчто любопытное. Всетаки онъ слылъ же когда-то заграничнымъ революционеромъ, правда-ли, нѣтъ-ли, участвовалъ въ какихъ-то заграничныхъ изданіяхъ и конгрессахъ, „что можно даже изъ газетъ доказать“, какъ злобно выразился мнѣ при встрѣчѣ Алеша Телятниковъ, теперь, увы! отставной чиновничекъ, а прежде тоже обласканный молодой человѣкъ въ домѣ стараго губернатора. Но тутъ стоялъ, однакоже, фактъ: бывшій революционеръ явился въ любезномъ

отечествѣ не только безъ всяаго беспокойства, но чутъли не съ поощреніями; стало-быть, ничего, можетъ, и не было. Липутинъ шепнулъ мнѣ разъ, что, по слухамъ, Пётръ Степановичъ будто бы гдѣ-то принесъ покаяніе и получилъ отпущеніе, назвавъ нѣсколько прочихъ именъ, и, такимъ образомъ, можетъ, и успѣлъ уже заслужить вину, обѣща и впредь быть полезнымъ отечеству. Я передалъ эту ядовитую фразу Степану Трофимовичу, и тотъ, несмотря на то, что былъ не въ состояніи соображать, сильно задумался. Впослѣдствіи обнаружилось, что Пётръ Степановичъ пріѣхалъ къ намъ съ чрезвычайно почтенными рекомендательными письмами, по крайней мѣрѣ, привезъ одно къ губернаторшѣ отъ одной чрезвычайно важной петербургской старушки, мужъ которой былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ петербургскихъ старииковъ. Эта старушка, крестная мать Юліи Михайловны, упоминала въ письмѣ своемъ, что и графъ К. хорошо знаетъ Петра Степановича, черезъ Николая Всеволодовича, обласкалъ его и находитъ „достойнымъ молодымъ человѣкомъ, несмотря на бывшія заблужденія“. Юлія Михайловна до крайности дѣнила свои скучные и съ такимъ трудомъ поддерживаемыя связи съ „высшимъ міромъ“, и, ужъ, конечно, была рада письму важной старушки; но все-таки оставалось тутъ нѣчто какъ бы и особенное. Даже супруга своего поставила къ Петру Степановичу въ отношенія почти фамильярныя, такъ что г. фонъ-Лембке жаловался... но объ этомъ тоже послѣ. Замѣчу тоже для памяти, что и великий писатель весьма благосклонно отнесся къ Петру Степановичу, и тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Такая поспѣшность такого надутаго собою человѣка колынула Степана Трофимовича болѣе всего; но я объяснилъ себѣ иначе: зазывая къ себѣ пигилиста, господинъ Кармазиновъ, ужъ, конечно, имѣлъ въ виду сношенія его съ прогрессивными юношами обѣихъ столицъ. Великий писатель болѣзнетъ трепеталъ предъ новѣйшею революціонною молодежью, и, воображая, по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской будущности, унизительно къ нимъ подлизывался, главное, потому, что они не обращали на него никакого вниманія.

II.

Пётръ Степановичъ забѣжалъ раза два и къ родителю, и, къ несчастію моему, оба раза въ мое отсутствіе.

Въ первый разъ посѣтилъ его въ среду, то-есть на четвертый лишь день послѣ той первой встрѣчи, да и то по дѣлу. Кстати, расчетъ по имѣнію окончился у нихъ какъ-то неслышно и невидно. Варвара Петровна взяла все на себя и все выплатила, разумѣется, пріобрѣтъ землицу, а Степана Трофимовича только увѣдомила о томъ, что все кончено, и уполномоченный Варвары Петровны, камердинеръ ея Алексѣй Егоровичъ, поднесъ ему что-то подписать, что онъ и исполнилъ молча и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Замѣчу по поводу достоинства, что я почти не узнавалъ нашего прежпяго старишка въ эти дни. Онъ держалъ себя какъ никогда прежде, сталъ удивительно молчаливъ, даже не написалъ ни одного письма Варварѣ Петровнѣ съ самаго воскресенья, что я счелъ бы чудомъ, а, главное, сталъ спокоеиъ. Онъ укрѣпился на какой-то окончательной и чрезвычайной идеѣ, придававшой ему спокойствіе, это было видно. Онъ нашелъ эту идею, сидѣть и чего-то ждалъ. Сначала, впрочемъ, былъ боленъ, особенно въ понедѣльникъ; была холериба. Тоже и безъ вѣстей пробыть не могъ все время; но лишь только я, оставляя факты, переходилъ къ сути дѣла и высказывалъ какія-нибудь предположенія, то онъ тотчасъ же начиналъ махать на меня руками, чтобы я пересталъ. Но оба свиданія съ сыномъ все-таки болѣзненно на него подействовали, хотя и не поколебали. Въ оба эти дни, послѣ свиданій, онъ лежалъ на диванѣ, обмотавъ голову платкомъ, намоченнымъ въ уксусѣ; но въ высшемъ смыслѣ продолжалъ оставаться спокойнымъ.

Иногда, впрочемъ, онъ и не махалъ на меня руками. Иногда тоже казалось мнѣ, что принятая таинственная рѣшимость какъ бы оставляла его, и что онъ начиналъ бороться съ какимъ-то новымъ соблазнительнымъ наплывомъ идей. Это было мгновеніями, но я отмѣчаю ихъ. Я подозрѣвалъ, что ему очень бы хотѣлось опять заявить себя, выйти изъ уединенія, предложить борьбу, задать послѣднюю битву.

— Cher, я бы ихъ разгромилъ! вырвалось у него въ четвергъ вечеромъ, послѣ второго свиданія съ Петромъ Степановичемъ, когда онъ лежалъ, протянувшись на диванѣ, съ головой, обвернутой полотенцемъ.

До этой минуты онъ во весь день еще ни слова не сказалъ со мной.

— „Fils, fils chéri“ и такъ далѣе, я согласенъ, что всѣ

эти выражения вздоръ, кухарочный словарь, да и пусть ихъ, я самъ теперь вижу. Я его не кормилъ и не поилъ, я отослалъ его изъ Берлина въ —скую губернію, грудного ребенка, по почтѣ, ну, и такъ далѣе, я согласенъ... „Ты, говоритъ, меня не поилъ и по почтѣ выслалъ, да еще здѣсь ограбилъ“. Но, несчастный, кричу ему, вѣдь болѣль же я за тебя сердцемъ всю мою жизнь, хотя и по почтѣ! Il rit. Но, я согласенъ, согласенъ... пусть по почтѣ, закончилъ онъ какъ въ бреду.

— Passons, началъ онъ опять черезъ пять минутъ.— Я не понимаю Тургенева. У него Базаровъ это какое-то фиктивное лицо, несуществующее вовсе, они же первые и отвергли его тогда, какъ ни на что не похожее. Этотъ Базаровъ это какая-то неясная смѣсь Ноздрева съ Байрономъ, *c'est le mot!* Посмотрите на нихъ внимательно: они кувыркаются и визжать отъ радости, какъ щенки на солнцѣ, они счастливы, они побѣдители! Какой тутъ Байронъ!.. И притомъ какія будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбія, какая пошленская жаждишка faire du bruit autour de son nom, не замѣчая, что son nom... О, карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя, такого какъ есть, людямъ взамѣнъ Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop. У него какая-то странная улыбка. У его матери не было такой улыбки. Il rit toujours.

Опять наступило молчаніе.

— Опи хитры; въ воскресенье они сговорились... брякнуль онъ вдругъ.

— О, безъ сомнѣнія, вскричалъ я, навостривъ уши,— все это стачка и сшито бѣлыми нитками, и такъ дурно разыграно.

— Я не про то. Знаете-ли, что все это было нарочно сшито бѣлыми нитками, чтобы замѣтили тѣ... кому надо. Понимаете это?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Tant mieux. Passons. Я очень раздраженъ сегодня.

— Да затѣмъ же вы съ нимъ спорили, Степанъ Трофимовичъ? проговорилъ я укоризненно.

— Je voulais convertir. Конечно смѣйтесь. Cette pauvre тётя, elle entendra de belles choses! О, другъ мой, повѣрите-ли, что я давеча ощущалъ себя патріотомъ! Виро-чемъ, я всегда сознавалъ себя русскимъ... да настоящій

русскій и не можетъ быть иначе, какъ мы съ вами. Il y a la dedans quelque chose d'aveugle et de louche.

— Непремѣнно, отвѣтилъ я.

— Другъ мой, настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете-ли вы это? Чтобы сдѣлать правду правдоподобище, нужно непремѣнно подмѣшать къ ней лжи. Люди всегда такъ и поступали. Можетъ-быть, тутъ есть, чего мы не понимаемъ. Какъ вы думаете, есть тутъ чего мы не понимаемъ въ этомъ побѣдоносномъ визгѣ? Я бы желалъ, чтобы было. Я бы желалъ.

Я промолчалъ. Онъ тоже очень долго молчалъ.

— Говорятъ, французскій умъ... залепеталъ онъ вдругъ точно въ жару.—Это ложь, это всегда такъ и было. Зачѣмъ клеветать на французскій умъ? Тутъ просто русская лѣнь, наше унизительное безсиліе произвести идею, наше отвратительное паразитство въ ряду народовъ. Ils sont tout simplement des paresseux, а не французскій умъ. О, русскіе должны бы быть истреблены для блага человѣчества, какъ вредные паразиты! Мы вовсе, вовсе не къ тому стремились; я ничего не понимаю. Я пересталъ понимать! Да понимаешь-ли, кричу ему, понимаешь-ли, что если у васъ гильотина на первомъ планѣ, и съ такимъ восторгомъ, то это единственно потому, что рубить головы всего легче, а имѣть идею всего труднѣе! Vous êtes des paresseux! Votre drapeau est une guenille, une impuissance. Эти телѣги, или какъ тамъ: „стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ человѣчеству“, полезнѣе Сикстинской Мадонны, или какъ у нихъ тамъ... une bêtise dans ce genre. Но, понимаешь-ли, кричу ему, понимаешь-ли ты, что человѣку, кромѣ счастья, такъ же точно и совершенно во столько же необходимо и несчастіе! Il rit. Ты, говоритъ, здѣсь боямо отпускаешь „нѣжа свои члены (онъ пакостнѣе выразился) на бархатномъ диванѣ“... И замѣтыте, эта наша привычка на ты отца съ сыномъ: хорошо, когда оба согласны, ну, а если ругаются?

Съ минуту они помолчали.

— Cher, заключилъ онъ вдругъ, быстро приподнявшись, — знаете-ли, что это непремѣнно чѣмъ - нибудь кончится?

— Ужъ, конечно, сказалъ я.

— Vous ne comprenez pas. Passons. Но... обыкновенно на свѣтѣ кончается ничѣмъ, но здѣсь будетъ конецъ, непремѣнно, непремѣнно!

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ въ сильнѣйшемъ волненіи, и, дойдя опять до дивана, безсильно повалился на него.

Въ пятницу утромъ Петръ Степановичъ уѣхалъ куда-то въ уѣздъ и пробылъ до понедѣльника. Объ отъѣзда его я узналъ отъ Липутина, и тутъ же, какъ-то къ разговору, узналъ отъ него, что Лебядкины, братъ и сестрица, оба гдѣ-то за рѣкой въ Горшечной слободкѣ. „Я же и перевозилъ“, прибавилъ Липутинъ, и, прервавъ о Лебядкиныхъ, вдругъ возвѣстилъ мнѣ, что Лизавета Николаевна выходитъ за Маврика Николаевича, и, хоть это и не объявлено, по помолвка была и дѣло покончено. На завтра я встрѣтилъ Лизавету Николаевну верхомъ въ сопровожденіи Маврика Николаевича, выѣхавшую въ первый разъ послѣ болѣзни. Она сверкнула на меня издали глазами, засмѣялась и очень дружески кивнула головой. Все это я передалъ Степану Трофимовичу; онъ обратилъ нѣкоторое вниманіе лишь на извѣстіе о Лебядкиныхъ.

А теперь, описавъ наше загадочное положеніе въ продолженіе этихъ восьми дней, когда мы еще ничего не знали, приступлю къ описанію послѣдующихъ событій моей хроники, и уже, такъ сказать, съ знаніемъ дѣла, въ томъ видѣ, какъ все это открылось и объяснилось теперь. Начну именно съ восьмого дня послѣ того воскресенья, то-есть съ понедѣльника вечеромъ—потому что въ сущности съ этого вечера и началась „новая исторія“.

III.

Было семь часовъ вечера. Николай Всеолодовичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ,—комнатѣ имѣ еще прежде излюбленной, высокой, устланной коврами, установленной нѣсколько тяжелою, стариннаго фасона мебелью. Опь сидѣлъ въ углу на диванѣ, одѣтый какъ бы для выхода, но, казалось, никакуа не собирался. На столѣ предъ нимъ стояла лампа съ абажуромъ. Бока и углы большой комнаты оставались въ тѣни. Взглядъ его былъ задумчивъ и сосредоточенъ, ис совсѣмъ спокоенъ; лицо усталое и нѣсколько похудѣвшее. Боленъ онъ былъ дѣйствительно флюсомъ; но слухъ о выбитомъ зубѣ былъ преувеличенъ. Зубъ только шатался, но теперь снова окрѣпъ; была тоже разсѣчена изнутри верхняя губа, но и это зажило. Флюсть же не проходилъ всю пѣдѣлю лишь потому, что больной не хотѣлъ принять доктора и вѣреми дать разрѣзать

опухоль, а ждалъ, пока нарывъ самъ прорвется. Опъ не только доктора, но и мать едва допускалъ къ себѣ, и то на минуту, одинъ разъ на дню и непремѣнно въ сумерки, когда уже становилось темно, а огня еще не подавали. Не принималъ онъ тоже и Петра Степановича, который, однакоже, по два и по три раза въ день забѣгалъ къ Варварѣ Петровнѣ, пока оставался въ городѣ. И вотъ, наконецъ, въ понедѣльникъ, возвратясь поутру послѣ своей трехдневной отлучки, обѣгавъ весь городъ и отобѣдавъ у Юліи Михайловны, Петръ Степановичъ къ вечеру явился, наконецъ, къ нетерпѣливо ожидавшой его Варварѣ Петровнѣ. Запреть былъ снятъ, Николай Всеиводовичъ принималъ. Варвара Петровна сама подвела гостя къ дверямъ кабинета; она давно желала ихъ свиданья, а Петръ Степановичъ далъ ей слово забѣжать къ ней отъ Nicolas и пересказать. Робко постучалась она къ Николаю Всеиводовичу и, не получая отвѣта, осмѣлилась пріотворить дверь вершка на два.

— Nicolas, могу я ввести къ тебѣ Петра Степановича? тихо и сдержанно спросила она, стараясь разглядѣть Николая Всеиводовича изъ-за лампы.

— Можно, можно, конечно, можно! громко и весело крикнулъ самъ Петръ Степановичъ, отворилъ дверь своею рукою и вошелъ.

Николай Всеиводовичъ не слыхалъ стука въ дверь, а разслышалъ лишь только робкій вопросъ мамаши, по пе успѣлъ на него отвѣтить. Предъ нимъ въ эту минуту лежало только-что прочитанное имъ письмо, надъ которымъ онъ сильно задумался. Онъ вздрогнулъ, заслышивъ внезапный окликъ Петра Степановича, и поскорѣе накрылъ письмо попавшимся подъ руку прессъ-папье, но пе совсѣмъ удалось: уголь письма и почти весь конвертъ выглядали наружу.

— Я нарочно крикнулъ изо всей силы, чтобы вы успѣли приготовиться, торопливо, съ удивительною наивностью, прошепталъ Петръ Степановичъ, подѣгая къ столу, и мигомъ уставился на прессъ-папье и на уголъ письма.

— И, конечно, успѣли подглядѣть, какъ я пряталъ отъ васъ подъ прессъ-папье только-что полученное мною письмо, спокойно проговорилъ Николай Всеиводовичъ, не трогаясь съ мѣста.

— Письмо? Богъ съ вами и съ вашимъ письмомъ, мифъ! воскликнулъ гость. — Но... главное... защечталъ опъ

опять, обертываясь къ двери, уже запертой, и кивая въ ту сторону головой.

— Она никогда не подслушиваетъ, холодно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ.

— То-есть, если бъ и подслушивала! мигомъ подхватилъ, весело возвышая головъ и усаживаясь въ кресло, Петръ Степановичъ.— Я ничего противъ этого, я только теперь бѣжалъ поговорить наединѣ. Ну, наконецъ-то я къ вамъ добился! Прежде всего, какъ здоровье? Вижу, что прекрасно и завтра, можетъ-быть, вы явитесь, а?

— Можетъ-быть.

— Разрѣшите ихъ, наконецъ, разрѣшите меня! неистово зажестикулировалъ онъ съ шутливымъ и пріятнымъ видомъ. — Если бъ вы знали, что я долженъ быть имъ болтать. А, впрочемъ, вы знаете.

Онъ засмѣялся.

— Всего не знаю. Я слышалъ только отъ матери, что вы очень... двигались.

— То-есть я вѣдь ничего опредѣленного, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, какъ бы защищаясь отъ ужаснаго нападенія. — Знаете, я пустилъ въ ходъ жену Шатова, то-есть слухи о вашихъ связяхъ въ Парижѣ, чѣмъ и объяснился, конечно, тотъ случай въ воскресенье... вы не сердитесь?

— Убѣжденъ, что вы очень старались.

— Ну, я только этого и боялся. А, впрочемъ, что-жъ это значить: „очень старались“? Это вѣдь упрекъ. Впрочемъ, вы прямо ставите, я всего больше боялся идя сюда, что вы не захотите прямо поставить.

— Я ничего и не хочу прямо ставить, проговорилъ Николай Всеволодовичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, но totчасъ же усмѣхнулся.

— Я не про то, не про то, не ошибитесь, не про то! замахалъ руками Петръ Степановичъ, сыпля словами, какъ горохомъ, и totчасъ же обрадовавшись раздражительности хозяина. — Я не стану васъ раздражать *нашимъ* дѣломъ, особенно въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Я прибѣжалъ только о воскресномъ случаѣ, и то въ самую необходимую мѣру, потому, нельзя же вѣдь. Я съ самыми открытыми объясненіями, въ которыхъ нуждаюсь главное я, а не вы,—это для вашего самолюбія, по вѣто же время это и правда. Я пришелъ, чтобы быть съ этихъ поръ всегда откровеннымъ.

— Стало-быть, прежде были неоткровенны?

— И вы это знаете сами. Я хитрилъ много разъ... Вы улыбнулись; очень радъ улыбкъ, какъ предлогу для разъясненія; я вѣдь нарочно вызвалъ улыбку хвастливымъ словомъ „хитрилъ“, для того, чтобы вы тотчасъ же и разсердились: какъ это я смѣль подумать, что могу хитрить, а мнѣ, чтобы сейчасъ же объясниться. Видите, видите, какъ я сталъ теперь откровененъ. Ну-съ, угодно вамъ выслушать?

Въ выраженіи лица Николая Всеиволововича, презрительно спокойномъ и даже насмѣшливомъ, несмотря на все очевидное желаніе гости раздражить хозяина пахальностью своихъ, заранѣе наготовленныхъ и съ намѣреніемъ грубыхъ наивностей, — выразилось, наконецъ, нѣсколько тревожное любопытство.

— Слушайте же, заверталъся Петръ Степановичъ пуще прежняго. — Отправляясь сюда, то-есть вообще сюда, въ этотъ городъ, десять дней назадъ, я, конечно, рѣшился взять роль. Самое бы лучшее, совсѣмъ безъ роли, свое собственное лицо, не такъ-ли? Ничего нѣтъ хитрѣе, какъ собственное лицо, потому что никто не повѣритъ. Я, признаюсь, хотѣлъ было взять дурачка, потому что дурачокъ легче, чѣмъ собственное лицо; но такъ какъ дурачокъ все-таки крайность, а крайность возбуждаетъ любопытство, то я и остановился на собственномъ лицѣ окончательно. Ну-съ, какое же мое собственное лицо? Золотая средина: ни глупъ, ни уменъ, довольно бездаренъ и съ луны соскочилъ, какъ говорятъ здѣсь благоразумные люди, не такъ-ли?

— Чтобъ-жъ, можетъ-быть, и такъ, чуть-чуть улыбнулся Николай Всеиволововичъ.

— А, вы согласны—очень радъ; я зналъ впередъ, что это ваши собственные мысли... Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я не сержусь и вовсе не для того опредѣлилъ себя въ такомъ видѣ, чтобы вызвать ваши обратныя похвалы: „нѣтъ, дескать, вы не бездарны, нѣтъ, дескать, вы умны“... А, вы опять улыбаетесь!.. Я опять попался. Вы не сказали бы: „вы умны“, ну, и положимъ; я все допускаю. Passons, какъ говорить напаша, и, въ скобкахъ, не сердитесь на мое многословіе. Кстати, вотъ и примѣръ: я всегда говорю много, то-есть много словъ, и тороплюсь, и у меня всегда не выходитъ. А почему я говорю много словъ и у меня не выходитъ? Потому что говорить не

умъю. Тѣ, которые умѣютъ хорошо говорить, тѣ коротко говорятъ. Вотъ, стало-быть, у меня и бездарность, — не правда-ли? Но такъ какъ этотъ даръ бездарности у меня уже есть натуральный, такъ почему мнѣ имъ не воспользоваться искусственно. И я пользуюсь. Правда, собираясь сюда, я было подумалъ сначала молчать; но вѣдь молчать—большой талантъ, и, стало-быть, мнѣ неприлично, а, во-вторыхъ, молчать все-таки вѣдь опасно; ну, я и рѣшилъ окончательно, что лучше всего говорить, но именно по-бездариому, то-есть много, много, много, очень торопиться доказывать и подъ конецъ всегда спутаться въ своихъ собственныхъ доказательствахъ такъ, чтобы слушатель отошелъ отъ васъ безъ конца, разведя руки, а всего бы лучшее плонувъ. Выйдетъ, во-первыхъ, что вы увѣрили въ своеемъ простодушіи, очень надобли и были непоняты—всѣ три выгоды разомъ! Шомилуйте, кто послѣ этого станетъ васъ подозрѣвать въ таинственныхъ замыслахъ? Да всякий изъ нихъ лично обидится на того, кто скажетъ, что я съ тайными замыслами. А я къ тому же иногда разсмѣшу, — а это ужъ драгоцѣнно. Да они мнѣ теперь все простятъ уже за то одно, что мудрецъ, издававшій тамъ прокламаціи, оказался здѣсь глупѣе ихъ самихъ, не такъ-ли? По вашей улыбкѣ вижу, что одобряете.

Николай Всеиводовичъ вовсе, впрочемъ, не улыбался, а, напротивъ, слушалъ нахмуренно и пѣсколько нетерпѣливо.

— А? Что? Вы, кажется, сказали: „все равно“? затрешь Петръ Степановичъ (Николай Всеиводовичъ вовсе ничего не говорилъ). — Конечно, конечно; увѣряю васъ, что я вовсе не для того, чтобы васъ товариществомъ компрометировать. А, знаете, вы ужасно сегодня вскидчивы; я къ вамъ прибѣжалъ съ открытою и веселою душой, а вы каждое мое слово въ лыко ставите; увѣряю же васъ, что сегодня ни о чёмъ щекотливомъ не заговорю, слово даю; и на всѣ ваши условія заранѣе согласенъ!

Николай Всеиводовичъ упорно молчалъ.

— А? Чѣд? Вы что-то сказали? Вижу, вижу, что лопять, кажется, сморозилъ; вы не предлагали условій, да и не предложите; вѣрю, вѣрю, ну, успокойтесь; я и самъ вѣдь знаю, что мнѣ не стоять ихъ предлагать, такъ-ли? Я за васъ впередъ отвѣчаю и,—ужъ конечно, отъ бездарности; бездарность и бездарность... Вы смеетесь? А? Чѣд?

— Ничего, усмѣхнулся, наконецъ, Николай Всеиводо-

вить, — я припомнилъ сейчастъ, что дѣйствительно обозвалъ васъ какъ-то бездарнымъ, но васъ тогда не было, значитъ, вамъ передали... Я бы васть просилъ поскорѣе къ дѣлу.

— Да вѣдь я у дѣла и есть, я именно по поводу воскресенія! залепеталъ Петръ Степановичъ. — Ну, чѣмъ, чѣмъ я былъ въ воскресеніе, какъ по-вашему? Именно торопливою срединною бездарностью, и я самимъ бездарнѣйшимъ образомъ овладѣлъ разговоромъ силой. Но мнѣ все простили, потому что я, во-первыхъ, съ луны, это, кажется, здѣсь, теперь у всѣхъ рѣшено; а, во-вторыхъ, потому, что милую исторійку разсказалъ и есѣхъ васъ выручилъ, такъ-ли, такъ-ли?

— То-есть именно такъ разсказали, чтобы оставить сомнѣніе и выказать напи стачку и подтасовку, тогда какъ стачки не было и я васть ровно ни о чёмъ не просилъ.

— Именно, именно! какъ бы въ восторгѣ подхватилъ Петръ Степановичъ.—Я именно такъ и дѣлалъ, чтобы вы всю пружину эту замѣтили; я вѣдь для васть, главное, и ломался, потому что васть ловилъ и хотѣлъ компрометировать. Я, главное, хотѣлъ узнать, въ какой степени вы боитесь.

— Любопытно, почему вы такъ теперь откровенны!

— Не сердитесь, не сердитесь, не сверкайте глазами... Впрочемъ, вы не сверкаете. Вотъ любопытно, почему я такъ откровененъ? Да именно потому, что все теперь перемѣнилось, конечно, прошло и пескомъ заросло. Я вдругъ перемѣнилъ о васть свои мысли. Старый путь конченъ совсѣмъ, теперь я уже никогда не стану васть компрометировать старымъ путемъ, теперь новымъ путемъ.

— Перемѣнили тактику?

— Тактики нѣть. Теперь во всемъ ваша полная воля, то-есть хотите сказать да, а хотите, скажите нѣтъ. Вотъ вамъ моя новая тактика. А о нашемъ дѣлѣ пе заикнусь до тѣхъ самыхъ поръ, пока сами не прикажете. Вы смеетесь? На здоровье; я и самъ смеюся. Но я теперь серьезно, серьезно, серьезно, хотя тотъ, кто такъ торопится, конечно, бездаренъ, не правда-ли? Все равно, пусть бездаренъ, а я серьезно, серьезно.

Онъ дѣйствительно проговорилъ серьезно, совсѣмъ другимъ тономъ и въ какомъ-то особенномъ волненіи, такъ что Николай Всеяловодовичъ поглядѣлъ на него съ любопытствомъ.

— Вы говорите, что обо мнѣ мысли перемѣнили? спросилъ онъ.

— Я перемѣнилъ о вѣсѣ мысли въ ту минуту, какъ вы послѣ Шатова взяли руки назадъ, и довольно, довольно, пожалуйста безъ вопросовъ, больше ничего теперь не скажу.

Онъ было вскочилъ, махая руками, точно отмахиваясь отъ вопросовъ; но такъ какъ вопросовъ не было, а уходить было не зачѣмъ, то онъ и опустился опять въ кресла, нѣсколько успокоившись.

— Кстати, въ скобкахъ, затараторилъ онъ тотчасъ же,— здѣсь одни болтаютъ, будто вы его убьете, и пари держатъ, такъ что Лембке думалъ даже тронуть полицію, но Юлія Михайловна запретила... Довольно, довольно объ этомъ, я только чтобъ извѣстить. Кстати опять: я Лебядкиныхъ въ тотъ же день переправилъ, вы знаете; получили мою записку съ ихъ адресомъ?

— Получилъ тогда же.

— Это ужъ я не по „бездарности“, это я искренно, отъ готовности. Если вышло бездарно, то зато было искреніо.

— Да ничего, можетъ, такъ и надо... раздумчиво промолвилъ Николай Всеволодовичъ.—Только записокъ больше ко мнѣ не пишите, прошу вѣсѣ.

— Невозможно было, всего одну.

— Такъ Липутина знаетъ?

— Невозможно было; но Липутина, сами знаете, не смѣть... Кстати надо бы къ нашимъ сходить, то-есть къ нимъ, а не къ нашими, а то вы опять лыко въ строку. Да не беспокойтесь, не сейчасъ, а когда-нибудь. Сейчасъ дождь идетъ. Я имъ дамъ знать, они соберутся, и мы вечеромъ. Они такъ и ждутъ разиня рты, какъ галчата въ гнѣздахъ, какого мы имъ привезли гостинцу? Горячій народъ. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинскій—общечеловѣкъ, Липутина—фурьеристъ, при большой наилѣпности къ полицейскимъ дѣламъ; человѣкъ, я вамъ скажу, дорогой въ одномъ отношеніи, но требующій во всѣхъ другихъ строгости; и, наконецъ, тотъ съ длинными ушами, тотъ свою собственную систему прочитаетъ. И, знаете, они обижены, что я къ нимъ побрежно и водой ихъ окачиваю, хе-хе! А сходить надо непремѣнно.

— Вы тамъ какимъ-нибудь шефомъ меня представили? какъ можно небрежнѣе выпустилъ Николай Всеволодовичъ.

Петръ Степановичъ быстро посмотрѣлъ на него.

— Кстати, подхватил онъ, какъ бы не разслышавъ и поскорѣй заминая,— я вѣдь по два, по три раза являлся къ многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ и тоже много при-
нужденъ былъ говорить.

— Воображаю.

— Нѣтъ, не воображайте, я просто говорилъ, что вы не убьете, ну, и тамъ прочія сладкія вещи. И, вообра-
зите: она на другой день уже знала, что я Марью Тимо-
феевну за рѣку переправилъ; это вы ей сказали?

— Не думалъ.

— Такъ и зналъ, что не вы. Кто-жъ бы могъ кромѣ
васъ? Интересно.

— Липутинъ, разумѣется.

— Н-нѣтъ, не Липутинъ, пробормоталъ, нахмурясь, Петръ Степановичъ. — Это я узнаю кто. Тутъ похоже на Шатова... Впрочемъ, вздоръ, оставимъ это! Это, впрочемъ, ужасно важно... Кстати, я все ждалъ, что ваша матушка такъ вдругъ и брякнетъ мнѣ главный вопросъ... Ахъ, да,
всѣ дни сначала она была страшно угрюма, а вдругъ се-
годня пріѣзжаю—вся такъ и сіяетъ. Это что же?

— Это она потому, что я сегодня ей слово далъ че-
резъ пять дней къ Лизаветѣ Николаевнѣ посвататься,
проговорилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ съ неожи-
данною откровенностью.

— А, ну... да, конечно, пролепеталъ Петръ Степано-
вичъ, какъ бы замявшись. — Тамъ слухи о помолвкѣ, вы
знаете? Вѣрно, однако. Но вы правы, она изъ-подъ вѣнца
прибѣжитъ, стойте вамъ только кликнуть. Вы не серди-
тесь, что я такъ?

— Нѣть, не сержусь.

— Я замѣчаю, что васъ сегодня ужасно трудно раз-
сердить, и начинаю васъ бояться. Мнѣ ужасно любопытно,
какъ вы завтра явитесь. Вы навѣрно много штукъ при-
готовили. Вы не сердитесь на меня, что я такъ?

Николай Всеволодовичъ совсѣмъ не отвѣтилъ, что со-
всѣмъ раздражило Петра Степановича.

— Кстати, это вы серьезно мамашѣ насчетъ Лизаветы
Николаевны? спросилъ онъ.

Николай Всеволодовичъ пристально и холодно посмо-
трѣлъ на него.

— А, понимаю, чтобы только успокоить, ну, да.

— А если бы серьезно? твердо спросилъ Николай Все-
володовичъ.

— Что-жъ, и съ Богомъ, какъ въ этихъ случаихъ говорится, дѣлу не повредить (видите, я не сказалъ, нашему дѣлу, вы словцо *наше* не любите), а я... а я что-жъ, я къ вашимъ услугамъ, сами знаете.

— Вы думаете?

— Я ничего, ничего не думаю, заторопился, смѣясь, Петръ Степановичъ,—потому что знаю, вы о своихъ дѣлахъ сами напередъ обдумали и что у васъ все придумано. Я только про то, что я серьезно къ вашимъ услугамъ, всегда и вездѣ и во всякомъ случаѣ, то-есть во всякомъ, понимаете это?

Николай Всеволодовичъ зѣвнуль.

— Надоѣль я вамъ, вскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, схватывая свою круглую, совсѣмъ новую шляпу и какъ бы уходя, а между тѣмъ все еще оставаясь и продолжал говорить безпрерывно, хотя и стоя; иногда шагая по комнатѣ и въ одушевленныхъ мѣстахъ разговара ударяя себя шляпой по колѣнкѣ.—Я думалъ еще повеселить васъ Лембками! весело вскричалъ онъ.

— Нѣтъ ужъ, послѣ бы. Какъ, однако, здоровье Юліи Михайловны?

— Какой это у васъ у всѣхъ, однако, свѣтскій пріемъ: вамъ до ея здоровья все равно, что до здоровья сѣрої кошки, а между тѣмъ спрашиваете. Я это хвалю. Здорова и васъ уважаетъ до суевѣрія, до суевѣрія многаго отъ васъ ожидаетъ. О воскресномъ случаѣ моічитъ и укѣреня, что вы все сами побѣдите однимъ появлениемъ. Ей-Богу, она воображаетъ, что вы ужъ Богъ знаете что можете. Впрочемъ, вы теперь загадочное и романическое лицо, пуще чѣмъ когда-нибудь—чрезвычайно выгодное положеніе. Всѣ васъ ждутъ до невѣроятности. И вотъ уѣхалъ—было горячо, а теперь еще пуще. Кстати, спасибо еще разъ за письмо. Они всѣ графа К. боятся. Знаете, они считаютъ васъ, кажется, за шпиона! Я поддакиваю, вы не сердитесь?

— Ничего.

— Это ничего; это въ дальнѣйшемъ необходимо. У нихъ здѣсь свои порядки. Я, конечно, пооцирю; Юлія Михайловна во главѣ, Гагановъ тоже... Вы смѣетесь? Да вѣдь я съ тактикой; я вру-вру, а вдругъ и умное слово скажу, именно тогда, когда они всѣ его ищутъ. Они окружать меня, а я опять начну вратъ. На меня уже всѣ маxнули: „со способностями, говорятъ, но съ луны соско-

чиль". Лембке меня въ службу зоветъ, чтобы я выпра-
вился. Знаете, я его ужасно третирую, то-есть компро-
метирую, такъ и лупить глаза. Юлія Михайловна по-
ощриетъ. Да, кстати, Гагановъ на васъ ужасно сердится.
Вчера въ Духовѣ говорилъ мнѣ о васъ прескверно. Я ему
тотчасъ же всю правду, то-есть, разумѣется, не всю правду.
И у него цѣлый день въ Духовѣ прожилъ. Славное имѣ-
ніе, хороший домъ.

— Такъ онъ развѣ и теперь въ Духовѣ? вдругъ вски-
нулся Николай Всеволодовичъ, почти вскочивъ и сдѣлавъ
сильное движение впередъ.

— Нѣть, меня же и привезъ сюда давеча утромъ, мы
вмѣстѣ воротились, проговорилъ Петръ Степановичъ, какъ
бы совсѣмъ не замѣтивъ мгновенного волненія Николая
Всеволодовича.—Что это, я книгу уронилъ, нагнулся онъ
поднять задѣтый имъ кипсекъ.—Женщины Бальзака, съ
картиками, развернулъ онъ вдругъ,—не читалъ. Лембке
тоже романы пишетъ.

— Да? спросилъ Николай Всеволодовичъ, какъ бы за-
интересовавшись.

— На русскомъ языкѣ, потихоньку, разумѣется. Юлія
Михайловна знаетъ и позволяетъ. Колпакъ, впрочемъ, съ
приемами; у нихъ это выработано. Экая строгость формъ,
экая выдержанность! Вотъ бы памъ что-нибудь въ этомъ
родѣ.

— Вы хвалите администрацію?

— Да еще же бы нѣть! Единственно что въ Россіи
есть натурального и достигнутаго... не буду, не буду,
вскинулся онъ вдругъ.—Я не про то, о деликатномъ ни
слова. Однако, прощайте, вы какой-то зеленый.

— Лихорадка у меня.

— Можно повѣрить, ложитесь-ка. Кстати: здѣсь скопцы
есть въ уѣздѣ, любопытный народъ... Впрочемъ, потомъ.
А, впрочемъ, вотъ еще анекдотикъ: тутъ по уѣзду пѣ-
хотный полкъ. Въ пятницу вечеромъ я въ Б—цахъ съ
офицерами пилъ. Тамъ вѣдь у насть три пріятеля, vous
comprenez? Объ атеизмѣ говорили и, ужъ, разумѣется,
Бога раскассировали. Рады, визжать. Кстати, Шатовъ увѣ-
ряетъ, что если въ Россіи буеть начинать, то чтобы не-
премѣнно начать съ атеизма. Можетъ, и правда. Одинъ
сѣйдой бурбонъ-капитанъ сидѣлъ-сидѣлъ, все молчалъ, ни
слова не говорилъ, вдругъ становится среди комнаты и,
знаете, громко такъ, какъ бы самъ съ собой: „Если Бога

петь, то какой же я послѣ того капитанъ?" Взялъ фуражку, развелъ руки и вышелъ.

— Довольно цѣльную мысль выразилъ, зѣвнулъ въ третій разъ Николай Всеволодовичъ.

— Да? Я не понялъ; васъ хотѣлъ спросить. Ну что бы вамъ еще: интересная фабрика Шпигулиныхъ; тутъ, какъ вы знаете, пятьсотъ рабочихъ, разсадникъ холеры, не чистятъ пятиадцать лѣтъ и фабричныхъ усчитываютъ; купцы-миллионеры. Увѣряю васъ, что между рабочими иные обѣ Internationale имѣютъ понятіе. Чѣмъ, вы улыбнулись? Сами увидите, дайте мнѣ только самый, самый маленький срокъ! Я уже просилъ у васъ срока, а теперь еще прошу, и тогда... а, вирочемъ, виноватъ, не буду, я не про то, не морщитесь. Однако, прощайте. Чѣмъ жъ я? воротился онъ вдругъ съ дороги.— Совсѣмъ забылъ, самое главное: мнѣ сейчасъ говорили, что нашъ ящики изъ Петербурга пришелъ.

— То-есть? посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ, не понимая.

— То-есть вашъ ящики, ваши вещи, съ фраками, панталонами и бѣльемъ, припелъ? Правда?

— Да, мнѣ что-то давеча говорили.

— Ахъ, такъ нельзя-ли сейчасъ!..

— Спросите у Алексея.

— Ну, завтра, завтра? Тамъ вѣдь съ вашими и мой пиджакъ, фракъ и трое панталонъ, отъ Шармера, по вашей рекомендациіи, помните?

— Я слышалъ, что вы здѣсь, говорятъ, джентльменничаете? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.—Правда, что вы у береготора верхомъ хотите учиться?

Петръ Степановичъ улыбнулся искривленіо улыбкой.

— Знаете, заторопился опѣ вдругъ чрезмѣрно, какимъ-то вздрагивающимъ и пресѣкающимъ голосомъ.—Знаете, Николай Всеволодовичъ, мы оставимъ насчетъ личностей, не такъ-ли, разъ навсегда? Вы, разумѣется, можете меня презирать сколько угодно, если вамъ такъ смѣшно, но все-таки бы лучшіе безъ личностей иль сколько времени, такъ-ли?

— Хорошо, я больше не буду, промолвилъ Николай Всеволодовичъ.

Петръ Степановичъ усмѣхнулся, стукнулъ по колѣнѣ шляпой, ступилъ съ одной ноги на другую и принялъ прежній видъ.

— Здѣсь иные считаютъ меня даже вашимъ соперникомъ у Лизаветы Николаевны, какъ же мнѣ о наружности не заботиться? засмѣялся онъ.—Это кто же, однако, вамъ доносить. Гм! Ровно восемь часовъ; ну, я въ путь: я къ Варварѣ Петровнѣ обѣщалъ зайти, по спасую, а вы ложитесь и завтра будете бодрѣе. На дворѣ дождь и темень, у меня, впрочемъ, извозчикъ, потому что на улицахъ здѣсь по ночамъ не спокойно... Ахъ, какъ кстати: здѣсь въ городѣ и около бродить теперь одинъ Федъка каторжный, бѣглый изъ Сибири, представьте, мой бывшій дворовый человѣкъ, котораго папаша лѣтъ пятнадцать тому въ солдаты упекъ и деньги взялъ. Очень замѣчательная личность.

— Вы... съ нимъ говорили? вскинулъ глазами Николай Всеволодовичъ.

— Говорилъ. Отъ меня не прячется. На все готовая личность, на все; за деньги, разумѣется, но есть и убѣжденія, въ своеи родѣ, конечно. Ахъ, да, вотъ и опять кстати: если вы давеча серьезно о томъ замыслѣ, помните, насчетъ Лизаветы Николаевны, то возобновлю вамъ еще разъ, что и я тоже на все готовая личность, во всѣхъ родахъ, какихъ угодно, и совершенно къ вашимъ услугамъ... Чѣмъ это, вы за палку хватаетесь? Ахъ, нѣтъ, вы не за палку... Представьте, мнѣ показалось, что вы палку ищете?

Николай Всеволодовичъ ничего не искалъ и ничего не говорилъ, но, дѣйствительно, онъ привсталъ какъ-то вдругъ, съ какимъ-то страннымъ движениемъ въ лицѣ.

— Если вамъ тоже понадобится что-нибудь насчетъ господина Гаганова, брякнулъ вдругъ Пётръ Степановичъ, ужъ примѣхонько кивалъ на прессѣ-панье,—то, разумѣется, я могу все устроить и убѣжденъ, вы меня не обойдете.

Онъ вдругъ вышелъ, не дожидался отвѣта, но высунулъ еще разъ голову изъ-за двери:

— Я потому такъ, прокричалъ онъ скороговоркой,—что вѣдь Шатовъ, напримѣръ, тоже не имѣлъ права рисковать тогда жизнью въ воскресенье, когда къ вамъ подошелъ, такъ-ли? Я бы желалъ, чтобы вы это замѣтили.

Онъ исчезъ опять, не дожидался отвѣта.

IV.

Можетъ-быть, онъ думалъ, исчезая, что Николай Всеволодовичъ, оставшись одинъ, начнетъ колотить кулаками

въ стѣну, и, ужъ конечно бы, радъ былъ подсмотрѣть, если бъ это было возможно. Но онъ очень бы обманулся: Николай Всеволодовичъ оставался спокоенъ. Минуты двѣ онъ простоялъ у стола въ томъ же положеніи, повидимому, очень задумавшись; но вскорѣ вялая, холодная улыбка выдавилась на его губахъ. Онъ медленно усѣлся на диванъ, на свое прежнее мѣсто въ углу, и закрылъ глаза, какъ бы отъ усталости. Уголокъ письма попрежнему выглядывалъ изъ-подъ прессъ-папье, но онъ и не пошевелился поправить.

Скоро онъ забылся совсѣмъ. Варвара Петровна, измучившая себя въ эти дни заботами, не вытерпѣла, и, по уходѣ Петра Степановича, обѣщавшаго къ ней зайти и не сдержавшаго обѣщанія, рискнула сама навѣстить Nicolas, несмотря на неуказанное время. Ей все мерещилось: не скажетъ-ли онъ, наконецъ, чего-нибудь окончательно. Тихо, какъ и давеча, постучалась она въ дверь, и опять, не получая отвѣта, отворила сама. Увидавъ, что Nicolas сидѣтъ что-то слишкомъ ужъ неподвижно, она, съ бьющимся сердцемъ, осторожно приблизилась сама къ дивану. Ее какъ бы поразило, что онъ такъ скоро заснулъ и что можетъ такъ спать, такъ прямо сидя и такъ неподвижно; даже дыханія почти нельзя было замѣтить. Лицо было блѣдное и суровое, но совсѣмъ какъ бы застывшее, недвижимое; брови немного сдвинуты и нахмурены: рѣшительно онъ походилъ на бездушную восковую фигуру. Она простолла надъ нимъ минуты три, едва переводя дыханіе, и вдругъ ее объялъ страхъ; она вышла на пыпочкахъ, простояла въ дверяхъ наскоро, перекрестила его и удалилась незамѣченная, съ новымъ тяжелымъ ощущеніемъ и съ повою тоскою.

Проспалъ онъ долго, болѣе часу, и все въ такомъ же одѣпеніи: ни одинъ мускулъ лица его не двинулъся, ни малѣйшаго движенія во всемъ тѣлѣ не выказалось; брови были все такъ же сурово сдвинуты. Если бы Варвара Петровна осталась еще на три минуты, то навѣрно бы не вынесла подавляющаго ощущенія этой летаргической неподвижности и разбудила его. Но онъ вдругъ самъ открылъ глаза и, попрежнему не шевелясь, просидѣлъ еще минутъ десять, какъ бы упорно и любопытно всматриваясь въ какой-то поразившій его предметъ въ углу комнаты, хотя тамъ ничего не было ни новаго, ни особеннаго.

Наконецъ, раздался тихій, густой звукъ большихъ стѣнъ

ныхъ часовъ, пробившихъ одинъ разъ. Съ нѣкоторымъ беспокойствомъ повернуль онъ голову взглянуть на циферблать, но почти въ ту же минуту отворилась задняя дверь, выходившая въ коридоръ, и показался камердинеръ Алексѣй Егоровичъ. Онъ несъ въ одной рукѣ теплое пальто, шарфъ и шляпу, а въ другой серебряную тарелочку, на которой лежала записка.

— Половина десятаго, возгласилъ онъ тихимъ голосомъ и, сложивъ принесенное платье въ углу на стулѣ, поднесъ на тарелкѣ записку, маленькую бумажку, незапечатанную, съ двумя строчками карандашомъ.

Пробѣжавъ эти строки, Николай Всеволодовичъ тоже взялъ со стола карандашъ, черкнулъ въ концѣ записки два слова и положилъ обратно на тарелку.

— Передать тотчасъ же, какъ я выйду, и одѣваться, сказалъ онъ, вставая съ дивана.

Замѣтивъ, что на немъ легкій, бархатный пиджакъ, онъ подумалъ и велѣлъ подать себѣ другой, суконный сюртукъ, употреблявшійся для болѣе церемониальныхъ вечернихъ визитовъ. Наконецъ, одѣвшись совсѣмъ и надѣвъ шляпу, онъ заперъ дверь, въ которую входила къ нему Варвара Петровна, и, выпнувъ изъ-подъ прессъ-папье спрятанное письмо, молча вышелъ въ коридоръ, въ сопровожденіи Алексѣя Егоровича. Изъ коридора вышли на узкую каменную заднюю лѣстницу и спустились въ сѣни, выходившія прямо въ садъ. Въ углу въ сѣняхъ стояли припасенные фонарикъ и большой зонтикъ.

— По чрезвычайному дождю грязь по здѣшнимъ улицамъ нестерпимая, доложилъ Алексѣй Егоровичъ въ видѣ отдаленной попытки въ послѣдній разъ отклонить барина отъ путешествія.

Но баринъ, развернувъ зонтикъ, молча вышелъ въ темный, какъ погреbъ, отсырѣлый и мокрый старый садъ. Вѣтеръ шумѣлъ и качалъ вершинами полуобнаженныхъ деревьевъ, узенькая песочная дорожка были топки и скользки. Алексѣй Егоровичъ шелъ, какъ былъ, во фракѣ и безъ шляпы, освѣщаю путь шага на три впередъ фонарикомъ.

— Не замѣтно-ли будетъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Изъ окошекъ замѣтно не будетъ, окромя того, что заранѣе все предусмотрѣно, тихо и размѣренно отвѣтилъ слуга.

— Матушка почивает?

— Заперлись, по обыкновенію послѣднихъ днейъ, ровно въ девять часовъ и узнать теперь для нихъ ничего невозможно. Въ какомъ часу прикажете васъ ожидать? привели опь, осмѣливалась сдѣлать вопросъ.

— Въ часъ, въ половинѣ второго, не позже двухъ.

— Слушаю-сь.

Обойдя извилистыми дорожками весь садъ, который оба знали наизусть, они добрали до каменной садовой ограды, и тутъ, въ самомъ углу стѣны, отыскали маленькую дверцу, выводившую въ тѣсный и глухой переулокъ, почти всегда запертую, по ключъ отъ которой оказался теперь въ рукахъ Алексея Егоровича.

— Не заскрипѣла бы дверь? освѣдомился опять Николай Всеволодовичъ.

Но Алексей Егоровичъ доложилъ, что вчера еще смазана масломъ, „равно и сегодня“. Онъ весь уже успѣлъ измокнуть. Отперевъ дверцу, онъ подалъ ключъ Николаю Всеволодовичу.

— Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи неувѣренъ въ здѣшнемъ народишкѣ, въ особенности по глухимъ переулкамъ, а паче всего за рѣкой, не утерпѣль онъ еще разъ. Это былъ старый слуга, бывшій дядька Николая Всеволодовича, когда-то нянчившій его на рукахъ, человѣкъ серьезный и строгій, любившій послушать и почитать отъ божественнаго.

— Не беспокойся, Алексей Егорычъ.

— Благослови васъ Богъ, сударь, по при начинаніи лишь добрыхъ дѣлъ.

— Какъ? остановился Николай Всеволодовичъ, уже перешагнувъ въ переулокъ.

Алексей Егоровичъ твердо повторилъ свое желаніе; никогда прежде опь не рѣшился бы его выразить въ такихъ словахъ вслухъ предъ своимъ господиномъ.

Николай Всеволодовичъ заперъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ и пошелъ по проулку, увязая съ каждымъ шагомъ вершка на три въ грязь. Онъ вышелъ, наконецъ, въ длинную и пустынную улицу на мостовую. Городъ былъ извѣстенъ ему какъ пять пальцевъ; но Богоявленская улица была все еще далеко. Было больше десяти часовъ, когда онъ остановился, наконецъ, предъ запертыми воротами темнаго старого дома Филипповыхъ. Нижній этажъ теперь, съ выѣздомъ Лебядкиныхъ, стоялъ совсѣмъ

пустой, съ заколоченными окнами, но въ мезонинѣ у Шатова свѣтился огонь. Такъ какъ не было колокольчика, то онъ началъ бить въ ворота рукой. Отворилось оконце, и Шатовъ выглянула на улицу; темень была страшная и разглядѣть было мудрено; Шатовъ разглядывалъ долго, съ минуту.

— Это вы? спросилъ онъ вдругъ.

— Я, отвѣтилъ незванный гость.

Шатовъ захлопнулъ окно, сошелъ внизъ и отперъ ворота. Николай Всеволодовичъ переступилъ черезъ высокій порогъ и, не сказавъ ни слова, прошелъ мимо, прямо во флигель къ Кириллову.

V.

Тутъ все было отперто и даже не притворено. Съни и первыя двѣ комнаты были темны, по въ послѣдней, въ которой Кирилловъ жилъ и пилъ чай, сиялъ свѣтъ и слышался смѣхъ и какія-то странныя вскрикиванія. Николай Всеволодовичъ пошелъ на свѣтъ, но, не входя, остановился на порогѣ. Чай былъ на столѣ. Среди комнаты стояла старуха, хозяйская родственница, простоволосая, въ одной юбкѣ, въ башмакахъ на босу ногу и въ заячьей куцавѣкѣ. На рукахъ у ней былъ полуторагодовой ребенокъ, въ одной рубашонкѣ, съ голыми ножками, съ разгорѣвшимися щечками, съ бѣлыми всклоченными волосками, только-что изъ колыбели. Онъ, должно-быть, недавно расплакался; слезки еще стояли подъ глазами, но въ эту минуту тянулся ручонками, хлопалъ въ ладошки и хохоталъ, какъ хоочутъ маленкія дѣти, съ захлѣпомъ. Предъ нимъ Кирилловъ бросалъ о полъ большой резиновый красный мячъ; мячъ отыгрывалъ до потолка, падалъ опять, ребенокъ кричалъ: „мя, мя!“ Кирилловъ ловилъ „мя“ и подавалъ ему, тотъ бросалъ уже самъ своими пеловками ручонками, а Кирилловъ бѣжалъ опять подымать. Наконецъ, „мя“ закатился подъ шкафъ. „Мя, мя!“ кричалъ ребенокъ. Кирилловъ принялъ къ полу и протянулся, старался изъ-подъ шкафа достать „мя“ рукой. Николай Всеволодовичъ вошелъ въ комнату; ребенокъ, увидѣвъ его, припалъ къ старухѣ и закатился долгимъ дѣтскимъ плачомъ; та тотчасъ же его вынесла.

— Ставрогинъ? сказалъ Кирилловъ, приподымаясь съ полу съ мячомъ въ рукахъ, безъ малѣйшаго удивленія къ неожиданному визиту.—Хотите чаю?

Онъ приподнялся совсѣмъ.

— Очень не откажусь, если теплый, сказаъ Николай Всеволодовичъ.—Я весь промокъ.

— Теплый, горячій даже, съ удовольствіемъ подтвердилъ Кирилловъ. — Садитесь; вы грязны, ничего; поль я потомъ мокрою тряпкой.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и почти залпомъ выпилъ налитую чашку.

— Еще? спросилъ Кирилловъ.

— Благодарю.

Кирилловъ, до сихъ поръ не садившійся, тотчасъ же сѣлъ напротивъ и спросилъ:

— Вы что пришли?

— По дѣлу. Вотъ прочтите это письмо, отъ Гаганова; помните, я вамъ говорилъ въ Петербургѣ.

Кирилловъ взялъ письмо, прочелъ, положилъ на столъ и смотрѣлъ въ ожиданіи.

— Этого Гаганова, началъ объяснять Николай Всеволодовичъ,—какъ вы знаете, я встрѣтилъ мѣсяцъ тому назадъ, въ Петербургѣ, въ первый разъ въ жизни. Мы столкнулись раза три въ людяхъ. Не знакомясь со мной и не заговаривая, онъ нашелъ — таки возможность быть очень дерзкимъ. Я вамъ тогда говорилъ; но вотъ чего вы не знаете: уѣзжая тогда изъ Петербурга раньше меня, онъ вдругъ прислалъ мнѣ письмо, хотя и не такое, какъ это, но, однако, неприличное въ высшей степени и ужъ тѣмъ странное, что въ немъ совсѣмъ не объясено было повода, по которому оно писано. Я отвѣтилъ ему тотчасъ же, тоже письмомъ, и совершенно откровенно высказалъ, что, вѣролтно, онъ на меня сердится за происшествіе съ его отцомъ, четыре года назадъ, здѣсь въ клубѣ, и что я съ моей стороны готовъ принести ему всевозможныя извиненія, на томъ основаніи, что поступокъ мой былъ неумѣленный и произошелъ въ болѣзни. Я просилъ его взять мои извиненія въ соображеніе. Онъ не отвѣтилъ и уѣхалъ; но вотъ теперь я застаю его здѣсь уже совсѣмъ въ бѣшенствѣ. Мнѣ передали нѣсколько публичныхъ отзывовъ его обо мнѣ, совершенно ругательныхъ и съ удивительными обвиненіями. Наконецъ, сегодня приходитъ это письмо, какого вѣрно никто никогда не получалъ, съ ругательствами и съ выраженіями: „ваша битая рожа“. Я пришелъ, надѣясь, что вы не откажетесь въ секундантѣ.

— Вы сказали, письма никто не получалъ, замѣтилъ

Кирилловъ.—Въ бѣшенствѣ можно; пишутъ не разъ. Пузынъ Гекерну написаль. Хорошо, пойду. Говорите, какъ?

Николай Всеиводовичъ объяснилъ, что желаетъ завтра же, и чтобы непремѣнно начать съ возобновленія извиненій и даже съ обѣщанія вторичнаго письма съ извиненіями, но, съ тѣмъ, однако, что и Гагановъ, съ своей стороны, обѣщалъ бы не писать болѣе писемъ. Полученное же письмо будетъ считаться какъ не бывшее вовсе.

— Слишкомъ много уступокъ, не согласится, проговорилъ Кирилловъ.

— Я прежде всего пришелъ узнать, согласитесь-ли вы понести туда такія условія?

— Я понесу. Ваше дѣло. Но онъ не согласится.

— Знаю, что не согласится.

— Онъ драться хочетъ. Говорите, какъ драться?

— Въ томъ-то и дѣло, что я хотѣлъ бы завтра непремѣнно все кончить. Часовъ въ девять утра вы у него. Онъ выслушаетъ и не согласится, но сведеть васъ съ своимъ секундантомъ,—положимъ, часовъ около одиннадцати. Вы съ тѣмъ порѣшите, и затѣмъ въ часъ или въ два чтобы быть всѣмъ на мѣстѣ. Пожалуйста, постарайтесь такъ сдѣлать. Оружіе, конечно, пистолеты, и особенно васъ прошу устроить такъ: опредѣлить барьера въ десять шаговъ; затѣмъ вы ставите нась каждого въ десяти шагахъ отъ барьера, и по данному знаку мы ходимся. Каждый долженъ непремѣнно дойти до своего барьера, но выстрѣлить можетъ и раньше, на ходу. Вотъ и все, я думаю.

— Десять шаговъ между барьерами близко, замѣтилъ Кирилловъ.

— Ну, двѣнадцать, только не больше, вы понимаете, что онъ хочетъ драться серьезно. Умѣете вы зарядить пистолетъ?

— Умѣю. У меня есть пистолеты; я дамъ слово, что вы изъ нихъ не стрѣляли. Его секундантъ тоже слово про свои; двѣ пары, и мы сдѣлаемъ четъ и нечетъ, его или нашу?

— Прекрасно.

— Хотите посмотреть пистолеты?

— Пожалуй.

Кирилловъ присѣлъ на корточки предъ своимъ чемоданомъ въ углу, все еще не разобраннымъ, но изъ котораго вытаскивались вещи по мѣрѣ надобности. Онъ выташилъ

со дна ящикъ пальмового дерева, внутри отдельанный краснымъ бархатомъ, и изъ него вынулъ пару щегольскихъ, чрезвычайно дорогихъ пистолетовъ.

— Есть все: порохъ, пули, патроны. У меня еще револьверъ; постойте.

Опять полѣзъ опять въ чемоданъ и вытащилъ другой ящикъ съ шестистрельнымъ американскимъ револьверомъ.

— У васъ довольно оружія, и очень дорогого.

— Очень. Чрезвычайно.

Бѣдный, почти нищій, Кирилловъ, никогда, впрочемъ, и не замѣчавшій своей нищеты, видимо, съ похвальбой показывалъ теперь свои оружейныя драгоценности, безъ сомнѣнія, пріобрѣтенныя съ чрезвычайными пожертвованіями.

— Вы все еще въ тѣхъ же мысляхъ? спросилъ Ставрогинъ послѣ минутнаго молчанія и съ нѣкоторою осторожностью.

— Въ тѣхъ же, коротко отвѣтилъ Кирилловъ, тотчасъ же по голосу угадавъ, о чёмъ спрашиваютъ, и сталъ убирать со стола оружіе.

— Когда же? еще осторожнѣе спросилъ Николай Все-володовичъ, опять послѣ нѣкотораго молчанія.

Кирилловъ, между тѣмъ, уложилъ оба ящика въ чемоданъ и усѣлся на прежнее мѣсто.

— Это не отъ меня, какъ знаете; когда скажутъ, про-бормоталъ онъ, какъ бы нѣсколько тяготясь вопросомъ, но въ то же время съ видимою готовностью отвѣтить на всѣ другіе вопросы.

На Ставрогина онъ смотрѣлъ, не отрываясь, своими черными глазами безъ блеску, съ какимъ-то спокойнымъ, но добрымъ и привѣтливымъ чувствомъ.

— Я, конечно, понимаю—застрѣлиться, началъ опять, нѣсколько нахмутившись, Николай Все-володовичъ, послѣ долгаго, трехминутнаго задумчиваго молчанія,—я иногда самъ представлялъ, и тутъ всегда какая-то новая мысль: если бы сдѣлать злодѣйство, или, главное, стыдъ, то-есть позоръ, только очень подлый и... смѣшной, такъ что запомнить люди на тысячу лѣтъ, и плевать будутъ тысячу лѣтъ, и вдругъ мысль: „одинъ ударъ въ високъ и ничего не будетъ“. Какое дѣло тогда до людей и что они будутъ плевать тысячу лѣтъ, не такъ-ли?

— Вы называете, что это новая мысль? проговорилъ Кирилловъ, подумавъ.

— Я... не называю... когда я подумалъ однажды, то почувствовалъ совсѣмъ новую мысль.

— „Мысль почувствовали?“ переговорилъ Кирилловъ.— Это хорошо. Есть много мыслей, которыхъ всегда и которые вдругъ станутъ новые. Это вѣрно. Я много теперь, какъ въ первый разъ, вижу.

— Положимъ, вы жили на лунѣ, перебилъ Ставрогинъ, не слушая и продолжая свою мысль,—вы тамъ, положимъ, сдѣлали всѣ эти смѣшныя пакости... Вы знаете навѣрно отсюда, что тамъ будутъ смеяться и плевать на ваше имя тысячу лѣтъ, вѣчно, во всю луну. Но теперь вы здѣсь и смотрите на луну отсюда: какое вамъ дѣло здѣсь до всего того, что вы тамъ надѣлали, и что тамошние будутъ плевать на васъ тысячу лѣтъ, не правда-ли?

— Не знаю, отвѣтилъ Кирилловъ,—я на лунѣ не былъ, прибавилъ онъ безъ всякой ироніи, единственно для обозначенія факта.

— Чей это давеча ребенокъ?

— Старухина свекровь пріѣхала; нѣть, сноха... все равно. Три дня. Лежитъ больная, съ ребенкомъ; по ночамъ кричитъ очень, животъ. Мать спитъ, а старуха привоситъ; я мячомъ. Мячъ изъ Гамбурга. Я въ Гамбургѣ купилъ, чтобы бросать и ловить; укрѣпляетъ спину. Дѣвочка.

— Вы любите дѣтей?

— Люблю, отозвался Кирилловъ, довольно, впрочемъ, равнодушно.

— Стало-быть, и жизнь любите?

— Да, люблю и жизнь, а что?

— Если рѣшились застрѣлиться.

— Чѣмъ же? Почему вѣстѣ? Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нѣть совсѣмъ.

— Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?

— Нѣть, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную. Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

— Вы надѣетесь дойти до такой минуты?

— Да.

— Это врядъ-ли въ наше время возможно, тоже безъ всякой ироніи отозвался Николай Всеволодовичъ, медленно и какъ бы задумчиво.—Въ Апокалипсисѣ ангель клянется, что времени больше не будетъ.

— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно.

Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

— Куда-жъ его спрячутъ?

— Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.

— Старыя философскія мѣста, одни и тѣ же съ начала вѣковъ, съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ пробороматъ Ставрогинъ.

— Одни и тѣ же! Одни и тѣ же съ начала вѣковъ, и никакихъ другихъ никогда! подхватилъ Кирилловъ съ сверкающимъ взглѣдомъ, какъ будто въ этой идеѣ заключалась чути не побѣда.

— Вы, кажется, очень счастливы, Кирилловъ?

— Да, очень счастливъ, отвѣтилъ тотъ, какъ бы давая самый обыкновенный отвѣтъ.

— Но вы такъ недавно еще огорчались, сердились на Липутина.

— Гм!.. я теперь не браню. Я еще не зналъ тогда, что былъ счастливъ. Видали вы листъ, съ дерева листъ?

— Видаль.

— Я видѣлъ недавно желтый, немного зеленаго, съ краевъ подгнилъ. Вѣтромъ носило. Когда мнѣ было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза варочно и представлялъ листъ зеленый, яркій съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ.

— Это что же, аллегорія?

— Н-нѣть... зачѣмъ? Я не аллегорію, я просто листъ, одинъ листъ. Листъ хорошъ. Все хорошо.

— Все?

— Все. Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ сейчасъ станетъ счастливъ, сю минуту. Эта свекровь умретъ, а дѣвочка останется—все хорошо. Я вдругъ открылъ.

— А кто съ голоду умретъ, а кто обидить и обезчестить дѣвочку—это хорошо?

— Хорошо. И кто размозжитъ голову за ребенка, и то хорошо, и кто не размозжитъ, и то хорошо. Все хорошо, все. Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Если бъ они знали, что имъ хорошо, то имъ было бы хорошо, но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ пехорю. Вотъ вся мысль, вся, больше нѣть никакой!

— Когда же вы узнали, что вы такъ счастливы?

— На прошлой недѣлѣ во вторникъ, нѣть, въ среду, потому что уже была среда, ночью.

— По какому же поводу?

— Не помню, такъ; ходилъ по комнатѣ... все равно. И часы остановилъ, было тридцать семь минутъ третьяго.

— Въ эмблему того, что время должно остановиться? Кирилловъ промолчалъ.

— Они не хороши, началъ онъ вдругъ опять, — потому, что не знаютъ, что они хороши. Когда узнаютъ, то не будутъ насиловать дѣвочку. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши, всѣ до единаго.

— Вотъ вы узнали же, стало-быть, вы хороши?

— Я хороши.

— Съ этимъ я, впрочемъ, согласенъ, нахмуренно пробормоталъ Ставрогинъ.

— Кто научитъ, что всѣ хороши, тотъ міръ закончить.

— Кто училъ, Того распяли.

— Онъ придетъ и имя ему будетъ человѣкобогъ.

— Богочеловѣкъ?

— Человѣкобогъ, въ этомъ разница.

— Ужъ не вы-ли и лампадку зажигаете?

— Да, это я зажегъ.

— Увѣровали?

— Старуха любить, чтобы лампадку... а ей сегодня никогда, пробормоталъ Кирилловъ.

— А сами еще не молитесь?

— Я всему молюсь. Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ ему за то, что ползеть.

Глаза его опять загорѣлись. Онъ все смотрѣлъ прямо на Ставрогина, взглядомъ твердымъ и неуклоннымъ. Ставрогинъ нахмуренно и брезгливо слѣдилъ за нимъ, но на смѣши въ его взглядѣ не было.

— Быось обѣ закладъ, что когда я опять приду, то вы ужъ и въ Бога увѣрюете, проговорилъ онъ, вставая и захватывая шляпу.

— Почему? привсталъ и Кирилловъ.

— Если бы вы узнали, что вы въ Бога вѣрусте, то вы бы и вѣровали; но такъ какъ вы еще не знаете, что вы въ Бога вѣруете, то вы и не вѣруете, усмѣхнулся Николай Всеходовичъ.

— Это не то, обдумалъ Кирилловъ,—перевернули мысль.

Свѣтская шутка. Вспомните, что вы значили въ моей жизни, Ставрогинъ.

- Прощайте, Кирилловъ.
- Приходите ночью; когда?
- Да ужъ вы не забыли-ли про завтрашнее?
- Ахъ, забылъ, будьте покойны, не просплю; въ девять часовъ. Я умѣю просыпаться, когда хочу. Я ложусь и говорю: въ семь часовъ, и проснусь въ семь часовъ; въ десять часовъ—и проснусь въ десять часовъ.
- Замѣчательная у васъ свойства, поглядѣлъ на его блѣдное лицо Николай Всеволодовичъ.
- Я пойду отопру ворота.
- Не беспокойтесь, мнѣ отопреть Шатовъ.
- А, Шатовъ. Хорошо, прощайте.

VI.

Крыльцо пустого дома, въ которомъ квартировалъ Шатовъ, было не заперто; но, взобравшись въ стѣни, Ставрогинъ очутился въ совершенномъ мракѣ и сталъ искать рукой лѣстницу въ мезонинъ. Вдругъ сверху отворилась дверь и показался свѣтъ; Шатовъ самъ не вышелъ, а только свою дверь отворилъ. Когда Николай Всеволодовичъ сталъ на порогѣ его комнаты, то разглядѣлъ его въ углу, у стола, стоящаго въ ожиданіи.

- Вы примете меня по дѣлу? спросилъ онъ съ порога.
- Войдите и садитесь, отвѣчалъ Шатовъ. — Заприте дверь; постойте, я самъ.

Онъ заперъ дверь на ключъ, воротился къ столу и сѣлъ напротивъ Николая Всеволодовича. Въ эту недѣлю онъ походѣлъ, а теперь, казалось, былъ въ жару.

- Вы меня измучили, проговорилъ онъ, потупясь, тихимъ полушопотомъ.—Зачѣмъ вы не приходили?

- Вы такъ увѣрены были, что я приду?
- Да, постойте, я бредилъ... можетъ, и теперь брежу... Постойте.

Онъ привсталъ и на верхней изъ своихъ трехъ полокъ съ книгами, съ краю, захватилъ какую-то вещь. Это былъ револьверъ.

- Въ одну ночь я бредилъ, что вы придетете меня убивать, и утромъ рано у бездѣльника Лямшина купилъ револьверъ на послѣднія деньги; я не хотѣлъ вамъ даваться. Потомъ я пришелъ въ себя... У меня ни пороху, ни пуль; съ тѣхъ поръ такъ и лежитъ на полкѣ. Цостойте...

Онъ привсталъ и отворилъ было форточку.

— Не выкидывайте, зачѣмъ? остановилъ Николай Все-володовичъ.—Онъ денегъ стоять, а завтра люди начнутъ говорить, что у Шатова подъ окномъ валяются револьверы. Положите опять, вотъ такъ, садитесь. Скажите, зачѣмъ вы точно каетесь предо мной въ вашей мысли, что я приду васъ убить? Я и теперь не примириться пришелъ, а говорить о необходимомъ. Разъясните мнѣ, во-первыхъ, вы меня ударили не за связь мою съ вашею женой?

— Вы сами знаете, что нѣтъ! опять потупился Шатовъ.

— И не потому, что покѣрили глупой сплетни насчетъ Дарьи Павловны?

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ! Глупость! Сестра мнѣ съ самаго начала сказала... съ нетерпѣнiemъ и рѣзко проговорилъ Шатовъ, чуть-чуть даже топнувъ ногой.

— Стало-быть, и я угадалъ, и вы угадали, спокойнымъ тономъ продолжалъ Ставрогинъ.—Вы правы: Марья Тимофеевна Лебядкина моя законная, обвенчанная со мною жена, въ Петербургѣ, года четыре съ половиною назадъ. Вѣдь вы меня за нее ударили?

Шатовъ, совсѣмъ пораженный, слушалъ и молчалъ.

— Я угадалъ и не вѣрилъ, пробормоталъ онъ, наконецъ, странно смотря на Ставрогина.

— И ударили?

Шатовъ вспыхнулъ и забормоталъ почти безъ связи:

— Я за ваше паденіе... за ложь. Я не для того подходилъ, чтобы васъ наказать; когда я подходилъ, я не зналъ, что ударю... Я за то, что вы такъ много значили въ моей жизни... Я...

— Понимаю, понимаю, берегите слова. Мнѣ жаль, что вы въ жару; у меня самое необходимое дѣло.

— Я слишкомъ долго васъ ждалъ, какъ-то весь чуть не затрясся Шатовъ и привсталъ было съ мѣста.—Говорите ваше дѣло, я тоже скажу... потомъ...

Онъ сѣлъ.

— Это дѣло не изъ той категоріи, началь Николай Все-володовичъ, приглядываясь къ нему съ любопытствомъ.—По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я принужденъ быть сегодня же выбрать такой часъ и идти къ вамъ предупредить, что, можетъ-быть, васъ убьютъ.

Шатовъ дико смотрѣлъ на него.

— Я знаю, что мнѣ могла бы угрожать опасность, про-

говорилъ онъ размѣренно,—но вамъ, вамъ-то почему это можетъ быть извѣстно?

— Потому что я тоже принадлежу къ нимъ, какъ и вы, и такой же членъ ихъ общества, какъ и вы.

— Вы... вы членъ общества?

— Я по глазамъ вашимъ вижу, что вы всего отъ меня ожидали, только не этого, чуть-чуть усмѣхнулся Николай Всеволодович.—Но, позволите, стало-быть, вы уже знали, что на васъ покушаются?

— И не думалъ. И теперь не думаю, несмотря на ваши слова, хотя... хотя кто-жъ тутъ съ этими дураками можетъ въ чемъ-нибудь заручиться! вдругъ вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, ударивъ кулакомъ по столу.—Я ихъ не боюсь! Я съ ними разорвалъ. Этотъ забѣгалъ ко мнѣ четыре раза и говорилъ, что можно... но, посмотрѣлъ онъ на Ставрогина,—что-жъ собственно вамъ тутъ извѣстно?

— Не беспокойтесь, я васъ не обманываю, довольно холодно продолжалъ Ставрогинъ, съ видомъ человека, исполняющаго только обязанность.—Вы экзаменуете, что мнѣ извѣстно? Мнѣ извѣстно, что вы вступили въ это общество за границей, два года тому назадъ, и еще при старой его организаціи, какъ разъ предъ вашею поѣздкой въ Америку и, кажется, тотчасъ же послѣ нашего послѣдняго разговора, о которомъ вы такъ много написали мнѣ изъ Америки въ вашемъ письмѣ. Кстати, извините, что я не отвѣтилъ вамъ тоже письмомъ, а ограничился...

— Высылкой денегъ; подождите, остановилъ Шатовъ, поспѣшно выдвинулъ изъ стола ящикъ и выпустилъ изъ-подъ бумагъ радужный кредитный билетъ.—Вотъ, возьмите сто рублей, которые вы мнѣ выслали; безъ васъ я бы тамъ погибъ. Я долго бы не отдалъ, если бы не ваша матушка: эти сто рублей подарила она мнѣ девять мѣсяцевъ назадъ на бѣдность, послѣ моей болѣзни. Но продолжайте, пожалуйста...

Онъ задыхался.

— Въ Америкѣ вы перемѣнили ваши мысли и, возвратясь въ Швейцарію, хотѣли отказаться. Они вамъ ничего не отвѣтили, во поручили принять здѣсь, въ Россіи, отъ кого-то какую-то типографію и хранить ее до сдачи лицу, которое къ вамъ отъ нихъ явится. Я не знаю всего въ полной точности, но вѣдь въ главномъ, кажется, такъ? Вы же, въ надеждѣ или подъ условиемъ, что это будетъ послѣднимъ ихъ требованіемъ и что васъ послѣ того от-

пустять совсѣмъ, взялись. Все это такъ-ли, нѣтъ-ли, узналъ я не отъ нихъ, а совсѣмъ случайно. Но вотъ чего вы, кажется, до сихъ поръ не знаете: эти господа вовсе не намѣрены съ вами разстаться.

— Это нелѣпость! завопилъ Шатовъ. — Я объявилъ честно, что я расхожусь съ ними во всемъ! Это мое право, право совѣсти и мысли... Я не потерплю! Нѣтъ силы, которая бы могла...

— Знаете, вы не кричите, очень серьезно остановилъ его Николай Всеволодовичъ. — Этотъ Верховенскій такой человѣчекъ, что, можетъ-быть, нась теперь подслушиваетъ, своимъ или чужимъ ухомъ, въ вашихъ же сѣняхъ, пожалуй. Даже пьяница Лебядкинъ чуть-ли не обязанъ былъ за вами слѣдить, а вы, можетъ-быть, за нимъ, не такъ-ли? Скажите лучше, согласился теперь Верховенскій на ваши аргументы или нѣтъ?

— Онъ согласился; онъ сказалъ, что можно и что я имѣю право...

— Ну, такъ онъ васть обманываетъ. Я знаю, что даже Кирилловъ, который къ нимъ почти вовсе не принадлежитъ, доставилъ о васть свѣдѣнія; а агентовъ у нихъ много, даже такихъ, которые и не знаютъ, что служатъ обществу. За вами всегда надсматривали. Петръ Верховенскій, между прочимъ, пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы порѣшить ваше дѣло совсѣмъ, и имѣть на то полномочіе, а именно: истребить васть въ удобную минуту, какъ слишкомъ много знающаго и могущаго донести. Повторяю вамъ, что это навѣрно; и позвольте прибавить, что они почему-то совершенно убѣждены, что вы шпіонъ и если еще не донесли, то донесете. Правда это?

Шатовъ скривилъ ротъ, услыхавъ такой вопросъ, высказанный такимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Если бъ я и былъ шпіонъ, то кому доносить? злобно проговорилъ онъ, не отвѣчая прямо.—Нѣтъ, оставьте меня, къ чорту меня! вскричалъ онъ, вдругъ схватываясь за первоначальную, слишкомъ потрясшую его мысль, по всѣмъ признакамъ несравненно сильнѣе, чѣмъ извѣстіе о собственной опасности.—Вы, вы, Ставрогинъ, какъ могли вы затереть себя въ такую безстыдную, бездарную лакейскую нелѣпость! Вы членъ ихъ общества! Это-ли подвигъ Николая Ставрогина! вскричалъ онъ чуть не въ отчаяніи.

Онъ даже сплеснулъ руками, точно ничего не могло быть для него горше и безотраднѣе такого открытия.

— Извините, действительно удивился Николай Всеvolodovich, — но вы, кажется, смотрите на меня какъ на какое-то солнце, а на себя какъ на какую-то букашку сравнительно со мной. Я замѣтилъ это даже по вашему письму изъ Америки.

— Вы... вы знаете... Ахъ, бросимъ лучше обо мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ! оборвалъ вдругъ Шатовъ.— Если можете что-нибудь объяснить о себѣ, то объясните... На мой вопросъ! повторялъ онъ въ жару.

— Съ удовольствіемъ. Вы спрашиваете: какъ могъ я затеряться въ такую трущобу? Послѣ моего сообщенія я вамъ даже обязанъ вѣкоторою откровенностю по этому дѣлу. Видите, въ строгомъ смыслѣ я къ этому обществу совсѣмъ не принадлежу, не принадлежалъ и прежде, и гораздо болѣе васъ имѣю права ихъ оставить, потому что и не поступалъ. Напротивъ, съ самаго начала заявили, что я имъ не товарищъ, а если и помогалъ случайно, то только такъ, какъ праздный человѣкъ. Я отчасти участвовалъ въ переорганизаціи общества по новому плану, и только. Но они теперь одумались и рѣшили про себя, что и меня отпустить опасно и, кажется, я тоже приговоренъ.

— О, у нихъ все смертная казнь и все на предписавіяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ. И вы вѣрите, что они въ состоянії!

— Тутъ отчасти вы правы, отчасти нѣтъ, продолжалъ съ прежнимъ равнодушіемъ, даже вяло Ставрогинъ.—Сомнѣнія нѣтъ, что много фантазіи, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ: кучка преувеличиваетъ свой ростъ и значеніе. Если хотите, то, по-моему, ихъ всего и есть одинъ Центръ Верховенскій, и ужъ онъ слишкомъ добръ, что почитаетъ себя только агентомъ своего общества. Впрочемъ, основная идея не глупѣе другихъ въ этомъ родѣ. У нихъ связи съ Internationale; они сумѣли завести агентовъ въ Россіи, даже наткнулись на довольно оригинальный пріемъ... но, разумѣется, только теоретически. Что же касается до ихъ здѣшнихъ намѣреній, то вѣдь движение нашей русской организаціи такое дѣло темное и почти всегда такое неожиданное, что дѣйствительно у насъ все можно попробовать. Замѣтьте, что Верховенскій человѣкъ упорный.

— Этотъ клопъ, невѣжда, дуралей, не понимающій ничего въ Россіи! злобно вскричалъ Шатовъ.

— Вы его мало знаете. Это правда, что вообще всѣ они мало понимаютъ въ Россіи, но вѣдь развѣ только не-

множко меньше, чѣмъ мы съ вами; и притомъ Верховен-скій энтузіасть.

— Верховенскій энтузіасть?

— О, да. Есть такая точка, гдѣ онъ перестаетъ быть путомъ и обращается въ... полупомѣшаннаго. Попрошу васъ припомнить одно собственное выраженіе ваше: „Знаете ли, какъ можетъ быть силенъ одинъ человѣкъ?“ Пожалуйста, не смѣйтесь, онъ очень въ состояніи спустить курокъ. Они увѣрены, что я тоже шпіонъ. Всѣ они, отъ неумѣнья вести дѣло, ужасно любятъ обвинять въ шпіонствѣ.

— Но вѣдь вы не боитесь.

— Н-иѣтъ... Я не очень боюсь... Но ваше дѣло совсѣмъ другое. Я васъ предупредилъ, чтобы вы все-таки имѣли въ виду. По-моему, тутъ ужъ нечего обижаться, что опасность грозить отъ дураковъ; дѣло не въ ихъ умѣ: и не на такихъ, какъ мы съ вами, у нихъ подымалась рука. А, впрочемъ, четверть двѣнадцатаго, посмотрѣлъ онъ на часы и всталъ со стула.— Мне хотѣлось бы сдѣлать вамъ одинъ совсѣмъ посторонній вопросъ.

— Ради Бога! воскликнулъ Шатовъ, стремительно вскачивая съ мѣста.

— То-есть? вопросительно посмотрѣлъ Николай Всеводовичъ.

— Дѣлайте, дѣлайте вашъ вопросъ, ради Бога, въ не-выразимомъ волненіи повторялъ Шатовъ.— Но съ тѣмъ, что и я вамъ сдѣлаю вопросъ. Я умоляю, что вы позвольте... я не могу... дѣлайте вашъ вопросъ!

Ставрогинъ подождалъ немножко и началъ:

— Я слышалъ, что вы имѣли здѣсь пѣкоторое вліяніе на Марью Тимофеевну и что она любила васъ видѣть и слушать. Такъ-ли это?

— Да... слушала... смущился нѣсколько Шатовъ.

— Я имѣю намѣреніе на этихъ днѣахъ публично объявить здѣсь въ городѣ о бракѣ моемъ съ нею.

— Развѣ это возможно? прошепталъ чуть не въ ужасѣ Шатовъ.

— То-есть въ какомъ же смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакихъ затрудненій; свидѣтели брака здѣсь. Все это произошло тогда въ Петербургѣ совершенно законнымъ и спокойнымъ образомъ, а если не обнаруживалось до сихъ поръ, то потому только, что двое единственныхъ свидѣтелей брака, Крилловъ и Петръ Верховенскій, и, наконецъ, самъ Ле-

бядкинъ (котораго я имѣю удовольствіе считать теперь моимъ родственникомъ) дали тогда слово молчать.

— Я не про то... Вы говорите такъ спокойно... но продолжайте! Послушайте, васъ вѣдь не силой принудили къ этому браку, вѣдь вѣтъ?

— Нѣтъ, меня никто не принуждалъ силой, улыбнулся Николай Всеволодовичъ на задорную поспѣшность Шатова.

— А что она тамъ про ребенка своего толкуетъ? торопился въ горячкѣ и безъ связи Шатовъ.

— Про ребенка своего толкуетъ? Ба! Я не зналъ, въ первый разъ слышу. У ней не было ребенка и быть не могло: Марья Тимофеевна дѣвица.

— А! Такъ я и думалъ! Слушайте!

— Что съ вами, Шатовъ?

Шатовъ закрылъ лицо руками, повернулся, но вдругъ крѣпко схватилъ за плечи Ставрогина.

— Знаете-ли, знаете-ли вы, по крайней мѣрѣ, проクリчаль онъ,— для чего вы все это надѣлали и для чего рѣшаитесь на такую кару теперь?

— Вашъ вопросъ уменъ и язвителенъ; но я васъ тоже намѣренъ удивить: да, я почти знаю, для чего я тогда женился и для чего рѣшаюсь на такую „кару“ теперь, какъ вы выражились.

— Оставимъ это... обѣ этомъ послѣ, подождите говорить; будемъ о главномъ, о главномъ: я васъ ждалъ два года.

— Да?

— Я васъ слишкомъ давно ждалъ, я безпрерывно думалъ о васъ. Вы единий человѣкъ, который бы могъ... Я еще изъ Америки вамъ писалъ обѣ этомъ.

— Я очень помню ваше длинное письмо.

— Длинное, чтобы быть прочитаннымъ? Согласенъ: шесть почтовыхъ листовъ. Молчите, молчите! Скажите: можете вы удѣлить мнѣ еще десять минутъ, но теперь же, сейчасъ же... Я слишкомъ долго васъ ждалъ!

— Извольте, удѣлю полчаса, но только не болѣе, если это для васъ возможно.

— И съ тѣмъ, однако, подхватилъ яростно Шатовъ,— чтобы вы перемѣнили вашъ тонъ. Слышите, я требую, тогда какъ долженъ молить... Понимаете-ли вы, что значитъ требовать, тогда какъ должно молить?

— Понимаю, что такимъ образомъ вы возноситесь надъ всѣмъ обыкновеннымъ, для болѣе высшихъ цѣлей, чутъ-

чуть усмѣхнулся Николай Всеволодович.—Я съ прискорбiemъ тоже вижу, что вы въ лихорадкѣ.

— Я уваженія прошу къ себѣ, требую! кричалъ Шатовъ.—Не къ моей личности,—къ чорту ее,—а къ другому, на это только время, для нѣсколькихъ словъ... Мы два существа и сошлись въ безпредѣльности... въ послѣдній разъ въ мірѣ. Оставьте вашъ тонъ и возьмите человѣческій! Заговорите хоть разъ въ жизни голосомъ человѣческимъ. Я не для себя, а для васъ. Понимаете-ли, что вы должны простить мнѣ этотъ ударъ по лицу уже по тому одному, что я далъ вамъ случай познать при этомъ вашу безпредѣльную силу... Опять вы улыбаетесь вашею брезгливою свѣтскою улыбкой. О, когда вы поймете меня! Прочь барича! Поймите же, что я этого требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!

Изступленіе его доходило до бреду; Николай Всеволодовичъ нахмурился и какъ бы сталъ осторожнѣе.

— Если я ужъ остался на полчаса, внушительно и серьезно промолвилъ онъ,—тогда какъ мнѣ время такъ дорого, то, повѣрьте, что намѣренъ слушать васъ, по крайней мѣрѣ, съ интересомъ и... и убѣжденъ, что услышу отъ васъ мнѣго новаго.

Онъ сѣлъ на стулъ.

— Садитесь! крикнулъ Шатовъ и какъ-то вдругъ сѣлъ и самъ.

— Позвольте, однако, напомнить, спохватился еще разъ Ставрогинъ,—что я началъ было цѣлую къ вамъ просьбу насчетъ Мары Тимофеевны, для нея, по крайней мѣрѣ, очень важную...

— Ну? нахмурился вдругъ Шатовъ, съ видомъ человѣка, котораго вдругъ перебили на самомъ важномъ мѣстѣ и который, хоть и глядѣть на васъ, но не успѣлъ еще понять вашего вопроса.

— И вы мнѣ не дали докончить, договорилъ съ улыбкой Николай Всеволодовичъ.

— Э, ну, вздоръ, потомъ! брезгливо отмахнулся рукой Шатовъ, осмысливъ, наконецъ, претензію, и прямо перешелъ къ своей главной темѣ.

VII.

— Знаете-ли вы, началъ онъ почти грозно, пригнувшись впередъ на стулѣ, сверкая взглядомъ и поднявъ перстъ правой руки вверхъ передъ собою (очевидно, не

примѣчая этого самъ),—знаете-ли вы, кто теперь на всей землѣ единственный народъ „богоносець“, грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и кому единому даны ключи жизни и новаго слова... Знаете-ли вы, кто этотъ народъ и какъ ему имя?

— По вашему приemu, я необходимо долженъ заключить, и, кажется, какъ можно скорѣе, что это народъ русскій...

— И вы уже смѣетесь, о, племя! рванулся было Шатовъ.

— Успокойтесь, прошу васъ; напротивъ, я именно ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ждали въ этомъ родѣ? А самому вамъ не знакомы эти слова?

— Очень знакомы; я слишкомъ предвижу, къ чему вы клоните. Вся ваша фраза и даже выраженіе народъ „богоносець“ есть только заключеніе нашего съ вами разговора, происходившаго слишкомъ два года назадъ, за границей, незадолго передъ вашимъ отѣзломъ въ Америку... По крайней мѣрѣ, сколько я могу теперь припомнить.

— Это ваша фраза цѣликомъ, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключеніе нашего разговора. „Нашего“ разговора совсѣмъ и не было: былъ учитель, вѣщавшій огромныя слова, и былъ ученикъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Я тотъ ученикъ, а вы учитель.

— Но если припомнить, вы именно послѣ словъ моихъ какъ разъ и вошли въ то общество и только потомъ уѣхали въ Америку.

— Да, и я вамъ писалъ о томъ изъ Америки; я вамъ обо всемъ писалъ. Да, я не могъ тотчасъ же оторваться съ кровью отъ того, къ чему приросъ съ дѣтства, на чѣ пошли всѣ восторги моихъ надеждъ и всѣ слезы моей ненависти... Трудно мѣнять боговъ. Я не повѣрилъ вамъ тогда, потому что не хотѣлъ вѣрить, и уѣхалъ въ послѣдній разъ за этотъ помойный клоакѣ... Но съмѧ осталось и возросло. Серьезно, скажите серьезно, не до-читали письма моего изъ Америки? Можетъ-быть, не читали вовсе?

— Я прочелъ изъ него три страницы, двѣ первыя и послѣднюю, и кромѣ того бѣгло переглядѣлъ средину. Впрочемъ, я все собирался...

— Э, все равно, бросьте, къ чорту! махнулъ рукой Шатовъ.—Если вы отступились теперь отъ тогдашихъ словъ

про народъ, то какъ могли вы ихъ тогда выговорить?..
Вотъ что меня давитъ теперь.

— Не шутилъ же я съ вами и тогда; убѣждая васъ, я, можетъ, еще больше хлопоталъ о себѣ, чѣмъ о васъ, загадочно произнесъ Ставрогинъ.

— Не шутили! Въ Америкѣ я лежалъ три мѣсяца на соломѣ, рядомъ съ однимъ... несчастнымъ и узналъ отъ него, что въ то же самое время, когда вы насаждали въ моемъ сердцѣ Бога и родину, въ то же самое время, даже, можетъ-быть, въ тѣ же самые дни, вы отравили сердце этого несчастнаго, этого маньяка, Кириллова, ядомъ... Вы утверждали въ немъ ложь и клевету и довели разумъ его до изступленія... Подите, взгляните на него теперь, это ваше созданіе... Впрочемъ, вы видѣли.

— Во-первыхъ, замѣчу вамъ, что самъ Кирилловъ сейчасъ только сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ и что онъ прекрасенъ. Ваше предположеніе о томъ, что все это произошло въ одно и то же время, почти вѣрно, ну, и что же изъ всего этого? Повторяю, я васъ ни того, ни другого не обманывалъ.

— Вы атеистъ? Теперь атеистъ?

— Да.

— А тогда?

— Точно такъ же, какъ и тогда.

— Я не къ себѣ просилъ у васъ уваженія, начиная разговоръ; съ вашимъ умомъ вы бы могли понять это, въ негодованіи пробормоталъ Шатовъ.

— Я не всталъ съ первого вашего слова, не закрылъ разговора, не ушелъ отъ васъ, а сижу до сихъ поръ и смироно отвѣчаю на ваши вопросы и... крики, стало-быть, не нарушилъ еще къ вамъ уваженія.

Шатовъ прервалъ, махнувъ рукой:

— Вы помните выраженіе ваше: „атеистъ не можетъ быть русскимъ“, „атеистъ тотчасъ же перестаетъ быть русскимъ“, помните это?

— Да? какъ бы переспросилъ Николай Всеиволодовичъ.

— Вы спрашиваете? Вы забыли? А между тѣмъ это одно изъ самыхъ точнѣйшихъ указаний на одну изъ главнейшихъ особенностей русского духа, вами угаданную. Не могли вы этого забыть! Я напомню вамъ больше,— вы сказали тогда же: „неправославный не можетъ быть русскимъ“.

— Я полагаю, что это славянофильская мысль.

— Нѣтъ, нынѣшніе славянофилы отъ нея откажутся. Нынче народъ поумнѣлъ. Но вы еще дальше шли: вы вѣровали, что римскій католицизмъ уже не есть христіанство; вы утверждали, что Римъ провозгласилъ Христа, поддавшагося на третью дьяволово искушеніе, и что, возвѣстивъ всему свѣту, что Христосъ безъ царства земного на землѣ устоять не можетъ, католичество тѣмъ самымъ провозгласило антихриста и тѣмъ погубило весь западный міръ. Вы именно указывали, что если мучается Франція, то единственно по винѣ католичества, ибо отвергла смраднаго бoga римскаго, а новаго не сыскала. Вотъ что вы тогда могли говорить! Я помню наши разговоры.

— Если бъ я вѣровалъ, то, безъ сомнѣнія, повторилъ бы это и теперь; я не лгалъ, говоря какъ вѣрующій, очень серьезно произнесъ Николай Всеволодовичъ.—Но увѣрю васъ, что на меня производитъ слишкомъ непріятное впечатлѣніе это повтореніе прошлыхъ мыслей моихъ. Не можете-ли вы перестать?

— Если бы вѣровали?! вскричалъ Шатовъ, не обративъ ни малѣшаго вниманія на просьбу.—Но не вы-ли говорили мнѣ, что если бы математически доказали вамъ, что истина виѣ Христа, то вы бы согласились лучше остьаться со Христомъ, пежели съ истиной? Говорили вы это? Говорили?

— Но позвольте же и мнѣ, наконецъ, спросить, возвысилъ голосъ Ставрогинъ,—къ чemu ведетъ весь этотъ нестерпѣливый и... злобный экзаменъ?

— Этотъ экзаменъ пройдетъ навѣки и никогда больше не напомнится вамъ.

— Вы все настаиваете, что мы виѣ пространства и времени.

— Молчите! вдругъ крикнулъ Шатовъ.—Я глупъ и неловокъ, но погибай мое имя въ смѣшиномъ! Дозволите-ли вы мнѣ повторить предъ вами всю главную вашу тогдашнюю мысль... О, только десять строкъ, одно заключеніе.

— Повторите, если только одно заключеніе...

Ставрогинъ сдѣлалъ было движеніе взглянуть на часы, но удержался и не взглянулъ.

Шатовъ принағнулся опять на стулъ и, на мгновеніе, даже опять было поднялъ палецъ.

— Ни одинъ народъ, началъ онъ, какъ бы читая по строкамъ и въ то же время продолжая грозно смотрѣть

за Ставрогина,— ни одинъ народъ еще не устраивался на началахъ науки и разума; не было ни разу такого примѣра, развѣ на одну минуту, по глупости. Соціализмъ по существу своему уже долженъ быть атеизмомъ, ибо именно провозгласилъ, съ самой первой строки, что онъ установление атеистическое и намѣренъ устроиться на началахъ науки и разума исключительно. Разумъ и наука въ жизни народовъ всегда, теперь и съ начала вѣковъ, исполняли лишь должностъ второстепенную и служебную; такъ и будутъ исполнять до конца вѣковъ. Народы слагаются и движутся силой иною, повелѣвающею и господствующею, по происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимаго желанія дойти до конца и въ то же время конецъ отрицающая. Это есть сила безпрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицанія смерти. Духъ жизни, какъ говорить писаніе, „рѣки воды живой“, изсякновеніемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ. Начало эстетическое, какъ говорятъ философы, начало нравственное, какъ отождествляютъ они же. „Исканіе Бога“, какъ называю я всего проще. Цѣль всего движения народнаго, во всякомъ народѣ и во всякой періодѣ его бытія, есть единственное лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобы у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждого былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народѣ, тѣмъ особливѣе его богъ. Никогда еще не было народа безъ религіи, то-есть безъ понятія о злѣ и добрѣ. У всякаго народа свое собственное понятіе о злѣ и добрѣ и свое собственное зло и добро. Когда начинаютъ у многихъ народовъ становиться общими понятія о злѣ и добрѣ, тогда вымираютъ народы, и тогда самое различіе между зломъ и добромъ начинаетъ стираться и исчезать. Никогда разумъ не въ силахъ былъ опредѣлить зло и добро, или даже отдѣлить зло отъ добра, хотя приблизительно; напротивъ, всегда позорно и жалко смѣшивалъ; наука же давала разрѣшенія кулачныя. Въ особенности этимъ отличалась полунauка, самый страшный бичъ человѣчества,

хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунаука—это деспотъ, какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, предъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ, до сихъ поръ немыслимъ, предъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потакаетъ ему. Все это ваши собственныя слова, Ставрогинъ, кромѣ только словъ о полунаукѣ; эти мои, потому что я самъ только полунаука, а, стало быть, особенно ненавижу ее. Въ вашихъ же мысляхъ и даже въ самыхъ словахъ я не измѣнилъ ничего, ни единаго слова.

— Не думаю, чтобы не измѣнили, осторожно замѣтилъ Ставрогинъ.—Вы пламенно приняли и пламенно переиначили, не замѣчая того. Ужъ одно то, что вы Бога низводите до простого атрибута народности...

Онъ съ усиленнымъ и особливымъ вниманіемъ началъ вдругъ слѣдить за Шатовымъ, и не столько за словами его, сколько за нимъ самимъ.

— Низвожу Бога до атрибута народности! вскричалъ Шатовъ. — Напротивъ, народъ возношу до Бога. Да и было-ли когда-нибудь иначе? Народъ—это тѣло Божie. Всякий народъ до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣеть своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякихъ примиренія; пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдить и изгонить изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ. Такъ вѣровали всѣ съ начала вѣковъ, всѣ великие народы, по крайней мѣрѣ, всѣ сколько-нибудь отмѣченные, всѣ стоявшіе во главѣ человѣчества. Противъ факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дождаться Бога истиннаго и оставили міру Бога истиннаго. Греки боготворили природу и завѣщали міру свою религію, то-есть философію и искусство. Римъ обоготворилъ народъ въ государствѣ и завѣщалъ народамъ государство. Франція въ продолженіе всей своей длинной исторіи была однимъ лишь воплощеніемъ и развитиемъ идеи римскаго бога и если сбросила, наконецъ, въ бездну своего римскаго бога и ударилась въ атеизмъ, который называется у нихъ, покамѣстъ, соціализмомъ, то единственно потому лишь, что атеизмъ все-таки здоровье римскаго католичества. Если великій народъ не вѣруетъ, что въ немъ одномъ истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруетъ, что онъ одинъ способенъ и

призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истіопой, то онъ тотчасъ же обращается въ этнографической матеріаљ, а не въ великій народъ. Истинный великий народъ никогда не можетъ примириться со второстепенной ролю въ человѣчествѣ, или даже съ первостепеною, а непремѣнно и исключительно съ первою. Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а, стало-быть, только единій народъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единій народъ „богоносецъ“ — это русскій народъ и... и... и неужели, неужели вы меня почитаете за такого дурака, Ставрогинъ, неистово возопилъ онъ вдругъ, — который ужъ и различать не умѣеть, что слова его въ эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенія и... и какое мнѣ дѣло до вашего смѣха въ эту минуту! Какое мнѣ дѣло до того, что вы не понимаете меня совершенно, совершенно, ни слова, ни звука!.. О, какъ я презираю вашъ гордый смѣхъ и взглядъ въ эту минуту!

Онъ вскочилъ съ мѣста; даже пѣна показалась на губахъ его.

— Напротивъ, Шатовъ, напротивъ, необыкновенно серьезно и сдержанно проговорилъ Ставрогинъ, не подымаясь съ мѣста, — напротивъ, вы горячими словами вашими воскресили во мнѣ много чрезвычайно сильныхъ воспоминаний. Въ вашихъ словахъ я признаю мое собственное настроеніе два года назадъ, и теперь уже я не скажу вамъ, какъ давеча, что вы мои тогдашнія мысли преувеличили. Мнѣ кажется, даже, что онъ были еще исключительнѣе, еще самовластнѣе, иувѣрю васъ въ третій разъ, что я очень желалъ бы подтвердить все, что вы теперь говорили, даже до послѣдняго слова, но...

— Но вамъ надо зайца?

— Что-о?

— Ваше же подлое выраженіе, злобно засмѣялся Шатовъ, усаживаясь опять. — „Чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца — надо зайца, чтобы увѣровать въ Бога — надо Бога“, это вы иѣ Петербургъ, говорятъ, приговаривали, какъ Ноздревъ, который хотѣлъ поймать зайца за заднія ноги.

— Нѣтъ, тотъ именно хвалился, что ужъ поймаль его. Кстати, позвольте, однакоже, и вѣсть обезпокоить вопросъ

сомъ, тѣмъ болѣе, что я, мнѣ кажется, имѣю на него теперь полное право. Скажите мнѣ: вашъ-то заяцъ пойманъ-ли, аль еще бѣгаетъ?

— Не смѣйте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими! весь вдругъ задрожалъ Шатовъ.

— Извольте, другими, сурово посмотрѣлъ на него Николай Всеволодовичъ. — Я хотѣлъ лишь узнать: вѣрюете вы сами въ Бога или нѣтъ?

— Я вѣрю въ Россію, я вѣрю въ ея православіе... Я вѣрю въ тѣло Христово... Я вѣрю, что новое пришествіе совершился въ Россіи... Я вѣрю... залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— А въ Бога? Въ Бога?

— Я... я буду вѣровать въ Бога.

Ни одинъ мускулъ не двинулся въ лицѣ Ставрогина. Шатовъ пламенно, съ вызовомъ смотрѣлъ на него, точно сжечь хотѣлъ его своимъ взглядомъ.

— Я вѣдь не сказалъ же вамъ, что не вѣрю вовсе! вскричалъ онъ, наконецъ.—Я только лишь знать даю, что я несчастная, скучная книга и болѣе ничего покамѣстъ, покамѣстъ... Но погибай мое имя! Дѣло въ васъ, а не во мнѣ... Я человѣкъ безъ таланта и могу только отдать свою кровь и ничего больше, какъ всякой человѣкъ безъ таланта. Погибай же и моя кровь! Я о васъ говорю, я васъ два года здѣсь ожидалъ... Я для васъ теперь полчаса пляшу нагишомъ. Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!..

Онъ не договорилъ и какъ бы въ отчаяніи, облокотившись на столъ, подперъ обѣими руками голову.

— Я вамъ только кстати замѣчу, какъ странность, перебилъ вдругъ Ставрогинъ.—Почему это мнѣ всѣ навязываютъ какое-то знамя? Петръ Верховенскій тоже убѣжденъ, что я могъ бы „поднять у нихъ знамя“, по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали его слова. Онъ задался мыслю, что я могъ бы сыграть для нихъ роль Стеньки Разина „по необыкновенной способности къ преступленію“,—тоже его слова.

— Какъ? спросилъ Шатовъ.—„По необыкновенной способности къ преступленію?“

— Именно.

— Гм!.. А правда-ли, что вы, злобно ухмыльнулся онъ,—правда-ли, что вы ирина-должали въ Петербур-

гѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу? Правда-ли, что маркизъ де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда-ли, что вы заманивали и развращали дѣтей? Говорите, не смѣйте лгать! вскричалъ онъ, совсѣмъ выходя изъ себя.— Николай Ставрогинъ не можетъ лгать предъ Шатовымъ, бившимъ его по лицу! Говорите все, и если правда, я васъ тотчасъ же, сейчасъ же убью, тутъ же на мѣстѣ!

— Я эти слова говорилъ, но дѣтей не я обижалъ, произнесъ Ставрогинъ, но только послѣ слишкомъ долгаго молчанія.

Онъ поблѣднѣлъ и глаза его вспыхнули.

— Но вы говорили! властно продолжалъ Шатовъ, не сводя съ него сверкающихъ глазъ.— Правда-ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизни для человѣчества? Правда-ли, что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?

— Такъ отвѣтить невозможно... я не хочу отвѣтить, пробормоталъ Ставрогинъ, который очень бы могъ встать и уйти, но не вставалъ и не уходилъ.

— Я тоже не знаю, почему зло скверно, а добро прекрасно, но я знаю, почему опущеніе этого различія стирается и теряется у такихъ господъ, какъ Ставрогины, не отставалъ весь дрожавшій Шатовъ.— Знаете-ли, почему вы тогда женились, такъ позорно и подло? Именно потому, что тутъ позоръ и безмыслица доходили до геніальности! О, вы не бѣдите съ краю, а смѣло летите внизъ головой. Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угрызеніямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ нервный надрывъ... Вызовъ здравому смыслу былъ ужъ слишкомъ прельстителенъ! Ставрогинъ и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? Чувствовали? Праздный шатающійся барченокъ, чувствовали?

— Вы психологъ, блѣднѣлъ все больше и больше Ставрогинъ,— хотя въ причинахъ моего брака вы отчасти ошиблись... Кто бы, впрочемъ, могъ вамъ доставить всѣ эти свѣдѣнія, усмѣхнулся онъ черезъ силу.— Неужто Кирилловъ? Но онъ не участвовалъ...

— Вы блѣднѣете?

— Чего однакоже вы хотите? возвысилъ, наконецъ, голосъ Николай Всеvolодовичъ.— Я полчаса просидѣлъ подъ вашимъ кнутомъ и, по крайней мѣрѣ, вы бы могли отпустить меня вѣжливо... если въ самомъ дѣлѣ не имѣете никакой разумной цѣли поступать со мной такимъ образомъ.

— Разумной цѣли?

— Безъ сомнѣнія. Въ вашей обязанности, по крайней мѣрѣ, было объявить мнѣ, наконецъ, вашу цѣль. Я все ждалъ, что вы это сдѣлаете, но нашелъ одну только изступленную злость. Прошу васъ, отворите мнѣ ворота.

Онъ всталъ со стула. Шатовъ неистово бросился вслѣдъ за нимъ.

— Цѣлуйте землю, облейте слезами, просите прощенія! вскричалъ онъ, схватывая его за плечо.

— Я, однако, васъ не убилъ... въ то утро... а взялъ обѣ руки назадъ... почти съ болью проговорилъ Ставрогинъ, потупивъ глаза.

— Договаривайте, договаривайте! Вы пришли предупредить меня обѣ опасности, вы допустили меня говорить, вы завтра хотите объявить о вашемъ бракѣ публично!.. Развѣ я не вижу по лицу вашему, что васъ борется какая-то грозная новая мысль... Ставрогинъ, для чего я осужденъ въ васъ вѣрить вовѣки - вѣковъ? Развѣ могъ бы я такъ говорить съ другимъ? Я цѣломудріе имѣю, но я не побоялся моего нагиша, потому что со Ставрогинымъ говорилъ. Я не боялся окарикатурить великую мысль прикосновеніемъ моимъ, потому что Ставрогинъ слушалъ меня... Развѣ я не буду цѣловать слѣдовъ вашихъ ногъ, когда вы уйдете? Я не могу васъ вырвать изъ моего сердца, Николай Ставрогинъ!

— Мнѣ жаль, что я не могу васъ любить, Шатовъ, холодно проговорилъ Николай Всеvolodовичъ.

— Знаю, что не можете, и зпаю, что не лжете. Слушайте, я все поправить могу: я достану вамъ зайца!

Ставрогинъ молчалъ.

— Вы атеистъ, потому что вы баричъ, послѣдній баричъ. Вы потеряли различіе зла и добра, потому что перестали свой народъ узнавать... Идетъ новое поколѣніе, прямо изъ сердца народнаго, и не узнаете его вовсе, ни вы, ни Верховенскіе, сынъ и отецъ, ни я, потому что я тоже баричъ, я, сынъ вашего крѣпостного лакея Цашки... Слушайте, добудьте Бога трудомъ; вся суть въ этомъ, или исчезните какъ подлая пѣсень; трудомъ добудьте.

— Бога трудомъ? Какимъ трудомъ?

— Мужицкимъ. Идите, бросьте ваши богатства... А! вы смеетесь, вы боитесь, что выйдетъ кунштикъ?

Но Ставрогинъ не смеялся.

— Вы полагаете, что Бога можно добыть трудомъ, и именно мужицкимъ? переговорилъ онъ, подумавъ, какъ будто действительно встрѣтилъ что-то новое и серьезнное, что стоило обдумать. — Кстати, перешелъ онъ вдругъ къ новой мысли,—вы мнѣ сейчасъ напомнили: знаете-ли, что я вовсе не богатъ, такъ что нечего и бросать? Я почти не въ состояніи обеспечить даже будущность Мары Тимоѳеевны... Вотъ что еще: я пришелъ было васъ просить, если можно вамъ, не оставить и впредь Марью Тимоѳеевну, такъ какъ вы одни могли бы имѣть нѣкоторое вліяніе на ея бѣдный умъ. Я на всякий случай говорю.

— Хорошо, хорошо, вы про Марью Тимоѳеевну, замахъ рукой Шатовъ, держа въ другой свѣчу.—Хорошо, потомъ само собой... Слушайте, сходите къ Тихону.

— Къ кому?

— Къ Тихону. Тихонъ, бывшій архіерей, по болѣзни живеть на покоѣ, здѣсь въ городѣ, въ нашемъ Ефимьевскомъ Богородскомъ монастырѣ.

— Это что же такое?

— Ничего. Къ нему Ѣздятъ и ходятъ. Сходите; что вамъ? Ну, чего вамъ?

— Въ первый разъ слышу и... никогда еще не видывалъ этого сорта людей. Благодарю васъ, схожу.

— Сюда, свѣтилъ Шатовъ по лѣстницѣ. — Ступайте, распахнулъ онъ калитку на улицу.

— Я къ вамъ больше не приду, Шатовъ, тихо проговорилъ Ставрогинъ, шагая чрезъ калитку.

Темень и дождь продолжались попрежнему.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ночь (продолженіе).

I.

Онъ прошелъ всю Богоявленскую улицу; наконецъ, прошло подъ гору, ноги Ѣхали въ грязи, и вдругъ открылось широкое, туманное, какъ бы пустое пространство—рѣка. Дома обратились въ лачужки, улица пропала во множествѣ беспорядочныхъ закоулковъ. Николай Всеволодовичъ долго пробирался около заборовъ, не отдаляясь

отъ берега, по твердо находя свою дорогу и даже врядъли много о ней думая. Онъ занять былъ совсѣмъ другимъ и съ удивленiemъ осмотрѣлся, когда вдругъ, очнувшись отъ глубокаго раздумья, увидалъ себя чутъ не на срединѣ нашего длиннаго, мокраго, плашкотнаго моста. Ни души кругомъ, такъ что странно показалось ему, когда внезапно, почти подъ самымъ локтемъ у него, раздался вѣжливо-фамильярный, довольно, впрочемъ, пріятный голосъ, съ тѣмъ услаженно-скандированнымъ акцентомъ, которымъ щеголяютъ у насъ слишкомъ цивилизованные мѣщане или молодые кудрявые приказчики изъ Гостиаго ряда.

— Не позволите-ли, милостивый господинъ, зонтикомъ вашимъ заодно позаимствоваться?

Въ самомъ дѣлѣ, какая-то фигура пролѣзла, или хотѣла показать только видъ, что пролѣзла подъ его зонтикомъ. Бродяга шелъ съ нимъ рядомъ, почти „чувствуя его локтемъ“, — какъ выражаются солдатики. Убравивъ шагу, Николай Всеволодовичъ принағнулся разсмотреть, насколько это возможно было въ темнотѣ: человѣкъ росту невысокаго и въ родѣ какъ бы загулявшаго мѣщанинишки; одѣтъ не тепло и неприглядно: на лохматой курчавой головѣ торчалъ суконный мокрый картузъ, съ полуоторваннымъ козырькомъ. Казалось, это былъ сильный брюнетъ, сухощавый и смуглый; глаза были больше, непремѣнно черные, съ сильнымъ блескомъ и съ желтымъ отливомъ, какъ у цыганъ; это и въ темнотѣ угадывалось. Лѣтъ, должно-быть, сорока, и не пьянъ.

— Ты меня знаешь? спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Господи! Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ; мнѣ вѣсь на станціи, едва лишь машина остановилась, въ запрошлое воскресеніе показывали. Окромя того, что прежде были наслышаны.

— Отъ Петра Степановича? Ты... ты Федька Каторжный?

— Крестили Федоромъ Федоровичемъ; доселъ природную родительницу нашу имѣемъ въ здѣшнихъ краяхъ-съ, старушку Божію, къ землѣ растеть, за насъ ежедневно день и ночь Бога молитъ, чтобы такимъ образомъ своего старушечьяго времени даромъ па печи не терять.

— Ты бѣглый съ каторги?

— Перемѣнилъ участъ. Сдалъ книги и колокола и церковныя дѣла, потому я былъ рѣшенъ вдоль по каторгѣ-съ, такъ очевидно долго ужъ сроку приходилось дожидаться.

— Чѣдъ здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ день да ночь—сутки прочь. Дяденька тоже вашъ на прошлой недѣлѣ въ острогѣ здѣшнемъ по фальшивымъ деньгамъ скончались, такъ я, по немъ поминки справляя, два десятка камней собакамъ раскидалъ,—вотъ только и дѣла нашего было пока. Окромя того Петръ Степановичъ паспортомъ по всей Рaseѣ, чтобы, примѣрно, купеческимъ, облагонадеживаются, такъ тоже вотъ ожидаю ихъ милости. Потому, говорятъ, паша тебя въ клубѣ аглицкомъ въ карты тогда проигралъ; такъ я, говорятъ, несправедливымъ сіе безчеловѣчье нахожу. Вы бы мнѣ, сударь, согрѣться, на чаекъ, три цѣлковыхъ соблаговолили?

— Значитъ, ты меня здѣсь стерегъ; я этого не люблю. По чьему приказанію?

— Чтобы по приказанію, то этого не было-съ ничѣго, а я единственно человѣколюбіе ваше знамши, всему свѣту извѣстное. Напи доходишки, сами знаете, либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ. Я вонъ въ пятницу натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла, да съ тѣхъ поръ день не ёлъ, другой погодилъ, а на третій опять не ёлъ. Воды въ рѣкѣ сколько хошь, въ брюхѣ карасей развелъ... Такъ вотъ не будетъ-ли вашей милости отъ щедротъ; а у меня тутъ какъ разъ неподалеку кума поджидаетъ, только къ ней безъ рублей не являйся.

— Тебѣ что же Петръ Степановичъ отъ меня обѣщалъ?

— Они не то чтобы пообѣщали-съ, а говорили на словахъ-съ, что могу, пожалуй, вашей милости пригодиться, если полоса такая примѣрно выйдетъ, но въ чемъ собственно, того не объяснили, чтобы въ точности, потому Петръ Степановичъ меня, примѣромъ, въ терпѣніи казакомъ испытываютъ и довѣренности ко мнѣ никакой не питаютъ.

— Почему жѣ?

— Петръ Степановичъ — астроломъ и всѣ Божіи планеты узналъ, а и онъ критикѣ подверженъ. Я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, потому обѣ васъ многимъ наслышаны. Петръ Степановичъ—одно, а вы, сударь, пожалуй, что и другое. У того коли сказано про человѣка: подлецъ, такъ ужъ кромѣ подлеца онъ про него ничего и не вѣдѣть. Али сказано — дуракъ, такъ ужъ кромѣ дурака у него тому человѣку и званія нѣтъ. А я, можетъ, по вторникамъ да по средамъ только дуракъ, а

въ четвергъ и умрѣ его. Вотъ онъ знаетъ теперь про меня, что я очинно паспортомъ скучаю,—потому въ Радѣ никакъ нельзя безъ документа,—такъ ужъ и думаетъ, что онъ мою душу заполонилъ. Петру Степановичу, л вамъ скажу, сударь, очинно легко жить на свѣтѣ, потому онъ человѣка самъ представить себѣ, да съ такимъ и живетъ. Окромя того больно скупъ. Они въ томъ мнѣніи, что я помимо ихъ не посмѣю васъ беспокоить, а я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, — вотъ уже четвертую почъ вашей милости на семъ мосту поджидаю, въ томъ предметѣ, что и кромѣ нихъ могу тихими стопами свой собственный путь найти. Лучше, думаю, я ужъ сапогу поклонюсь, а не лаптю.

— А кто тебѣ сказалъ, что я ночью по мосту пойду?

— А ужъ это, признаться, стороной вышло, больше по глупости капитана Лебядкина, потому они никакъ чтобы удержать въ себѣ не умѣютъ... Такъ три-то цѣлковыхъ съ вашей милости, примѣромъ, за три дня и три ночи, за скучу придется. А что одежи промокло, такъ мы ужъ, изъ обиды одной, молчимъ.

— Мнѣ нальво, тебѣ направо; мостъ конченъ. Слушай, Федоръ, я люблю, чтобы мое слово понимали разъ навсегда: не дамъ тебѣ ни копейки, впередъ мнѣ ни на мосту и нигдѣ не встрѣчайся, нужды въ тебѣ не имѣю и не буду имѣть, а если ты не послушаешься—свяжу и въ полицію. Маршъ!

— Эхма, за компанію, по крайности, набросьте, веселѣе было идти-сь.

— Пошелъ!

— Да вы дорогу-то здѣшнюю знаете-ли-сь? Вѣдь тутъ такие проулки пойдутъ... я бы могъ руководствовать, потому, здѣшний городъ—это все равно, что чортъ въ корзинѣ несъ, да растресъ.

— Эй, свяжу! грозно обернулся Николай Всеиводовичъ.

— Разсудите, можетъ-быть, сударь; сироту долго-ли изобидѣть?

— Нѣтъ, ты, видно, увѣренъ въ себѣ!

— Я, сударь, въ васъ увѣренъ, а не то чтобы очинно въ себѣ.

— Не нуженъ ты мнѣ совсѣмъ, я сказалъ!

— Да вы-то мнѣ нужны, сударь, вотъ что-сь. Подожду васъ на обратномъ пути, такъ ужъ и быть.

— Честное слово даю: коли встрѣчу—свяжу.

— Такъ я ужъ и кушачокъ приготовлю-сь. Счастливаго пути, сударь, все подъ зонтикомъ сироту обогрѣли, на одномъ этомъ по гробъ жизни благодарны будемъ.

Онъ отсталъ. Николай Всеволодовичъ дошелъ до мѣста озабоченный. Этотъ съ неба упавшій человѣкъ совершенно былъ убѣжденъ въ своей для него необходимости и слишкомъ нагло спѣшилъ заявить объ этомъ. Вообще съ нимъ не церемонились. Но могло быть и то, что бродилъ не все лгалъ и напрашивался на службу въ самомъ дѣлѣ только отъ себя, и именно потихоньку отъ Петра Степановича; а ужъ это было всего любопытнѣе.

II.

Домъ, до которого дошелъ Николай Всеволодовичъ, стоялъ въ пустынномъ закоулкѣ между заборами, за которыми тянулись огороды, буквально на самомъ краю города. Это былъ совсѣмъ уединенный небольшой деревянный домикъ, только-что отстроенный и еще не обшитый тесомъ. Въ одномъ изъ окопекъ ставни были парочно не заперты, и на подоконникѣ стояла свѣча — видимо съ цѣлью служить маякомъ ожидающему сегодня позднему гостю. Шаговъ еще за тридцать, Николай Всеволодовичъ отличилъ стоявшую на крылечкѣ фигуру высокаго ростомъ человѣка, вѣроятно, хозяина помѣщенія, вышедшаго въ петербургіи посмотретьъ на дорогу. Послыпался и голосъ его, нетерпѣливый и какъ бы робкій.

— Это вы-сь? Вы-сь?

— Я, отозвался Николай Всеволодовичъ, не раньше какъ совсѣмъ дойдя до крыльца и свертывая зонтикъ.

— Наконецъ-то-сь! затоптался и засуетился капитанъ Лебядкинъ,—это былъ онъ.—Пожалуйте зонтичекъ; очепь мокро-сь; я его разверну здѣсь на полу въ уголку; милости просимъ, милости просимъ.

Дверь изъ сѣней въ освѣщенную двумя свѣчами комнату была отворена настежь.

— Если бы только не ваше слово о несомнѣнномъ прібытии, то пересталъ бы вѣрить.

— Три четверти перваго, посмотрѣль на часы Николай Всеволодовичъ, вступая въ комнату.

— И при этомъ дождь—и такое интересное разстояніе... Часовъ у меня нѣть, а изъ окна одни огороды, такъ что... отстаешь отъ событий... но собственно не въ ропотъ, потому и не смѣю, не смѣю, а единственно лить отъ не-

териїнія, снѣдаемаго всю недѣлю, чтобы, наконецъ... разрѣшиться.

— Какъ?

— Судьбу свою услыхать, Николай Всеvolодовичъ. Милости просимъ.

Онъ склонился, указывая на мѣсто у столика предъ диваномъ.

Николай Всеvolодовичъ осмотрѣлся; комната была крошечная, низенъкая; мебель самая необходимая, стулья и диванъ деревянные, тоже совсѣмъ новой подѣлки, безъ обивки и безъ подушекъ, два липовые стола, одинъ у дивана, а другой въ углу, накрытый скатертью, чѣмъ-то весь заставленный и прикрытый сверху чистѣйшею салфеткой. Да и вся комната содержалась, повидимому, въ большой чистотѣ. Капитанъ Лебядкинъ дней уже восемь не былъ пьянъ; лицо его какъ-то отекло и пожелѣло, взглядъ былъ беспокойный, любопытныи и очевидно недоумѣвающій: слишкомъ замѣтно было, что онъ еще самъ не знаетъ, какимъ тономъ ему можно заговорить и въ какой всего выгоднѣе было бы прямо попасть.

— Вотъ-съ, указалъ онъ кругомъ,—живу Зосимой. Трезвость, единеніе и нищета—обѣть древнихъ рыцарей.

— Вы полагаете, что древніе рыцари давали такие обѣты?

— Можетъ-быть, сбился? Увы, миѣ нѣтъ развитія! Все погубилъ! Вѣрите-ли, Николай Всеvolодовичъ, здѣсь впервые очнулся отъ постыдныхъ пристрастій,—ни рюмки, ни капли! Имѣю уголъ и шесть дней ощущаю благоденствіе совѣсти. Даже стѣны пахнутъ смолой, напоминая природу. А что я былъ, чѣмъ я былъ?

„Ночью дую безъ почлега,
Днемъ же, высушувъ языкъ“,

по геніальному выражению поэта! Но... вы такъ обмокли... Не угодно-ли будетъ чаю?

— Не беспокойтесь.

— Самоваръ кипѣлъ съ восьмого часу, по... потухъ... какъ и все въ мірѣ. И солнце, говорятъ, потухнетъ въ свою очередь... Впрочемъ, если надо, я сочиню. Агаѳя не спитъ.

— Скажите, Марья Тимоѳеевна...

— Здѣсь, здѣсь, тотчасъ же подхватилъ Лебядкинъ шопотомъ,—угодно будетъ взглянуть? указалъ онъ на припертую дверь въ другую комнату.

— Не спить?

— О, нѣтъ, нѣть, возможно-ли? Напротивъ, еще съ самаго вечера ожидаетъ, и какъ только узнала давеча, тотчасъ же сдѣлала туалетъ, скривилъ было онъ ротъ въ шутливую улыбочку, но мигомъ осѣкся.

— Какъ она вообще? нахмурясь, спросилъ Николай Всееволодовичъ.

— Вообще? Сами изволите знать (онъ сожалительно вскинулъ плечами), а теперь... теперь сидеть въ карты гадаетъ...

— Хорошо, потомъ; сначала надо кончить съ вами.

Николай Всееволодовичъ усѣлся на стуль.

Капитанъ не посмѣлъ уже сѣсть на диванъ, а тотчасъ же придвигнулъ себѣ другой стуль, и въ трепетномъ ожиданіи принагнулся слушать.

— Это что-жъ у васъ тамъ въ углу подъ скатертью? вдругъ обратилъ вниманіе Николай Всееволодовичъ.

— Это-съ? повернулся тоже и Лебядкинъ. — Это отъ вашихъ же щедротъ, въ видѣ, такъ сказать, новоселья, взявъ тоже во вниманіе дальнийшій путь и естественную усталость, умилительно подхихикнулъ онъ, затѣмъ всталъ съ мѣста и на цыпочкахъ, почтительно и осторожно снялъ со столика въ углу скатерть.

Подъ нею оказалась приготовленная закуска: ветчина, телятина, сардины, сыръ, маленький зеленоватый графинчикъ и длинная бутылка бордо; все было уложено чисто, съ знаніемъ дѣла и почти щегольски.

— Это вы хлонотали?

— Я-съ. Еще со вчерашняго дня и все, что могъ, чтобы сдѣлать честь... Марья же Тимофеевна на этотъ счетъ, сами знаете, равнодушна. А главное, отъ вашихъ щедротъ, ваше собственное, такъ какъ вы здѣсь хозяинъ, а не я, а я, такъ сказать, въ видѣ только вашего приказчика, ибо все-таки, все-таки, Николай Всееволодовичъ, все-таки духомъ я независимъ! Не отнимете же вы это послѣднее достояніе мое! докончилъ онъ умилительно.

— Гм!.. вы бы сѣли опять.

— Блага-а-даренъ, благодаренъ и независимъ! (Онъ сѣлъ). Ахъ, Николай Всееволодовичъ, въ этомъ сердцѣ накипѣло столько, что я не зналъ, какъ васъ и дождаться! Вотъ вы теперь разрѣшите судьбу мою и... той несчастной, а тамъ... тамъ, какъ бывало прежде, встарину, изолю предъ вами все, какъ четыре года назадъ? Удо-

стоивали же вы меня тогда слушать, читали строфы... Пусть меня тогда называли вашимъ Фальстafомъ изъ Шекспира, но вы значили столько въ судьбѣ моей!.. Я же имѣю теперь великие страхи, и отъ васъ одного только и жду и совѣта, и свѣта. Петръ Степановичъ ужасно поступаетъ со мной!

Николай Всеволодовичъ любопытно слушалъ и пристально вглядывался. Очевидно, капитанъ Лебядкинъ хоть и пересталъ пьянствовать, но все-таки находился далеко не въ гармоническомъ состояніи. Въ подобныхъ много-лѣтнихъ пьяницахъ утверждается подъ конецъ навсегда яѣчто нескладное, чадное, что-то какъ бы поврежденное и безумное, хотя, впрочемъ, они надуваютъ, хитрятъ и плутаютъ почти не хуже другихъ, если надо.

— Я вижу, что вы вовсе не перемѣнились, капитанъ, въ эти слишкомъ четыре года, проговорилъ какъ бы нѣсколько ласковые Николай Всеволодовичъ.—Видно, иправда, что вся вторая половина человѣческой жизни составляется обыкновенно изъ одиѣхъ только накопленныхъ въ первую половину привычекъ.

— Высокія слова! Вы разрѣшаете загадку жизни! вскричалъ капитанъ, наполовину плутая, а наполовину дѣйствительно въ неподдѣльномъ восторгѣ, потому что былъ большой любитель словечекъ.—Изъ всѣхъ вашихъ словъ, Николай Всеволодовичъ, я запомнилъ одно по преимуществу, вы еще въ Петербургѣ его высказали: „Нужно быть, дѣйствительно, великимъ человѣкомъ, чтобы сумѣть устоять даже противъ здраваго смысла“. Вотъ-съ!

— Ну, равно и дуракомъ.

— Такъ-съ, пусть и дуракомъ, но вы всю жизнь вашу ссыпали остроуміемъ, а они? Пусть Липутинъ, пусть Петръ Степановичъ хоть что-нибудь подобное изрекутъ! О, какъ жестоко поступалъ со мной Петръ Степановичъ!..

— Но вѣдь и вы, однакоже, капитанъ, какъ сами-то вы вели себя?

— Пьяный видъ и къ тому же бездна враговъ моихъ! Но теперь все, все проѣхало, и я обновляюсь, какъ змѣй. Николай Всеволодовичъ, знаете-ли, что я пишу мое завѣщаніе и что я уже написалъ его?

— Любопытно. Что же вы оставляете и кому?

— Отечеству, человѣчеству и студентамъ. Николай Всеволодовичъ, я прочелъ въ газетахъ бiографiю объ одномъ американцѣ. Онъ оставилъ все свое огромное состояніе на

фабрики и на положительные науки, свой скелетъ студентамъ, въ тамошнюю академію, а свою кожу на барабанъ съ тѣмъ, чтобы денно и нощно выбивать на немъ американскій національный гимнъ. Увы! мы пигмеи сравнительно съ полетомъ мысли Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Россія есть игра природы, но не ума. Попробуй я завѣщать мою кожу на барабанъ, примѣрно, въ Акмолинскій пѣхотный полкъ, въ которомъ имѣлъ честь начать службу, съ тѣмъ, чтобы каждый день выбивать на немъ предъ полкомъ русскій національный гимнъ, сочтуть за либерализмъ, запретятъ мою кожу... и потому ограничился одними студентами. Хочу завѣщать мой скелетъ въ академію, по съ тѣмъ, съ тѣмъ, однако, чтобы на лбу его былъ наклеенъ навѣки-вѣковъ ярлыкъ со словами: „раскаявшійся вольнодумецъ“. Вотъ-съ!

Капитанъ говорилъ горячо и уже, разумѣется, вѣрилъ въ красоту американского завѣщанія, но онъ былъ и плутъ, и ему очень хотѣлось тоже разсмѣшить Николая Всеволодовича, у которого онъ прежде долгое время состоялъ въ качествѣ шута. Но тотъ и не усмѣхнулся, а, напротивъ, какъ-то подозрительно спросилъ:

— Вы, стало-быть, намѣрены опубликовать ваше завѣщаніе при жизни и получить за него награду?

— А хоть бы и такъ, Николай Всеволодовичъ, хоть бы и такъ? осторожно взглянулъ Лебядкинъ.—Вѣдь судьба-то моя какова! Даже стихи пересталъ писать, а когда-то и вы забавлялись моими стишками, Николай Всеволодовичъ, помните, за бутылкой? Но конецъ перу. Написалъ только одно стихотвореніе, какъ Гоголь „Послѣднюю Повѣсть“, помните, еще онъ возвѣщалъ Россіи, что она „выпѣлась“ изъ груди его. Такъ и я, пропѣль и баста.

— Какое же стихотвореніе?

— „Въ случаѣ, если бъ она сломала ногу!“

— Что-о?

Того только и ждалъ капитанъ. Стихотворенія свои онъ уважалъ и цѣнилъ безмѣрно, но тоже, по пѣкоторой плутовской двойственности души, ему нравилось и то, что Николай Всеволодовичъ всегда, бывало, веселился его стишками и хохоталъ надъ ними иногда схватясь за бока. Такимъ образомъ, достигались двѣ цѣли — и поэтическая, и служебная; но теперь была и третья, особенная и весьма щекотливая цѣль: капитанъ, выдвигая на сцену стихи, думалъ оправдать себя въ одномъ пункѣ, котораго по-

чemu-to всего болѣе для себя опасался и въ которомъ всего болѣе считалъ себя провинившимся.

— „Въ случаѣ, если бъ она сломала погу“, то-есть въ случаѣ верховой Ѣзды. Фантазія, Николай Всеволодовичъ, бредъ, но бредъ поэта: однажды былъ пораженъ, проходя, при встрѣтѣ съ наѣздницей и задалъ материальный во-просъ: „что бы тогда было?“ — то-есть въ случаѣ. Дѣло ясное: всѣ искатели на посятный, всѣ женихи прочь, мор-гень-фри, нось утри, одинъ поэтъ остался бы вѣренъ стъ раздавленнымъ въ груди сердцемъ. Николай Всеволодо-вичъ, даже вошь, и та могла бы быть влюблена, и той не запрещено законами. И, однакоже, особы была обижена и письмомъ, и стихами. Даже вы, говорятъ, разсердились, такъ-ли-сь? Это прискорбно; не хотѣлъ даже вѣрить! Ну, кому бы я могъ повредить однимъ воображенiemъ? Къ тому же, честью клянусь, тутъ Липутиль: „пошли, да пошли, всякий человѣкъ достоинъ права переписки“, я и послалъ.

— Вы, кажется, предлагали себя въ женихи?

— Враги, враги и враги!

— Скажите стихи! сурово перебилъ Николай Всеволо-довичъ.

— Бредъ, бредъ прежде всего.

Однакоже, онъ выпрямился, протянулъ руку и пачаль:

Краса красотъ сломала членъ,
И интересиѣй вдвое стала,
И вдвое сдѣлался влюбленъ
Влюбленный ужъ по мало.

— Ну, довольно! махнулъ рукой Николай Всеволодовичъ.

— Мечтаю о Штерѣ, перескочилъ поскорѣе Лебядкинъ, какъ будто и не было никогда стиховъ, — мечтаю о воз-рожденіи... Благодѣтель! Могу-ли разсчитывать, что не откажете въ средствахъ къ поѣздкѣ? Я какъ солнца ожи-далъ васъ всю недѣлю.

— Ну, пѣтъ, ужъ извините, у менѣ совсѣмъ почти не осталось средствъ, да и зачѣмъ мнѣ вамъ деньги давать?..

Николай Всеволодовичъ какъ будто вдругъ разсердился. Сухо и кратко перечислилъ онъ всѣ преступленія капитана: пьянство, вранье, трату денегъ, назначавшихся Марьѣ Тимоѳеевнѣ, то, что ее взяли изъ монастыря, дерз-кія письма съ угрозами опубликовать тайну, поступокъ съ Дарьей Павловной и пр., и пр. Капитанъ колыхался, жестикулировалъ, начиналъ возражать, по Николай Все-

володовичъ каждый разъ повелительпо его останавливать.

— И позвольте, замѣтилъ онъ наконецъ, — вы все пишете о „фамильномъ позорѣ“. Какой же позоръ для васъ въ томъ, что ваша сестра въ законномъ бракѣ со Ставрогинымъ?

— Но бракъ подъ спудомъ, Николай Всеволодовичъ, бракъ подъ спудомъ, роковая тайна. Я получаю отъ васъ деньги и вдругъ мнѣ задаютъ вопросъ: за что эти деньги? Я связанъ и не могу отвѣтить, во вредъ сестрѣ, во вредъ фамильному достоинству.

Капитанъ повысилъ тонъ: онъ любилъ эту тему и крѣпко на нее разсчитывалъ. Увы! онъ и не предчувствовалъ, какъ его огорошить. Спокойно и точно, какъ будто дѣло шло о самомъ обыденномъ домашнемъ распоряженіи, Николай Всеволодовичъ сообщилъ ему, что на-дняхъ, можетъ-быть, даже завтра или послѣ завтра, онъ намѣренъ свой бракъ сдѣлать повсемѣстно извѣстнымъ, „какъ полиціи, такъ и обществу“, а, стало-быть, кончится самъ собою и вопросъ о фамильномъ достоинствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о субсидіяхъ. Капитанъ вытаращилъ глаза: онъ даже не понялъ; надо было растолковать ему.

— Но вѣдь она... полоумная?

— Я сдѣлаю такія распоряженія.

— Но... какъ же ваша родительница?

— Ну, ужъ это какъ хочетъ.

— Но вѣдь вы введете же вашу супругу въ вашъ домъ?

— Можетъ-быть, и да. Впрочемъ, это въполномъ смыслѣ не ваше дѣло и до васъ совсѣмъ не относится.

— Какъ не относится? вскричалъ капитанъ. — А я-то какъ же?

— Ну, разумѣется, вы не войдете въ домъ.

— Да вѣдь я же родственникъ.

— Отъ такихъ родственниковъ бѣгутъ. Зачѣмъ мнѣ давать вамъ тогда деньги, разсудите сами?

— Николай Всеволодовичъ, Николай Всеволодовичъ, этого быть не можетъ, вы, можетъ-быть, еще разсудите, вы не захотите наложить руки... что подумаютъ, что скажутъ въ свѣтѣ?

— Очень я боюсь вашего свѣта. Женился же я тогда на вашей сестрѣ, когда захотѣлъ, послѣ пьяного обѣда, изъ-за пари на вино, а теперь вслухъ опубликую объ этомъ... если это меня теперь тѣшить.

Онъ произнесъ это какъ-то особенно раздражительно, такъ что Лебядкинъ съ ужасомъ началъ вѣрить.

— Но вѣдь я, я-то какъ, главное вѣдь тутъ я!.. Вы, можетъ-быть, шутите-съ, Николай Всеволодовичъ?

— Нѣтъ, не шучу.

— Воля ваша, Николай Всеволодовичъ, а я вамъ не вѣрю... тогда я просьбу подамъ.

— Вы ужасно глупы, капитанъ.

— Пусть, но вѣдь это все, что мнѣ остается! сбился совсѣмъ капитанъ.—Прежде за ея службу тамъ въ углахъ, по крайней мѣрѣ, намъ квартиру давали, а теперь что же будетъ, если вы меня совсѣмъ бросите?

— Вѣдь хотите же вы ѿхать въ Петербургъ перемѣнить карьеру. Кстати, правда, я слышалъ, что вы намѣрены ѿхать съ доносомъ, въ надеждѣ получить прощеніе, объявивъ всѣхъ другихъ?

Капитанъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и не отвѣчалъ.

— Слушайте, капитанъ, чрезвычайно серьезно заговорилъ вдругъ Ставрогинъ, принағнувшись къ столу.

До сихъ поръ онъ говорилъ какъ-то двусмысленно, такъ что Лебядкинъ, искушившійся въ роли шута, до послѣдняго мгновенія, все-таки былъ капельку неувѣренъ: сердится-ли его баринъ въ самомъ дѣлѣ, или только подшучиваетъ, имѣетъ-ли въ самомъ дѣлѣ дикову мысль объявить о бракѣ, или только играетъ? Теперь же необыкновенно строгій видъ Николая Всеволодовича до того былъ убѣдителенъ, что даже озноѣ пробѣжалъ по спинѣ капитана.

— Слушайте и говорите правду, Лебядкинъ: донесли вы о чёмъ-нибудь или еще нѣтъ? Успѣли вы что-нибудь въ самомъ дѣлѣ сдѣлать? Не послали-ли какого-нибудь письма по глупости?

— Нѣтъ-съ, ничего не успѣлъ и... не думалъ, неподвижно смотрѣлъ капитанъ.

— Ну, вы лжете, что не думали. Вы въ Петербургъ для того и проситесь. Если не писали, то не сболтнули чего-нибудь кому-нибудь здѣсь? Говорите правду, я кое-что слышалъ.

— Въ пьяномъ видѣ Липутину. Липутинъ измѣнникъ. Я открылъ ему сердце, прошепталъ бѣдный капитанъ.

— Сердце сердцемъ, но не надо же быть и дуралеемъ. Если у васъ была мысль, то держали бы про себя: нынче умные люди молчатъ, а не разговариваютъ.

— Николай Всеволодовичъ, задрожалъ капитанъ. — Вѣдь вы сами ни въ чёмъ не участвовали, вѣдь я не на васъ...

— Да ужъ на дойную свою корову вы бы не посмѣли доносить.

— Николай Всеволодовичъ, посудите, посудите!..

И въ отчалиніи, въ слезахъ, капитанъ началъ торопливо излагать свою повѣсть за всѣ четыре года. Это была глупѣйшая повѣсть о дуракѣ, втянувшемся пе въ свое дѣло и почти не понимавшемъ его важности до самой послѣдней минуты, за нынѣствомъ и за гульбой. Онъ разсказалъ, что еще въ Петербургѣ „увлекся спервоначалу, просто по дружбѣ, какъ вѣрный студентъ, хотя и пе будучи студентомъ“, и пе зналъ ничего, „ни въ чёмъ неповинный“, разбрасывалъ разныя бумажки на лѣстницахъ, оставлялъ десятками у дверей, у звонковъ, засовывалъ вмѣсто газетъ, въ театръ проносилъ, въ шляпы совалъ, въ карманы пропускалъ. А потомъ и деньги стать отъ нихъ получать, „потому что средства - то, средства - то мои каковы-сь!“ Въ двухъ губерніяхъ по уѣздамъ разбрасывалъ „всякую дрянь“.

— О, Николай Всеволодовичъ, воскликнулъ онъ. — Всего болѣе возмущало меня, что это совершенно противно гражданскимъ и преимущественно отечественнымъ законамъ! Напечатано вдругъ, чтобы выходили съ вилами и чтобы помнили, что кто выйдетъ поутру бѣднымъ, можетъ вечеромъ воротиться домой богатымъ — подумайте-сь! Самого содроганіе беретъ, а разбрасываю. Или вдругъ пять-шесть строкъ ко всей Россіи, ни съ того, ни съ сего: „запирайте скрѣпѣ церкви, уничтожайте Бога, нарушайте браки, уничтожайте права наслѣдства, берите пожи“, и только, и чортъ знаетъ что дальше. Вотъ съ этой бумажкой, съ пятистрочною-то, я чуть не попался, въ полку офицеры поколотили, да дай Богъ здоровья, выпустили. А тамъ прошлаго года чуть не захватили, какъ я пятидесятирублевая французской поддѣлки Короваеву передалъ; да слава Богу, Короваевъ какъ разъ пыльный въ пруду утонулъ къ тому времени, и меня не успѣли изобличить. Здѣсь у Виргинскаго провозглашалъ свободу соціальной жены. Въ іюнѣ мысѧцѣ опять въ — сколь уѣздѣ разбрасывалъ. Говорятъ, еще заставятъ... Петръ Степановичъ вдругъ даетъ знать, что я долженъ слушаться; давно уже угрожаетъ. Вѣдь какъ опять въ воскресенье тогда поступилъ со мной! Николай Всеволодовичъ,

л рабъ, я червь, но не Богъ, тѣмъ только и отличаюсь отъ Державина. Но вѣдь средства-то, средства-то мои каковы!

Николай Всеволодовичъ прослушалъ все любопытно.

— Многаго я вовсе не зналъ, сказалъ онъ. — Разумѣется, съ вами все могло случиться... Слушайте, сказалъ онъ, подумавъ, — если хотите, скажите имъ, ну, тамъ кому знаете, что Липутинъ совралъ, и что вы только меня попугать доносомъ собирались, полагая, что я тоже скомпрометированъ и чтобы съ меня такимъ образомъ больше денегъ взыскать... Понимаете?

— Николай Всеволодовичъ, голубчикъ, неужто же миѣ угрожаетъ такая опасность? Я только васть и ждалъ, чтобы васть спросить.

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Въ Петербургъ васть, конечно, не пустятъ, хотя-бъ я вамъ и далъ денегъ на поѣздку... а, впрочемъ, къ Марье Тимоѳеевнѣ пора.

И онъ всталъ со стула.

— Николай Всеволодовичъ, а какъ же съ Марьей-то Тимоѳеевной?

— Да такъ, какъ я сказывалъ.

— Неужто и это правда?

— Вы все не вѣрите?

— Неужели вы меня такъ и сбросите, какъ старый изношенный сапогъ?

— Я посмотрю, засмѣялся Николай Всеволодовичъ. — Ну, пустите.

— Не прикажете-ли, я на крылечкѣ постою-сь... чтобы какъ-нибудь невзначай чего пе подслушать... потому что комнатки крошечныя.

— Это дѣло; постойте на крыльцѣ. Возьмите зонтикъ.

— Зонтикъ, вашъ... стоять-ли для меня-сь? переслалъ капитанъ.

— Зонтика всякий стойть.

— Разомъ опредѣляете піпіум правъ человѣческихъ...

Но онъ уже лепеталъ машинально; опѣ слишкомъ бытъ подавленъ извѣстіями и сбылся съ послѣдняго толку. И однаждо, почти тотчасъ же какъ вышелъ на крыльцо и распустилъ надъ собой зонтикъ, стала паклевываться въ легкомысленной и плутоватой головѣ его опять всегдашняя успокоительная мысль, что съ нимъ хитрить и ему лгутъ, а коли такъ, то не ему бояться. а его боятся.

„Если лгутъ и хитрятъ, то въ чём тутъ именно штука?“ скреблось въ его головѣ. Провозглашеніе брака ему казалось нелѣпостью: „Правда, съ такимъ чудотворцемъ все сдѣется; для зла людямъ живетъ. Ну, а если самъ боится, съ воскреснаго - то афрона, да еще такъ, какъ никогда? Вотъ и прибѣжалъ увѣрять, что самъ провозгласить, отъ страха, чтобъ я не провозгласилъ. Эй, не промахнись, Лебядкинъ! И къ чему приходить ночью, крадучись, когда самъ желаетъ огласки? А если боится, то, значитъ, теперь боится, именно сейчасъ, именно за эти нѣсколько дней... Эй, не свернись, Лебядкинъ!..“

„Пугаетъ Петромъ Степановичемъ. Ой, жутко, ой, жутко; нѣть, вотъ тутъ такъ жутко! И дернуло меня сболтнуть Липутину. Чортъ знаетъ что затѣваются эти черти, никогда не могъ разобрать. Опять заворочались, какъ пять лѣтъ назадъ. Правда, кому бы я донесъ? „Не написали ли кому по глупости?“ Гм! Стало-быть, можно написать, подъ видомъ какъ бы глупости? Ужъ не совѣтъ-ли даетъ? „Вы въ Петербургъ за тѣмъ ёдете“. Мошенникъ, мнѣ только приснилось, а ужъ онъ и сонъ отгадалъ! Точно самъ подталкиваетъ ёхать. Тутъ двѣ штуки навѣрно, одна аль другая: или опять-таки самъ боится, потому что накуролесиль, или... или ничего не боится самъ, а только подталкиваетъ, чтобъ я на нихъ всѣхъ донесъ! Охъ, жутко, Лебядкинъ, охъ, какъ бы не промахнуться!..“

Онъ до того задумался, что позабылъ и подслушивать. Впрочемъ, подслушать было трудно; дверь была толстая, одностворчатая, а говорили очень не громко; доносились какіе-то неясные звуки. Капитанъ даже плонулы и вышелъ опять, въ задумчивости, посвистать на крыльцо.

III.

Комната Мары Тимофеевны была вдвое болѣе той, которую занималъ капитанъ, и меблирована такою же топорною мебелью; но столъ предъ диваномъ былъ закрытъ цвѣтною нарядною скатертью; на немъ горѣла лампа; по всему полу былъ разостланъ прекрасный коверъ; кровать была отddenа длинною, во всю комнату, зеленою занавѣсью, и кромѣ того у стола находилось одно большое мягкое кресло, въ которое, однако, Мары Тимофеевна не садилась. Въ углу, какъ и въ прежней квартирѣ, помѣщался образъ, съ зажженою передъ нимъ лампадкой, а на столѣ разложены были все тѣ же необходимыя ве-

щицы: колода картъ, зеркальце, п'есенникъ, даже сдобная булочка. Сверхъ того явились двѣ книжки съ раскрашенными картинками, одна — выдержки изъ одного популярнаго путешествія, приспособленныя для отроческаго возраста, другая — сборникъ легонькихъ, нравоучительныхъ и большею частью рыцарскихъ разсказовъ, предназначенный для елокъ и институтовъ. Былъ еще альбомъ разныхъ фотографій. Марья Тимоѳеевна, конечно, ждала гостя, какъ и предварилъ капитанъ; но когда Николай Всеvolодовичъ къ ней вошелъ, она спала, полужала на диванъ, склонившись на гарусную подушку. Гость неслышно притворилъ за собою дверь и, не сходя съ мѣста, сталъ разсматривать спящую.

Капитанъ прилгнулъ, сообщая о томъ, что она сдѣлала туалетъ. Она была въ томъ же темненькомъ платьѣ, какъ и въ воскресенье и у Варвары Петровны. Точно такъ же были завязаны ея волосы въ крошечный узелокъ на затылкѣ; точно такъ же обнажена длинная и сухая шея. Подаренная Варварой Петровной черная шаль лежала, бережно сложенная, на диванѣ. Попрежнему она была грубо набѣлена и нарумянена. Николай Всеvolодовичъ не простоялъ и минуты, она вдругъ проснулась, точно почувствовавъ его взглядъ надъ собою, открыла глаза и быстро выпрямилась. Но, должно-быть, что-то странное произошло и съ гостемъ: онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ у дверей; неподвижно и проницательнымъ взглядомъ безмолвно и упорно всматривался въ ея лицо. Можетъ-быть, этотъ взглядъ былъ излишне суровъ, можетъ-быть, въ немъ выражалось отвращеніе, даже злорадное наслажденіе ея испугомъ — если только не померещилось такъ со сна Марѣ Тимоѳеевнѣ; но только вдругъ, послѣ минутнаго почти ожиданія, въ лицѣ бѣдной женщины выражился совершенный ужасъ: по немъ пробѣжалы судороги, она подняла, сотрясая ихъ, руки и вдругъ заплакала, точь-въ-точь какъ испугавшійся ребенокъ; еще мгновеніе, и она бы закричала. Но гость опомнился; въ одинъ мигъ измѣнилось его лицо, онъ подошелъ къ столу съ самою привѣтливою и ласковою улыбкой.

— Виновать, наугадъ я васъ, Марья Тимоѳеевна, нечаяннымъ приходомъ, со сна, проговорилъ онъ, протягивая ей руку.

Звуки ласковыхъ словъ произвели свое дѣйствіе, испугъ исчезъ, хотя все еще она смотрѣла съ боязнью, видимо

усиливаясь что-то понять. Боязливо протянула и руку. Наконецъ, улыбка робко шевельнулась на ея губахъ.

— Здравствуйте, князь, прошептала она, какъ-то странно въ него вглядываясь.

— Должно-быть, сонъ дурной видѣли? продолжалъ онъ все привѣтливѣе и ласковѣе улыбаться.

— А вы почему узнали, что я *про это* сонъ видѣла?..

И вдругъ она опять задрожала и отшатнулась назадъ, подымая передъ собой, какъ бы въ защиту, руку и приготовляясь опять заплакать.

— Оправьтесь, полноте, чего бояться, неужто вы меня не узнали? уговаривалъ Николай Всеволодовичъ, но на этотъ разъ долго не могъ уговорить.

Она молча смотрѣла на него, все съ тѣмъ же мучительнымъ недоумѣniемъ, съ тяжелою мыслію въ своей бѣдной головѣ и все такъ же усиливаясь до чего-то додуматься. То потупляла глаза, то вдругъ окидывала его быстрымъ, обхватывающимъ взглядомъ. Наконецъ, не то что успокоилась, а какъ бы рѣшилась.

— Садитесь, прошу васъ, подлѣ меня, чтобы можно было мнѣ потомъ васъ разглядѣть, произнесла она довольно твердо, съ явною и какою-то новою цѣлью.— А теперь не беспокойтесь, я и сама не буду глядѣть на васъ, а буду внизъ смотрѣть. Не глядите и вы на меня до тѣхъ поръ, пока я васъ сама не попрошу. Садитесь же, прибавила она даже съ нетерпѣніемъ.

Новое ощущеніе видимо овладѣвало ею все болѣе и болѣе.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и ждалъ; наступило довольно долгое молчаніе.

— Гм! Странно мнѣ все это, пробормотала она вдругъ чуть неrezгливо.—Меня, конечно, дурные сны одолѣли; только вы-то зачѣмъ въ этомъ самомъ видѣ приснились?..

— Ну, оставимъ сны, нетерпѣливо проговорилъ онъ, поворачиваясь къ ней, несмотря на запрещеніе, и, можетъ-быть, опять давешнее выраженіе мелькнуло въ его глазахъ. Онъ видѣлъ, что ей нѣсколько разъ хотѣлось, и очень бы, взглянуть на него, но что она упорно крѣпилась и смотрѣла внизъ.

— Слушайте, князь, возвысила она вдругъ голосъ.— Слушайте, князь...

— Зачѣмъ вы отвернулись, зачѣмъ на меня не смотрите, къ чему эта комедія? вскричалъ онъ, не утерпѣвъ.

Но она какъ бы и не слыхала вовсе.

— Слушайте, князь, повторила она въ третій разъ твердымъ голосомъ, съ непріятною, хлопотливою миной въ лицѣ.—Какъ сказали вы мнѣ тогда въ каретѣ, что бракъ будетъ объявленъ, я тогда же испугалась, что тайна кончится. Теперь ужъ и не знаю; все думала и ясно вижу, что совсѣмъ не гожусь. Нарядиться сумью, принять тоже, пожалуй, могу: эка бѣда на чашку чаю пригласить, особенно коли есть лакеи. Но вѣдь все-таки какъ посмотрятъ со стороны. Я тогда, въ воскресенье, многое въ томъ домѣ утромъ разглядѣла. Эта барышня хорошенъкая на меня все время глядѣла, особенно когда вы вошли. Вѣдь это вы тогда вошли, а? Мать ея просто смѣшная свѣтская старушонка. Мой Лебядинъ тоже отличился; я, чтобы не разсмѣяться, все въ потолокъ смотрѣла, хорошо тамъ потолокъ расписанъ. Матери *его* игуменьей бы только быть; боюсь я ея, хоть и подарила черную шаль. Должно быть, всѣ онѣ аттестовали тогда меня съ неожиданной стороны; я не сержусь, только сижу я тогда и думаю: какая я имъ родня? Конечно, съ графини требуются только душевныя качества,—потому что для хозяйственныхъ у ней много лакеевъ,—да еще какое-нибудь свѣтское кокетство, чтобы умѣть принять иностранныхъ путешественниковъ. Но все-таки тогда, въ воскресенье, онѣ смотрѣли на меня съ беспадежностью. Одна Даша ангель. Очень я боюсь, чтобы онѣ не огорчили *его* какъ-нибудь неосторожнымъ отзывомъ на мой счетъ.

— Не бойтесь и не тревожьтесь, скривилъ ротъ Николай Всеолодовичъ.

— Впрочемъ, ничего мнѣ это не составить, если ему и стыдно за меня будетъ немножко, потому тутъ всегда больше жалости, чѣмъ стыда, судя по человѣку, конечно. Вѣдь онъ знаетъ, что скорбѣй мнѣ ихъ жалѣть, а не имъ меня.

— Вы, кажется, очень обидѣлись на нихъ, Марья Тимофеевна?

— Кто, я? Нѣтъ, простодушно усмѣхнулась она.—Совсѣмъ-таки нѣтъ. Посмотрѣла я на васъ всѣхъ тогда: всѣ-то вы сердитесь, всѣ-то вы перессорились; сойдутся и посмѣяться по душѣ не умѣютъ. Столько богатства и такъ мало веселья—гнусно мнѣ это все. Мнѣ, впрочемъ, теперь никого не жалко, кроме себя самой.

— Я слышалъ, вамъ съ братомъ худо было жить безъ меня?

— Это кто вамъ сказалъ? Вздоръ; теперь хуже гораздо; теперь сны не хороши, а сны не хороши стали потому, что вы пріѣхали. Вы-то, спрашивается, зачѣмъ польвились, скажите пожалуйста?

— А не хотите-ли опять въ монастырь?

— Ну, я такъ и предчувствоvalа, что они опять монастырь предложатъ! Эка невидалъ мнѣ вашъ монастырь! Да и зачѣмъ я въ него пойду, съ чѣмъ теперь войду? Теперь ужъ одна-одинѣшенька! Поздно мнѣ третью жизнь начинать.

— Вы за что-то очень сердитесь, ужъ не боитесь-ли, что я васъ разлюбилъ?

— О васъ я и совсѣмъ не забочусь. Я сама боюсь, чтобы кого очень не разлюбить.

Она презрительно усмѣхнулась.

— Виновата я, должно-быть, предъ нимъ въ чемъ-нибудь очень большомъ,— прибавила она вдругъ какъ бы про-себя.— Вотъ не знаю только, въ чемъ виновата, вся въ этомъ бѣда моя ввѣкъ. Всегда-то всегда, всѣ эти пять лѣтъ, я боялась день и ночь, что предъ нимъ въ чемъ-то я виновата. Молюсь я, бывало, молюсь и все думаю про вину мою великую предъ нимъ. Лишь вотъ и вышло, что правда была.

— Да что вышло-то?

— Боюсь только, нѣть-ли тутъ чего съ *его* стороны, продолжала она, не отвѣчая на вопросъ, даже вовсе его не разслышавъ.— Опять-таки не могъ же онъ сойтись съ такими людышками. Графиня сѣсть меня рада, хоть и въ карету съ собой посадила. Всѣ въ заговорѣ — неужто и онъ? Неужто и онъ измѣнилъ? (Подбородокъ и губы ея задрожали). Слушайте вы: читали вы про Гришку Отреѣва, что на семи соборахъ былъ проклятъ?

Николай Всеволодовичъ промолчалъ.

— А впрочемъ, я теперь поворочусь къ вамъ и буду на васъ смотрѣть, какъ бы рѣшилась она вдругъ. — Поворотитесь и вы ко мнѣ и поглядите на меня, только пристальнѣе. Я въ послѣдній разъ хочу удостовѣриться.

— Я смотрю на васъ уже давно.

— Гм! проговорила Марья Тимоѳеевна, сильно всматриваясь.— Потолстѣли вы очень...

Она хотѣла-было еще что-то сказать, но вдругъ опять, въ третій разъ, давешній испугъ мгновенно исказилъ лицо ея, и опять она отшатнулась, подымая предъ собою руку.

— Да, что съ вами? вскричалъ Николай Всеволодовичъ почти въ бѣшенствѣ.

Но испугъ продолжался только одно мгновеніе; лицо ея перекосилось какою-то странною улыбкой, подозрительною, непріятною.

— Я прошу васъ, князь, встаньте и войдите, произнесла она вдругъ твердымъ и настойчивымъ голосомъ.

— Какъ войдите? Куда я войду?

— Я вся пять лѣтъ только и представляла себѣ, какъ онъ войдетъ. Встаньте сейчасъ и уйдите за дверь, въ ту комнату. Я буду сидѣть, какъ будто ничего не ожидая, и возьму въ руки книжку, и вдругъ вы войдите послѣ пяти лѣтъ путешествія. Я хочу посмотретьъ, какъ это будетъ.

Николай Всеволодовичъ проскрежеталъ про-себя зубами и проворчалъ что-то неразборчивое.

— Довольно, сказалъ онъ, ударяя ладонью по столу.— Прошу васъ, Марья Тимофеевна, меня выслушать. Сдѣлайте одолженіе, соберите, если можете, все ваше вниманіе. Не совсѣмъ же вѣдь вы сумасшедшая! прорвался онъ въ нетерпѣніи.—Завтра я объявляю нашъ бракъ. Вы никогда не будете жить въ палатахъ, разувѣрьтесь. Хотите жить со мною всю жизнь, но только очень отсюда далеко? Это въ горахъ, въ Швейцаріи, тамъ есть одно мѣсто... Не беспокойтесь, я никогда васъ не брошу и въ сумасшедшій домъ не отдамъ. Денегъ у меня достанетъ, чтобы жить не прося. У васъ будетъ служанка; вы не будете исполнять никакой работы. Все, что пожелаете изъ возможнаго, будетъ вамъ доставлено. Вы будете молиться, ходить куда угодно и дѣлать что вамъ угодно. Я васъ не трону. Я тоже съ моего мѣста всю жизнь никуда не сойду. Хотите всю жизнь не буду говорить съ вами, хотите разсказывайте мнѣ каждый вечеръ, какъ тогда въ Петербургѣ, въ углахъ, ваши повѣсти. Буду вамъ книги читать, если пожелаете. Но зато такъ всю жизнь, на одномъ мѣстѣ, а мѣсто это угрюмое. Хотите? Рѣшаетесь? Не будете раскаиваться, терзать меня слезами, проклятиями?

Она прослушала съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и долго молчала и думала.

— Невѣроятно мнѣ это все, проговорила она, наконецъ, насмѣшливо и брезгливо.—Этакъ я, пожалуй, сорокъ лѣтъ проживу въ тѣхъ горахъ.

Она разсмѣялась.

— Что-жъ, и сорокъ лѣтъ проживемъ, очень нахмурился Николай Все́воловодовичъ.

— Гм!.. Ни за что не поѣду.

— Даже и со мной?

— А вы чѣмъ такое, чтобы лѣтъ съ вами ѿхала? Сорокъ лѣтъ сряду съ нимъ на горѣ сиди—ишь подъ ѿхалы! И какіе, право, люди пынче терпѣливые начались! Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь! гордо и торжественно подняла она голову.

Его будто осѣнило.

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете? быстро спросилъ онъ.

— Какъ? Развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не былъ.

— Такъ вы сами, сами, такъ-таки прямо въ лицо, признаетесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не былъ.

— Господи! всплеснула она руками.—Всего отъ враговъ *его* ожидала, но такой дерзости—никогда! Живѣли онъ? вскричала она въ изступленіи, надвигаясь на Николая Все́воловодовича. — Убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!

— За кого ты меня припимаешь? вскочилъ онъ съ мѣста съ исказившимся лицомъ.

Но ее уже было трудно испугать, она торжествовала.

— А кто тебя знаетъ, кто ты таковъ и откуда ты выскочилъ! Только сердце мое, сердце чуяло, всѣ пять лѣтъ, всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слѣпая подъ ѿхалы? Нѣтъ, голубчикъ, плохой ты актеръ, хуже даже Лебядкина. Поклонись отъ меня графинѣ пониже, да скажи, чтобы присыпала почище тебя. Наняла она тебя, говори? У ней при милости на кухнѣ состоишь! Весь вашъ обманъ насквозь вижу, всѣхъ васъ, до одного, понимаю!

Онъ схватилъ ее крѣпко, выше локтя, за руку; она хототала ему въ лицо.

— Похожъ-то ты, очень похожъ, можетъ, и родственникъ ему будешь,—хитрый народъ! Только мой—ясный соколъ и князь, а ты—сычъ и купчишка! Мой-то и Богу, захочетъ, поклонится, а захочетъ и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой!) по щекамъ отхлесталъ, мой Лебядкинъ разсказывалъ. И чего ты

тогда струсила вошелъ-то? Кто тебя тогда напугалъ? Какъ увидала я твое низкос лицо, когда упала, а ты меня подхватилъ,—точно червь ко мнѣ въ сердце заползъ: не онъ, думаю, не онъ! Не постыдился бы соколь мой меня никогда иредь свѣтской барышней! О, Господи! Да я ужъ тѣмъ только была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколь мой гдѣ-то тамъ, за горами, живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... Говори, самозванецъ, много-ли взялъ? За большія-ли деньги согласился? Я бы гроша тебѣ не дала. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..

— У, идіотка! проскрежеталъ Николай Всеволодовичъ, все еще крѣпко держа ее за руку.

— Прочь, самозванецъ! повелительно вскричала она.— Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

— Ножа!

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думаль, я спала, а я видѣла: ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималь!

— Что ты сказала, несчастная, какіе сны тебѣ снятся! возопилъ онъ, и изо всей силы оттолкнулъ ее отъ себя, такъ что она даже больно ударила плечами и головой о диванъ.

Онъ бросился бѣжать; но она тотчасъ же вскочила за нимъ, хромая и прискакивая, вдогонку, и уже съ крыльца, удерживаемая изо всѣхъ силъ перепугавшимся Лебядкинымъ, успѣла ему еще прокричать, съ визгомъ и съ хохотомъ, во слѣдъ, въ темноту:

— Гришка От-репъ-евъ а-на-е-с-ма!

IV.

„Ножъ, ножъ!“ повторялъ онъ въ неутолимой злобѣ, широко шагая по грязи и лужамъ, не разбирая дороги. Правда, минутами ему ужасно хотѣлось захочотать, громко, бѣшено; но онъ почему-то крѣпился и сдерживалъ смѣхъ. Онъ опомнился лишь на мосту, какъ разъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ давеча ему встрѣтился Федыка; тотъ же самый Федыка ждалъ его тутъ и теперь, и, завидѣвъ его, снялъ фуражку, весело оскалилъ зубы и тотчасъ же пачалъ о чёмъ-то бойко и весело растабарывать. Николай Всеволодовичъ спачала прошелъ не останавливаясь, и въкоторое время даже совсѣмъ и не слушалъ опять увязавшагося за нимъ бродягу. Его вдругъ поразила мысль, что онъ совершенно забылъ про него, и забылъ именно въ то время, когда самъ ежеминутно повторялъ про себя:

„ножъ, ножъ“. Онъ схватилъ бродяга за шиворотъ и, со всею накопившею злобой, изо всей силы ударилъ его обь мость. Одно мгновеніе тотъ думалъ было бороться, но, почти тотчасъ же догадавшись, что онъ предъ своимъ противникомъ, напавшимъ къ тому же нечаянно, нѣчто въ родѣ соломинки, затихъ и примолкъ, даже нисколько не сопротивляясь. Стоя на колѣняхъ, придавленный къ землѣ, съ вывернутыми на спину локтями, хитрый бродяга спокойно ожидалъ развязки, совершиенно, кажется, не вѣря въ опасность.

Онъ не ошибся. Николай Всеволодовичъ уже снялъ было съ себя лѣвою рукой теплый шарфъ, чтобы скрутить своему плѣннику руки; но вдругъ, почему-то, бросилъ его и оттолкнулъ отъ себя. Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги, обернулся, и короткій, широкій сапожный ножъ, мгновенно откуда-то взявшійся, блеснулъ въ его рукѣ.

— Долой ножъ, спрячь, спрячь сейчасъ! *приказалъ* съ нетерпѣливымъ жестомъ Николай Всеволодовичъ, и ножъ исчезъ такъ же мгновенно, какъ появился.

Николай Всеволодовичъ опять молча и не оборачиваясь пошелъ своею дорогой; но упрямый негодяй, все-таки, не отсталъ отъ него, правда, теперь уже не растабарывая и даже почтительно наблюдала дистанцію на цѣлый шагъ позади. Оба прошли такимъ образомъ мость и вышли на берегъ, на этотъ разъ повернувъ налево, тоже въ длинный и глухой переулокъ, но которымъ короче было пройти въ центръ города, чѣмъ давешнимъ путемъ по Богоявленской улицѣ.

— Правда, говорятъ, ты церковь гдѣ-то здѣсь въ уѣздѣ на-дняхъ обокралъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Я, то-есть, собственно, помолиться спервоначалу зашелъ-сь, степенно и учтиво, какъ будто ничего и не произошло, отвѣчалъ бродяга; даже не то, что степенно, а почти съ достоинствомъ.

Давешней „дружеской“ фамильярности не было и въ поминѣ. Видно было человѣка дѣлового и серьезнаго, правда, напрасно обиженнаго, но умѣющаго забывать и обиды.

— Да какъ завель меня туда Господь, продолжалъ онъ, — эхъ, благодать небесная, думаю! По сиротству моему произошло это дѣло, такъ какъ въ нашей судьбѣ совсѣмъ нельзя безъ исномоществованія. И вотъ, вѣрте

Богу, сударь, себѣ въ убытокъ, наказалъ Господь за грѣхи: за махальницу, да за хлопотницу, да за дьяконовъ через-сѣдельникъ всего только двѣнадцать рублей пріобрѣль. Николая Угодника подбородникъ, чистый серебряный, задаромъ пошелъ: семилеровый, говорятъ.

— Сторожа зарѣзalъ?

— То-есть мы вмѣстѣ и прибирали-сь съ тѣмъ сторо-жемъ, да ужъ потомъ, подъ утро, у рѣчки, у насъ взаим-ный споръ вышелъ, кому мѣшокъ нести. Согрѣшилъ, об-легчилъ его маненечко.

— Рѣжь еще, обокради еще.

— То же самое и Петръ Степановичъ, какъ есть въ одно слово съ вами, совѣтуютъ-сь, потому что они чрез-вычайно скупой и жестокосердый насчетъ вспомощество-ванія человѣкъ-сь. Окромя того, что уже въ Творца Небес-шаго, насъ изъ персти земной создавшаго, ни на грошъ не вѣруютъ-сь, а говорятъ, что все одна природа устроила, даже до послѣдняго будто бы звѣря, они и не пони-маютъ, сверхъ того, что по нашей судьбѣ намъ, чтобы безъ благодѣтельного вспомоществованія, совершенно ни-какъ нельзя-сь. Станешь ему толковать, смотрить какъ баранъ на воду, дивишься на него только. Воинъ, повѣ-рите-ли-сь, у капитана Лебядкина-сь, гдѣ сейчасъ изво-зили посѣщать-сь, когда еще они до васъ проживали у Филиппова-сь, такъ иной разъ дверь всю ночь настежь не запертая стоить-сь, самъ спитъ пьянь мертвѣцки, а деньги у него изо всѣхъ кармановъ на полъ сыплются. Своими глазами наблюдать приходилось, потому, по на-шему обороту, чтобы безъ вспомоществованія, этого ни-какъ нельзя-сь...

— Какъ своими глазами? Заходилъ, что-ли, ночью?

— Можетъ и заходилъ, только это никому неизвѣстно.

— Чѣмъ не зарѣзалъ?

— Прикинувъ на счетахъ, оstepенилъ себя-сь. Потому, разъ узнали до подлинно, что сотни полторы рублейъ всегда могу вынуть, какъ же мнѣ пускаться на то, когда и всѣ полторы тысячи могу вынуть, если только пообо-ждавъ? Потому капитанъ Лебядкинъ (своими ушами слы-шаль-сь) всегда на васъ очинна надѣялись въ пьяномъ видѣ-сь, и нѣть здѣсь такого трактирнаго заведенія, даже послѣдняго кабака, гдѣ бы они не объявляли о томъ въ семъ самомъ видѣ-сь. Такъ что слышамши про то изъ многихъ усть, я тоже па ваше сіятельство всю мою па-

дежду сталъ возлагать. Я, сударь, намъ какъ отцу али родному брату, потому Петръ Степанычъ никогда того отъ меня не узнаютъ и даже пи единая душа. Такъ три-то рублика, ваше сіятельство, соблаговолите аль нѣтъ-сь? Развязали бы вы мены, сударь, чтобъ я, то-есть, зналъ правду истинную, потому намъ чтобы бозъ вспомоществованія никакъ нельзя-сь.

Николай Всеволодовичъ громко захохоталъ и, вынувъ изъ кармана портмонэ, въ которомъ было рублей до пятидесяти мелкими кредитками, выбросилъ ему одну бумажку изъ пачки, затѣмъ другую, третью, четвертую. Федъка подхватывалъ па-лету, кидался, бумажки сыпались въ грязь, Федъка ловилъ и прикрикивалъ: „эхъ, эхъ!“ Николай Всеволодовичъ кипулъ въ него, наконецъ, всею пачкой и, продолжая хохотать, пустился по переулку на этотъ разъ уже одинъ. Бродяга остался искать, ерзал па колѣнкахъ въ грязи, разлетѣвшіяся по вѣтру и потопувшія въ лужахъ кредитки, и цѣлый часъ еще можно было слышать въ темпотѣ его отрывистыя вскрикиванія: „эхъ, эхъ!“

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОСДИНОКЪ.

I.

На другой день, въ два часа пополудни, предположенная дуэль состоялась. Быстрому исходу дѣла способствовало неукротимое желаніе Артемія Павловича Гагапова драться во что бы то ни стало. Онъ не понималъ поведенія своего противника и былъ въ бѣшенствѣ. Цѣлый уже мѣсяцъ онъ оскорблялъ его безнаказанно и все еще не могъ вывести изъ терпѣнія. Вызовъ ему былъ необходимъ со стороны самого Николая Всеволодовича, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ прямого предлога къ вызову. Въ тайныхъ же побужденіяхъ своихъ, то-есть просто въ болѣзненной ненависти къ Ставрогину, за фамильное оскорблѣніе четыре года назадъ, онъ почему-то совѣстился сознаться. Да и самъ считалъ такой предлогъ невозможнымъ, особенно въ виду смиренныхъ извиненій, уже два раза предложенныхъ Николаемъ Всеволодовичемъ. Онъ положилъ про себя, что тотъ безстыдный трусъ; понять не могъ, какъ тотъ могъ спасти пощечину отъ Шатова; такимъ образомъ и рѣшился, наконецъ, послать то не-

обычайное по грубости своей письмо, которое побудило, паконецъ, самого Николая Всеволодовича предложить встрѣчу. Отправивъ наканунѣ это письмо и въ лихорадочномъ нетерпѣніи ожидая вызова, болѣзненно разсчитывая шансы къ тому, то надѣясь, то отчаиваясь, онъ на всякий случай еще съ вечера припасъ себѣ секунданта, а именно Маврикія Николаевича Дроздова, своего пріятеля, школьнаго товарища и особенно уважаемаго имъ человѣка. Такимъ образомъ Кирилловъ, явившійся на другой день поутру въ девять часовъ со своимъ порученіемъ, нашелъ уже почву совсѣмъ готовую. Всѣ извиненія и неслыханные уступки Николая Всеволодовича были тотчасъ же съ первого слова и съ необыкновеннымъ азартомъ отвергнуты. Маврикій Николаевичъ, наканунѣ лишь узнавшій о ходѣ дѣла, при такихъ неслыханныхъ предложеніяхъ открылъ было ротъ отъ удивленія и хотѣлъ тутъ же настаивать на примиреніи, но, замѣтивъ, что Артемій Павловичъ, предугадавшій его намѣренія, почти затрясся на своемъ стулѣ, смолчалъ и не произнесъ ничего. Если бы не слово, данное товарищу, онъ ушелъ бы немедленно; остался же въ единственной надеждѣ помочь хоть чѣмъ-нибудь при самомъ исходѣ дѣла. Кирилловъ передалъ вызовъ; всѣ условія встрѣчи, обозначенные Ставрогинымъ, были приняты тотчасъ же буквально, безъ малѣйшаго возраженія. Сдѣлана была только одна прибавка, впрочемъ, очень жестокая, именно: если съ первыхъ выстрѣловъ не произойдетъ ничего рѣшительнаго, то сходиться въ другой разъ; если не кончитсяничѣмъ и въ другой, сходиться въ третій. Кирилловъ нахмурился, поторговался насчетъ третьяго раза, но, не выторговавъ ничего, согласился, съ тѣмъ, однакожъ, что „три раза можно, а четыре никакъ нельзя“. Въ этомъ уступили. Такимъ образомъ въ два часа пополудни состоялась встрѣча въ Брыковѣ, то-есть въ подгородной маленькой рощице между Скворешниками съ одной стороны и фабрикой Шпигулинъхъ съ другой. Вчерашній дождь пересталъ совсѣмъ, по было мокро, сыро и вѣтрено. Низкія, мутныя, разорванные облака быстро неслись по холодному небу; деревья густо и перекатно шумѣли вершинами и скрипѣли на корняхъ своихъ; очень было грустное утро.

Гагановъ съ Мавриkiemъ Николаевичемъ прибыли на мѣсто въ щегольскомъ шарабанѣ парой, которымъ правилъ Артемій Павловичъ; при нихъ находился слуга.

Почти въ ту же минуту явились и Николай Всеволодовичъ съ Кирилловымъ, но не въ экипажѣ, а верхами, и тоже въ сопровождѣніи верхового слуги. Кирилловъ, никогда не садившійся на коня, держался въ сѣдлѣ смѣло и прямо, прихватывая правою рукой тяжелый ящикъ съ пистолетами, который не хотѣлъ довѣрить слугѣ, а лѣвою, по неумѣнью, безпрерывно крутя и дергая поводы, отчего лошадь мотала головой и обнаруживала желаніе стать на дыбы, что, впрочемъ, нисколько не пугало всадника. Минительный, быстро и глубоко оскорблявшійся Гагановъ почелъ прибытіе верховыхъ за новое себѣ оскорблѣніе, въ томъ смыслѣ, что враги слишкомъ, стало-быть, надѣялись на успѣхъ, коли не предполагали даже нужды въ экипажѣ на случай отвоза раненаго. Онъ вышелъ изъ своего шарабана весь желтый отъ злости и почувствовалъ, что у него дрожать руки, о чёмъ и сообщилъ Маврикію Николаевичу. На поклонъ Николая Всеволодовича не отвѣтилъ совсѣмъ и отвернулся. Секундапты бросили жребій: вышло пистолетамъ Кириллова. Барьеръ отмѣрили, противниковъ разставили, экипажъ и лошадей съ лакеями отослали шаговъ на триста назадъ. Оружіе было заряжено и вручено противникамъ.

Жаль, что надо вести разсказъ быстрѣе и некогда описывать; но нельзя и совсѣмъ безъ отмѣтокъ. Маврикій Николаевичъ былъ грустенъ и озабоченъ. Зато Кирилловъ былъ совершенно спокойенъ и безразличенъ, очень точенъ въ подробностяхъ принятой на себя обязанности, но безъ малѣйшей суевіости и почти безъ любопытства къ роковому и столь близкому исходу дѣла. Николай Всеволодовичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, одѣтъ довольно легко, въ пальто и бѣлой пуховой шляпѣ. Онъ казался очень усталымъ, изрѣдка хмурился и нисколько не находилъ пужнымъ скрывать свое непріятное расположение духа. Но Артемій Павловичъ былъ въ сію минуту всѣхъ замѣчательнѣе, такъ что никакъ нельзя не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ совсѣмъ особенно.

II.

Намъ не случилось до сихъ поръ упомянуть объ его наружности. Это былъ человѣкъ большого роста, бѣлый, синій, какъ говорить простонародье, почти жирный, съ блокурыми жидкими волосами, лѣтъ тридцати трехъ и, пожалуй, даже съ красивыми чертами лица. Онъ вышелъ

въ отставку полковникомъ, и если бы дослужился до генерала, то въ генеральскомъ чинѣ былъ бы еще внушительнѣе и, очень можетъ быть, что вышелъ бы хорошимъ боевымъ генераломъ.

Нельзя пропустить, для характеристики лица, что главнымъ поводомъ къ его отставкѣ послужила столь долго и мучительно преслѣдовавшая его мысль о срамѣ фамиліи, послѣ обиды, нанесенной отцу его въ клубѣ, четыре года тому назадъ, Николаемъ Ставрогинымъ. Онъ считалъ по совѣсти безчестнымъ продолжать службу и увѣренъ былъ про себя, что мараеть собою полкъ и товарищѣ, хотя никто изъ нихъ и не зналъ о происшествіи. Правда, онъ и прежде хотѣлъ выйти однажды изъ службы, давно уже, задолго до обиды, и совсѣмъ по другому поводу, но до сихъ поръ колебался. Какъ ни странно написать, но этотъ первоначальный поводъ или, лучше сказать, позывъ къ выходу въ отставку—былъ манифестъ 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ. Артемій Павловичъ, богатѣйший помѣщикъ нашей губерніи, даже не такъ много и потерявшій послѣ манифеста, мало того, самъ способный убѣдиться въ гуманности мѣры и почти понять экономическая выгоды реформы, вдругъ почувствовалъ себя, съ появленіемъ манифеста, какъ бы лично обиженнымъ. Это было что-то безсознательное, въ родѣ какого-то чувства, но тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безотчетнѣе. До смерти отца своего онъ, впрочемъ, не рѣшался предпринять что-нибудь рѣшительное; но въ Петербургѣ сталъ извѣстенъ „благороднымъ“ образомъ своихъ мыслей многимъ замѣчательнымъ лицамъ, съ которыми усердно поддерживалъ связи. Это былъ человѣкъ уходящій въ себя, закрывающійся. Еще черта: онъ принадлежалъ къ тѣмъ страннымъ, но еще уцѣлѣвшимъ на Руси дворянамъ, которые чрезвычайно дорожатъ древностью и чистотой своего дворянскаго рода и слишкомъ серьезно этимъ интересуются. Вмѣстѣ съ этимъ онъ терпѣть не могъ русской исторіи, да и вообще весь русскій обычай считалъ отчасти свинствомъ. Еще въ дѣтствѣ его, въ той специальной военной школѣ для боярѣ знатныхъ и богатыхъ воспитанниковъ, въ которой онъ имѣлъ честь начать и кончить свое образованіе, укоренились въ немъ нѣкоторыя поэтическія воззрѣнія: ему понравились замки, средневѣковая жизнь, вся оперная часть ея, рыцарство; онъ чуть не плакалъ уже тогда отъ стыда, что русскаго боярина временъ Московскаго царства

царь могъ наказывать тѣлесно, и краснѣль отъ сравненій. Этотъ тугой, чрезвычайно строгій человѣкъ, замѣчательно хорошо знавшій свою службу и исполнявшій свои обязанности, въ душѣ своей былъ мечтателенъ. Утверждали, что онъ могъ бы говорить въ собраніяхъ и что имѣеть даръ слова; но, однако, онъ всѣ свои тридцать три года промолчалъ про себя. Даже въ той важной петербургской средѣ, въ которой онъ вращался въ послѣднее время, держалъ себя необыкновенно надменно. Встрѣча въ Петербургѣ съ воротившимся изъ-за границы Николаемъ Всеялововичемъ чуть не свела его съ ума. Въ настоящій моментъ, стоя на барьерѣ, онъ находился въ страшномъ беспокойствѣ. Ему все казалось, что еще какъ-нибудь не состоится дѣло, малѣйшее промедленіе бросало его въ трепетъ. Болѣзпенное впечатлѣніе выразилось въ его лицѣ, когда Кирилловъ, вместо того, чтобы подать знакъ для битвы, началъ вдругъ говорить, правда, для проформы, о чёмъ самъ говорилъ во всеуслышаніе.

— Я только для проформы; теперь, когда уже пистолеты въ рукахъ и надо командовать, не угодно ли, въ послѣдній разъ, помириться? Обязанность секунданта.

Какъ нарочно, Маврикій Николаевичъ, до сихъ поръ молчавшій, но съ самаго вчерашняго днѣа страдавшій про себя за свою уступчивость и потворство, вдругъ подхватилъ мысль Кириллова и тоже заговорилъ:

— Я совершенно присоединяюсь къ словамъ господина Кириллова... эта мысль, что нельзя мириться на барьерѣ— есть предразсудокъ, годный для французовъ... Да я и не понимаю обиды, воля ваша, я давно хотѣлъ сказать... потому что вѣдь предлагаются всякия извиненія, не такъ-ли?

Онъ весь покраснѣль. Рѣдко случалось ему говорить такъ много и съ такимъ волненіемъ.

— Я опять подтверждаю мое предложеніе представить всевозможныя извиненія, съ чрезвычайною поспѣшностью подхватилъ Николай Всеялововичъ.

— Развѣ это возможно? неистово вскричалъ Гагановъ, обращаясь къ Маврикію Николаевичу и въ изступленіи топнувъ ногой. — Объясните вы этому человѣку, если вы секундантъ, а не врагъ мой, Маврикій Николаевичъ (онъ ткнулъ пистолетомъ въ сторону Николая Всеяловича),— что такія уступки только усиленіе обиды! Онъ не находитъ возможнымъ отъ меня обидѣться!.. Онъ позора не находить уйти отъ меня съ барьера! За кого же онъ

принимасть меня послѣ этого, въ вашихъ глазахъ... а вы еще мой секундантъ! Вы только меня раздражаете, чтобъ я не попалъ.

Онъ топнулъ опять ногой, слюна брызгала съ его губъ.

— Переговоры кончены. Прошу слушать команду! изо всей силы вскричалъ Кирилловъ.—Разъ! Два! Три!

Со словомъ *три*, противники направились другъ на друга. Гагановъ тотчасъ же поднялъ пистолеть и на пятомъ или шестомъ шагѣ выстрѣлилъ. На секунду простоялъ и, увѣрившись, что далъ промахъ, быстро подошелъ къ барьеру. Подошелъ и Николай Всеволодовичъ, поднялъ пистолеть, но какъ-то очень высоко, и выстрѣлилъ совсѣмъ почти не цѣлясь. Затѣмъ вынуль платокъ и замоталъ въ него мизинецъ правой руки. Тутъ только увидѣли, что Артемій Павловичъ не совсѣмъ промахнулся, но пуля его только скользнула по пальцу, по суставной мякоти, не тронувъ кости; вышла ничтожная царапина. Кирилловъ тотчасъ же заявилъ, что дуэль, если противники не удовлетворены, продолжается:

— Я заявляю, прохрипѣлъ Гагановъ (у него пересохло въ горлѣ), опять обращаясь къ Маврикію Николаевичу,— что этотъ человѣкъ (онъ ткнулъ опять въ сторону Ставрогина), выстрѣлилъ нарочно на воздухъ... умышленно... Это опять обида! Онъ хочетъ сдѣлать дуэль невозможной!

— Я имѣю право стрѣлять какъ хочу, лишь бы происходило по правиламъ, твердо заявилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, не имѣеть! Растолкуйте ему, растолкуйте! кричалъ Гагановъ.

— Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію Николая Всеволодовича, возгласилъ Кирилловъ.

— Для чего онъ щадить меня? бѣсновался Гагановъ, не слушал.—Я презираю его пощаду... Я илюю... Я...

— Даю слово, что я вовсе не хотѣлъ васъ оскорблять, съ нетерпѣniемъ проговорилъ Николай Всеволодовичъ,— я выстрѣлилъ вверхъ потому, что не хочу болѣе никого убивать, васъ-ли, другого-ли, лично до васъ не касается. Правда, себя я не считаю обиженнымъ, и мнѣ жаль, что васъ это сердитъ. Но не позволю никому вмѣшиваться въ мое право.

— Если онъ такъ боится крови, то спросите, зачѣмъ меня вызывалъ? вопилъ Гагановъ, все обращаясь къ Маврикію Николаевичу.

— Какъ же васъ было не вызвать? ввязался Кирилловъ.—Вы ничего не хотѣли слушать, какъ же отъ васъ отвязаться?

— Замѣчу только одно, произнесъ Маврикій Николаевичъ, съ усилиемъ и со страданіемъ обсуждавшій дѣло,—если противникъ заранѣе объявляетъ, что стрѣлять будетъ вверхъ, то поединокъ дѣйствительно продолжаться не можетъ... по причинамъ деликатнымъ и... яснымъ.

— Я вовсе не объявлялъ, что каждый разъ буду вверхъ стрѣлять! вскричалъ Ставрогинъ, уже совсѣмъ теряя терпѣніе.—Вы вовсе не знаете, что у меня на умѣ и какъ я опять сейчасъ выстрѣлю... яничѣмъ не стѣсняю дуэли.

— Коли такъ, встрѣча можетъ продолжаться, обратился Маврикій Николаевичъ къ Гаганову.

— Господа, займите ваши мѣста! скомандовалъ Кирилловъ.

Опять соплись, опять промахъ у Гаганова и опять выстрѣль вверхъ у Ставрогина. Про эти выстрѣлы вверхъ можно было бы и поспорить: Николай Всеволодовичъ могъ прямо утверждать, что онъ стрѣляетъ какъ слѣдуетъ, если бы самъ не сознался въ умышленномъ промахѣ. Онъ наводилъ пистолетъ не прямо въ небо или въ дерево, а все-таки какъ бы мѣтилъ въ противника, хотя, впрочемъ, бралъ на аршинъ поверхъ его шляпы. Въ этотъ второй разъ прицѣлъ былъ даже еще ниже, еще правдоподобнѣе; но уже Гаганова нельзя было разувѣрить.

— Опять! проскрежеталъ онъ зубами.—Все равно! Я вызванъ и пользуюсь правомъ. Я хочу стрѣлять въ третій разъ... во что бы ни стало.

— Имѣете полное право, отрубилъ Кирилловъ.

Маврикій Николаевичъ не сказалъ ничего. Разставили въ третій разъ, скомандовали; въ этотъ разъ Гагановъ дошелъ до самаго барьера, съ барьера, съ двѣнадцати шаговъ, сталъ прицѣливаться. Руки его слишкомъ дрожали для правильнаго выстрѣла. Ставрогинъ стоялъ съ пистолетомъ, опущеннымъ внизъ, и неподвижно ожидалъ его выстрѣла.

— Слишкомъ долго, слишкомъ долго прицѣлъ! стрѣмительно прокричалъ Кирилловъ.—Стрѣляйте! Стрѣляйте!

Но выстрѣль раздался, и на этотъ разъ бѣлая пуховая шляпа слетѣла съ Николая Всеволодовича. Выстрѣль былъ довольно мѣтокъ, тулья шляпы была пробита очень низко;

четверть вершка ниже, и все бы было кончено. Кирилловъ подхватилъ и подалъ шляпу Николаю Всеволодовичу.

— Стрѣляйте, не держите противника! прокричалъ въ чрезвычайномъ волненіи Маврикій Николаевичъ, видя, что Ставрогинъ какъ бы забылъ о выстрѣлѣ, разсматривая съ Кирилловымъ шляпу.

Ставрогинъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на Гаганова, отвернулся и уже безо всякой на этотъ разъ деликатности выстрѣлилъ въ сторону, въ рощу. Дуэль кончилась. Гагановъ стоялъ какъ придавленный. Маврикій Николаевичъ подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить, но тотъ какъ-будто не понималъ. Кирилловъ, уходя, снялъ шляпу и кивнулъ Маврикію Николаевичу головой; по Ставрогину забылъ прежнюю вѣжливость; сдѣлавъ выстрѣлъ въ рощу, онъ даже и не повернулся къ барьера, сунулъ свой пистолетъ Кириллову и поспѣшно направился къ лошадямъ. Лицо его выражало злобу, опъ молчалъ. Молчалъ и Кирилловъ. Сѣли на лошадей и поскакали въ галопъ.

III.

— Что вы молчите? нетерпѣливо окликнулъ онъ Кириллова уже неподалеку отъ дома.

— Что вамъ надо? отвѣтилъ тотъ, чуть не съерзнувшись съ лошади, вскочившей на дыбы.

Ставрогинъ сдержалъ себя.

— Я не хотѣлъ обидѣть этого... дурака, а обидѣлъ опять, проговорилъ онъ тихо.

— Да, вы обидѣли опять, отрубилъ Кирилловъ,—и притомъ онъ не дуракъ.

— Я сдѣлалъ, однако, все, что могъ.

— Нѣтъ.

— Чѣмъ же надо было сдѣлать?

— Не вызывать.

— Еще снести битье по лицу?

— Да, снести и битье.

— Я начинаю ничего не понимать! злобно проговорилъ Ставрогинъ.—Почему всѣ ждутъ отъ меня чего-то, чего отъ другихъ не ждутъ? Къ чему мнѣ переносить то, чего никто не перепоситъ, и напрашиваться на бремена, которыхъ никто не можетъ снести?

— Я думалъ, вы сами ищете бремени.

— Я ищу бремени?

— Да.

— Вы... это видѣли?

— Да.

— Это такъ замѣтно?

— Да.

Шомолчали съ минуту. Ставрогинъ имѣлъ озабоченный видъ, былъ почти пораженъ.

— Я потому не стрѣлялъ, что не хотѣлъ убивать, и больше ничего не было, увѣряю васъ, сказалъ онъ торопливо и тревожно, какъ бы оправдываясь.

— Не надо было обижать.

— Какъ же надо было сдѣлать?

— Надо было убить.

— Вамъ жаль, что я его не убилъ?

— Мнеъ ничего не жаль. Я думалъ, вы хотѣли убить въ самомъ дѣлѣ. Не знаете, чего ищете.

— Ищу бремени, засмѣялся Ставрогинъ.

— Не хотѣли сами крови, зачѣмъ ему давали убивать?

— Если-бъ я не вызвалъ его, онъ бы убилъ меня такъ, безъ дуэли.

— Не ваше дѣло. Можетъ, и не убилъ бы.

— А только прибилъ?

— Не ваше дѣло. Несите бремя. А то нѣтъ заслуги.

— Наплевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ея!

— Я думалъ ищете, ужасно хладнокровно заключилъ Кирилловъ.

Вѣхали во дворъ дома.

— Хотите ко мнѣ? предложилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, я дома, прощайте.

Онъ всталъ съ лошади и взялъ свой ящики подъ мышку.

— По крайней мѣрѣ, вы-то на менѣ не сердитесь? протянулъ ему руку Ставрогинъ.

— Нисколько! воротился Кирилловъ, чтобы пожать руку.—Если мнѣ легко бремя, потому что отъ природы, то, можетъ-быть, вамъ труднѣе бремя, потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного.

— Я знаю, что я ничтожный характеръ, но я и не лѣзу въ сильные.

— И не лѣзьте; вы не сильный человѣкъ. Приходите пить чай.

Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный.

IV.

Онъ тотчасъ же узналъ отъ Алексея Егоровича, что Варвара Петровна, весьма довольная выездомъ Николая Всеволодовича—первымъ выездомъ послѣ восьми дней болѣзни—верхомъ на прогулку, велѣла заложить карету и отправилась одна „по примеру прежнихъ дней, подышать чистымъ воздухомъ, ибо восемь дней какъ уже забыли, что означаетъ дышать чистымъ воздухомъ“.

— Одна поѣхала или съ Дарьей Павловной? быстрымъ вопросомъ перебилъ старика Николай Всеволодовичъ и крѣпко нахмурился, услышавъ, что Дарья Павловна „отказались по нездоровью сопутствовать и находятся теперь въ своихъ комнатахъ“.

— Слушай, стариkъ, проговорилъ онъ, какъ бы вдругъ рѣшалсь. — Стереги ее сегодня весь день и если замѣтишь, что она идетъ ко мнѣ, тотчасъ же останови и передай ей, что нѣсколько дней, по крайней мѣрѣ, я ее принять не могу... что я такъ ее самъ прошу... а когда придетъ время, самъ позову,—слышишь?

— Передамъ—съ, проговорилъ Алексей Егоровичъ съ тоской въ голосѣ, опустивъ глаза внизъ.

— Не раньше, однажоже, какъ если ясно увидишь, что она ко мнѣ идетъ сама.

— Не извольте беспокоиться, ошибки не будетъ. Чрезъ меня до сихъ поръ и происходили посѣщенія; всегда бѣ содѣйствію моему обращались.

— Знаю. Однажоже, не раньше, какъ если сама пойдетъ. Принеси мнѣ чаю, если можешь, скорѣе.

Только что стариkъ вышелъ, какъ почти въ ту же минуту отворилась та же дверь и на порогѣ показалась Дарья Павловна. Взглядъ ея былъ спокойнъ, но лицо блѣдное.

— Откуда вы? воскликнулъ Ставрогинъ.

— Я стояла тутъ же и ждала когда онъ выйдетъ, чтобы къ вамъ войти. Я слышала, о чёмъ ему наказывали, а когда онъ сейчасъ вышелъ, я спряталась направо за выступъ, и онъ меня не замѣтилъ.

— Я давно хотѣлъ прервать съ вами, Даша... пока... это время. Я вѣсъ не могъ принять нынче ночью, несмотря на вашу записку. Я хотѣлъ вамъ самъ написать, но я писать не умѣю, прибавилъ онъ съ досадой, даже какъ будто съ гадливостью.

— Я сама думала, что надо прервать. Варвара Петровна слишкомъ подозрѣваетъ о нашихъ сношеніяхъ.

— Ну и пусть ее.

— Не надо чтобы она беспокоилась. И такъ теперь до конца?

— Вы все еще непремѣнно ждете конца?

— Да, я увѣрена.

— На свѣтѣ ничего не кончается.

— Тутъ будетъ конецъ. Тогда кликнете меня, я приду. Теперь прощайте.

— А какой будетъ конецъ? усмѣхнулся Николай Все-володовичъ.

— Вы не ранены и... не пролили крови? спросила она, не отвѣчая на вопросъ о концѣ.

— Было глуко; я не убилъ никого, не беспокойтесь. Впрочемъ, вы обо всемъ услышите сегодня же отъ всѣхъ. Я нездоровъ немнogo.

— Я уйду. Объявленія о бракѣ сегодня не будетъ? прибавила она съ нерѣшимостью.

— Сегодня не будетъ; завтра не будетъ; послѣ завтра, не знаю, можетъ - быть, всѣ помрѣмъ, и тѣмъ лучше. Оставьте меня, оставьте меня, наконецъ.

— Вы не погубите другую... безумную?

— Безумныхъ не погублю, ни той, ни другой, но разумную, кажется, погублю: я такъ подлъ и гадокъ, Даша, что, кажется, васъ въ самомъ дѣлѣ кликну „въ послѣдний конецъ“, какъ вы говорите, а вы, несмотря на вашъ разумъ, придетете. Зачѣмъ вы сами себя губите?

— Я знаю, что въ концѣ концовъ съ вами останусь одна я и... жду того.

— А если я въ концѣ концовъ васъ не кликну и убѣгу отъ васъ?

— Этого быть не можетъ, вы кликнете.

— Тутъ много ко мнѣ презрѣнія.

— Вы знаете, что не одного презрѣнія.

— Стало-быть, презрѣніе все-таки есть?

— Я не такъ выразилась. Богъ свидѣтель, я чрезвычайно желала бы, чтобы вы никогда во мнѣ не нуждались.

— Одна фраза стоитъ другой. Я тоже желалъ бы васъ не губить.

— Никогда,ничѣмъ вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всѣхъ, быстро и съ твердостью проговорила Дарья Павловна. — Если не къ вамъ, то я

пойду въ сестры милосердія, въ сидѣлки, ходить за больными, или въ книгоноши, Евангеліе продавать. Я такъ рѣшила. Я не могу быть ничьей женой; я не могу жить и въ такихъ домахъ, какъ этотъ. Я не того хочу... Вы все знаете.

— Нѣтъ, я никогда не могъ узнать, чего вы хотите; мнѣ кажется, что вы интересуетесь мною, какъ устарѣлые сидѣлки интересуются, почему-либо, однимъ какимъ-нибудь больнымъ, сравнительно предъ прочими, или, еще лучше, какъ иныхъ богомольныхъ старушонокъ, шатающихся по похоронамъ, предпочитаютъ иные трупики по-пригляднѣю предъ другими. Что вы на меня такъ странно смотрите?

— Вы очень больны? съ участіемъ спросила она, какъ-то особенно въ него глядываясь.—Боже! И этотъ человѣкъ хочетъ обойтись безъ меня!

— Слушайте, Даша, я теперь все вижу привидѣнія. Одинъ бѣсенокъ предлагалъ мнѣ вчера на мосту зарѣзать Лебядкина и Марью Тимофеевну, чтобы порѣшить съ моимъ законнымъ бракомъ, и концы чтобы въ воду. Задатку просилъ три цѣлковыхъ, но далъ ясно знать, что вся операція стоитъ будеть не меньше какъ полторы тысячи. Вотъ это такъ разсчетливый бѣсь! Бухгалтеръ! Ха-ха!

— Но вы твердо увѣрены, что это было привидѣніе?

— О, нѣтъ, совсѣмъ ужъ не привидѣніе! Это просто былъ Ѳедыка-каторжный, разбойникъ, бѣжалъ изъ каторги. Но дѣло не въ томъ; какъ вы думаете, что я сдѣлала? Я отдалъ ему всѣ мои деньги изъ портмонѣ, и онъ теперь совершенно увѣренъ, что я ему выдалъ задатокъ!

— Вы встрѣтили его ночью, и опѣ сдѣлалъ вамъ такое предложеніе? Да неужто вы не видите, что вы кругомъ оплетены ихъ сѣтью!

— Ну, пусть ихъ. А знаете, у васъ вертится одинъ вопросъ, я по глазамъ вашимъ вижу, прибавилъ онъ съ злобною и раздражительною улыбкой.

Даша испугалась.

— Вопроса вовсе нѣтъ и сомнѣній вовсе нѣтъ никакихъ, молчите лучше! вскричала она тревожно, какъ бы отмахиваясь отъ вопроса.

— То-есть вы увѣрены, что я не пойду къ Ѳедыку въ лавочку?

— О, Боже! всплеснула она руками, — за что вы меня такъ мучаете?

— Ну, простите мнѣ мою глупую шутку, должно-быть, я перенимаю отъ нихъ дурныхъ манеры. Знаете, мнѣ со вчерашней ночи ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, безпрерывно, долго, много. Я точно зараженъ смѣхомъ... Чу! Мать пріѣхала; я узнаю по стуку, когда карета ея останавливается у крыльца.

Даша схватила его руку.

— Да сохранить васъ Богъ отъ вашего демона и... позвовите, позовите меня скорѣй!

— О, какой мой демонъ! Это просто маленький, гаденький, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся. А вѣдь вы, Даша, опять не смѣете говорить чего-то?

Она поглядѣла на него съ болью и укоромъ и повернулась къ дверямъ.

— Слушайте, вскричалъ онъ ей вслѣдъ, съ злобною, искривленною улыбкой.—Если... ну, тамъ, однимъ словомъ, если... понимаете, ну, если бы даже и въ лавочку, и потомъ я бы васъ кликнулъ,—пришли бы послѣ-то лавочки?

Она вышла, не оборачиваясь и не отвѣчая, закрывъ руками лицо.

— Придетъ и послѣ лавочки! прошепталъ онъ, подумавъ, и презрѣвое презрѣніе выразилось въ лицѣ его:— Сидѣлка! Гм... А, впрочемъ, мнѣ, можетъ, того-то и надо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всѣ въ ожиданіи.

I.

Впечатлѣніе, произведенное во всемъ нашемъ обществѣ быстро огласившееся исторіей поединка, было особенно замѣчательно тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ всѣ поспѣшили заявить себя безусловно за Николая Всеяловодовича. Многіе изъ бывшихъ враговъ его рѣшительно объявили себя его друзьями. Главной причиной такого неожиданнаго переворота въ общественномъ мнѣніи было нѣсколько словъ, необыкновенно мѣтко высказанныхъ вслухъ одною особой, доселѣ не высказывавшеюся, и разомъ придавшихъ событию значеніе чрезвычайно заинтересовавшее наше крупное большинство. Случилось это такъ: какъ разъ на другой же день послѣ событія, у супруги предводителя

дворянства нашей губерніи, въ тотъ день именинницы, собрался весь городъ. Присутствовала или, вѣрѣ, первенствовала, и Юлія Михайловна, прибывшая съ Лизаветой Николаевной, сіявшою красотой и особенною веселостью, что многимъ изъ нашихъ дамъ, на этотъ разъ, тотчасъ же показалось особенно подозрительнымъ. Кстати сказать: въ помолвкѣ ея съ Мавриkiemъ Николаевичемъ не могло уже быть никакого сомнѣнія. На шутливый вопросъ одного отставного, но важнаго генерала, о которомъ рѣчь ниже, Лизавета Николаевна сама прямо въ тотъ вечеръ отвѣтила, что она невѣста. И что же? Ни одна рѣшительно изъ нашихъ дамъ этой помолвкѣ не хотѣла вѣрить. Всѣ упорно продолжали предполагать какой-то романъ, какую-то роковую семейную тайну, совершившуюся въ Швейцаріи, и почему-то съ непремѣннымъ участіемъ Юліи Михайловны. Трудно сказать, почему такъ упорно держались всѣ эти слухи, или, такъ сказать, даже мечты, и почему именно такъ непремѣнно приплетали тутъ Юлію Михайловну. Только что она вошла, всѣ обратились къ ней со странными взглядами, преисполненными ожиданій. Надо замѣтить, что по недавности событий и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его, на вечерѣ о немъ говорили еще съ вѣкоторою осторожностью, не вслухъ. Къ тому же ничего еще не знали о распоряженіяхъ власти. Оба дуэлиста, сколько известно, обезпокоены не были. Всѣ знали, напримѣръ, что Артемій Павловичъ рано утромъ отправился къ себѣ въ Духово, безъ всякой помѣхи. Между тѣмъ, всѣ, разумѣется, жаждали, чтобы кто-нибудь заговорилъ вслухъ первый и тѣмъ отворилъ бы дверь общественному нетерпѣнію. Именно надѣялись на вышеупомянутаго генерала, и не ошиблись.

Этотъ генераль, одинъ изъ самыхъ осанистыхъ членовъ нашего клуба, помѣщикъ не очень богатый, но съ безподобнѣйшимъ образомъ мыслей, старомодный волокита за барышнями, чрезвычайно любилъ, между прочимъ, въ большихъ собраніяхъ заговаривать вслухъ, съ генеральскою вѣскостью, именно о томъ, о чёмъ всѣ ещѣ говорили осторожнымъ шепотомъ. Въ этомъ состояла его какъ бы, такъ сказать, специальная роль въ нашемъ обществѣ. При этомъ онъ особенно растягивалъ и сладко выговаривалъ слова, вѣроятно, заимствовавъ эту привычку у путешествующихъ за границей русскихъ, или у тѣхъ прежде богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, которые наиболѣе разори-

лись послѣ крестьянской реформы. Степанъ Трофимовичъ даже замѣтилъ однажды, что чѣмъ болѣе помѣщикъ разорился, тѣмъ слаше онъ подсююкиваетъ и растягиваетъ слова. Онъ и самъ, впрочемъ, сладко растягивалъ и подсююкивалъ, но не замѣчалъ этого за собою.

Генералъ заговорилъ какъ человѣкъ компетентный. Кромѣ того, что съ Артеміемъ Навловичемъ онъ состоялъ какъ-то въ дальней роднѣ, хотя въ ссорѣ и даже въ тяжбѣ; онъ, сверхъ того, когда-то самъ имѣлъ два поединка и даже за одинъ изъ нихъ сосланъ былъ на Кавказъ въ рядовые. Кто-то упомянулъ о Барварѣ Петровнѣ, начавшей уже второй день выѣзжать „послѣ болѣзни“, и не собственно о ней, а о превосходномъ подборѣ ея каретной сѣрой четверни, собственника Ставрогинскаго завода. Генераль вдругъ замѣтилъ, что онъ встрѣтилъ сегодня „молодого Ставрогина“ верхомъ... Всѣ тотчасъ смолкли. Генераль почмокалъ губами и вдругъ провозгласилъ, вертя между пальцами золотую жалованную табакерку:

— Сожалѣю, что меня не было тутъ нѣсколько лѣтъ назадъ... то-есть я былъ въ Карлсбадѣ. Гм... Меня очень интересуетъ этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я такъ много засталъ тогда всякихъ слуховъ. Гм... А что, правда, что онъ помѣшанъ? Тогда кто-то говорилъ. Вдругъ слышу, что его оскорбляетъ здѣсь какой-то студентъ, въ присутствіи кузинъ, и онъ полѣзъ отъ него подъ столъ; а вчера слышу отъ Степана Высоцкаго, что Ставрогинъ дрался съ этимъ... Гагановымъ. И единственно съ галантною цѣлью подставить свой лобъ человѣку взбѣшившемуся, чтобы только отъ него отвязаться. Гм... Это въ нравахъ гвардіи двадцатыхъ годовъ. Бываетъ опѣ здѣсь у кого-нибудь?

Генераль замолчалъ, какъ бы ожидая отвѣта. Дверь общественному нетерпѣнію была отперта.

— Чего же проще? возвысила вдругъ голосъ Юлія Михайловна, раздраженная тѣмъ, что всѣ вдругъ, точно по командѣ, обратили на нее свои взгляды.—Развѣ возможно удивленіе, что Ставрогинъ дрался съ Гагановымъ и не отвѣчалъ студенту? Не могъ же онъ вызвать на поединокъ бывшаго крѣпостного своего человѣка!

Слова знаменательны! Простая и ясная мысль, но никому, однако, не приходившая до сихъ поръ въ голову. Слова, имѣвшія необыкновенныя послѣдствія. Все скандальное и сплетническое, все мелкое и анекдотическое разомъ отодвинуто было на задній планъ; выдвигалось

другое значение. Объявлялось лицо новое, въ которомъ всѣ ошиблись, лицо почти съ идеальною строгостью понятій. Оскорбленный на смерть студентомъ, то-есть человѣкомъ образованнымъ и уже не крѣпостнымъ, онъ презираетъ обиду, потому что оскорбитель — бывшій крѣпостной его человѣкъ. Въ обществѣ шумъ и сплетни; легкомысленное общество съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка, битаго по лицу; онъ презираетъ мнѣніемъ общества, не доросшаго до настоящихъ понятій, а между тѣмъ о нихъ толкующаго.

— А между тѣмъ мы съ вами, Иванъ Александровичъ, сидимъ и толкуемъ о правыхъ понятіяхъ-съ, съ благороднымъ азартомъ самообличенія замѣчаетъ одинъ клубный старичокъ другому.

— Да-съ, Петръ Михайловичъ, да-съ, съ наслажденіемъ поддакиваетъ другой.—Вотъ и говорите про молодежь.

— Тутъ не молодежь, Иванъ Александровичъ, замѣчаетъ подвернувшійся третій.—Тутъ не о молодежи вопросъ; тутъ звѣзда-съ, а пе какой-нибудь одинъ изъ молодежи, вотъ какъ понимать это надо.

— А намъ того и надобно; оскудѣли въ людяхъ.

Тутъ главное состояло въ томъ, что „новый человѣкъ“, кромѣ того, что оказался „несомнѣннымъ дворяниномъ“, былъ вдобавокъ и богатѣйшимъ землевладѣльцемъ губерніи, а, стало-быть, не могъ не явиться подмогой и дѣлтелемъ. Я, впрочемъ, упоминаль и прежде вскользь о частроеніи нашихъ землевладѣльцевъ.

Входили даже въ азартъ:

— Онъ мало того что не вызвалъ студента, онъ взялъ руки назадъ, замѣтьте это особенно, ваше превосходительство, выставлялъ другой.

— И въ новый судъ его не потащилъ-съ, подбавлялъ другой.

— Несмотря на то, что въ новомъ судѣ ему за дворянскую личину обиду пятнадцать рублей присудили бы-съ, хе-хе-хе!

— Нѣтъ, это я вамъ скажу тайну новыхъ судовъ, приходилъ въ изступленіе третій.—Если кто своровалъ или смошенничалъ, явно пойманъ и уличенъ — бѣги скорѣй домой, пока время, и убей свою мать. Мигомъ во всемъ оправдаются, и дамы съ эстрады будутъ махать батистовыми платочками; несомнѣнная истина!

— Истина! Истина!

Нельзя было и безъ анекдотовъ. Вспоминали о связяхъ Николая Все́воловодовича съ графомъ К. Строгія, уединенная мнѣнія графа К. насчетъ послѣднихъ реформъ были извѣстны. Извѣстна была и его замѣчательная дѣятельность, нѣсколько пріостановленная въ самое послѣднее время. И вотъ вдругъ стало всѣмъ несомнѣнно, что Николай Все́воловодовичъ помолвленъ съ одною изъ дочерей графа К., хотя ничто не подавало точнаго повода къ такому служу. А что касается до какихъ-то чудесныхъ швейцарскихъ приключеній и Лизаветы Николаевны, то даже дамы перестали о нихъ упоминать. Упомянемъ кстати, что Дроздовы, какъ разъ къ этому времени, успѣли сдѣлать всѣ, доселѣ упущеные ими, визиты. Лизавету Николаевну уже несомнѣнно всѣ нашли самою обыкновенною девушкой, „франтищею“ своими болѣыми нервами. Обморокъ ея въ день пріѣзда Николая Все́воловодовича объяснили теперь просто испугомъ, при безобразномъ поступкѣ студента. Даже усиливали прозаичность того самаго, чemu прежде такъ стремились придать какой-то фантастической колоритъ; а обѣ какой-то хромоножки забыли окончательно; стыдились и помнить. „Да хоть бы и сто хромоножекъ,—кто молодъ не былъ!“ Ставили на видъ почтительность Николая Все́воловодовича къ матери, подыскивали ему разныя добродѣтели, съ благодушiemъ говорили обѣ его учености, пріобрѣтенной въ четыре года по нѣмецкимъ университетамъ. Поступокъ Артемія Павловича окончательно объявили безтактнымъ: „свои своихъ не познаша“; за Юліей же Михайловой окончательно признали высшую проницательность.

Такимъ образомъ, когда, наконецъ, появился самъ Николай Все́воловодовичъ, всѣ встрѣтили его съ самою наивною серьезностью, во всѣхъ глазахъ, на него устремленныхъ, читались самыя нетерпѣливыя ожиданія. Николай Все́воловодовичъ тотчасъ же заключилъ въ самое строгое молчаніе, чѣмъ, разумѣется, удовлетворилъ всѣхъ гораздо болѣе, чѣмъ если бы наговорилъ съ три короба. Однимъ словомъ, все ему удавалось, онъ былъ въ модѣ. Въ обществѣ губернскомъ, если кто разъ появился, то ужъ спрятаться никакъ нельзя. Николай Все́воловодовичъ сталъ по-прежнему исполнять всѣ губернскіе порядки до утонченности. Веселымъ его не находили: „человѣкъ претерпѣлъ, человѣкъ не то, что другіе; есть о чёмъ задуматься“. Даже гордость и та брезгливая неприступность, за кото-

рую такъ ненавидѣли его у насъ четыре года назадъ, теперь уважались и нравились.

Всѣхъ болѣе торжествовала Варвара Петровна. Не могу сказать, очень ли тужила она о разрушившихся мечтахъ насчетъ Лизаветы Николаевны. Тутъ помогла, конечно, и фамильная гордость. Странно одно: Варвара Петровна въ высшей степени вдругъ увѣровала, что Nicolas дѣйствительно „выбралъ“ у графа К., но, и что страннѣе всего, увѣровала по слухамъ, пришедшемъ къ ней, какъ и ко всѣмъ, по вѣтру; сама же боялась спросить Николая Всеходоловича. Раза два-три, однако, не утерпѣла, и весело, исподтишка попрекнула его, что онъ съ нею не такъ откровенъ; Николай Всеходоловичъ улыбнулся и продолжалъ молчать. Молчаніе принимаемо было за знакъ согласія. И что же: при всемъ этомъ она никогда не забывала о хромоножкѣ. Мысль о ней лежала на ея сердцѣ камнемъ, кошмаромъ, мучила ее странными привидѣніями и гаданіями, и все это совмѣстно и одновременно съ мечтами о дочеряхъ графа К. Но обѣ этомъ еще рѣчь впереди. Разумѣется, въ обществѣ къ Варварѣ Петровнѣ стали вновь относиться съ чрезвычайнымъ и предупредительнымъ почтеніемъ, но она мало имъ пользовалась и выѣзжала чрезвычайно рѣдко.

Она сдѣлала, однако, торжественный визитъ губернаторшѣ. Разумѣется, никто больше ея не былъ плѣненъ и очарованъ вышеприведенными знаменательными словами Юліи Михайловны на вечерѣ у предводительши: они много сняли тоски съ ея сердца и разомъ разрѣшили многое изъ того, что такъ мучило ее съ того несчастнаго воскресенія. „Я не понимала эту женщину!“ изрекла она, и прямо, съ свойственною ей стремительностью, объявила Юліи Михайловнѣ, что пріѣхала ее *благодарить*. Юлія Михайловна была польщена, но выдержала себѣ независимо. Она въ ту пору уже очень начала себѣ чувствовать цѣну, даже, можетъ-быть, немного и слишкомъ. Она объявила, напримѣръ, среди разговора, что никогда ничего не слыхивала о дѣятельности и учености Степана Трофимовича.

— Я, конечно, принимаю и ласкаю молодого Верховенскаго. Онъ безразсуденъ, но онъ еще молодъ; впрочемъ, съ солидными знаніями. Но все же это не какой-нибудь отставной бывшій критикъ.

Варвара Петровна тотчасъ же поспѣшила замѣтить,

что Степанъ Трофимовичъ вовсе никогда не былъ крикомъ, а, напротивъ, всю жизнь прожилъ въ ея домѣ. Знаменитъ же обстоятельствами первоначальной своей карьеры, „слишкомъ известными всему свѣту“, а въ самое послѣднее время—своими трудами по испанской исторіи, хочетъ тоже писать о положеніи теперешнихъ немецкихъ университетовъ и, кажется, еще что-то о дрезденской Мадоннѣ. Однимъ словомъ, Варвара Петровна не захотѣла уступить Юліи Михайловнѣ Степана Трофимовича.

— О дрезденской Мадоннѣ? Это о Сикстинской? Chère Варвара Петровна, я просидѣла два часа предъ этою картиной и ушла разочарованная. Я ничего не поняла и была въ большомъ удивленіи. Кармазиновъ тоже говоритъ, что трудно понять. Теперь всѣ ничего не находятъ,—и русскіе, и англичане. Всю эту славу старики прокричали.

— Новая мода, значитъ.

— А я такъ думаю, что не надо пренебрегать и нашей молодежью. Кричать, что они коммунисты, а, помоему, надо щадить ихъ и дорожить ими. Я читаю теперь все,—всѣ газеты, коммуны, естественные науки,—все получаю, потому что надо же, наконецъ, знать, гдѣ живешь и съ кѣмъ имѣешь дѣло. Нельзя же всю жизнь прожить на верхахъ своей фантазіи. Я сдѣлала выводъ, и приняла за правило ласкать молодежь и тѣмъ самымъ удерживать ее на kraю. Повѣрьте, Варвара Петровна, что только мы, общество, благотворнымъ вліяніемъ, и именно лаской, можемъ удержать ихъ у бездны, въ которую толкаетъ ихъ нетерпимость всѣхъ этихъ старикашекъ. Впрочемъ, я рада, что узнала отъ васъ о Степанѣ Трофимовичѣ. Вы подаете мнѣ мысль: онъ можетъ быть полезенъ на нашемъ литературномъ чтеніи. Я, знаете, устраиваю цѣлый день увеселеній, по подпискѣ, въ пользу бѣдныхъ губернантокъ изъ нашей губерніи. Онѣ разсѣяны по Россіи; ихъ насчитываютъ до шести изъ одного нашего уѣзда; кромѣ того, двѣ телеграфистки, двѣ учатся въ академіи; остальные желали бы, но не имѣютъ средствъ. Жребій русской женщины ужасенъ, Варвара Петровна! Изъ этого дѣлаютъ теперь университетскій вопросъ, и даже было засѣданіе государственного совѣта. Въ нашей странной Россіи можно дѣлать все, что угодно. А потому, оцѣть-таки лишиь одною лаской и непосредственнымъ теп-

лымъ участіемъ всего общества, мы могли бы направить это великое общее дѣло на истинный путь. О, Боже, много-ли у насъ свѣтлыхъ личностей! Конечно, есть, но онъ разсѣяны. Сомнѣмтесь же и будемъ сильнѣе. Однимъ словомъ, у меня будетъ сначала литературное утро, погомъ легкій завтракъ, потомъ перерывъ, и въ тотъ же день вечеромъ балъ. Мы хотѣли начать вечеръ живыми картинами, но, кажется, много издержекъ, и потому, для публики, будутъ одна или двѣ кадрили въ маскахъ и характерныхъ костюмахъ, изображающихъ извѣстныя литературныя направленія. Эту шутливую мысль предложилъ Кармазиновъ; онъ много мнѣ помогаетъ. Знаете, онъ прочтетъ у насъ свою послѣднюю вещь, еще никому неизвѣстную. Онъ бросаетъ перо и болѣе писать не будетъ; эта послѣдняя статья есть его прощеніе съ публикой. Прелестная вещица подъ названіемъ: „Merci“. Названіе французское, но онъ находитъ это шутливѣе и даже тоньше. Я тоже, даже я и присовѣтоваля. Я думаю, Степанъ Трофимовичъ могъ бы тоже прочесть, если покороче и... не такъ чтобы очень ученое. Кажется, Петръ Степановичъ и еще кто-то что-то такое прочтутъ. Петръ Степановичъ къ вамъ забѣжитъ и сообщитъ программу; или, лучше, позвольте мнѣ самой завезти къ вамъ.

— А вы позвольте и мнѣ подписаться на вашемъ листѣ. Я передамъ Степану Трофимовичу и сама буду просить его.

Варвара Петровна воротилась домой окончательно привороженная; она стояла горой за Юлію Михайловну и почему-то уже совсѣмъ разсердилаась на Степана Трофимовича; а тотъ, бѣдный, и не зналъ ничего, сидя дома.

— Я влюблена въ нее; я не понимаю, какъ я могла такъ ошибаться въ этой женщинѣ, говорила она Николаю Всеволодовичу и забѣжалшему къ вечеру Петру Степановичу.

— А все-таки вамъ надо помириться со старикомъ, доложилъ Петръ Степановичъ,—онъ въ отчаяніи. Вы его совсѣмъ сослали на кухню. Вчера онъ встрѣтилъ вашу коляску, поклонился, а вы отвернулись. Знаете, мы его выдвинемъ; у меня на него кой-какіе расчеты, и онъ еще можетъ быть полезенъ.

— О, онъ будетъ читать.

— Я не про одно это. А я и самъ хотѣль къ нему сегодня забѣжать. Такъ сообщить ему?

— Если хотите. Не знаю, впрочемъ, какъ вы это

устроите, проговорила она въ нерѣшимости. — Я была сама намѣрена объясниться съ нимъ и хотѣла назначить день и мѣсто.

Она сильно нахмурилась.

— Ну, ужъ назначать день не стѣйтъ. Я просто передамъ.

— Пожалуй, передайте. Впрочемъ, прибавьте, что я непремѣнно назначу ему день. Непремѣнно прибавьте.

Петръ Степановичъ побѣжалъ ухмыляясь. Вообще, сколько припомню, онъ въ это время былъ какъ-то особенно золь и даже позволялъ себѣ чрезвычайно нетерпѣливыя выходки чуть не со всѣми. Странно, что ему какъ-то всѣ прощали. Вообще установилось мнѣніе, что смотрѣть на него надо какъ-то особенно. Замѣчу, что онъ съ чрезвычайно злой отнесся къ поединку Николая Всеволодовича. Его это застало врасплохъ; онъ даже позеленѣлъ, когда ему рассказали. Тутъ, можетъ-быть, страдало его самолюбіе: онъ узналъ на другой лишь день, когда всѣмъ было извѣстно.

— А вѣдь вы не имѣли права драться, шепнулъ онъ Ставрогину на пятый уже день, случайно встрѣтясь съ нимъ въ клубѣ.

Замѣчательно, что въ эти пять дней они пигдѣ не встрѣтались, хотя къ Варварѣ Петровнѣ Петръ Степановичъ забѣгалъ почти ежедневно.

Николай Всеволодовичъ молча поглядѣлъ на него съ разсѣяннымъ видомъ, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, и прошелъ не останавливаясь. Онъ проходилъ чрезъ большую залу клуба въ буфетъ.

— Вы и къ Шатову заходили... вы Марью Тимоѳеевну хотите опубликовать, бѣжалъ онъ за нимъ и какъ-то въ разсѣянности ухватился за его плечо.

Николай Всеволодовичъ вдругъ стряслъ съ себя его руку и быстро къ нему оборотился, грозно нахмурившись. Петръ Степановичъ поглядѣлъ на него, улыбалась странно, длинно улыбкой. Все продолжалось одно мгновеніе. Николай Всеволодовичъ прошелъ далѣе.

II.

Къ старику онъ забѣжалъ тотчасъ же отъ Варвары Петровны, и если такъ поспѣшилъ, то единствено изъ злобы, чтобы отмстить за одну прежнюю обиду, о которой я доселѣ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ, что въ по-

слѣднєе ихъ свиданіе, именно на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, Степанъ Трофимовичъ, самъ, впрочемъ, начавшій споръ, кончилъ тѣмъ, что выгналъ Петра Степановича палкой. Фактъ этотъ онъ отъ меня тогда утаилъ; но теперь, только что вбѣжалъ Петръ Степановичъ, со своею всегдашнею усмѣшкой, столь наивно высокомѣрною, и съ непріятно любопытнымъ, шныряющимъ по угламъ взглядомъ, какъ тотчасъ же Степанъ Трофимовичъ сдѣлалъ мнѣ тайный знакъ, чтобы я не оставлялъ комнату. Такимъ образомъ и обнаружились предо мною ихъ настоящія отношенія, ибо на этотъ разъ прослушалъ весь разговоръ.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ, протянувшись, на кушеткѣ. Съ того четверга онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Петръ Степановичъ съ самымъ фамильярнымъ видомъ усѣлся подлѣ него, безцеремонно поджавъ подъ себя ноги, и занялъ на кушеткѣ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько требовало уваженіе къ отцу. Степанъ Трофимовичъ молча и съ достоинствомъ посторонился.

На столѣ лежала раскрытая книга. Это былъ романъ *Что дѣлать*. Увы, я долженъ признаться въ одномъ странномъ малодушіи нашего друга: мечта о томъ, что ему слѣдуетъ выйти изъ уединенія и задать послѣднюю битву, все болѣе и болѣе одерживала верхъ въ его соблазненномъ воображеніи. Я догадался, что онъ досталь и *изучаетъ* романъ единственно съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ несомнѣннаго столкновенія съ „визжавшими“ знать заранѣе ихъ пріемы и аргументы по самому ихъ „cateхизису“ и, такимъ образомъ приготовившись, торжественно ихъ всѣхъ опровергнуть въ *ея глазахъ*. О, какъ мучила его эта книга! Онъ бросалъ иногда ее въ отчаяніи и, вскочивъ съ мѣста, шагалъ по комнатѣ почти въ изступленіи:

— Я согласенъ, что основная идея автора вѣрна, говорилъ онъ мнѣ въ лихорадкѣ, — но вѣдь тѣмъ ужаснѣе! Та же паша идея, именно наша; вы, мы первые насадили ее, возрастили, приготовили, — да и что бы они могли сказать сами нового, послѣ насть! Но, Боже, какъ все это выражено, искажено, исковеркано! восклицалъ онъ, стуча пальцами по книгѣ.—Къ такимъ-ли выводамъ мы устремлялись? Кто можетъ узнать тутъ первоначальную мысль?

— Просвѣщаешься? ухмыльнулся Петръ Степановичъ, взявъ книгу со стола и прочтя заглавіе.—Давно пора. Я тебѣ и лучше принесу, если хочешь.

Степанъ Трофимовичъ снова и съ достоинствомъ промолчалъ. Я сидѣлъ въ углу на диванѣ.

Петръ Степановичъ быстро объяснилъ причину своего прибытія. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ не въ мѣру и слушалъ въ испугѣ, смѣшанномъ съ чрезвычайнымъ негодованіемъ.

— И эта Юлія Михайловна разсчитываетъ, что я приду къ ней читать!

— То-есть, они вѣдь вовсе въ тебѣ не такъ нуждаются. Напротивъ, это, чтобы тебѣ обласкать и тѣмъ подлизаться къ Варварѣ Петровнѣ. Но, ужъ само собою, ты не посмѣешь отказаться читать. Да и самому-то, я думаю, хочется, ухмыльнулся онъ. — У васъ у всѣхъ, у старицья, адская амбиція. Но, послушай, однако, надо, чтобы не такъ скучно. У тебя тамъ что, испанская исторія, что-ли? Ты мнѣ дня за три дай просмотрѣть, а то вѣдь усыпишь пожалуй.

Торопливая и слишкомъ обнаженная грубость этихъ колкостей была явно преднамѣренная. Дѣлался видъ, что со Степаномъ Трофимовичемъ какъ будто и нельзя говорить другимъ болѣе тонкимъ языккомъ и понятіями. Степанъ Трофимовичъ твердо продолжалъ не замѣтить оскорблений. Но сообщаемыя событія производили на него все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе.

— И она сама, *сама* велѣла передать это мнѣ черезъ... *васъ?* спросилъ онъ, блѣднѣя.

— То-есть, видишь-ли, она хочетъ назначить тебѣ день и мѣсто для взаимнаго объясненія; остатки вашего сентиментальничанья. Ты съ нею двадцать лѣтъ кокетничалъ и пріучилъ ее къ самымъ смѣшнымъ пріемамъ. Но не беспокойся, теперь ужъ совсѣмъ не то; она сама поминутно говоритъ, что теперь только начала „прозирать“. Я ей прямо растолковалъ, что вся эта ваша дружба — есть одно только взаимное изліяніе помой. Она мнѣ много, братъ, рассказала; фу, какую лакейскую должность исполнялъ ты все время. Даже я краснѣлъ за тебя.

— Я исполнялъ лакейскую должность? не выдержалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Хуже, ты былъ приживальщикомъ, то-есть лакеемъ добровольнымъ. Лѣнъ трудиться, а на денежки-то у насъ аппетитъ. Все это и она теперь понимаетъ; по крайней мѣрѣ, ужасъ, что про тебя рассказала. Ну, братъ, какъ я хототалъ надъ твоими письмами къ ней; совѣстно и

гадко. Но вѣдь вы такъ развращены, такъ развращены! Вѣ милостынѣ есть нѣчто навсегда развращающее — ты явный примѣръ!

— Она тебѣ показывала мои письма!

— Всѣ. То-есть, конечно, гдѣ же ихъ прочитать? Фу, сколько ты исписалъ бумаги, я думаю, тамъ болѣе двухъ тысячи писемъ... А знаешь, старикъ, я думаю, у васъ было одно мгновеніе, когда она готова была бы за тебя выйти? Глупѣйшимъ ты образомъ упустилъ! Я, конечно, говорю съ твоей точки зрѣнія, но все-таки-жъ лучше, чѣмъ теперь, когда чуть не сосватали на „чужихъ грѣхахъ“, какъ шута для потѣхи, за деньги.

— За деньги! Она, она говоритъ, что за деньги! болѣз-ненно возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— А то какъ же? Да что ты, я же тебя и защищалъ. Вѣдь это единственный твой путь оправданія. Она сама поняла, что тебѣ денегъ надо было, какъ и всякому, и что ты съ этой точки, пожалуй, и правъ. Я ей доказалъ, какъ дважды два, что вы жили на взаимныхъ выгодахъ: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальнымъ шутомъ. Впрочемъ, за деньги она не сердится, хоть ты ее и доилъ, какъ козу. Ее только злоба беретъ, что она тебѣ двадцать лѣтъ вѣрила, что ты ее такъ облапошилъ на благородствѣ и заставилъ такъ долго лгать. Вѣ томъ, что сама лгала, она никогда не сознается, но за это-то тебѣ и достанется вдвое. Не понимаю, какъ ты догадался, что тебѣ придется когда-нибудь разсчитаться. Вѣдь былъ же у тебя хоть какой-нибудь умъ. Я вчера посовѣтовалъ ей отдать тебя въ богадѣльню, успокойся, въ приличную, обидно не будетъ; она, кажется, такъ и сдѣлаетъ. Помнишь послѣднее письмо твое ко мнѣ въ Х—скую губернію, три недѣли назадъ?

— Неужели ты ей показалъ? въ ужасѣ вкочилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ну, еще же бы нѣть! Первымъ дѣломъ. То самое, въ которомъ тыувѣдомлялъ, что она тебя эксплуатируетъ, завидуя твоему таланту, ну и тамъ о „чужихъ грѣхахъ“. Ну, братъ, кстати, какое, однако, у тебя самолюбіе! Я такъ хототаль. Вообще твои письма прескучныя; у тебя ужасный слогъ. Я ихъ часто совсѣмъ не читалъ, а одно такъ и теперь валяется у меня нераспечатаннымъ; я тебѣ завтра пришлю. Но это, это послѣднее твое письмо—это верхъ совершенства! Какъ я хототаль, какъ хототаль.

— Извергъ, извергъ! возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Фу, чортъ, да съ тобой нельзя разговаривать. Послушай, ты опять обижаешься, какъ въ прошлый четвергъ.

Степанъ Трофимовичъ грозно выпрямился.

— Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ языкомъ?

— Какимъ это языкомъ? Простымъ и яснымъ.

— Но скажи же мнѣ, наконецъ, извергъ, сынъ-ли ты мой или нѣть?

— Объ этомъ тебѣ лучше знать. Конечно, всякий отецъ склоненъ въ этомъ случаѣ къ ослѣплению...

— Молчи, молчи! весь затрясся Степанъ Трофимовичъ.

— Видишь-ли, ты кричишь и брашишься какъ и въ прошлый четвергъ, ты свою палку хотѣлъ поднять, а вѣдь я документъ-то тогда отыскалъ. Изъ любопытства весь вечеръ въ чемоданѣ прошарилъ. Правда, ничего нѣть точнаго, можешь утѣшиться. Это только записка моей матери къ тому полячку. Но судя по ея характеру...

— Еще слово, и я надаю тебѣ пощечинъ.

— Вотъ люди! обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Степановичъ. — Видите, это здѣсь у насъ уже съ прошлаго четверга. Я радъ, что нынче, по крайней мѣрѣ, вы здѣсь, и разсудите. Сначала фактъ: онъ упрекаетъ, что я говорю такъ о матери, но не онъ-ли меня натолкнулъ на то же самое? Въ Петербургѣ, когда я былъ еще гимназистомъ, не онъ-ли будилъ меня по два раза въ ночь, обнималъ меня и плакалъ, какъ баба, и какъ вы думаете, что рассказывалъ мнѣ по ночамъ-то? Вотъ тѣ же скромные анекдоты про мою мать! Отъ него я отъ первого и услыхалъ.

— О, я тогда это въ высшемъ смыслѣ! О, ты не понялъ меня. Ничего, ничего ты не понялъ.

— Но все-таки у тебя подлѣе, чѣмъ у меня, вѣдь подлѣе, признайся. Вѣдь видишь-ли, если хочешь, мнѣ все равно. Я съ твоей точки зрения, не беспокойся: я мать не виню; ты такъ ты, поллякъ такъ поллякъ, мнѣ все равно. Я не виноватъ, что у васъ въ Берлинѣ вышло такъ глупо. Да и могло-ли у васъ выйти что-нибудь умнѣй. Ну, не смѣшные-ли вы люди послѣ всего! И не все-ли тебѣ равно, твой-ли я сынъ или нѣть? Послушайте, обратился онъ ко мнѣ опять, — онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричитъ, что болѣль обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается

предо мной какъ актеръ. Да вѣдь я же не Варвара Петровна, помилуй!

Онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Проклинаю тебя отсель моимъ именемъ! протянулъ надъ нимъ руку Степанъ Трофимовичъ весь блѣдный какъ смерть.

— Экъ вѣдь въ какую глупость человѣкъ вѣдеть! даже удивился Петръ Степановичъ.—Ну, прощай, старина, никогда не приду къ тебѣ больше. Статью доставь раньше, не забудь, и пострайся, если можешь, безъ вздоровъ: факты, факты и факты, а, главное, короче. Прощай!

III.

Впрочемъ, тутъ вліяли и посторонніе поводы. У Петра Степановича дѣйствительно были нѣкоторые замыслы на родителя. По-моему, онъ разсчитывалъ довести старика до отчаянія и тѣмъ натолкнуть его на какой-нибудь явный скандалъ, въ извѣстномъ родѣ. Это нужно было ему для цѣлей дальнихъ, постороннихъ, о которыхъ еще рѣчь впереди. Подобныхъ разныхъ расчетовъ и предначертаній въ ту пору накопилось у него чрезвычайное множество, — конечно, почти все фантастическихъ. Былъ у него въ виду и другой мученикъ, кромѣ Степана Трофимовича. Вообще, мучениковъ у него было не мало, какъ и оказалось впослѣдствіи; но на этого онъ особенно разсчитывалъ, и это былъ самъ господинъ фонъ-Лембке.

Андрей Антоновичъ фонъ-Лембке принадлежалъ къ тому фаворизованному (природой) племени, котораго въ Россіи числится по календарю нѣсколько сотъ тысячъ и которое, можетъ, и само не знаетъ, что составляетъ въ ней всею своею массой одинъ строго организованный союзъ. И ужъ, разумѣется, союзъ не предумышленный и не выдуманный, а существующій, въ цѣломъ племени самъ по себѣ, безъ словъ и безъ договору, какъ нѣчто нравственно обязательное, и состоящій во взаимной поддержкѣ всѣхъ членовъ этого племени одного другимъ всегда, вездѣ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Андрей Антоновичъ имѣлъ честь воспитываться въ одномъ изъ тѣхъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній, которые наполняются юношествомъ изъ болѣе одаренныхъ связями или богатствомъ семействъ. Воспитанники этого заведенія, почти тотчасъ же по окончаніи курса, назначались къ занятію довольно значительныхъ должностей

по одному отде́лу государственной службы. Андрей Антоновичъ имѣлъ одного дядю инженеръ-подполковника, а другого булочника; но въ высшую школу прореся и встрѣтиль въ ней довольно подобныхъ соплеменниковъ. Былъ онъ товарищъ веселый; учился довольно тупо, но его всѣ полюбили. И когда, уже въ высшихъ классахъ, многіе изъ юношей, преимущественно русскихъ, научились толковать о весьма высокихъ современныхъ вопросахъ и съ такимъ видомъ, что вотъ только дождаться выпуска и они порѣшать всѣ дѣла, — Андрей Антоновичъ все еще продолжалъ заниматься самыми невинными школьническими. Онъ всѣхъ смѣшилъ, правда, выходками весьма не хитрыми, развѣ лишь циническими, но поставилъ это себѣ цѣлью. То какъ-нибудь удивительно высморкается, когда преподаватель на лекціи обратится къ нему съ вопросомъ, — чѣмъ разсмѣшить и товарищей, и преподавателя; то въ дортуарѣ изобразить изъ себя какую-нибудь циническую живую картину, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ; то сыграетъ единственно на своемъ носу (и довольно искусно) увертюру изъ Фра-Діаволо. Отличался тоже умышленнымъ неряшествомъ, находя это почему-то остроумнымъ. Въ самый послѣдній годъ онъ сталъ писать русскіе стишки. Свой собственный племенной языкъ зналъ онъ весьма неграмматически, какъ и многіе въ Россіи этого племени. Эта наклонность къ стишкамъ свела его съ однимъ мрачнымъ и какъ бы забитымъ чѣмъ-то товарищемъ, сыномъ какого-то бѣднаго генерала, изъ русскихъ, и который считался въ заведеніи великимъ будущимъ литераторомъ. Тотъ отнесся къ нему покровительно. Но случилось такъ, что по выходѣ изъ заведенія, уже года три спустя, этотъ мрачный товарищъ, бросившій свое служебное поприще для русской литературы и вслѣдствіе того уже щеголявшій въ разорванныхъ сапогахъ и стучавшій зубами отъ холода, въ лѣтнемъ пальто въ глубокую осень, встрѣтиль вдругъ случайно у Аничкова моста своего бывшаго protégé „Лембку“, какъ всѣ, впрочемъ, называли того въ училищѣ. И что же? Онъ даже не узналъ его съ первого взгляда и остановился въ удивленіи. Предъ нимъ стояль безукоризненно одѣтый молодой человѣкъ, съ удивительно отдѣланными бакенбардами рыжеватаго отлива, съ пенсне, въ лакированныхъ сапогахъ, въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ, въ широкомъ шармеровскомъ пальто и съ портфелемъ подъ

мышкой. Лембке обласкалъ товарища, сказалъ ему адресъ и позвалъ къ себѣ когда-нибудь вечеркомъ. Оказалось тоже, что онъ уже не „Лембка“, а фонъ-Лембке. Товарищъ къ нему, однако, отправился, можетъ-быть, единственно изъ злобы. На лѣстницѣ, довольно некрасивой и совсѣмъ уже не парадной, но устланной краснымъ сукномъ, его встрѣтилъ и опросилъ швейцарь. Звонко прозвенѣлъ наверхъ колоколь. Но вмѣсто богатствъ, которыя посѣтитель ожидалъ встрѣтить, онъ нашелъ своего „Лембку“ въ боковой очень маленькой комнаткѣ, имѣвшей темный и ветхій видъ, разгороженной на-двоемъ большою темно-зеленою занавѣсью, меблированной хоть и мягкою, но очень ветхою темно-зеленою мебелью, съ темно-зелеными сторами на узкихъ и высокихъ окнахъ. Фонъ-Лембке помѣщался у какого-то очень дальняго родственника, протежировавшаго его генерала. Онъ встрѣтилъ гостя привѣтливо, былъ серъезенъ и изящно вѣжливъ. Поговорили и о литературѣ, но въ приличныхъ предѣлахъ. Лакей въ бѣломъ галстукѣ принесъ жидкокватаго чаю, съ маленькимъ, кругленѣкимъ сухимъ печеньемъ. Товарищъ изъ злобы попросилъ зельтерской воды. Ему подали, но съ нѣкоторыми задержками, при чемъ Лембке какъ бы сконфузился, призывая лишній разъ лакея и ему приказывая. Впрочемъ, самъ предложилъ, не хочетъ-ли гость чего закусить, и видимо былъ доволенъ, когда тотъ отказался и, наконецъ, ушелъ. Просто-за-просто Лембке начиналъ свою карьеру, а у единоплеменнаго, но важнаго генерала проживалъ.

Онъ въ то время вздыхалъ по пятой дочкѣ генерала, и ему, кажется, отвѣчали взаимностью. Но Амалію, все-таки, выдали, когда пришло время, за одного стараго заводчика-нѣмца, стараго товарища старому генералу. Андрей Антоновичъ не очень плакалъ, а склеилъ изъ бумаги театръ. Поднимался занавѣсь, выходили актеры, дѣлали жесты руками; въ ложахъ сидѣла публика, оркестръ по машинкѣ водилъ смычками по скрипкамъ, капельмейстеръ махалъ палочкой, а въ партерѣ кавалеры и офицеры хлопали въ ладоши. Все было сдѣлано изъ бумаги, все выдумано и сработано самимъ фонъ-Лембке; онъ просидѣлъ надъ театромъ полгода. Генераль устроилъ нарочно интимный вечерокъ, театръ вынесли напоказъ, всѣ пять генеральскихъ дочекъ съ новобрачною Амаліей, ея заводчикомъ и многія барышни и барыни со своими нѣмцами внимали

тельно рассматривали и хвалили театръ; затѣмъ танцо-вали. Лембке былъ очень доволенъ и скоро утѣшился.

Прошли годы, и карьера его устроилась. Онъ все служилъ по виднымъ мѣстамъ и все подъ начальствомъ единоплеменниковъ, и дослужился, наконецъ, до весьма значительного, сравнительно съ его лѣтами, чина. Давно уже онъ желалъ жениться и давно уже осторожно высматривалъ. Втихомолку отъ начальства послалъ было повѣсть въ редакцію одного журнала, но ея не напечатали. Зато склеилъ цѣлый поѣздъ желѣзной дороги, и опять вышла преудачная вещица: публика выходила изъ вокзала, съ чемоданами и саками, съ дѣтьми и собачками, и входила въ вагоны. Кондукторы и служителя расхаживали, звенѣль колокольчикъ, давался сигналъ, и поѣздъ трогался въ путь. Надѣтью хитрою штукой онъ просидѣлъ цѣлый годъ. Но, все-таки, надо было жениться. Кругъ знакомствъ его былъ довольно обширенъ, все больше въ нѣмецкомъ мірѣ; но онъ вращался и въ русскихъ сферахъ, разумѣется, по начальству. Наконецъ, когда уже стукнуло ему тридцать восемь лѣтъ, онъ получилъ и наслѣдство. Умеръ его дядя, булочникъ, и оставилъ ему тридцать тысячъ по завѣщанію. Дѣло стало за мѣстомъ. Господинъ фонъ-Лембке, несмотря на довольно высокій пошибъ своей служебной сферы, былъ человѣкъ очень скромный. Онъ очень бы удовольствовался какимъ-нибудь самостоятельнымъ казеннымъ мѣстечкомъ, съ зависящимъ отъ него распоряженій приемомъ казенныхъ дровъ, или чѣмъ-нибудь сладеньkimъ въ этомъ родѣ, и такъ бы на всю жизнь. Но тутъ, вмѣсто какой-нибудь ожидаемой Минны или Эрнестины, подвернулась вдругъ Юлія Михайловна. Карьера его разомъ поднялась степенью видище. Скромный и аккуратный фонъ-Лембке почувствовалъ, что и онъ можетъ быть самолюбивымъ.

У Юліи Михайловны, по старому счету, было двѣсти душъ, и кромѣ того съ пей являлась большая протекція. Съ другой стороны, фонъ-Лембке былъ красивъ, а ей уже за сорокъ. Замѣчательно, что онъ мало-по-малу влюбился въ нее и въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе ощущалъ себя женихомъ. Въ день свадьбы утромъ послалъ ей стихи. Ей все это очень нравилось, даже стихи: сорокъ лѣтъ не шутка. Въ скорости онъ получилъ известный чинъ и известный орденъ, а затѣмъ назначенъ былъ въ нашу губернію.

Собираясь къ намъ, Юлія Михайловна старательно по-работала надъ супругомъ. По ея мнѣнію, онъ былъ не безъ способностей, умѣлъ войти и показаться, умѣлъ глубокомысленно выслушать и промолчать, схватилъ нѣсколько весьма приличныхъ осанокъ, даже могъ сказать рѣчь, даже имѣлъ нѣкоторые обрывки и кончики мыслей, схватилъ лоскъ новѣйшаго необходимаго либерализма. Но все-таки ее беспокоило, что онъ какъ-то ужъ очень мало воспримчивъ, и послѣ долгаго, вѣчнаго исканія карьеры, рѣшительно начиналъ ощущать потребность покоя. Ей хотѣлось перелить въ него свое честолюбіе, а онъ вдругъ началъ клеить кирку: пасторъ выходилъ говорить проповѣдь, молящіе слушали, набожно сложивъ предъ собою руки, одна дама утирала платочкомъ слезы, одинъ старичокъ сморкался, подъ конецъ звенѣлъ органчикъ, который нарочно былъ заказанъ и уже выписанъ изъ Швейцаріи, несмотря на издержки. Юлія Михайловна даже съ какимъ-то испугомъ отобрала всю работу, только лишь узнала о ней, и заперла къ себѣ въ ящикѣ; взамѣнъ того позволила ему писать романъ, но потихоньку. Съ тѣхъ поръ прямо стала разсчитывать только на одну себя. Бѣда въ томъ, что тутъ было порядочное легкомысліе и мало мѣрки. Судьба слишкомъ уже долго продержала ее въ старыхъ дѣвахъ. Идея за идеей замелькали теперь въ ея честолюбивомъ и нѣсколько раздраженномъ умѣ. Она пытала замыслы, она рѣшительно хотѣла управлять губерніей, мечтала быть сейчасъ-же окруженою, выбрала направление. Фонъ-Лембке даже нѣсколько испугался, хотя скоро догадался, съ своимъ чиновничимъ тактомъ, что собственно губернаторства пугаться ему вовсе нечего. Первые два-три мѣсяца протекли даже весьма удовлетворительно. Но тутъ подвернулся Петръ Степановичъ, и стало происходить нѣчто странное.

Дѣло въ томъ, что молодой Верховенскій съ первого шагу обнаружилъ рѣшительную непочтительность къ Андрею Антоновичу и взялъ надъ нимъ какія-то странныя права, а Юлія Михайловна, всегда столь ревнивала къ значенію своего супруга, вовсе не хотѣла этого замѣтить; по крайней мѣрѣ, не придавала важности. Молодой человѣкъ сталъ ея фаворитомъ, Ѣль, пиль и почти спаль въ домѣ. Фонъ-Лембке сталъ защищаться, называть его при людяхъ „молодымъ человѣкомъ“, покровительственно трепаль по плечу, но этимъ ничего не впушилъ. Петръ Степано-

вичъ все какъ-будто смѣялся ему въ глаза, даже разговаривал, повидимому, серьезно, а при людяхъ говорилъ ему самыя неожиданныя вещи. Однажды, возвратясь домой, онъ нашелъ молодого человѣка у себя въ кабинетѣ, сидящимъ на диванѣ безъ приглашенія. Тотъ объяснилъ, что зашелъ, но, не заставъ дома, „кстати выспался“. Фонъ-Лембке былъ обиженъ и снова пожаловался супругѣ; осмѣявъ раздражительность, та колко замѣтила, что онъ самъ видно не умѣеть стать на настоящую ногу; по крайней мѣрѣ, съ ней „этотъ мальчикъ“ никогда не позволяетъ себѣ фамильярностей, а впрочемъ, „онъ наивенъ и свѣжъ, хотя вѣнчанъ рамокъ общества“. Фонъ-Лембке надулся. Въ тотъ разъ она ихъ помирила. Петръ Степановичъ не то чтобы попросилъ извиненія, а отдался какою-то грубою шуткой, которую въ другой разъ можно было бы принять за новое оскорблѣніе, но въ настоящемъ случаѣ приняли за раскаяніе. Слабое мѣсто состояло въ томъ, что Андрей Антоновичъ далъ маху съ самаго начала, а именно сообщилъ ему свой романъ. Вообразивъ въ немъ пылкаго молодого человѣка съ поэзіей и давно уже мечтая о слушателѣ, онъ еще въ первые дни знакомства прочелъ ему однажды вечеромъ двѣ главы. Тотъ выслушалъ, не скрывая скуки, невѣжливо зѣвалъ, ни разу не похвалилъ, но, уходя, выпросилъ себѣ рукопись, чтобы на досугѣ составить мнѣніе, а Андрей Антоновичъ отдалъ. Съ тѣхъ поръ онъ рукописи не возвращалъ, хотя и забѣгалъ ежедневно, а на вопросъ только отвѣчалъ смѣхомъ; подъ конецъ объявилъ, что потерялъ ее тогда же на улицѣ. Узнавъ о томъ, Юлія Михайловна разсердилась на своего супруга ужасно.

— Ужъ не сообщилъ-ли ты ему и о киркѣ? всполохнулась она чуть не въ испугѣ.

Фонъ-Лембке рѣшительно началъ задумываться, а задумываться ему было вредно и запрещено докторами. Кромѣ того, что оказывалось много хлопотъ по губерніи, о чёмъ скажемъ ниже,—тутъ была особая матерія, даже страдало сердце, а не то, что одно начальническое самолюбіе. Вступая въ бракъ, Андрей Антоновичъ ни за что бы не предположилъ возможности семейныхъ раздоровъ и столкновеній въ будущемъ. Такъ всю жизнь воображалъ онъ, мечтая о Миннѣ и Эрнестинѣ. Онъ почувствовалъ, что не въ состояніи переносить семейныхъ громовъ. Юлія Михайловна объяяснилась съ пимъ, наконецъ, откровенно.

— Сердиться ты на это не можешь, сказала она,—уже потому, что ты втрое его разсудительнѣе и неизмѣримо выше на общественной лѣстнице. Въ этомъ мальчикѣ еще много остатковъ прежнихъ вольнодумныхъ замашекъ, а, по-моему, просто шалость; но вдругъ нельзя, а надо постепенно. Надо дорожить нашою молодежью; я дѣйствую лаской и удерживаю ихъ на краю.

— Но онъ чортъ знаетъ что говорить, возражалъ фонъ-Лембке.— Я не могу относиться толерантно, когда онъ при людяхъ и въ моемъ присутствіи утверждаетъ, что правительство нарочно опаиваетъ народъ водкой, чтобы его абрютировать и тѣмъ удержать отъ возстанія. Представь мою роль, когда я принужденъ при всѣхъ это слушать.

Говоря это, фонъ-Лембке припомнилъ недавній разговоръ свой съ Петромъ Степановичемъ. Съ невинною цѣлью обезоружить его либерализмомъ, онъ показалъ ему свою собственную интимную коллекцію всевозможныхъ прокламаций, русскихъ и изъ-за границы, которую онъ тщательно собиралъ съ пятьдесятъ девятаго года, не то что какъ любитель, а просто изъ полезнаго любопытства. Петръ Степановичъ, угадавъ его цѣль, грубо выразился, что въ одной строчкѣ новыхъ прокламаций болѣе смысла, чѣмъ въ цѣлой какой-нибудь канцеляріи, „не исключая, пожалуй, и вашей“.

Лембке покоробило.

— Но это у насъ рано, слишкомъ рано, произнесъ онъ почти просительно, указывая на прокламаціи.

— Нѣть, не рано; вотъ вы же боитесь, стало-быть, не рано.

— Но, однакоже, тутъ, напримѣръ, приглашеніе къ разрушенію церквей.

— Отчего же и нѣть? Вѣдь вы же умный человѣкъ и, конечно, сами не вѣрюете, а слишкомъ хорошо понимаете, что вѣра вамъ нужна, чтобы народъ абрютировать. Правда честнѣе лжи.

— Согласенъ, согласенъ, я съ вами совершенно согласенъ, но это у насъ рано, рано... морщился фонъ-Лембке.

— Такъ какой же вы послѣ этого чиновникъ правительства, если сами согласны ломать церкви и идти съ дрекольемъ на Петербургъ, а всю разницу ставите только въ срокѣ?

Такъ грубо пойманный, Лембке былъ сильно пикированъ.

— Это не то, не то, увлекался онъ, все болѣе и болѣе раздражаясь въ своемъ самолюбіи.—Вы, какъ молодой человѣкъ, и, главное, незнакомый съ нашими цѣлями, заблуждаетесь. Видите-ли, милѣйшій Петръ Степановичъ, вы называете насъ чиновниками отъ правительства? Такъ. Самостоятельными чиновниками? Такъ. Но позвольте, какъ мы дѣйствуемъ? На васъ отвѣтственность, а въ результѣтъ мы такъ же служимъ общему дѣлу, какъ и вы. Мы только сдерживаемъ то, что вы расшатываете, и то, что безъ насъ расползлось бы въ разныя стороны. Мы вамъ не враги, отнюдь нѣть, мы вамъ говоримъ: идите впередъ, прогрессируйте, даже расшатывайте, то-есть все старое подлежащее передѣлкѣ; но мы васъ, когда надо, и сдержимъ въ необходимыхъ предѣлахъ и тѣмъ васъ же спасемъ отъ самихъ себя, потому что безъ насъ вы бы только расколыхали Россію, лишивъ ее приличного вида, а наша задача въ томъ состоитъ, чтобы заботиться о приличномъ видѣ. Проникнитесь, что мы и вы взаимно другъ другу необходимы. Въ Англіи виги и торіи тоже взаимно другъ другу необходимы. Что же: мы торіи, а вы виги, я именно такъ понимаю.

Андрей Антоновичъ вошелъ даже въ паёось. Онъ любилъ поговорить умно и либерально еще съ самаго Петербурга, а тутъ, главное, никто не подслушивалъ. Петръ Степановичъ молчалъ и держалъ себя какъ-то не по-обычному серьезно. Это еще болѣе подзадорило оратора.

— Знаете-ли, что я, „хозяинъ губерніи“, продолжалъ онъ, расхаживая по кабинету.—Знаете-ли, что я по множеству обязанностей не могу исполнить ни одной, а съ другой стороны могу также вѣрно сказать, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Вся тайна въ томъ, что тутъ все зависитъ отъ взглядовъ правительства. Пусть правительство основываетъ тамъ хоть республику, ну, тамъ изъ политики или для усмиренія страстей, а съ другой стороны, параллельно, пусть усилить губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотимъ республику; да что республику: все, что хотите, поглотимъ; я, по крайней мѣрѣ, чувствую, что готовъ... Однимъ словомъ, пусть правительство провозгласить мнѣ по телеграфу *activit  d vorante*, и я даю *activit  d vorante*. Я здѣсь прямо въ глаза сказалъ: „Милостивые государи, для уравновѣшенія и процвѣтанія

всѣхъ губернскихъ учрежденій необходимо одно: усиленіе губернаторской власти". Видите, надо, чтобы всѣ эти учрежденія,—земскія-ли, судебныя-ли,—жили, такъ сказать, двойственную жизнью, то-есть надобно, чтобы они были (я согласенъ, что это необходимо), ну, а съ другой стороны, надо, чтобы ихъ и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдетъ такой стихъ, что вдругъ учрежденія окажутся необходимыми, и они тотчасъ же у меня явятся налицо. Пройдетъ необходимость, и ихъ никто у меня не отыщетъ. Вотъ какъ я понимаю activit  d vorante, а ея не будетъ безъ усиленія губернаторской власти. Мы съ вами глазъ-на-глазъ говоримъ. Я, знаете, уже заявила въ Петербургѣ о необходимости особаго часового у дверей губернаторскаго дома. Жду отвѣта.

— Вамъ надо двухъ, проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Для чего двухъ? остановился передъ нимъ фонъ-Лембке.

— Пожалуй, одного-то мало, чтобы васъ уважали. Вамъ надо непремѣнно двухъ.

Андрей Антоновичъ скривилъ лицо.

— Вы... вы Богъ знаетъ что позволяете себѣ, Петръ Степановичъ. Пользуясь моей добротой, вы говорите колкости и разыгрываете какого-то *bougre bienfaisant*...

— Ну, это какъ хотите, пробормоталъ Петръ Степановичъ,—а все-таки вы памъ прокладываете дорогу и приготовляете нашъ успѣхъ.

— То-есть кому же памъ и какой успѣхъ? въ удивленіи уставился на него фонъ-Лембке, но отвѣта не получилъ.

Юлія Михайловна, выслушавъ отчетъ о разговорѣ, была очень недовольна.

— Но не могу же я, защищался фонъ-Лембке,—третировать начальнически твоего фаворита, да еще когда глазъ - на - глазъ... Я могъ проговориться... отъ доброго сердца.

— Отъ слишкомъ ужъ доброго. Я не знала, что у тебя коллекція прокламацій; сдѣлай одолженіе, покажи.

— Но... по онъ ихъ выирисиль къ себѣ на одинъ день.

— И вы опять дали! разсердила Юлія Михайловна.—Что за без tactность!

— Я сейчасъ пошлю къ нему взять.

— Онъ не отдастъ.

— Я потребую! вскипѣль фонъ-Лембке и вскочилъ даже

съ мѣста.—Кто онъ, чтобы такъ его опасаться, и кто я, чтобы не смыть ничего сдѣлать?

— Садитесь и успокойтесь, остановила Юлія Михайловна.—Я отвѣчу на вашъ первый вопросъ: онъ отлично мнѣ зарекомендованъ, онъ со способностями и говорить иногда чрезвычайно умныя вещи. Кармазиновъ увѣрялъ меня, что онъ имѣеть связи почти вездѣ и чрезвычайное вліяніе на столичную молодежь. А если я чрезъ него привлеку ихъ всѣхъ и сгруппирую около себя, то я отвлеку ихъ отъ погибели, указавъ новую дорогу ихъ честолюбію. Онъ преданъ мнѣ всѣмъ сердцемъ и во всемъ меня слушается.

— Но вѣдь пока ихъ ласкать, они могутъ... чортъ знаетъ что сдѣлать! Конечно, это идея... смутно защищался фонъ-Лембке.—Но... но вотъ я слышу въ —скомъ уѣздѣ появились какія-то прокламаціи.

— Но вѣдь этотъ слухъ былъ еще лѣтомъ,—прокламаціи, фальшивыя ассигнаціи, мало-ли что, однако, до сихъ поръ не доставили ни одной. Кто вамъ сказалъ?

— Я отъ фонъ-Блюмера слышалъ.

— Ахъ, избавьте меня отъ вашего Блюмера и никогда не смытите о немъ упоминать!

Юлія Михайловна вскипѣла и даже съ минуту не могла говорить. Фонъ-Блюмеръ былъ чиновникомъ при губернаторской канцеляріи, котораго она особенно ненавидѣла. Объ этомъ ниже.

— Пожалуйста не беспокойся о Верховенскомъ, заключила она разговоръ.—Если бъ онъ участвовалъ въ какихъ-нибудь шалостяхъ, то не сталъ бы такъ говорить, какъ онъ съ тобою и со всѣми здѣсь говоритъ. Фразеры не опасны, и даже я такъ скажу, случись что-нибудь, я же первая чрезъ него и узнаю. Онъ фанатически, фанатически преданъ мнѣ.

Замѣчу, предупреждая события, что если бы не само мнѣніе и честолюбіе Юліи Михайловны, то, пожалуй, и не было бы того, что успѣли натворить у насъ эти дурные людшки. Тутъ она во многомъ отвѣтственна!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Предъ праздникомъ.

I.

День праздника, задуманного Юлией Михайловной, по подпискѣ, въ пользу губернантокъ нашей губерніи, уже нѣсколько разъ назначали впередъ и откладывали. Около нея вертѣлись безсмѣйно Петръ Степановичъ, состоявшій на побѣгушкахъ маленькой чиновникъ Лямшинъ, въ одно время посѣщавшій Степана Трофимовича и вдругъ попавшій въ милость въ губернаторскомъ домѣ за игру на фортепіано; отчасти Липутинъ, котораго Юлія Михайловна прочила въ редакторы будущей, независимой губернской газеты; нѣсколько дамъ и лѣвицъ и, наконецъ, даже Карамзиновъ, который, хоть и не вертѣлся, но вслухъ и съ довольнымъ видомъ объявилъ, что пріятно изумить всѣхъ, когда начнется кадриль литературы. Подписчиковъ и жертвователей объявилось чрезвычайное множество, все избранное городское общество; но допускались и самые неизбранные, если только являлись съ деньгами. Юлія Михайловна замѣтила, что иногда даже должно допустить смѣщеніе сословій, „иначе кто жъ ихъ просвѣтитъ?“ Образовался негласный домашній комитетъ, на которомъ порѣшено было, что праздникъ будетъ демократическій. Чрезмѣрная подписка манила на расходы; хотѣли сдѣлать что-то чудесное—вотъ почему и откладывалось. Все еще не рѣшались, гдѣ устроить вечерній балъ: въ огромномъ-ли домѣ предводительши, который та уступала для этого дня, или у Варвары Петровны въ Скворешникахъ? Въ Скворешники было бы далеко, но многие изъ комитета настаивали, что тамъ будетъ „вольнѣе“. Самой Варварѣ Петровнѣ слишкомъ хотѣлось бы, чтобы назначили у нея. Трудно рѣшить, почему эта гордая женщина почти заискивала у Юліи Михайловны. Ей, вѣроятно, нравилось, что та въ свою очередь почти принижается предъ Николаемъ Всеволодовичемъ и любезничаетъ съ нимъ, какъ ни съ кѣмъ. Повторю еще разъ: Петръ Степановичъ все время и постоянно, шопотомъ, продолжалъ укоренять въ губернаторскомъ домѣ одну пущенную еще прежде идею, что Николай Всеволодовичъ—человѣкъ, имѣющій самыя таинственные связи въ самомъ таинственномъ мірѣ, и что навѣрно здѣсь съ какимъ-нибудь порученіемъ.

Странное было тогда здѣсь настроение умовъ. Особенно въ дамскомъ обществѣ обозначилось какое-то легкомысліе, и нельзя сказать, чтобы мало-по-малу. Какъ бы по вѣтру было пущено нѣсколько чрезвычайно развязныхъ понятій. Наступило что-то развеселое, легкое, не скажу, чтобы всегда пріятное. Въ модѣ былъ нѣкоторый безпорядокъ умовъ. Потомъ, когда все кончилось, обвиняли Юлію Михайловну, ея кругъ и вліяніе; но врядъ-ли все произошло отъ одной только Юліи Михайловны. Напротивъ, очень многіе сначала взапуски хвалили новую губернаторшу за то, что умѣеть соединить общество и что стало вдругъ веселѣе. Произошло даже нѣсколько скандальныхъ случаевъ, въ которыхъ вовсе ужъ была не виновата Юлія Михайловна, но всѣ тогда только хохотали и тѣшились, а останавливать было некому. Устояла, правда, въ сторонѣ довольно значительная кучка лицъ, съ своимъ особыеннымъ взглядомъ на теченіе тогдашнихъ дѣлъ; но и эти еще тогда не ворчали; даже улыбались.

Я помню, образовался тогда какъ-то самъ собою довольно обширный кружокъ, центръ котораго, пожалуй, и вправду, что находился въ гостиной Юліи Михайловны. Въ этомъ интимномъ кружкѣ, толшившемся около нея, конечно, между молодежью, позволялось и даже вошло въ правило дѣлать разныя шалости—дѣйствительно иногда довольно развязныя. Въ кружкѣ было нѣсколько даже очень милыхъ дамъ. Молодежь устраивала пикники, вечеринки, иногда разѣзжали по городу цѣлой кавалькадой, въ экипажахъ и верхами. Искали приключений, даже нарочно подсочиняли и составляли ихъ сами, единственno для веселаго анекдота. Городъ нашъ третировали они, какъ какой-нибудь городъ Глуповъ. Ихъ звали насмѣшниками или надсмѣшниками, потому что они мало чѣмъ брезгали. Случилось, напримѣръ, что жена одного мѣстнаго поручика, очень еще молоденькая брюнеточка, хоть и испитая отъ дурного содержанія мужа, на одной вечеринкѣ, по легкомыслію, сѣла играть въ ералашъ по большей, въ надеждѣ выиграть себѣ на мантилью, и вместо выигрыша проиграла пятнадцать рублей. Боясь мужа и не имѣя чѣмъ заплатить, она, припомнивъ прежнюю смѣлость, рѣшилась потихоньку попросить взаймы, тутъ же на вечеринкѣ, у сына нашего городского головы, пресквернаго мальчишки, истаскавшагося не по лѣтамъ. Тотъ не только ей отказалъ, но еще пошелъ, хохоча вслухъ,

сказать мужу. Поручикъ, дѣйствительно бѣдовавшій на одномъ только жалованыи, приведя домой супругу, натѣшился надъ ней до-сыта, несмотря на вопли, крики и просыбы на колѣняхъ о прощеніи. Эта возмутительная исторія возбудила вездѣ въ городѣ только смѣхъ, и хотя бѣдная поручица и не принадлежала къ тому обществу, которое окружало Юлію Михайловну, но одна изъ дамъ этой „кавалькады“, эксцентричная и бойкая личность, знаяшая какъ-то поручицу, заѣхала къ ней и просто-запросто увезла ее къ себѣ въ гости. Тутъ ее тотчасъ же захватили наши шалуны, заласкали, задарили и продержали днія четыре, не возвращая мужу. Она жила у бойкой дамы и по цѣлымъ днямъ разъѣзжала съ нею и со всѣмъ разрѣзвившимся обществомъ въ прогулкахъ по городу, участвовала въ увеселеніяхъ, въ танцахъ. Ее все подбивали тащить мужа въ судъ, завести исторію. Увѣряли, что всѣ поддержатъ ее, пойдутъ свидѣтельствовать. Мужъ молчалъ, не осмѣливаясь бороться. Бѣдняжка смекнула, наконецъ, что закопалась въ бѣду, и еле живая отъ страха уѣжала на четвертый день въ сумерки отъ своихъ покровителей къ своему мужу. Неизвѣстно, въ точности, что произошло между супругами, но двѣ ставни низенькаго деревяннаго домика, въ которомъ поручикъ нанималъ квартиру, не отпирались двѣ недѣли. Юлія Михайловна посердилась на шалуновъ, когда обо всемъ узнала, и была очень недовольна поступкомъ бойкой дамы, хотя та представляла ей же поручицу въ первый день ея похищенія. Впрочемъ, обѣ этомъ скоро забыли.

Въ другой разъ, у одного мелкаго чиновника, почтенаго съ виду семьянина, заѣзжій изъ другого уѣзда молодой человѣкъ, тоже мелкій чиновникъ, высваталъ дочку, семнадцатилѣтнюю дѣвочку, красотку, извѣстную въ городѣ всѣмъ. Но вдругъ узнали, что въ первую ночь брака молодой супругъ поступилъ съ красоткой весьма невѣжливо, мстя ей за свою поруганную честь. Ляминъ, почти бывшій свидѣтелемъ дѣла, потому что на свадьбѣ запьянствовалъ и остался въ домѣ ночевать, чуть свѣтъ утромъ обѣжалъ всѣхъ съ веселымъ извѣстіемъ. Мигомъ образовалась компанія человѣкъ въ десять, всѣ до одного верхами, иные на наемныхъ казацкихъ лошадяхъ, какъ, напримѣръ, Петръ Степановичъ и Липутинъ, который, несмотря на свою сѣдину, участвовалъ тогда почти во всѣхъ скандальныхъ похожденіяхъ нашей вѣтреной молодежи.

Когда молодые показались на улицѣ, на дрожкахъ парой, дѣлая визиты, узаконенные нашимъ обычаемъ непремѣнно на другой же день послѣ вѣнца, несмотря ни на какія случайности,—вся эта кавалькада окружила дрожки съ веселымъ смѣхомъ и сопровождала ихъ цѣлое утро по городу. Правда, въ дома не входили, а ждали на коняхъ у воротъ; отъ особенныхъ оскорблений жениху и невѣстѣ удержались, но все-таки произвели скандалъ. Весь городъ заговорилъ. Разумѣется, всѣ хохотали. Но тутъ разсердился фонъ-Лембке и имѣлъ съ Юлией Михайловной опять оживленную сцену. Та тоже разсердилась чрезвычайно и вознамѣрилась было отказать шалунамъ отъ дому. Но на другой же день всѣмъ простила, вслѣдствіе увѣщаній Петра Степановича и нѣсколькихъ словъ Кармазинова. Тотъ нашелъ „шутку“ довольно остроумною.

— Это въ здѣшнихъ нравахъ, сказалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, характерно и... смѣло; смотрите, всѣ смеются, а негодуете одна вы.

Но были шалости уже нестерпимыя, съ извѣстнымъ отѣнкомъ.

Въ городѣ появилась книгоноша, продававшая Евангелие, почтенная женщина, хотя и изъ мѣщанского званія. О ней заговорили, потому что о книгоношахъ только что появились любопытные отзывы въ столичныхъ газетахъ. Опять тотъ же плутъ Лямшинъ, съ помощью одного семинариста, праздношатавшагося въ ожиданіи учительского мѣста въ школѣ, подложилъ потихоньку книгоношу въ мѣшокъ, будто бы покупая у нея книги, цѣлую пачку соблазнительныхъ мерзкихъ фотографій изъ-за границы, нарочно пожертвованныхъ для сего случая, какъ узнали потомъ, однимъ почтеннымъ старичкомъ, фамилію кото-раго опускаю, съ важнымъ орденомъ на шеѣ, и любившимъ, по его выражению, „здравый смѣхъ и веселую шутку“. Когда бѣдная женщина стала вынимать святыя книги у насъ въ Гостиномъ Ряду, то посыпались и фотографіи. Поднялся смѣхъ, ропотъ; толпа стѣснилась, стали ругаться, дошло бы и до побоевъ, если бы не подоспѣла полиція. Книгоношу заперли въ каталушку, и только вечеромъ, стараніями Маврикія Николаевича, съ негодованіемъ узнавшаго интимныя подробности этой гадкой исторіи, освободили и выпроводили изъ города. Тутъ ужъ Юлия Михайловна рѣшительно прогнала было Лямшина, но въ тотъ же вечеръ наши цѣлою компаніей

привели его къ ней, съ извѣстіемъ, что онъ выдумалъ новую особенную штучку на фортепіано, и уговорили ее лишь выслушать. Штучка въ самомъ дѣлѣ оказалась забавною, подъ смѣшнымъ названіемъ: „Франко-Пруссская война“. Начиналась она грозными звуками *Марсельезы*:

Qu'un sang impur abreuve nos sillons!

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьированными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко, послышались гаденькие звуки *Mein lieber Augustin*. Марсельеза не замѣчаетъ ихъ. Марсельеза на высшей точкѣ упоенія своимъ величиемъ; но *Augustin* укрѣпляется, *Augustin* все нахальнѣе, и вотъ такты *Augustin* какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать съ тактами *Марсельезы*. Та начинаетъ, какъ бы сердиться; она замѣчаетъ, наконецъ, *Augustin*, она хочетъ сбросить ее, отогнать, какъ паязчивую ничтожную муху, но *Mein lieber Augustin* уцѣпилась крѣпко; она весела и самоувѣренна; она радостна и нахальна, и Марсельеза какъ-то вдругъ ужасно глупѣеть: она уже не скрываетъ, что раздражена и обижена; это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ Провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos forteresses.

Но уже она принуждена пѣть съ *Mein lieber Augustin* въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ *Augustin*, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка, лишь порывомъ, послышится опять: *qu'un sang impur...* но тотчасъ же преобидно перескочить въ гаденький вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди у Бисмарка и отдающій все, все... Но тутъ уже свирѣпѣеть и *Augustin*: слышатся сиплые звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія миллиардовъ, тонкихъ сигаръ, шампанского и заложниковъ; *Augustin* переходитъ въ неистовый ревъ... Франко-Пруссская война оканчивается. Наши аплодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: „ну, какъ его прогнать?“ Миръ заключенъ. У мерзавца дѣйствительно былъ талантъ. Степанъ Трофимовичъ уверялъ меня однажды, что самые художественные таланты могутъ быть ужаснѣйшими мерзавцами, и что одно другому не мѣшаетъ. Былъ потомъ слухъ, что Лямшинъ укралъ эту пьеску у одного талантливаго и скромнаго

молодого человѣка, знакомаго ему проѣзжаго, который такъ и остался въ неизвѣстности; но это въ сторону. Этотъ негодяй, который нѣсколько лѣтъ вергѣлся предъ Степаномъ Трофимовичемъ, представляя на его вечеринкахъ, по востребованію, разныхъ жidковъ, исповѣдь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно карикатурилъ иногда у Юліи Михайловны, между прочимъ, и самого Степана Трофимовича, подъ названіемъ: „Либераль сороковыхъ годовъ“. Всѣ покатывались со смѣху, такъ что подъ конецъ его рѣшительно нельзя было прогнать: слишкомъ нужнымъ стала человѣкомъ. Къ тому же онъ работалъ заискивалъ у Петра Степановича, который, въ свою очередь, пріобрѣлъ къ тому времени уже до странности сильное вліяніе на Юлію Михайловну.

Я не заговорилъ бы объ этомъ мерзавцѣ особымъ, и не стоилъ бы онъ того, чтобы на немъ останавливаться; но тутъ произошла одна возмущающая исторія, въ которой онъ, какъ увѣряютъ, тоже участвовалъ, а исторіи этой я никакъ не могу обойти въ моей хроникѣ.

Въ одно утро пронеслась по всему городу вѣсть объ одномъ безобразномъ и возмутительномъ кощунствѣ. При входѣ на нашу огромную рыночную площадь находится ветхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замѣчательную древность въ нашемъ древнемъ городѣ. У вратъ ограды издавна помѣщалась большая икона Богоматери, вдѣланная за рѣшѣткой въ стѣну. И вотъ икона была въ одну ночь ограблена, стекло кіоты выбито, рѣшѣтка изломана, и изъ вѣнца и ризы было вынуто нѣсколько камней и жемчужинъ, не знаю, очень-ли драгоценныхъ. Но главное въ томъ, что кромѣ кражи, совершиено было безмысленное, глумительное кощунство: за разбитымъ стекломъ иконы нашли, говорятъ, утромъ живую мышь. Боложительно известно теперь, четыре мѣсяца спустя, что преступленіе совершено было каторжнымъ Ѳедькой, но почему-то прибавлялось тутъ и участіе Ламшинна. Тогда никто не говорилъ о Ламшинѣ, и совсѣмъ не подозрѣвали его, а теперь всѣ утверждаютъ, что это онъ впустилъ тогда мышь. Помню, все наше начальство немного потерялось. Народъ толпился у мѣста преступленія съ утра. Постоянно стояла толпа, хоть не Богъ знаетъ какая, но все-таки человѣкъ во сто. Одни приходили, другіе уходили. Подходившіе крестились, прикладывались къ иконѣ; стали подавать, и явилось цер-

ковное блюдо, а у блюда монахъ, и только къ тремъ часамъ пополудни начальство догадалось, что можно народу приказать и не останавливаться толпой, а, помолившись, приложившись и пожертвовавъ, проходить мимо. На фонъ-Лембке этотъ несчастный случай произвелъ самое мрачное впечатлѣніе. Юлія Михайловна, какъ передавали мнѣ, выразилась потомъ, что съ этого зловѣщаго утра она стала замѣтать въ своемъ супругѣ то странное уныніе, которое не прекращалось у него потомъ вплоть до самаго выѣзда, два мѣсяца тому назадъ, по болѣзни, изъ нашего города, и, кажется, сопровождаетъ его теперь и въ Швейцаріи, гдѣ онъ продолжаетъ отдыкатъ послѣ краткаго своего поприща въ нашей губернії.

Помню, въ первомъ часу пополудни я зашелъ тогда на площадь; толпа была молчалива и лица важно-угрюмыя. Подѣхалъ на дрожкахъ купецъ жирный и желтый, выльязъ изъ экипажа, отдалъ земной поклонъ, приложился, пожертвовалъ рубль, охая взобрался на дрожки и опять уѣхалъ. Подѣхала и коляска съ двумя нашими дамами, въ сопровожденіи двухъ нашихъ шалуновъ. Молодые люди (изъ коихъ одинъ былъ уже не совсѣмъ молодой) вышли тоже изъ экипажа и протѣсились къ иконѣ, довольно небрежно отстраняя народъ. Оба шляпъ не скинули, а одинъ надвинулъ па носъ пенсне. Въ народѣ зароптали, правда, глухо, но непривѣтливо. Молодецъ въ пенсне вынулъ изъ портмонѣ, тugo набитаго кредитками, мѣдную копейку и бросилъ на блюдо; оба смѣясь и громко говоря, повернулись къ коляскѣ. Въ эту минуту вдругъ подскакала, въ сопровожденіи Маврикія Николаевича, Лизавета Николаевна. Она соскочила съ лошади, бросила по водѣ своему спутнику, оставшемуся, по ея приказанію, на конѣ, и подошла къ образу именно въ то время, когда брошена была копейка. Румянецъ негодованія заильз ея щеки; она сняла свою круглую шляпу, перчатки, упала на колѣни передъ образомъ, прямо на грязный тротуаръ, и благоговѣйно положила три земныхъ поклона. Затѣмъ вынула свой портмонѣ, но такъ какъ въ немъ оказалось только нѣсколько гривенниковъ, то мигомъ сняла свои брильянтовыя серьги и положила на блюдо.

— Можно, можно? На украшеніе ризы? вся въ волненіи спросила она монаха.

— Позволительно, отвѣchalъ тотъ.—Всякое даяніе благо.

Народъ молчалъ, не высказывая ни порицанія, ни одо-

бренія; Лизавета Николаевна сѣла на коня въ загрязненномъ своемъ платьѣ и ускакала.

II.

Два дня спустя послѣ сейчасъ описанаго случая, я встрѣтилъ ее въ многочисленной компаніи, отправлявшейся куда-то въ трехъ коляскахъ, окруженнныхъ верховыми. Она поманила меня рукой, остановила коляску и настоятельно потребовала, чтобы я присоединился къ ихъ обществу. Въ коляскѣ нашлось мнѣ мѣсто, и она отрекомендовала меня, смѣясь, своимъ спутницамъ, пышнымъ дамамъ, а мнѣ пояснила, что всѣ отправляются въ чрезвычайно интересную экспедицію. Она хохотала и казалась что-то ужъ не въ мѣру счастливою. Въ самое послѣднее время она стала весела какъ-то до рѣзвости. Дѣйствительно, предпріятіе было экспентрическое: всѣ отправились за рѣку, въ домъ купца Севастьянова, у которого во флигелѣ, вотъ ужъ лѣтъ съ десять, проживалъ на покой, въ довольствѣ и въ холѣ, извѣстный не только у насъ, но и по окрестнымъ губерніямъ и даже въ столицахъ Семенъ Яковлевичъ, нашъ блаженный и пророчествующій. Его всѣ посѣщали, особенно заѣзжіе, добиваясь юродиваго слова, поклоняясь и жертвуя. Пожертвованія, иногда значительныя, если не распоряжался ими тутъ же самъ Семенъ Яковлевичъ, были набожно отправляемы въ храмъ Божій и по преимуществу въ нашъ Богородскій монастырь; отъ монастыря съ этою цѣлью постоянно дежурилъ при Семенѣ Яковлевичѣ монахъ. Всѣ ожидали большого веселія. Никто изъ этого общества еще не видалъ Семена Яковлевича. Одинъ Ляминъ былъ у него когда-то прежде иувѣрялъ теперь, что тотъ велѣлъ его прогнать метлой и пустилъ ему вслѣдъ собственною рукой двумя большими вареными картофелинами. Между верховыми я замѣтилъ и Петра Степановича, опять на наемной казацкой лошади, на которой онъ весьма скверно держался, и Николая Всеолодовича, тоже верхомъ. Этотъ не уклонялся иногда отъ общихъ увеселеній и въ такихъ случаяхъ всегда имѣлъ прилично веселую мину, хотя по-прежнему говорилъ мало и рѣдко. Когда экспедиція поровнялась, спускаясь къ мосту, съ городскою гостиницей, кто-то вдругъ объявилъ, что въ гостиницѣ, въ нумерѣ, сейчасъ только нашли застрѣлившаго проѣзжаго и ждутъ полицію. Тотчасъ же явилась мысль посмотреть на само-

убийцу. Мысль поддержали: наши дамы никогда не видали самоубийц. Помню, одна изъ нихъ сказала тутъ же вслухъ, что „все такъ ужъ прискучило, что нечего церемониться съ развлечениями, было бы занимательно“. Только немногіе остались ждать у крыльца; остальная же гурьбой вошли въ грязный коридоръ, и между прочими я, къ удивленію, увидалъ и Лизавету Николаевну. Нумеръ застрѣлившагося былъ отпертъ и, разумѣется, насы не посмѣли не пропустить. Это былъ еще молоденький мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, никакъ не болѣе, очень, должно-быть, хорошенький собой, съ густыми бѣлокурыми волосами, съ правильнымъ овальнымъ обличкомъ, съ чистымъ прекраснымъ лбомъ. Онъ уже окоченѣлъ, и бѣленъкое лицико его казалось какъ будто изъ мрамора. На столѣ лежала записка его рукой, чтобы не винили никого въ его смерти и что онъ застрѣлился потому, что „прокутилъ“ четыреста рублей. Слово прокутилъ такъ и стояло въ запискѣ: въ четырехъ ея строчекъ нашлось три грамматическихъ ошибки. Тутъ особенно охалъ надъ нимъ какой-то, повидимому, сосѣдъ его, толстый помѣщикъ, стоявшій въ другомъ нумерѣ по своимъ дѣламъ. Изъ словъ того оказалось, что мальчикъ отправленъ былъ семействомъ, вдовою-матерью, сестрами и тетками, изъ деревни ихъ въ городъ, чтобы, подъ руководствомъ проживавшей въ городѣ родственницы, сдѣлать разныя покупки для приданаго старшей сестры, выходившей замужъ, и доставить ихъ домой. Ему ввѣрили эти четыреста рублей, накопленныя десятилѣтіями, охая отъ страха и напутствуя его безконечными назиданіями, молитвами и крестами. Мальчикъ доселѣ былъ скроменъ и благонадеженъ. Пріѣхавъ три дня тому назадъ въ городъ, онъ къ родственницѣ не явился, остановился въ гостинице и пошелъ прямо въ клубъ, въ надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ заѣзжаго банкомета или, по крайней мѣрѣ, стуколку. Но стуколки въ тотъ вечеръ не было, банкомета тоже. Возвратясь въ нумеръ уже около полуночи, онъ потребовалъ шампанскаго, гаванскихъ сигаръ и заказалъ ужинъ изъ шести или семи блюдъ. Но отъ шампанскаго опьянѣлъ, отъ сигары его стошило, такъ что до внесенныхъ кушаний и не притронулся, а улегся спать чуть не безъ памяти. Про-снувшись на завтра, свѣжій какъ яблоко, тотчасъ же отправился въ цыганскій таборъ, помѣшившійся за рѣкой въ слободкѣ, о которомъ услыхалъ вчера въ клубѣ, и въ гостиницу не

являлся два дня. Наконецъ, вчера, часамъ къ пяти пополудни, прибылъ хмельной, тотчасъ легъ спать и проспалъ до десяти часовъ вечера. Проснувшись, спросилъ котлетку, бутылку шато-д'икему и винограду, бумагу, черниль и счетъ. Никто не замѣтилъ въ немъ ничего особенаго; онъ былъ спокоенъ, тихъ и ласковъ. Должно-быть, онъ застрѣлился еще около полуночи, хотя странно, что никто не слыхалъ выстрѣла, а хватились только сегодня въ часъ пополудни и, не достучавшись, выломали дверь. Бутылка шато-д'икему была на половину опорожнена, винограду оставалось тоже съ полтарелки. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ трехствольнаго маленькаго револьвера прямо въ сердце. Крови вытекло очень мало; револьверъ выпалъ изъ рукъ на коверъ. Самъ юноша полулежалъ въ углу на диванѣ. Смерть, должно-быть, произошла мгновенно; никакого смертнаго мученія не замѣчалось въ лицѣ; выраженіе было спокойное, почти счастливое, только бы жить. Всѣ наши разматривали съ жаднымъ любопытствомъ. Вообще въ каждомъ несчастіи ближняго есть всегда нечто веселящее посторонній глазъ—и даже кто бы вы ни были. Наши дамы разматривали молча, спутники же отличались остротой ума и высшимъ присутствиемъ духа. Одинъ замѣтилъ, что это наилучшій исходъ и что умнѣе мальчикъ и не могъ ничего выдумать; другой заключилъ, что хоть мигъ да хорошо пожилъ. Третій вдругъ брякнулъ: почему у насъ такъ часто стали вѣшаться и застрѣливаться,—точно съ корней соскочили, точно поль изъ-подъ ногъ у всѣхъ выскользнулъ! На резонера непривѣтливо посмотрѣли. Зато Лямшинъ, ставившій себѣ за честь роль шута, сгинулъ съ тарелки кисточку винограду, за нимъ, смыясь, другой, а третій протянулъ было руку и къ шато-д'икему. Но остановилъ прибывшій полиціймейстеръ, и даже попросилъ „очистить комнату“. Такъ какъ всѣ уже наглядѣлись, то тотчасъ же безъ спору и вышли, хотя Лямшинъ и присталь было съ чѣмъ-то къ полиціймейстеру. Всеобщее веселье, смѣхъ и рѣзвый говоръ въ остальную половину дороги почти вдвое оживились.

Прибыли къ Семену Яковлевичу ровно въ часъ пополудни. Ворота довольно большого купеческаго дома стояли настежь и доступъ во флигель былъ открытъ. Тотчасъ же узнали, что Семенъ Яковлевичъ изволитъ обѣдать, но принимаетъ. Вся наша толпа вошла разомъ. Комната, въ которой принималъ и обѣдалъ блаженный, была довольно

просторная, въ три окна, и разгорожена поперекъ на двѣ равные части деревянною рѣшѣткой отъ стѣны до стѣны, по поясъ высотой. Обыкновенные посѣтители оставались за рѣшѣткой, а счастливцы допускались, по указанію бла-женнаго, чрезъ дверцы рѣшѣтки въ его половину, и онъ сажалъ ихъ, если хотѣлъ, на свои старыя кожаныя кресла и на диванъ; самъ же засѣдалъ неизмѣнно въ старинныхъ истертыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Это былъ довольно большой, одутловатый, желтый лицомъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, блокуры и лысый, съ жидкими волосами, брившій бороду, съ раздую правою щекой и какъ бы нѣсколько перекосившимся ртомъ, съ большою бородавкой близъ лѣвой ноздри, съ узенькими глазками и со спокойнымъ, солиднымъ, заспаннымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ былъ по-немецки, въ черный сюртукъ, но безъ жилета и безъ галстука. Изъ-подъ сюртука выглядывала довольно толстая, но блѣлая рубашка; ноги, кажется, больныя, держали въ туфляхъ. И слышалъ, что когда-то онъ былъ чиновникомъ и имѣть чинъ. Онъ только-что откупшалъ уху изъ легкой рыбки и принялъся за второе свое кушанье — картофель въ мундирѣ съ солью. Другого ничего и никогда не вкушалъ; пилъ только много чаю, котораго былъ любителемъ. Около него сновало человѣка три прислуги, содержавшейся отъ куница; одинъ изъ слугъ былъ во фракѣ, другой похожъ на артельщика, третій на причетника. Былъ еще и мальчишка лѣтъ шестнадцати, весьма рѣзвый. Кромѣ прислуги присутствовалъ и почтенный сѣдой монахъ съ кружкой, немного слишкомъ полный. На одномъ изъ столовъ кипѣлъ огромнѣйший самоваръ, и столъ подносъ чуть не съ двумя дюжинами стакановъ. На другомъ столѣ, противоположномъ, помѣщались приношенія: нѣсколько головъ и фунтиковъ сахара, фунта два чаю, пара вышитыхъ туфлей, фуляровый платокъ, отрѣзокъ сукна, штука холста и проч. Денежные пожертвованія почти всѣ поступали въ кружку монаха. Въ комнатѣ было людно — человѣкъ до дюжины однихъ посѣтителей, изъ коихъ двое сидѣли у Семена Яковлевича за рѣшѣткой; то были сѣденькій старичокъ, богомолецъ, изъ „простыхъ“, и одинъ маленький, сухенький захожій монашечекъ, сидѣвшій чинно и потупивъ очи. Прочие посѣтители всѣ стояли по сю сторону рѣшѣтки, все тоже больше изъ простыхъ, кромѣ одного толстаго купца, пріѣзжаго изъ уѣзднаго города, бородача, одѣтаго

по-русски, но которого знали за стотысячника; одной пожилой и убогой дворянки и одного помѣщика. Всѣ ждали своего счастья, не осмѣливаясь заговорить сами. Человѣка четыре стояли на колѣняхъ, но всѣхъ болѣе обращалъ на себя вниманіе помѣщикъ, человѣкъ толстый, лѣтъ сорока пяти, стоявшій на колѣняхъ у самой рѣшѣтки, ближе всѣхъ на виду и съ благоговѣніемъ ожидавшій благосклоннаго взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоялъ онъ уже около часу, а тотъ все не замѣчалъ.

Наши дамы стѣснились у самой рѣшѣтки, весело и смѣшиво шушукая. Стоявшихъ на колѣняхъ и всѣхъ другихъ посѣтителей оттѣснили или заслонили, кромѣ помѣщика, который упорно остался на виду, ухватясь даже руками за рѣшѣтку. Веселые и жадно - любопытные взгляды устремились на Семена Яковлевича, равно какъ лорнеты, пенсне и даже бинокли; Лямшинъ, по крайней мѣрѣ, разсматривалъ въ бинокль. Семенъ Яковлевичъ спокойно и лѣниво окинулъ всѣхъ своими маленькими глазками.

— Миловзоры! Миловзоры! изволилъ онъ выговорить сиплымъ баскомъ и съ легкимъ восклицаніемъ.

Всѣ наши засмѣялись: „Что значить миловзоры?“ Но Семенъ Яковлевичъ погрузился въ молчаніе и доѣдалъ свой картофель. Наконецъ, утерся салфеткой, и ему подали чаю.

Кушалъ онъ чай обыкновенно не одинъ, а наливалъ и посѣтителямъ, но далеко не всякому, обыкновенно указывая самъ, кого изъ нихъ осчастливить. Распоряженія эти всегда поражали своею неожиданностью. Минуя богачей и сановниковъ, приказывалъ иногда подавать мужику или какой-нибудь ветхой старушонкѣ; другой разъ, минуя нишую братію, подавалъ какому-нибудь одному жирному купцу-богачу. Наливалось тоже разно, однимъ въ накладку, другимъ въ прикуску, а третьимъ и вовсе безъ сахара. На этотъ разъ осчастливлены были захожій монашекъ, стаканомъ въ накладку, и старичокъ - богомолецъ, которому дали совсѣмъ безъ сахара. Толстому же монаху съ кружкой изъ монастыря почему-то не поднесли вовсе, хотя тотъ, до сихъ поръ, каждый день получалъ свой стаканъ.

— Семенъ Яковлевичъ, скажите мнѣ что-нибудь, я такъ давно желала съ вами познакомиться, пропѣла съ

улыбкой и прищуриваясь та пышная дама изъ нашей коляски, которая замѣтила давеча, что съ развлечениями нечего церемониться, было бы занимательно.

Семенъ Яковлевичъ даже не поглядѣлъ на нее. Помѣщикъ, стоявшій на колѣняхъ, звучно и глубоко вздохнулъ, точно приподняли и опустили большиe мѣхи.

— Въ накладку! указалъ вдругъ Семенъ Яковлевичъ на купца стотысячника.

Тотъ выдвинулся впередъ и сталъ рядомъ съ помѣщикомъ.

— Еще ему сахару! приказалъ Семенъ Яковлевичъ, когда уже палили стаканъ; положили еще порцію. „Еще, еще ему!“ положили еще въ третій разъ и, наконецъ, въ четвертый.

Купецъ безпрекословно сталъ пить свой сиропъ.

— Господи! зашепталъ и закрестился народъ.

Помѣщикъ опять звучно и глубоко вздохнулъ.

— Батюшка! Семенъ Яковлевичъ! раздался вдругъ гостный, но рѣзкій до того, что трудно было и ожидать, голосъ убогой дамы, которую наши оттерли къ стѣнѣ. — Цѣлый часъ, родной, благодати ожидаю. Изреки ты мнѣ, разсуди меня сироту.

— Спроси, указалъ Семенъ Яковлевичъ слугѣ - пристанику.

Тотъ подошелъ къ рѣшѣткѣ:

— Исполнили-ли то, что приказалъ въ прошлый разъ Семенъ Яковлевичъ? спросилъ онъ вдову тихимъ и размѣреннымъ голосомъ.

— Какое, батюшка, Семенъ Яковлевичъ, исполнила, исполнишь съ ними! завопила вдова.—Людоѣды, просьбу на меня въ окружной подаютъ, въ сенатъ грозятъ; это на родную-то матерь!..

— Дать ей!.. указалъ Семенъ Яковлевичъ на голову сахара.

Мальчишка подскочилъ, схватилъ голову и потащилъ ко вдовѣ.

— Охъ, батюшка, велика твоя милость. И куда мнѣ столько? завопила было вдовица.

— Еще, еще! награждалъ Семенъ Яковлевичъ.

Притащили еще голову. „Еще, еще“, приказывалъ блаженный; принесли третью и, наконецъ, четвертую. Вдовицу обставили сахаромъ со всѣхъ сторонъ. Монахъ отъ

монастырь вздохнулъ: все это бы сегодня же могло попасть въ монастырь, по прежнимъ примѣрамъ.

— Да куда мнѣ столько? принижено охала вдовица.— Стошнитъ одну - то!.. Да ужъ не пророчество - ли какое, батюшка?

— Такъ и есть, пророчество, проговорилъ кто - то въ толпѣ.

— Еще ей фунтъ, еще! не унимался Семенъ Яковлевичъ.

На столѣ оставалась еще цѣлая голова, но Семенъ Яковлевичъ указалъ подать фунтъ, и вдовѣ подали фунтъ.

— Господи, Господи! вздыхалъ и крестился народъ.— Видимое пророчество!

— Усладите впередъ сердце ваше добротой и милостію и потомъ уже приходите жаловаться на родныхъ дѣтей, кость отъ костей своихъ, вотъ что, должно полагать, означаетъ эмблема сія, тихо, но самодовольно проговорилъ толстый, но обнесенный чаемъ монахъ отъ монастыря, въ припадкѣ раздраженнаго самолюбія взявъ на себя толкованіе.

— Да что ты, батюшка, озлилась вдругъ вдовица.— Да они меня на арканѣ въ огонь тащили, когда у Верхишихъ загорѣлось. Они мнѣ мертвую кошку въ укладку заперли, то-есть всякое-то безчинство готовы...

— Гони, гони! вдругъ замахалъ руками Семенъ Яковлевичъ.

Причетникъ и мальчишка вырвались за рѣшѣтку. Причетникъ взялъ вдову подъ руку, и она, присмирѣвъ, потащилась къ дверямъ, озиравь на дареная сахарныя головы, которыя за нею поволокъ мальчишка.

— Одну отнять, отними! приказалъ Семенъ Яковлевичъ остававшемуся при немъ артельщику.

Тотъ бросился за уходившими, и всѣ троє слугъ воротились черезъ нѣсколько времени, неся обратно разъ подаренную и теперь отнятую у вдовицы одну голову сахара; она унесла, однакоже, три.

— Семенъ Яковлевичъ, раздался чей-то голосъ сзади, у самыхъ дверей.— Видѣль я во снѣ птицу, галку, вылетѣла изъ воды и полетѣла въ огонь. Что сей сонъ значитъ?

— Къ морозу, произнесъ Семенъ Яковлевичъ.

— Семенъ Яковлевичъ, что же вы мнѣ-то ничего не отвѣтили, я такъ давно вами интересуюсь, начала было опять напа дама.

— Спроси! указалъ вдругъ, не слушая ея, Семенъ Яковлевичъ на помѣщика, стоявшаго на колѣняхъ.

Монахъ отъ монастыря, которому указано было спросить, степенно подошелъ къ помѣщику.

— Чѣмъ согрѣшили? И не велѣно-ль было чего исполнить?

— Не драться; рукамъ воли не давать, сипло отвѣчалъ помѣщикъ.

— Исполнили? спросилъ монахъ.

— Не могу выполнить, собственная сила одолѣваетъ.

— Гопи, гони! Метлой его, метлой! замахалъ руками Семенъ Яковлевичъ.

Помѣщикъ, не дожидаясь исполненія кары, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты.

— На мѣсто златницу оставили, провозгласилъ монахъ, подымая съ полу полуимперіалъ.

— Вотъ кому? ткнулъ пальцемъ на стотысячника купца Семенъ Яковлевичъ.

Стотысячникъ не посмѣлъ отказаться и взялъ.

— Злато къ злату, пе утерпѣлъ монахъ отъ монастыря.

— А этому въ накладку, указалъ вдругъ Семенъ Яковлевичъ на Маврикія Николаевича.

Слуга налилъ чаю и поднесъ было ошибкой франту въ пенсне.

— Длинному, длинному, поправилъ Семенъ Яковлевичъ.

Маврикій Николаевичъ взялъ стаканъ, отдалъ военный полупоклонъ и началъ пить. Не знаю почему, всѣ наши такъ и покатились со смѣху.

— Маврикій Николаевичъ! обратилась къ нему вдругъ Лиза. — Тотъ господинъ на колѣнахъ ушелъ, станьте на его мѣсто на колѣни.

Маврикій Николаевичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее.

— Прошу васть, вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе. Слушайте, Маврикій Николаевичъ, начала она вдругъ настойчиво, упрямою, горячею скороговоркой. — Непремѣнно станьте, я хочу пеизменно видѣть, какъ вы будете стоять. Если не станете — и не приходите ко мнѣ. Непремѣнно хочу, непремѣнно хочу!..

Я не зщаю, что опа хотѣла этимъ сказать; но она требовала настойчиво, неумолимо, точно была въ припадкѣ. Маврикій Николаевичъ растолковывалъ, какъ увидимъ ниже, такие капризные порывы ея, особенно частые въ

послѣднее время, вспышками слѣпой къ нему ненависти, и не то чтобъ отъ злости,— напротивъ, она чтила, любила и уважала его, и онъ самъ это зналъ,— а отъ какой-то особенной безсознательной ненависти, съ которой она никакъ не могла справиться мицутами.

Онъ молча передалъ чашку какой-то сзади него стоявшей старушонкѣ, отворилъ дверцу рѣшетки, безъ приглашенія шагнулъ въ интимную половину Семена Яковлевича и сталъ среди комнаты па колѣни, на виду у всѣхъ. Думаю, что онъ слишкомъ былъ потрясенъ въ деликатной и простой душѣ своей грубою, глумительною выходкой Лизы, въ виду всего общества. Можетъ-быть, ему подумалось, что ей станетъ стыдно за себя, видя его унижение, на которомъ она такъ настаивала. Конечно, никто не рѣшился бы исправлять такимъ наивнымъ и рискованнымъ способомъ женщину кромѣ него. Онъ стоялъ на колѣняхъ съ своею невозмутимою важностью въ лицѣ, длинный, нескладный, смѣшной. Но наши не смѣялись; неожиданность поступка произвела болѣзнесный эффектъ. Всѣ глядѣли на Лизу.

— Елей, елей! пробормоталъ Семенъ Яковлевичъ.

Лиза вдругъ поблѣдѣла, вскрикнула, ахнула и бросилась за рѣшетку. Тутъ произошла быстрая, истерическая сцена: она изо всѣхъ силъ стала подымать Маврикія Николаевича съ колѣнъ, дергая его обѣими руками за локоть.

— Вставайте, вставайте! вскрикнула она какъ безъ памяти,—встаньте сейчасъ, сейчасъ! Какъ вы смѣли стать!

Маврикій Николаевичъ приподнялся съ колѣнъ. Она стиснула своими руками его руки выше локтей и пристально смотрѣла ему въ лицо. Страхъ былъ въ ея взглядѣ.

— Миловзоры, миловзоры! повторилъ еще разъ Семенъ Яковлевичъ.

Она втащила, наконецъ, Маврикія Николаевича обратно за рѣшетку; во всей нашей толпѣ произошло сильное движение. Дама изъ нашей коляски, вѣроятно, желая перебить впечатленіе, въ третій разъ звонко и визгливо вопросила Семена Яковлевича, попрежнему, съ жеманною улыбкой:

— Что же, Семенъ Яковлевичъ, неужто не „изречете“ и мнѣ чего-нибудь? А я такъ много на васъ разсчитывала.

— Въ... тебя, въ... тебя!.. произнесъ вдругъ, обращаясь

къ ней, Семенъ Яковлевичъ крайне нецензурное словцо. Слова сказаны были свирѣпо и съ ужасающею отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглавъ бѣгомъ вонъ, кавалеры гомерически захочотали. Тѣмъ и кончилась наша поѣздка къ Семену Яковлевичу.

И, однаже, тутъ, говорятъ, произошелъ еще одинъ чрезвычайно загадочный случай, признаюсь, для него-то болѣе я и упомянулъ такъ подробно обѣ этой поѣздкѣ.

Говорятъ, что когда всѣ гурьбой бросились вонъ, то Лиза, поддерживаемая Маврикіемъ Николаевичемъ, вдругъ столкнулась въ дверяхъ, въ тѣснотѣ, съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Надо сказать, со времени воскреснаго утра и обморока опи оба хотѣ и встрѣчались не разъ, но другъ къ другу не подходили и ничего между собою не сказали. Я видѣлъ, какъ они столкнулись въ дверяхъ; мнѣ показалось, что они оба на мгновеніе пріостановились и какъ-то странно другъ на друга поглядѣли. Но я могъ худо видѣть въ толпѣ. Увѣрли, напротивъ, и совершенно серьезно, что Лиза взглянула па Николая Всеволодовича, быстро подняла руку, такъ-таки вровень съ его лицомъ, и навѣрно бы ударила, если бы тотъ не успѣлъ отстать. Можетъ быть, ей не понравилось выраженіе лица его или какая-нибудь усмѣшка его, особенно сейчасъ, послѣ такого эпизода съ Маврикіемъ Николаевичемъ. Признаюсь, я самъ не видѣлъ ничего, но за то всѣ увѣряли, что видѣли, хотя всѣ-то ужъ никакъ не могли этого увидеть за суматохой, а развѣ иные. Только я этому тогда не повѣрилъ. Помню, однако, что Николай Всеволодовичъ во всю обратную дорогу былъ нѣсколько блѣденъ.

III.

Почти въ то же время и имѣло въ тотъ же самый день состоялось, наконецъ, и свиданіе Степана Трофимовича съ Варварой Петровной, которое та давно держала въ умѣ и давно уже возвѣстила о немъ своему бывшему другу, но почему-то до сихъ поръ все откладывала. Оно произошло въ Скворешникахъ. Варвара Петровна прибыла въ свой загородный домъ, вся въ хлопотахъ: накапунѣ опредѣлено было окончательно, что предстоящій праздникъ будетъ данъ у предводительши. Но Варвара Петровна тотчасъ же смекнула въ свое мѣсто быстремъ умѣ, что послѣ праздника никто не помѣшаетъ ей дать свой особый праздничъ, уже въ Скворешникахъ, и снова созвать весь го-

родь. Тогда всѣ могли бы убѣдиться на дѣлѣ, чей домъ лучше и гдѣ умѣютъ лучше принять и съ большимъ вку-сомъ дать балъ. Вообще ее узнать нельзя было. Казалось, она точно переродилась и изъ прежней недоступной „высшей дамы“ (выраженіе Степана Трофимовича) обратилась въ самую обыкновенную, взбалмошную свѣтскую женщину. Впрочемъ, это только могло казаться.

Прибывъ въ пустой домъ, она обошла комнаты въ сопровожденіи вѣрнаго и стариннаго Алексѣя Егорыча и Ѹомушки, человѣка видѣвшаго виды и специалиста по декоративному дѣлу. Начались совѣты и соображенія: что изъ мебели перепести изъ городскаго дома; какія вещи, картины; гдѣ ихъ разставить; какъ всего удобнѣе расположиться оранжерее и цвѣтами; гдѣ сдѣлать новыя драпри, гдѣ устроить буфетъ, и одинъ или два? и проч., и проч. И вотъ, среди самыхъ горячихъ хлопотъ, ей вдругъ вздумалось послать карету за Степаномъ Трофимовичемъ.

Тотъ былъ уже давно извѣщенъ и готовъ, и каждый день ожидалъ именно такого внезапнаго приглашенія. Сидя въ карету, онъ перекрестился; рѣшилась судьба его. Онъ засталъ своего друга въ большой залѣ, на маленькомъ диванчикѣ въ нишѣ, предъ маленькимъ мраморнымъ столикомъ, съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ; Ѹомушка вымѣривалъ аршиномъ высоту хоръ и оконъ, а Варвара Петровна сама записывала цифры и дѣлала на поляхъ отмѣтки. Не отрываясь отъ дѣла, она кивнула головой въ сторону Степана Трофимовича, и когда тотъ пробормоталъ какое-то привѣтствіе, подала ему наскоро руку и указала, не глядя, подлѣ себя мѣсто.

— Я сидѣлъ и ждалъ минутъ пять, „сдавивъ мое сердце“, разсказывалъ онъ мнѣ потомъ.— Я видѣлъ не ту женщину, которую зналь двадцать лѣтъ. Полнѣйшее убѣжденіе, что всему конецъ, придало мнѣ силы, изумившія даже ее. Клянусь, она была удивлена мосю стойкостью въ этотъ послѣдній часъ.

Варвара Петровна вдругъ положила карандашъ на стопикъ и быстро повернулась къ Степану Трофимовичу.

— Степанъ Трофимовичъ, намъ надо говорить о дѣлѣ. Я увѣрена, что вы приготовили всѣ ваши пышныя слова и разныя словечки, но лучше бы къ дѣлу прямо, не такъ-ли?

Его поредернуло. Она слишкомъ спѣшила заявить свой топъ, что же могло быть далѣе?

— Подождите, молчите, дайте мнѣ сказать, потомъ вы, хотя, право, не знаю, что бы вы могли мнѣ отвѣтить? продолжала она быстрою скороговоркой.—Тысячу двѣсти рублей вашего пенсіона я считаю моєю священною обязанностью, до конца вашей жизни; то-есть, зачѣмъ священою обязанностью, просто договоромъ, это будетъ гораздо реальнѣе, не такъ-ли? Если хотите, мы напишемъ. На случай моей смерти сдѣланы особыя распоряженія. Но вы получаете отъ меня теперь сверхъ того квартиру и прислугу и все содержаніе. Переведемъ это на деньги—будетъ тысяча пятьсотъ рублей, не такъ-ли? Кладу еще экстренныхъ триста рублей, и того полныхъ три тысячи. Довольно съ васъ въ годъ? Кажется, не мало? Въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, я, впрочемъ, буду набавлять. И такъ, возьмите деньги, пришлите мнѣ моихъ людей и живите сами по себѣ, гдѣ хотите, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, за границей, или здѣсь, только не у меня. Слышиште?

— Недавно такъ же настойчиво и такъ же быстро передано было мнѣ изъ тѣхъ же устъ другое требованіе, медленно и съ грустною отчетливостью проговорилъ Степанъ Трофимовичъ. — Я смирился... и плясалъ казачка вамъ въ угоду. *Oui, la comparaison peut être permise. C'était comme un petit cozak du Don, qui sautait sur sa propre tombe.* Теперь...

— Остановитесь, Степанъ Трофимовичъ. Вы ужасно многорѣчивы. Вы не плясали, а вы вышли ко мнѣ въ новомъ галстукѣ, бѣльѣ, въ перчаткахъ, напомаженный и раздушенный. Увѣряю васъ, что вамъ очень хотѣлось самому жениться; это было на вашемъ лицѣ написано, и, повѣрьте, выраженіе самое неизящное. Если я не замѣтила вамъ тогда же, то единственно изъ деликатности. Но вы желали, вы желали жениться, несмотря на мерзости, которыхъ вы писали интимно обо мнѣ и о вашей невѣстѣ. Теперь вовсе не то. И къ чему тутъ *Cosak du Don* надѣ какою-то вашею могилой? Не понимаю, что за сравненіе. Напротивъ, не умирайте, а живите; живите какъ можно больше, я очень буду рада.

— Въ Богадѣльниѣ?

— Въ Богадѣльниѣ? Въ Богадѣльню нѣдуть съ тремя тысячами дохода. Ахъ, припоминаю, усмѣхнулась она,—въ самомъ дѣлѣ Петръ Степановичъ какъ-то расшутился разъ о Богадѣльниѣ. Ба, это дѣйствительно особенная бо-

гадѣльня, о которой стоять подумать. Это для самыхъ поченныхъ особъ, тамъ есть полковники, туда даже теперь хочетъ однѣ генералъ. Если вы поступите со всѣми вашими деньгами, то найдете покой, довольство, служителей. Вы тамъ будете заниматься науками и всегда можете составить партію въ преферансъ...

— Passons.

— Passons? покоробило Варвару Петровну.—Но въ такомъ случаѣ все; вы извѣщены, мы живемъ съ этихъ поръ совершенно порознь.

— И все? Все что осталось отъ двадцати лѣтъ? Послѣднее прощаніе ваше.

— Вы ужасно любите восклицать, Степанъ Трофимовичъ. Нынче это совсѣмъ не въ модѣ. Они говорятъ грубо, но просто. Дались вамъ наши двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ обоюдного самолюбія, и больше ничего. Каждое письмо ваше ко мнѣ писано не ко мнѣ, а для потомства. Вы стиллистъ, а не другъ, а дружба—это только прославленное слово, въ сущности: взаимное изліяніе помой...

— Боже, сколько чужихъ словъ! Затверженные уроки! И на васъ уже надѣли они свой мундиръ! Вы тоже въ радости, вы тоже на солнцѣ; chère, chère, за какое чечевичное варево продали вы имъ вашу свободу!

— Я не попугай, чтобы повторять чужія слова, вскипѣла Варвара Петровна.—Будьте увѣрены, что у меня свои слова накопились. Что сдѣлали вы для меня въ эти двадцать лѣтъ? Вы отказывали мнѣ даже въ книгахъ, которыя я для васъ выписывала и которыя, если бы не переплетчикъ, остались бы не разрѣзанными. Что давали вы мнѣ читать, когда я, въ первые годы, просила васъ руководить меня? Все Капfigъ да Капfigъ. Вы ревновали даже къ моему развитію и брали мѣры. А между тѣмъ надѣ вами же всѣ смѣются. Признаюсь, я всегда васъ считала только за критика; вы литературный критикъ, и ничего болѣе. Когда дорогой въ Петербургъ я вамъ объявила, что намѣрена издавать журналъ и посвятить ему всю мою жизнь, вы тотчасъ же поглядѣли на меня иронически и стали вдругъ ужасно высокомѣрны.

— Это было не то, не то... мы тогда боялись преслѣдований...

— Это было то самое, а преслѣдований въ Петербургѣ вы ужъ никакъ не могли бояться. Помните потому въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, вы вдругъ приѣхали

ко мнѣ перепуганный и стали требовать, чтобы я тотчасъ же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель, который живетъ въ домѣ, потому что ему еще не додано жалованье, не такъ-ли? Помните это вы? Вы отмѣнио отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ.

— Это была только одна минута малодушія, минута глазъ-на-глазъ, горестно воскликнулъ онъ.— Но неужели, неужели же все порвать изъ-за такихъ мелкихъ впечатлѣній? Неужели же ничего болѣе не упѣлѣло между нами за столь долгіе годы?

— Вы ужасно расчетливы; вы все хотите такъ сдѣлать, чтобы я еще оставалась въ долгу. Когда вы воротились изъ-за границы, вы смотрѣли предо мною свысока и не давали мнѣ выговорить слова, а когда я сама поѣхала и заговорила съ вами потомъ о впечатлѣніи послѣ Мадонны, вы не дослушали и высокомѣрно стали улыбаться въ свой галстукъ, точно я ужъ не могла имѣть такихъ же точно чувствъ, какъ и вы.

— Это было не то, вѣроятно, не то... *J'ai oublié.*

— Нѣтъ, это было то самое, да и хвалиться-то было печѣмъ предо мною, потому что все это вздоръ и одна только ваша выдумка. Нынче никто, никто ужъ Мадонной не восхищается и не теряетъ на это времени, кромѣ закоренѣлыхъ стариковъ. Это доказано.

— Ужъ и доказано?

— Она совершенно ни къ чему не служитъ. Эта кружка полезна, потому что въ нее можно влить воды; этотъ карандашъ полезенъ, потому что имъ можно все записать, а тутъ женское лицо хуже всѣхъ другихъ лицъ въ натурѣ. Попробуйте нарисовать яблоко и положите тутъ же рядомъ настоящее яблоко — которое вы возьмете? Небось не ошибетесь. Вотъ къ чему сводятся теперь всѣ наши теоріи, только что озарилъ ихъ первый лучъ свободнаго изслѣдованія.

— Такъ, такъ.

— Вы усмѣхаетесь иронически. А что, напримѣръ, говорили вы мнѣ о милостынѣ? а между тѣмъ наслажденіе отъ милостыни есть наслажденіе надменное и безнравственное, наслажденіе богача своимъ богатствомъ, властію и сравненіемъ своего значенія съ значеніемъ нищаго. Ми-

лостины развращаетъ и подающаго, и берущаго, и сверхъ того не достигаетъ цѣли, потому что только усиливаетъ нищенство. Лѣнтии, не желающіе работать, толпятся около дающихихъ, какъ игроки около игорного стола, надѣясь выиграть. А межъ тѣмъ жалкихъ грошей, которые имъ бросаютъ, недостаетъ и на сотую долю. Много-ль вы раздали въ вашу жизнь? Гривенъ восемь не болѣе, припомните-ка. Постарайтесь вспомнить, когда вы подавали въ послѣдній разъ; года два пазадъ, а, пожалуй, четыре будетъ. Вы кричите и только дѣлу мѣшаєте. Милостины и въ теперешнемъ обществѣ должна быть закономъ запрещена. Въ новомъ устройствѣ совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ.

— О, какое изверженіе чужихъ словъ! Такъ ужъ и до новаго устройства дошло? Несчастная, помоги вамъ Богъ!

— Да, дошло, Степанъ Трофимовичъ; вы тщательно скрывали отъ меня всѣ новые идеи, теперь всѣмъ уже известны, и дѣлали это единственно изъ ревности, чтобы имѣть надо мною власть. Теперь даже эта Юлія на стоять впереди меня. Но теперь и я прозрѣла. Я защищала васъ, Степанъ Трофимовичъ, сколько могла; васъ рѣшительно всѣ обвиняютъ.

— Довольно! поднялся было онъ съ мѣста.—Довольно! И что еще пожелаю вамъ, неужто раскаянія?

— Сядьте на минуту, Степанъ Трофимовичъ. Мне надо еще васъ спросить. Вамъ передано было приглашеніе читать на литературномъ утрѣ; это чрезъ менѣ устроилось. Скажите, что именно вы прочтете?

— А вотъ именно обѣ этой царицѣ царицѣ, обѣ этомъ идеалѣ человѣчества, Мадоннѣ Сикстинской, которая не стоять, по-вашему, стакана или карандаша.

— Такъ вы не изъ исторіи? горестно изумилась Варвара Петровна.— Но васъ слушать не будутъ. Далась же вамъ эта Мадонна! Ну, что за охота, если вы всѣхъ усыпите? Будьте увѣрены, Степанъ Трофимовичъ, что я единственно въ вашемъ интересѣ говорю. То-ли дѣло, если бы вы взяли какую-нибудь коротенькую, по занимательную средневѣковую придворную исторійку, изъ испанской исторіи, или, лучше сказать, одинъ апѣкотъ и наполнили бы его сице анекдотами и острыми словечками отъ себя. Тамъ были пышные дворы, тамъ были такія дамы, отравленія. Кармазиновъ говорить, что страшно будетъ, если ужъ и

изъ испанской исторіи не прочесть чего-нибудь занимательного.

— Кармазиновъ, этотъ исписавшійся глупецъ, ищетъ для меня темы!

— Кармазиновъ, этотъ почти государственный умъ! Вы слишкомъ дерзки на языкъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Вашъ Кармазиновъ—это старая, исписавшаяся, обозленная баба! Chère, chère, давно-ли вы такъ поработились ими, о, Боже!

— И я теперь его терпѣть не могу за важничаніе, но отдаю справедливость его уму. Повторяю, я защищала васъ изо всѣхъ силъ, сколько могла. И къ чему непремѣнно заявлять себя смѣшнымъ и скучнымъ? На противъ, выйдите на эстраду съ почтенной улыбкой, какъ представитель прошедшаго вѣка, и разскажите три анекдота, со всѣмъ вашимъ остроуміемъ, такъ, какъ вы только умѣете иногда разсказать. Пусть вы старикъ, пусть вы отжившаго вѣка, пусть, наконецъ, отстали отъ нихъ, но вы сами съ улыбкой въ этомъ сознаетесь въ предисловіи, и всѣ увидятъ, что вы милый, добрый, остроумный обломокъ... Однимъ словомъ, человѣкъ старой соли и настолько передовой, что самъ способенъ оцѣнить во что слѣдуетъ все безобразіе иныхъ понятій, которымъ до сихъ поръ онъ слѣдовалъ. Ну, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, я васъ прошу.

— Chère, довольно! Не просите, не могу. Я прочту о Мадоннѣ, но подыму бурю, которая или раздавить ихъ всѣхъ, или поразить одного меня!

— Навѣрно одного васъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Такой мой жребій. Я разскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который первый взмостится на гѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздереть божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и... пищеваренія. Пусть прогремитъ мое проклятие, и тогда, тогда...

— Въ сумасшедшій домъ?

— Можетъ-быть. Но во всякомъ случаѣ, останусь-ли я побѣжденнымъ или побѣдителемъ, я въ тотъ же вечеръ возьму мою сумму, нищенскую сумму мою, оставлю всѣ мои пожитки, всѣ подарки ваши, всѣ пенсіоны и обѣщанія будущихъ благъ и уйду щѣскомъ, чтобы кончить жизнь у купца гувернеромъ, либо умереть гдѣ-нибудь съ голоду подъ заборомъ. Я сказалъ. Alea jacta est!

Онъ приподнялся снова.

— Я была увѣрена, поднялась, засверкавъ глазами, Варвара Петровна, — увѣрена уже годы, что вы именно на то только и живете, чтобы подъ конецъ опозорить меня и мой домъ клеветой! Чѣо вы хотите сказать вашимъ губернаторствомъ у купца, или смертью подъ заборомъ? Злость, клевета и ничего больше!

— Вы всегда презирали меня, но я кончу какъ рыцарь вѣрный моей дамѣ, ибо ваше мнѣніе было мнѣ всегда дороже всего. Съ этой минуты не принимаю ничего, а чѣо безкорыстно.

— Какъ это глупо!

— Вы всегда не уважали меня. Я могъ имѣть бездну слабостей. Да, я васъ обѣѣдалъ; я говорю языкомъ нигилизма; но обѣѣдать никогда не было высшимъ принципомъ моихъ поступковъ. Это случилось такъ, само собою, я не знаю какъ... Я всегда думалъ, что между нами остается нечто высшее Ѣды, и — никогда, никогда не былъ я подлецомъ? Итакъ, въ путь, чтобы поправить дѣло! Въ поздній путь, на дворѣ поздняя осень, туманъ лежитъ надъ полями, мерзлый, старческій иней покрываетъ будущую дорогу мою, а вѣтеръ завываетъ о близкой могилѣ... Но въ путь, въ путь, въ новый путь:

„Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ“...

О, прощайте, мечты мои! Двадцать лѣтъ! Alea jacta est.

Лицо его было обрызгано прорвавшимися вдругъ слезами; онъ взялъ свою шляпу.

— Я ничего не понимаю по-латыни, проговорила Варвара Петровна, изо всѣхъ силъ скрѣпляя себя.

Кто знаетъ, можетъ-быть, ей тоже хотѣлось заплакать, по негодованію и капризъ еще разъ взяли верхъ.

— Я знаю только одно, именно, что все это шалости. Никогда вы не въ состояніи исполнить вашихъ угрозъ, полныхъ эгоизма. Никуда вы пе пойдете, ни къ какому купцу, а преспокойно кончите у меня на рукахъ, получая пенсіонъ и собирая вашихъ ни на чѣо не похожихъ друзей ио вторникамъ. Прощайте, Степанъ Трофимовичъ.

— Alea jacta est! глубоко поклонился онъ ей и воротился домой еле живой отъ волненія.

20, -

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH

BIBLIOTEKA

098278

Biblioteka WSP Kielce

0162429